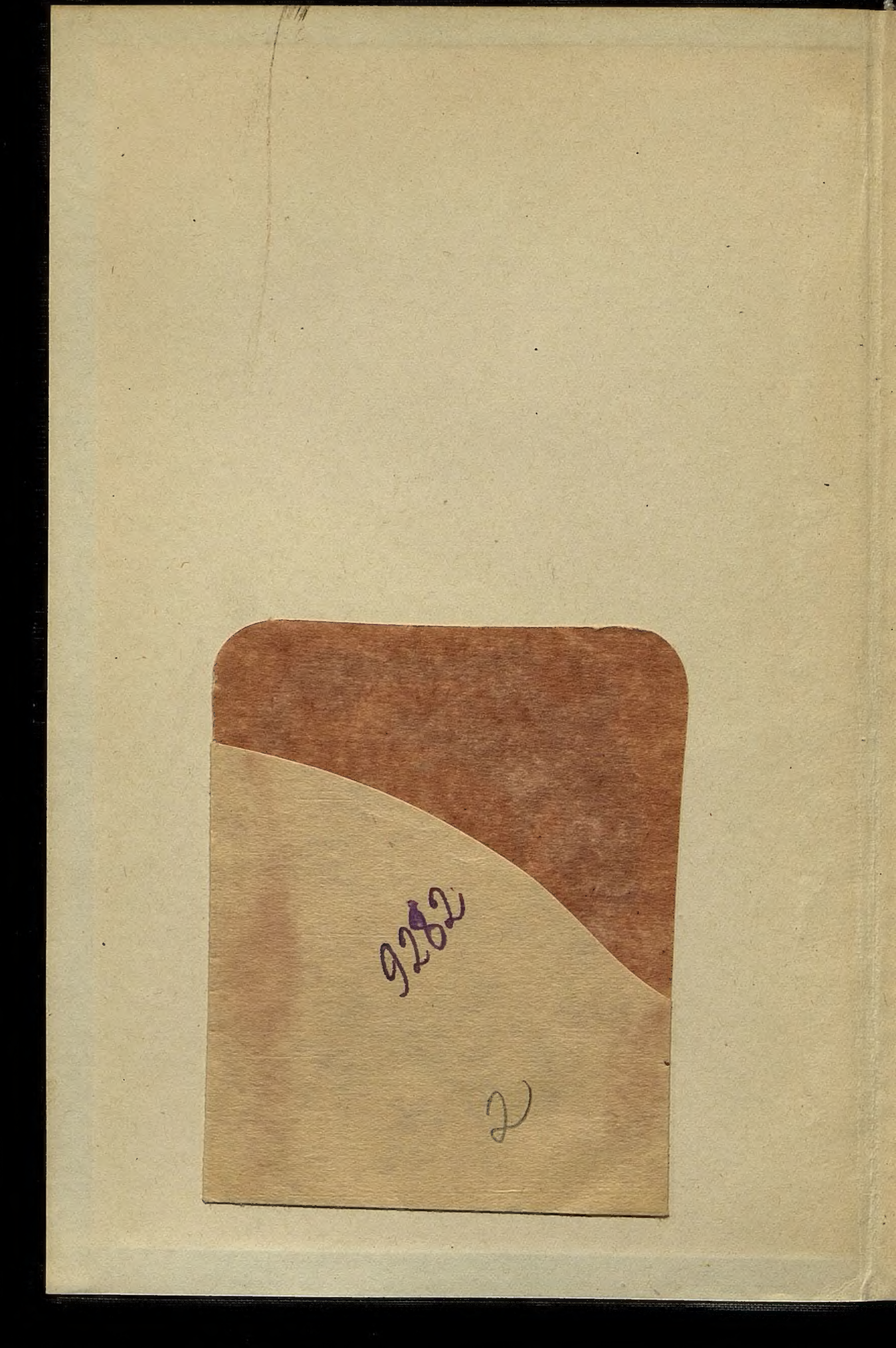
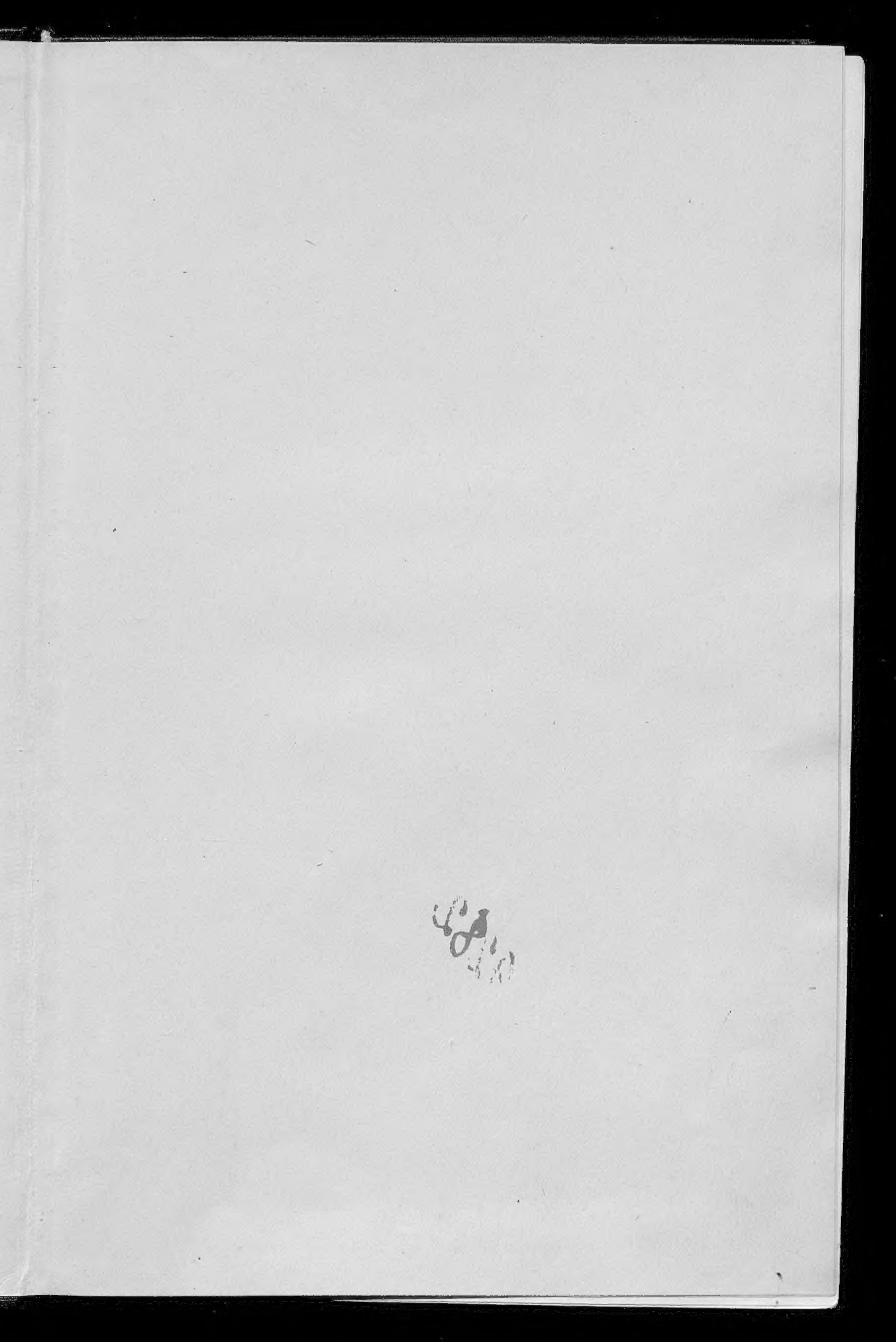
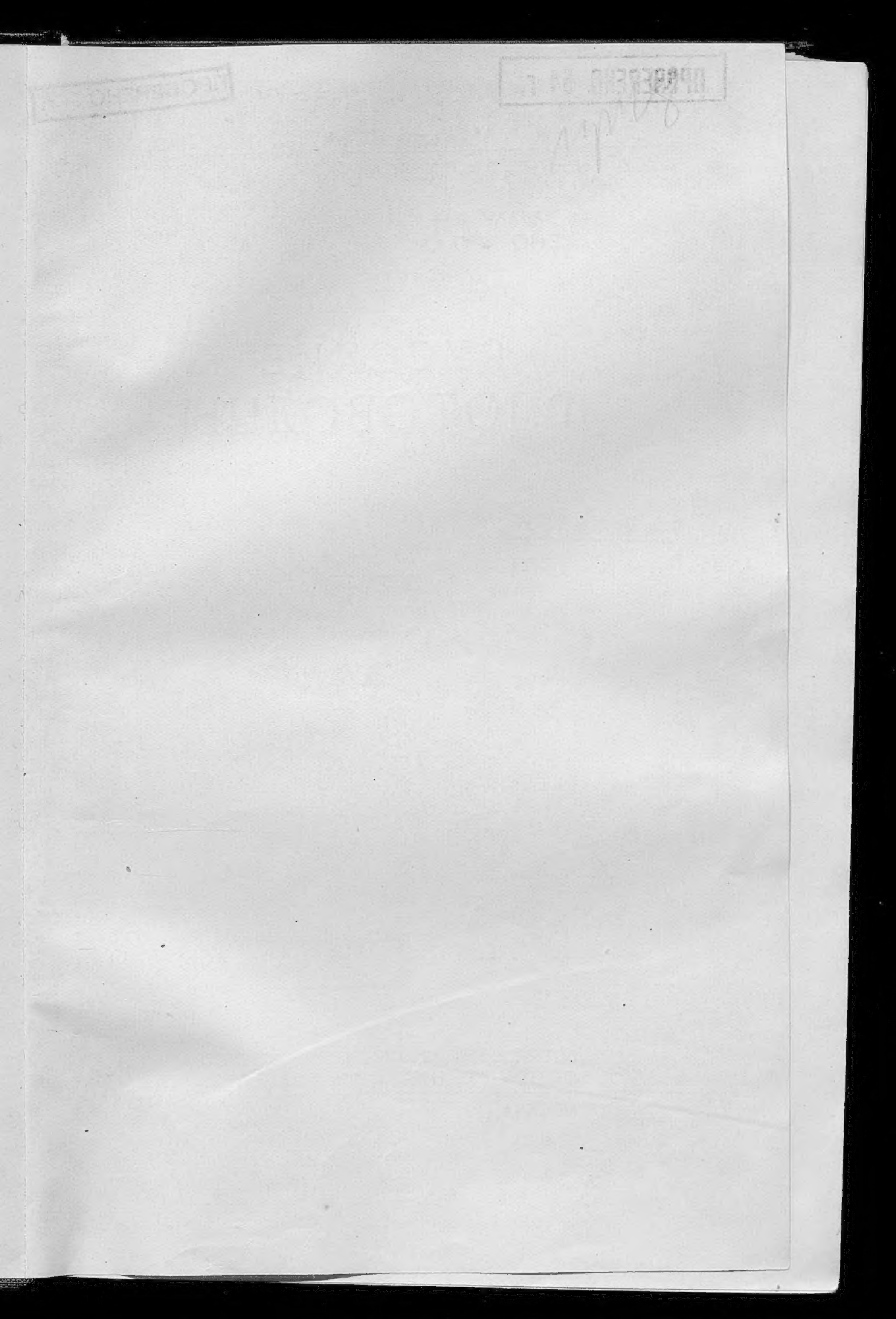
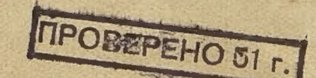

Корнилов

9282
2

ГЛАВНОЕ АРХИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ МВД СССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ АКАДЕМИИ НАУК СССР

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ РУССКОГО ФЛОТА

РУССКИЕ ФЛОТОВОДЦЫ

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО МИНИСТЕРСТВА ВООРУЖЕННЫХ СИЛ СОЮЗА ССР

МОСКВА 1947

ГЛАВНОЕ АРХИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ МВД СССР

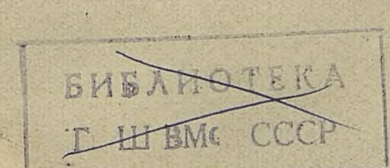
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ АКАДЕМИИ НАУК СССР

ВИЦЕ-АДМИРАЛ КОРНИЛОВ

Под редакцией:
доктора военно-морских наук
капитана 1 ранга
Н. В. НОВИКОВА
и кандидата исторических наук
П. Г. СОФИНОВА

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО МИНИСТЕРСТВА
ВООРУЖЕННЫХ СИЛ СОЮЗА ССР

МОСКВА 1947

Вице-адмирал
Владимир Алексеевич Корнилов

(С современного портрета)

ОТ РЕДАКЦИИ

В славной плеяде боевых руководителей Черноморского флота, воспитанных школой адмирала М. П. Лазарева, имя вице-адмирала Владимира Алексеевича Корнилова занимает почетное место.

Заслуги Корнилова перед родиной и флотом общепризнаны, и наша военно-морская историческая литература содержит значительный материал, характеризующий роль и значение этого крупного военно-морского деятеля времени расцвета Черноморского парусного флота во второй четверти XIX столетия. Однако до настоящего времени облик этого выдающегося адмирала не может считаться раскрытым с той полнотой, которая необходима для всесторонней оценки Корнилова как одного из ближайших сотрудников М. П. Лазарева и продолжателя его дела в духе традиций, с такой мощью проявленных в дни Синопа и защиты Севастополя.

В существующих биографиях и характеристиках Лазарева, Корнилова и Нахимова эти замечательные деятели русского флота обычно рисуются как яркие представители парусного флота, все знания и деятельность которых были направлены на совершенствование парусного искусства в период, когда на смену парусного боевого корабля на заграничных стапелях создавались первые паровые винтовые корабли.

Документы настоящего сборника опровергают эту точку зрения, свидетельствуя о том, что руководители Черноморского флота не были закоснелыми «парусниками» и со вниманием следили за военно-морским прогрессом и новейшими усовершенствованиями в кораблестроении и вооружении.

Мало кому известно, что настояниям Корнилова Черноморский флот обязан введением на вооружение кораблей знаменитых бомбических орудий, решивших судьбу турецкого флота в Синопском сражении. Впервые в русском флоте эти орудия были установлены Корниловым на его корабле «Двенадцать апостолов».

Подобно Нахимову, отмечавшему перед Синопским боем, что, не имея пароходов, он чувствует себя, «как без рук», Корнилов еще за десять лет до Крымской войны настойчиво просил командировать его в Англию для изучения пароходного дела. «Вчера был Кремер,— писал он М. П. Лазареву в январе 1845 г., — и до такой степени

воспламенил меня рассказами о пароходстве в Северной Америке и в Англии, что я решился просить... доставить мне случай побывать хоть в последней».

М. П. Лазарев, сам стремившийся к усилению Черноморского флота паровыми кораблями, поддержал просьбу своего ученика. Однако бюрократическая волокита в верхах морского управления затянула выполнение этой просьбы почти на два года, и только в августе 1846 г. после разрешения Николая I на постройку для Черного моря большого пароходо-фрегата Корнилов получил желаемую командировку с заданием заказать корабль «со всеми новейшими усовершенствованиями как в механизме, так и в корпусе, вооружении и снабжении». Выбор фирмы, разработка условий проекта, заключение контракта и наблюдение за постройкой были полностью возложены на Корнилова, которому одновременно поручалось собрать в Англии подробные сведения о всех «нововведениях в английских адмиралтействах и на военных судах, в том числе и способе построения и крепления железных судов».

Помещенные в сборнике документы свидетельствуют о блестящем выполнении Корниловым задания. В октябре 1848 г. Корнилов привел в Черное море выстроенный под его наблюдением пароходо-фрегат «Владимир», столь отличившийся во время Крымской войны и обороны Севастополя. Согласно отзыву Лазарева, пароходо-фрегат «Владимир» «по красоте, прочности, удобствам и усовершенствованиям во всех частях может быть на будущее время образцом для устройства и снабжения здешних военных пароходов», т. е. тех, которые Лазарев был намерен строить своими средствами.

Двухлетняя командировка дала Корнилову очень много. Подчеркивая в одном из своих донесений, что поручение строить «Владимир» «поставило его в положение удостовериться собственным опытом, сколь недостаточны познания, требующиеся от командира парусного судна для дельного пароходного командира», он настаивал на принятии самых энергичных мер по подготовке командиров паровых кораблей, посылая молодых офицеров для изучения пароходного дела за границу. Одновременно Корнилов настаивал на создании кадров русских пароходных механиков, должности которых на флоте в преобладающем числе занимались наемными механиками-англичанами. «Нельзя не сознаться, — писал он, — что при размножении пароходов в России русские механики столь же необходимы, как и самые пароходы. Стоит только подумать о возможности разрыва с Англией, и тогда придется нам пароходный флот за недостатком механиков ввести в гавани и разоружить».

В дальнейшем, уже будучи начальником штаба флота, Корнилов высказывался за прекращение строительства парусных кораблей и замену их винтовыми и за снабжение винтами находящихся в строю, так как «они легко могут быть переделаны в доках в винтовые». Характерно высказывание и о необходимости выйти из-под иностранной зависимости в деле строительства корабельных паровых машин и заведении собственной машиностроительной промышленности, «ибо пора по-

оцрить своих предприимчивых людей и тем развязаться с необходимостью обращаться к англичанам и вообще иностранцам».

Настойчивые усилия Корнилова привели в конце концов к решению Николая I не закладывать иных боевых кораблей, кроме винтовых. По представлению Корнилова в 1853 г. в Николаеве приступили к строительству трех таких линейных кораблей, но начавшаяся война застигла их на стапелях и Черноморский флот начал боевые действия без единого винтового корабля.

Готовя Корнилова не только к должности начальника штаба флота, но в дальнейшем и своим заместителем, Лазарев представил Корнилова, после его прибытия из Англии, к производству в контрадмиралы. Обосновывая свой выбор, Лазарев писал Меншикову: «Контр-адмиралов у нас много, но легко ли избрать такого, который соединил бы в себе и познания морского дела и просвещение настоящего времени, которому без опасения можно было бы в критических обстоятельствах доверить и честь флага и честь нации? В Корнилове достоинства эти выражались и прежде, а теперь, после приобретенных им познаний в последнее пребывание его в Англии, они еще больше усовершенствовались».

Продолжительное командование Корнилова кораблями, его выдающиеся организаторские способности и высокий нравственный авторитет среди сослуживцев — все это утверждало Лазарева в правильности его выбора. И при нем и после смерти своего учителя Корнилов до последней минуты своей жизни являл образец человека чести и долга, передового представителя лазаревской школы, славные традиции которой были умножены в Синопе и на бастионах Севастополя и остаются замечательным боевым заветом последующим поколениям.

* * *

Предлагаемый вниманию читателей сборник документов, составляя отдельный том серии «Русские флотоводцы», является одновременно логическим продолжением недавно изданного сборника «Адмирал Нахимов». Взаимно дополняя друг друга, эти два издания вводят в научный оборот значительное количество весьма важных источников, до сих пор мало известных или вовсе не известных исторической науке.

Публикация документального наследства В. А. Корнилова, а также документов и материалов, не принадлежащих ему лично, но отражающих его разностороннюю деятельность, началась давно. Уже с 50-х годов прошлого столетия, когда героическая Севастопольская оборона приковала к себе внимание всего русского общества, в «Морском сборнике», «Москвитянине» и других периодических изданиях печатались отдельные официальные и неофициальные материалы, освещающие оборону Севастополя и руководящую роль в этой обороне виднейших ее организаторов — П. С. Нахимова, В. А. Корнилова и В. И. Истомина.

Вскоре после смерти В. А. Корнилова на страницах журналов «Русская старина», «Русский архив», «Военный сборник» появились мемуары участников Севастопольской обороны, личные письма Корнилова и к Корнилову. Однако все эти публикации, хотя и давали отдельные, иногда очень ценные сведения для характеристики Корнилова, являлись отрывочными источниками, охватывающими обычно незначительный промежуток его жизни и деятельности, и не могли поэтому служить прочным основанием для научной разработки биографии знаменитого адмирала.

Первую попытку дать систематическую публикацию документов к биографии В. А. Корнилова сделал капитан-лейтенант А. П. Жандр. Жандр, бывший в течение ряда лет его флаг-офицером, лучше других знал пути отыскания необходимых материалов для биографии адмирала. Он проделал огромную работу по извлечению документов из архива штаба Черноморского флота, походной канцелярии начальника этого штаба, канцелярии начальника артиллерии в Севастополе и других военных и военно-морских учреждений. В распоряжении Жандра находился также семейный архив Корнилова, откуда им были извлечены письма вице-адмирала, относящиеся к периоду Севастопольской обороны.

Богатый и систематический подбор документов сделал труд Жандра незаменимым пособием при изучении обороны Севастополя и, в частности, при выяснении роли в этой обороне В. А. Корнилова. «Материалы для истории обороны Севастополя и для биографии Владимира Алексеевича Корнилова», изданные Жандром, пользовались заслуженной популярностью не только у историков, но и у участников Севастопольской эпопеи, которые при описании своих личных впечатлений считали необходимым ссылаться на свидетельство Жандра.

Тем не менее это превосходное для своего времени издание не лишено недочетов.

Прежде всего Жандр, не являясь специалистом в области издания документов, не сумел найти правильного и последовательного метода для научного оформления собранного им материала. Его труд представляет собой нечто среднее между монографией, мемуарами и публикацией документов. Сплошь и рядом изложение официального документа прерывается личными воспоминаниями Жандра или справками исторического характера, при этом порой даже трудно установить, где кончается текст документа и начинаются собственные мысли составителя книги. Ряд важнейших документов пересказан Жандром своими словами.

Разумеется, что все личные воспоминания Жандра и его пояснения официальных документов сами по себе представляют большую ценность как свидетельство очевидца описываемых событий, но поданные таким образом они затрудняют пользование документальными источниками, вкрапленными в книгу.

Другим существенным недостатком работы Жандра является неточная и неполная передача документов, особенно документов,

принадлежащих лично Корнилову, в которых он давал откровенные и резкие характеристики Меншикову, Берху, Моллеру, описывал свое тягостное и двусмысленное положение на посту начальника штаба Черноморского флота, жаловался на свои материальные затруднения.

Из писем и дневников В. А. Корнилова Жандр выпускал не только места, касающиеся мелких, интимных сторон семейной жизни, но и места, имеющие бесспорный исторический интерес.

Конкретные замечания по вопросам неточной, а иногда и измененной передачи текста у Жандра даны в соответствующих подстрочных примечаниях к настоящей публикации. Здесь же мы считаем возможным ограничиться только некоторыми наиболее характерными примерами.

В подлиннике:	У Жандра:
«...Слава будет если устоим, если же нет, то князя Меншикова можно назвать изменником и подлецом; впрочем, я все не верю, чтобы он продал...»	«...Слава будет, если устоим — если же нет...»
«Князь должен дать отчет России в отдаче города. Если бы он не ушел бог весть куда, то мы бы отстояли. Если бы я знал, что он способен на такой изменнический поступок, то, конечно, никогда бы не согласился затопить корабли, а лучше бы вышел дать сражение двойному числом врагу...»	«Если бы я знал, что это случится, то, конечно, никогда бы не согласился затопить корабли, а лучше бы вышел дать сражение двойному числом врагу...»
«Вечер — в черных мечтах о будущем России. Неужели все ее войска похожи на армию князя Меншикова? А Меншиков состоит в числе лучших генералов!»	Вся фраза опущена.
«Князь выехал к войску на Бельбекских высотах и оставил нас отдуваться...»	«Князь выехал к войску на Бельбекских высотах...»
«Тут я застаю и Моллера — нашего главнокомандующего, моего нового Морица Борисовича на обороне Севастополя, и героя Синопского Нахимова, и Кирьякова...»	«Тут я занимаюсь с Моллером — нашим главнокомандующим... и Нахимовым и Кирьяковым...»

Мы не склонны думать, что все эти пропуски и изменения в тексте допущены Жандром с целью сознательно извратить истинное отношение В. А. Корнилова к Меншикову, Моллеру и другим официальным представителям царя. Очевидно, все это было сделано по цензурным соображениям. Что же касается неточностей в передаче отдельных слов и фраз, то они, повидимому, являются следствием неправильного чтения рукописей Корнилова, расшифровка которых исключительно трудна ввиду особенной неразборчивости почерка. Тем не менее, столкнувшись с подобными фактами, составители настоящего сборника сочли обязательным для себя проверить все документы, опубликованные Жандром по подлинникам, не только с точки зрения правильности передачи текста, но и в отношении выяснения вопроса, как

подходил Жандр к выбору документов для печати. Проведение этой работы дало возможность исправить по оригиналам ранее опубликованные документы и включить в публикацию много новых, представляющих исключительный исторический интерес. Документы эти хотя и были в свое время в распоряжении Жандра, однако не использованы им, повидимому, по тем же цензурным соображениям.

В отличие от работы Жандра, ограниченной хронологическими рамками обороны Севастополя, публикуемый сборник документов охватывает весь период военно-морской деятельности В. А. Корнилова, хотя естественно, что севастопольский период является краеугольным камнем и настоящего издания.

В процессе подготовки сборника были изучены фонды Морского кадетского корпуса, Инспекторского департамента Морского министерства, штаба Черноморского флота и портов, личные фонды Корнилова, Меншикова, Лихачева и собрание шханечных журналов, хранящееся в Центральном государственном военно-морском архиве. В Центральном государственном архиве древних актов была изучена коллекция подлинных рукописей Корнилова, из которой в сборнике использованы письма Корнилова к жене и брату, июльский и сентябрьский дневники вице-адмирала.

При выявлении документов для опубликования основное внимание обращалось на отбор таких документов, которые бы характеризовали В. А. Корнилова как флотоводца и военно-морского администратора, организатора и воспитателя моряков Черноморского флота. В этой связи привлекались также и документы, отражающие условия, в которых приходилось работать В. А. Корнилову, в том числе и материальные условия, игравшие немаловажную роль в жизни адмирала.

Весь документальный материал, включенный в сборник, систематизирован по следующим разделам:

1. Начало военно-морской службы В. А. Корнилова (1821 — 1833 гг.).

2. Служба в Черноморском флоте (1833—1846 гг.).

3. Командировка В. А. Корнилова в Англию (1846—1848 гг.).

4. В. А. Корнилов — начальник штаба Черноморского флота и портов (1849—1853 гг.).

5. Деятельность В. А. Корнилова накануне и в начале Крымской войны (февраль 1853 г. — сентябрь 1854 г.).

6. В. А. Корнилов — организатор и руководитель обороны Севастополя.

7. Смерть В. А. Корнилова на боевом посту.

Это условное деление документов сборника по разделам соответствует основным хронологическим этапам жизни и деятельности В. А. Корнилова, что при соблюдении строгой хронологической систематизации документов внутри каждого раздела значительно облегчает пользование сборником.

Наиболее полно представлены в сборнике документы, относящиеся к периоду пребывания В. А. Корнилова на посту начальника штаба Черноморского флота. И это вполне естественно. Именно в последнее пятилетие жизни В. А. Корнилова его энергичная деятельность в силу специфики штабной работы по необходимости наиболее полно фиксировалась на бумаге. Значительно беднее представлен документами начальный период военно-морской службы В. А. Корнилова. Здесь при всей тщательности поисков не удалось выявить комплекса документов, дающего последовательное освещение служебной деятельности будущего вице-адмирала.

Большинство включенных в настоящий сборник документов публикуется по подлинникам, хранящимся в государственных архивах. Только в отдельных случаях, когда в архивах по тем или иным причинам не удалось отыскать подлинника или авторитетной копии, текст перепечатывался из ранее опубликованных изданий. Место хранения документов указано в легендах, причем для подлинников, собственноручно написанных В. А. Корниловым, принято обозначение: «автограф», для всех остальных согласно общепринятой терминологии, в соответствии с разновидностью документа: подлинник, отпуск, копия. В том случае, если документ был опубликован ранее, в легенде дается также указание на одну из предыдущих публикаций (наиболее авторитетную).

Текст документов печатается по современной орфографии, но с сохранением всех особенностей стиля. Ввиду отсутствия во многих автографах В. А. Корнилова каких-либо знаков препинания, абзацев, а также ввиду неточного употребления прописных и строчных букв составителями после тщательного изучения текста проведена соответствующая археографическая обработка документов.

Названия кораблей всюду взяты в кавычки, хотя в оригиналах кавычки очень часто отсутствуют.

В целях сокращения заголовков к документам наименования чинов и должностей неоднократно упоминаемых в сборнике лиц полностью печатаются только при первом упоминании, а также в случае изменения их чина или должности в период, охватываемый документами сборника. В остальных случаях воспроизводятся только фамилии и инициалы.

Допущенные в тексте купюры отмечены отточиями в соответствующих местах и оговоркой в заголовке — «из».

Все подстрочные примечания, не оговоренные специально, принадлежат редакции сборника.

Подстрочные объяснения морским терминам, встречающимся в документах настоящего сборника, не даются. В случае необходимости читатель может навести справку в следующих морских словарях:

Морской словарь, тт. I и II, Военмориздат, М.—Л., 1939—1941.
Вахтин В. В. Объяснительный морской словарь, Спб., 1894.
Вахтин В. В. Краткий морской словарь, Спб., 1874.
Гельмерсен П. В. Краткий словарь морских терминов, Спб., 1908.
Лукашевич С. П. Краткий морской словарь, Военмориздат, М.—Л., 1939.

Публикуемый сборник документов подготовлен к печати Л. И. Полянской, Н. В. Жмакиным и Б. П. Тихомировым под общим руководством Научно-издательского отдела Главного архивного управления МВД СССР и Археографической комиссии Института истории Академии наук СССР.

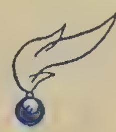
Военно-морская историческая редакция сборника осуществлена капитаном 1 ранга, доктором военно-морских наук Н. В. Новиковым (Военно-исторический сектор Института истории Академии наук СССР). Историческая и научно-археографическая редакция проведена доцентом П. Г. Софиновым (ГАУ МВД СССР).

Библиографию составил Н. С. Кровяков.

Указатель составлен Б. П. Тихомировым и О. М. Медушевской.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВУА	— Военно-ученый архив
д.	— дело
ИДММ	— Инспекторский департамент Морского министерства
л.	— лист
мм.	— местечки
МКК	— Морской кадетский корпус
СДММ	— Строительный департамент Морского министерства
стр	— страница
ф.	— фонд
ф. АМ	— фонд А. С. Меншикова
ф. З.	— фонд А. М. Зайончковского
ф. ИЛ	— фонд И. Ф. Лихачева
ЦГВИА	— Центральный государственный военно-исторический архив в Москве
ЦГВМА	— Центральный государственный военно-морской архив в Ленинграде
ЦГВММ	— Центральный государственный военно-морской музей
ШЧФ	— штаб Черноморского флота и портов

ВАЖНЕЙШИЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВИЦЕ-АДМИРАЛА В. А. КОРНИЛОВА[1]

1806 г.

— Родился в родовом имении Тверской губернии[2].

1821 г.

9 марта. — Поступил в Морской кадетский корпус кадетом.

10 июня. — На фрегате «Малый» под командой капитан-лейтенанта Генинга отправился в плавание от Петербурга до Красной Горки.

1 июля. — Произведен в гардемарины.

11 июля. — Возвратился в Петербург из плавания к Красной Горке.

1823 г.

22 февраля. — Произведен в мичманы, с назначением во 2-й флотский экипаж.

11 июля— 10 августа. — На фрегате «Малый» под командой капитан-лейтенанта Харламова плавал в Финском заливе до Красной Горки.

1824 г.

10 сентября. — На шлюпе «Смирный» под командой капитан-лейтенанта П. А. Дохтурова вышел из Петербурга на Кронштадтский рейд.

---

[1] Для составления настоящей «Хроники» первоначально было намечено использовать данные «Общего морского списка». Однако в процессе работы стало очевидно, что многие факты из жизни и деятельности В. А. Корнилова отмечены в «Морском списке» неточно, а некоторые события совсем опущены. Ввиду этого в качестве основного источника для составления «Хроники» были приняты делопроизводственные документы и личная переписка Корнилова. В необходимых случаях привлекался также «формулярный список Корнилова», извлеченный из архива.

«Хроника» дает только основные даты жизни и деятельности Корнилова. Более подробные сведения о том или ином событии читатель может почерпнуть из документов Сборника.

Занимая в период 1849—1854 гг. должность начальника штаба Черноморского флота, Корнилов совершал многочисленные поездки по портам и выходы в море, цель которых по имеющимся документам не всегда удавалось установить. Тем не менее редакция Сборника считает необходимым отразить в хронике эти поездки, так как они, во-первых, показывают кипучую и многогранную деятельность Корнилова, а во-вторых, могут представить известный справочный интерес для тех историков, в распоряжении которых окажутся новые материалы по данной теме.

«Хроника» составлена научным сотрудником Л. П. Грызловой.

[2] В тех случаях, когда число и месяц того или иного события установить не удалось, в «хронике» указывается только год события.

27 сентября. — Вышел из Кронштадта в Тихий океан для следования в Петропавловский порт.

5 ноября. — Из-за повреждений во время шторма в Немецком море на том же шлюпе зашел для ремонта в норвежский порт Арендаль.

1825 г.

17—22 мая. — Ввиду признания шлюпа «Смирный» не пригодным для кругосветного плавания возвратился из порта Арендаль в Кронштадт.

1826 г.

6 апреля. — Переведен в 20-й флотский экипаж.

12 мая — 5 октября. — На фрегате «Проворный» под командой капитан-лейтенанта И. П. Епанчина плавал от Кронштадта до Догер-банки и обратно в Кронштадт.

1827 г.

23 марта. — Переведен в 12-й флотский экипаж.

21 мая—7 октября. — На корабле «Азов» под командой капитана 1 ранга М. П. Лазарева в составе эскадры адмирала Д. Н. Сенявина совершил переход от Кронштадта до Портсмута, откуда в составе эскадры контр-адмирала Гейдена на том же корабле вышел в Средиземное море для следования к Наварину.

8 октября. — В эскадре контр-адмирала Л. П. Гейдена участвовал в сражении при Наварине, командуя тремя пушками нижнего дека на корабле «Азов».

21 декабря. — Награжден орденом св. Анны 4-й степени за «ревностную службу», оказанную в сражении при Наварине.

— За участие в Наваринском сражении награжден французским орденом св. Людовика меньшего креста и английским орденом Бани.

1828 г.

22 февраля. — Произведен в лейтенанты.

4 апреля — 31 декабря. — На корабле «Азов» под командой капитана 2 ранга С. П. Хрущева находился в плавании у Морейских берегов и в Архипелаге.

1829 г.

— На корабле «Азов» под командой капитана 1 ранга С. П. Хрущева плавал в Архипелаге.

6 октября. — Награжден серебряной медалью на Георгиевской ленте за турецкую войну 1828—1829 гг.

1830 г.

— На корабле «Азов» под командой капитана 1 ранга С. П. Хрущева вернулся из Средиземного моря в Кронштадт.

— На том же корабле находился в крейсерстве по Финскому заливу.

— На корабле «Нарва» под командой капитана 2 ранга М. П. Шаховского плавал из Кронштадта в Свеаборг.

22 июля. — Награжден орденом св. Анны 3-й степени «за отлично усердную службу и деятельность» в турецкую войну 1828—1829 гг.

13 сентября. — Переведен в 14-й флотский экипаж с назначением командиром строящегося тендера «Лебедь».

1831 г.

30 июля— 22 августа. — Наблюдал за спуском на воду и вооружением построенного в Охтенском адмиралтействе тендера «Лебедь».

22 августа. — Перешел на тендере «Лебедь» из Петербурга в Кронштадт.

1 октября — 8 октября. — Командуя тендером «Лебедь», плавал от Кронштадта до Толбухина маяка для испытания качеств корабля.

1832 г.

25 апреля — 16 октября. — Командуя тендером «Лебедь», плавал из Кронштадта в Данциг, Ревель и обратно в Кронштадт.

— Переведен из Балтийского в Черноморский флот.

1833 г.

18 января. — Зачислен в 34-й черноморский флотский экипаж.

17 марта. — На корабле «Память Евстафия», состоя офицером для особых поручений при командующем эскадрой Черноморского флота вице-адмирале М. П. Лазареве, отправился из Одессы в Константинопольский пролив к эскадре Черноморского флота, посланной туда для оказания помощи Турции в войне с Египтом.

25 марта. — Прибыл на корабле «Память Евстафия» в Константинопольский пролив.

Апрель—май. — По предписанию командующего эскадрой Черноморского флота вице-адмирала М. П. Лазарева, отправившись в Галиполи, занимался описью Дарданельского пролива и всех его укреплений. По возвращении оттуда занимался описью укреплений Босфора.

27 сентября. — Награжден орденом св. Владимира 4-й степени за усердную службу во время пребывания Черноморского флота в Константинополе.

— Награжден турецким султаном золотой медалью «в воспоминание пребывания Российского вспомогательного отряда в Константинопольском проливе».

1834 г.

21 февраля. — Назначен командиром брига «Фемистокл» с переводом в 40-й флотский экипаж.

24 июля. — Командуя бригом «Фемистокл», отправился из Николаева через Одессу и Севастополь в Константинополь в распоряжение русской миссии.

7 августа. — Командуя бригом «Фемистокл», прибыл в Буюкдере (Босфор).

23 ноября. — Командуя тем же бригом, вышел из Буюкдере для следования в Архипелаг в распоряжение чрезвычайного посланника России в Греции.

1835 г.

Январь—июль. — Командуя тем же бригом и находясь в распоряжении русской миссии в Афинах, плавал в Архипелаге, выполняя поручения русского посла в Греции

17 апреля. — Произведен в капитан-лейтенанты.

12 июля. — Командуя бригом «Фемистокл», вышел из порта Амбелака в Севастополь.

15 августа. — Прибыл на бриге «Фемистокл» в Севастополь.

1836 г.

29 июля. — Переведен в 31-й флотский экипаж.

4 ноября. — Назначен командиром корвета «Орест» с переводом в 37-й флотский экипаж.

— За участие в истреблении турецко-египетского флота при Наварине награжден греческим королем орденом Спасителя.

1837 г.

28 июля — 24 сентября. — Командуя корветом «Орест», находился в практическом плавании по Черному морю.

22 сентября. — За усердную службу награжден орденом св. Станислава 3-й степени.

1838 г.

26 января — Назначен командиром фрегата «Флора» с переводом в 43-й флотский экипаж.

12 апреля — 19 мая. — На корабле «Силистрия» в должности начальника штаба эскадры под флагом главного командира Черноморского флота и портов генерал-адъютанта вице-адмирала М. П. Лазарева находился в плавании по Черному морю и к Абхазским берегам для занятия местечка Туапсе.

8 июня. — Произведен в капитаны 2 ранга «за отличие, оказанное при занятии местечка Туапсе на Абхазском берегу».

1839 г.

1 января. — Назначен командиром 38-го флотского экипажа и строящегося корабля «Двенадцать апостолов».

2 апреля — 12 мая. — На корабле «Силистрия» в должности начальника штаба эскадры под флагом вице-адмирала М. П. Лазарева участвовал в кампании у восточного побережья Черного моря и при занятии 3 мая местечка при реке Субаши.

25 июля. — За распорядительность, проявленную 3 мая во время успешной высадки десанта при занятии на Абхазском берегу местечек в устьях рек Субаши и Шахе, награжден орденом св. Анны 2-й степени.

— Перевел с английского и издал, снабдив своими примечаниями, книгу Гласкока «Морская служба в Англии или руководство для морских офицеров всякого звания».

1840 г.

30 марта — 12 июня. — На корабле «Силистрия», состоя начальником штаба эскадры под флагом вице-адмирала М. П. Лазарева, находился в кампании у восточного побережья Черного моря и при занятии фортов Вельяминовского и Лазарева.

18 июля. — Награжден орденом св. Станислава 2-й степени с императорской короной за работу по составлению «Штатов вооружения и запасного снабжения военных судов Черноморского флота всех рангов».

6 декабря. — Произведен в капитаны 1 ранга.

1841 г.

24 июня — 28 июля. — Состоя начальником штаба эскадры под флагом вице-адмирала М. П. Лазарева, плавал от Николаева до Севастополя и в практической эскадре по Черному морю.

1842 г.

1—17 октября. — Командуя законченным постройкой кораблем «Двенадцать апостолов», руководил проводкой его из Николаева в Севастополь, после чего на том же корабле плавал для практики и эволюции по Черному морю.

1843 г.

1 мая. — Командуя кораблем «Двенадцать апостолов» с одновременным исполнением должности начальника штаба эскадры под флагом вице-адмирала М. П. Лазарева, руководил перевозкой сухопутных войск из Севастополя в Одессу.

27 августа. — Закончив выполнение операции по перевозке войск, возвратился в Севастополь.

4 сентября — 3 октября. — Командуя тем же кораблем, плавал для практики и эволюции по Черному морю.

— Составил все корабельные расписания и разработал ряд инструкций по организации корабельной службы и боевой подготовке личного состава своего корабля, ставшего в скором времени образцовым в Черноморском флоте.

6 декабря. — За «отлично усердную службу» награжден императорской короной к ордену св. Анны 2-й степени.

1844 г.

25 апреля — 9 июня — Командуя кораблем «Двенадцать апостолов» с одновременным исполнением должности начальника штаба эскадры под флагом вице-адмирала М. П. Лазарева, плавал для практики и эволюции по Черному морю.

1845 г.

25 мая — 16 сентября — Командуя тем же кораблем и продолжая исполнять должность начальника штаба эскадры вице-адмирала М. П. Лазарева, находился в практическом плавании по Черному морю.

22 августа. — Награжден знаком отличия беспорочной службы за 20 лет.

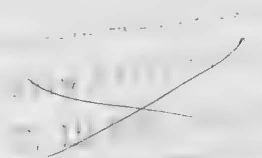
11 сентября. — За «отличную службу» награжден орденом св. Владимира 3-й степени.

Октябрь 1846 г.— сентябрь 1848 г. — Находясь в командировке в Англии для заказа и наблюдения за постройкой первого пароходо-фрегата «Владимир» для Черного моря (а затем и других пароходов) по заданию адмирала М. П. Лазарева, знакомился с состоянием строительства в Англии паровых и железных судов и новейшими усовершенствованиями как в конструкции и механизмах кораблей, так и в их вооружении и снабжении.

1848 г.

11 марта. — Присутствовал при спуске на воду выстроенного фирмой «Дигборн и Мер» в Лондоне пароходо-фрегата «Владимир».

Апрель — сентябрь.	— Продолжал наблюдать за достройкой спущенного пароходо-фрегата «Владимир», производя всесторонние испытания его мореходных качеств и механизмов.
19 сентября.	— Окончив испытания и приемку пароходо-фрегата «Владимир», вышел на нем из Лондона для следования в Одессу по маршруту Плимут—Лиссабон—Мальта—Дарданеллы—Босфор.
17 октября.	— Прибыл на пароходо-фрегате «Владимир» в Одессу.
29 октября.	— Вернулся к месту службы в Николаев.
6 декабря.	— Произведен в контр-адмиралы с оставлением в Черноморском флоте для исполнения особых поручений главного командира Черноморского флота и портов и с правом присутствовать в общем присутствии Черноморского интендантства.

1849 г.

3 апреля.	— Назначен исправляющим должность начальника штаба Черноморского флота и портов.
17 мая.	— Отправился с адмиралом М. П. Лазаревым в Одессу, Севастополь, Новороссийск и в двухнедельное практическое плавание с флотом.
1—4 июля.	— С целью инспектирования укреплений плавал из Николаева на пароходе «Метеор» к Днестровскому лиману, а оттуда к гирлам реки Дунай, по которому поднялся до Измаила, после чего возвратился в Одессу.
4 июля.	— Отправился из Одессы в Севастополь.
5 июля.	— Поднял в первый раз свой контр-адмиральский флаг на фрегате «Коварна».
6 июля — 3 августа.	— Имея флаг на том же фрегате, плавал в Ялту, Керченский пролив, Керчь, подходил к Еникальскому, Бердянскому и Белосарайскому маякам, в Бердянск, Таганрог, Ейск и возвратился снова в Керчь. Из Керчи плавал к Таклынскому маяку и в Феодосию. Из Феодосии плавал вдоль восточного берега Черного моря и, зайдя в Сухум-Кале, возвратился в Севастополь.
15—23 августа.	— На пароходе «Громоносец» плавал от Николаева до Севастополя и обратно в Николаев.
21—29 сентября.	— На пароходе «Тамань» и пароходо-фрегате «Владимир» совершил плавания от Николаева в Севастополь, где инспектировал отряд судов, возвратившийся из плавания у Абхазских берегов Черного моря. После смотра возвратился в Николаев.
11—21 октября.	— На пароходо-фрегате «Владимир» плавал от Николаева до Одессы, Новороссийска, Севастополя и обратно в Николаев.

1850 г.

6 февраля.	— По заданию адмирала М. П Лазарева выехал из Николаева в Петербург для ознакомления с устройством и порядком управления инспекторской частью Морского министерства и Балтийского флота.
15 февраля— 31 марта.	— Находился по делам службы в Петербурге и вернулся в Николаев.
8—15 апреля.	— На пароходо-фрегате «Владимир» плавал из Николаева до Севастополя, Новороссийска и обратно в Николаев.
11—25 мая.	— На пароходо-фрегате «Владимир» и на корабле «Двенадцать апостолов» плавал от Николаева до Севастополя, Феодосии, Новороссийска, снова в Севастополь и возвратился в Николаев.
9—14 июня.	— На пароходо-фрегате «Владимир» отправился из Николаева в Севастополь для смотра отряда судов, возвратившегося из плавания у Абхазских берегов Черного моря, после чего вернулся в Николаев.

5 июля. — Утвержден в должности начальника штаба Черноморского флота и портов.

9 июля. — На пароходе «Бессарабия» отправился из Николаева в Севастополь для принятия в командование отряда судов в составе фрегатов «Кулевчи» и «Месемврия», корвета «Андромаха», бригов «Орфей» и «Тезей» и шхуны «Дротик».

13 июля. — Поднял флаг на фрегате «Кулевчи».

16 июля. — На фрегате «Кулевчи» снялся с отрядом с якоря и отправился для осмотра черноморских портов.

20 июля. — Прибыл в Феодосию для осмотра порта.

21 июля. — На фрегате «Кулевчи» перешел из Феодосии на Керченский рейд.

22 июля. — На пароходе «Эльборус» отправился в г. Керчь, где осматривал адмиралтейство.

23 июля. — На пароходе «Могучий» отправился к Еникальскому маяку и, осмотрев его, возвратился на фрегат «Кулевчи», после чего с отрядом вышел в Анапу.

24 июля. — На фрегате «Кулевчи» с отрядом прибыл на Анапский рейд и осмотрел крепость Анапа, после чего вышел в Новороссийск.

25 июля. — Прибыл с отрядом на Новороссийский рейд и осматривал адмиралтейство.

26 июля. — Вышел из Новороссийска.

30 июля. — Прибыл с отрядом на Пицундский рейд, где осматривал леса черноморского ведомства.

31 июля. — Прибыл к местечку Искурия, где осмотрел леса.

5 августа. — Прибыл на Феодосийский рейд.

6 августа. — Закончив осмотр черноморских портов, снялся с отрядом с Феодосийского рейда для следования в Севастополь.

9—18 сентября. — На пароходо-фрегате «Владимир» плавал от Николаева до Севастополя, Ялты и Анапы, затем в Севастополь и обратно в Николаев.

15—23 октября. — На пароходо-фрегате «Громоносец» плавал от Николаева до Севастополя и обратно в Николаев.

1851 г.

15—24 марта. — На пароходо-фрегате «Громоносец» прибыл из Николаева в Севастополь для смотра отряда судов, возвратившегося из плавания у Абхазских берегов Черного моря, после чего вернулся в Николаев.

1—9 мая. — На пароходо-фрегате «Владимир» плавал от Николаева до Севастополя и обратно в Николаев.

Июнь. — С целью инспектирования тыловых кораблестроительных и артиллерийских складов Черноморского флота и проверки порядка хранения строительных материалов и артиллерийского имущества посетил Ростов-на-Дону (Ростовскую пристань).

22 августа. — Награжден знаком отличия беспорочной службы за 25 лет.

11—20 ноября. — На пароходо-фрегате «Громоносец» плавал от Николаева до Севастополя для смотра отряда судов, возвратившегося из плавания у Абхазских берегов Черного моря, после чего вернулся в Николаев.

26 ноября. — Награжден орденом св. Георгия 4-й степени «за выслугу узаконенных в офицерском чине 25 лет».

6 декабря. — Назначен в императорскую свиту с оставлением в должности начальника штаба Черноморского флота и портов.

1852 г.

18—24 апреля. — На пароходо-фрегате «Громоносец» плавал от Николаева до Севастополя для смотра отряда судов, возвратившегося из плавания у Абхазских берегов Черного моря, после чего вернулся в Николаев.

13—18 мая — На пароходо-фрегате «Бессарабия» плавал из Николаева в Севастополь и обратно в Николаев.

31 мая — 18 июня. — На разных судах Черноморского флота плавал из Николаева в Севастополь, где принял в свое командование отряд судов, и, имея свой флаг на фрегате «Кулевчи», отправился для практического плавания в море и осмотра Черноморской береговой линии.

12 июня. — С целью инспектирования тыловых кораблестроительных и артиллерийских складов Черноморского флота посетил Ростов-на-Дону (Ростовскую пристань).

28 июня — 5 июля. — На пароходо-фрегате «Громоносец» плавал из Николаева до Севастополя и обратно в Николаев.

17—25 июля. — На пароходе «Дунай» прибыл из Николаева в Севастополь для смотра отряда судов, возвратившегося из плавания у Абхазских берегов Черного моря.

7—11 августа. — На пароходо-фрегате «Громоносец» плавал из Николаева до Севастополя и обратно в Николаев.

19—25 августа. — На пароходо-фрегате «Громоносец» плавал из Николаева до Севастополя и обратно в Николаев.

7—14 сентября. — На пароходо-фрегате «Громоносец» и пароходе «Дунай» плавал из Николаева до Измаила, Севастополя и обратно в Николаев.

30 сентября — 3 октября. — На пароходо-фрегате «Владимир» плавал из Николаева до Севастополя и обратно в Николаев.

2 октября. — Произведен в вице-адмиралы с назначением генерал-адъютантом и оставлением в должности начальника штаба Черноморского флота и портов.

8—28 октября. — На пароходо-фрегате «Громоносец» прибыл из Николаева в Севастополь для смотра отряда судов, возвратившегося из плавания у Абхазских берегов Черного моря.

3 декабря. — Приехал по делам службы в Петербург.

1853 г.

14 января. — Возвратился в Николаев из служебной командировки в Петербург.

11 февраля. — На пароходе «Дунай» отправился из Николаева в Одессу.

14 февраля. — В составе чрезвычайного и полномочного посольства адмирала А. С. Меншикова на пароходо-фрегате «Громоносец» направился из Одессы в Константинополь.

16 февраля. — Прибыл с посольством адмирала А. С. Меншикова в Константинополь.

24 февраля. — Присутствовал при приеме турецким султаном посольства адмирала А. С. Меншикова.

28 февраля. — На пароходе «Бессарабия» вышел из Константинополя в Мраморное море для следования в Грецию с целью осмотра находившихся там русских кораблей.

8 марта. — Возвратился на том же пароходе в Золотой Рог (Константинополь).

12 марта. — Вышел на том же пароходе из Константинополя в Одессу.

14 марта. — После двухдневного плавания прибыл на Одесский рейд.

18 марта.	— После выдержания карантина на пароходе «Бессарабия» прибыл в Николаев. За время пребывания в Турции составил отчет о состоянии турецкого флота и укреплений Босфора и Дарданелл.
18 мая.	— Ввиду состоявшегося разрыва дипломатических отношений с Турцией организовал постоянное крейсерство судов между Босфором и Севастополем для наблюдения за выходом турецкого флота из Босфора.
8 июня.	— Для воспрепятствования доставки Турцией оружия, боевого снабжения и подкреплений горцам ввел в действие разработанный им план усиления крейсерства у восточного (кавказского) побережья Черного моря образованием двух (северного и южного) крейсерских отрядов, соответственно усилив здесь крейсерские силы.
5—12 августа.	— На пароходо-фрегате «Владимир» плавал из Николаева в Одессу, а потом в Севастополь, где, приняв в свое командование эскадру соединенных дивизий в составе 14 лин. кораблей, 3 фрегатов и 1 корвета, имея флаг на корабле «Двенадцать апостолов», отправился для практического плавания в море, после чего возвратился в Севастополь.
12 августа.	— С частью флота произвел маневр примерного прорыва на Севастопольский рейд для атаки стоящей на нем эскадры с одновременным спуском гребных судов с корабельным десантом для высадки и захвата береговых батарей.
13—17 августа.	— Закончив маневры, отбыл на пароходо-фрегате «Владимир» в Одессу, откуда на пароходо-фрегате «Громоносец» вернулся в Николаев.
17 сентября.	— В составе флота, принявшего 13-ю пехотную дивизию с артиллерией и обозом, имея флаг, на пароходо-фрегате «Владимир», вышел из Севастополя для перевозки десанта на восточное побережье Черного моря в район Сухуми—Анакрия.
19 сентября.	— Прибыл в Сухуми, где руководил выгрузкой обоза 13-й пехотной дивизии.
21 сентября.	— Перешел из Сухуми в Анакрию для выбора места высадки десанта.
22 сентября.	— Вышел с пароходами «Владимир», «Одесса» и «Бессарабия» из Анакрии в море для встречи эскадры Нахимова с десантом; соединившись с ней, вернулся в Анакрию.
23—24 сентября.	— Руководил совместно с вице-адмиралом Нахимовым высадкой войск, после окончания которой вышел на пароходо-фрегате «Владимир» в Сухуми и оттуда 25 сентября в Севастополь.
26 сентября.	— Прибыл в Севастополь.
2—16 октября.	— По возвращении 2 октября в Николаев совершил с 6 по 12 октября поездку в Одессу и снова вернулся в Николаев.
7 октября.	— Награжден орденом св. Анны 1-й степени.
15 октября.	— Отправился на пароходо-фрегате «Громоносец» из Николаева в Севастополь.
23—28 октября.	— На пароходо-фрегате «Владимир» вышел из Севастополя для рекогносцировки турецких берегов от Сулина до Константинопольского пролива (Босфора).
29 октября.	— Приняв в командование эскадру Черноморского флота в составе 6 линейных кораблей, 1 брига и 2 пароходов, вышел из Севастополя к берегам Турции для поисков неприятельского флота.
4 ноября.	— Обойдя Румелийские берега и район Босфора и не встретив противника, передал командование эскадрой мл. флагману контр-адмиралу Ф. М. Новосильскому с приказанием ему итти на соединение с эскадрой вице-адмирала Нахимова, находившейся в крейсерстве в районе Керемпе—Амастро, а сам, перенеся флаг на пароходо-фрегат «Владимир», направился в район Пендераклии.

5 ноября. — Имея флаг на пароходо-фрегате «Владимир» (командир капитан-лейтенант Г. И. Бутаков), на пути к Пендераклии встретил в море турецко-египетский военный пароход «Перваз-Бахри». Приказав начать погоню и вступить в бой, после 3-часового сражения овладел кораблем противника и привел его 7 ноября в Севастополь.

17 ноября. — Имея флаг на пароходо-фрегате «Одесса», с пароходами «Крым» и «Херсонес» вышел из Севастополя к эскадре вице-адмирала Нахимова, блокировавшей турецкую эскадру в Синопе.

18 ноября. — При подходе к турецким берегам встретил бежавший из Синопской бухты турецкий пароход «Таиф», с которым имел безрезультатный бой на погоне. Прекратив погоню за противником, обладавшим превосходящей скоростью, направился с отрядом к Синопу, куда прибыл к концу сражения.

20 ноября. — Оказав помощь поврежденным в бою кораблям эскадры вице-адмирала П. С. Нахимова, на пароходо-фрегате «Громоносец» совместно с эскадрой вышел из Синопа в Севастополь, выделив пароходо-фрегаты «Крым», «Херсонес» и «Громоносец» для буксировки парусных линейных кораблей.

21 ноября. — Прибыл в Севастополь.

22 ноября. — Взятый в плен турецко-египетский пароход «Перваз-Бахри» переименован в «Корнилов».

28 ноября. — Награжден орденом св. Владимира 2-й степени «за отличные распоряжения при военных действиях Черноморского флота».

1854 г.

22 января. — Составил боевое расписание для корабельных и береговых команд морского ведомства на случай тревоги по обороне Севастополя с суши.

17 февраля. — Издал приказ с объявлением боевого расписания флота для обороны Севастополя с моря.

8 марта. — Произвел смотр боевой готовности стрелковых партий с отряда гребных судов контр-адмирала Вульфа.

17 марта. — На пароходо-фрегате «Владимир» произвел рекогносцировку берега между мысом Лукулл и Херсонесским маяком.

18 марта. — Составил инструкцию командирам судов, стоящим на рейде, и командирам береговых батарей по усилению обороноспособности Севастополя.

18 апреля. — Издал приказ по эскадре об особой бдительности и о готовности кораблей в случае необходимости к выходу в море для атаки неприятеля.

26 апреля. — Произвел испытание вновь установленной батареи Волоховой башни и батареи Карташевского на Северной стороне.

8 мая. — На пароходо-фрегате «Владимир» выходил в море для выяснения присутствия неприятельского флота вблизи Севастополя.

14 мая. — Издал приказ о порядке крейсерства фрегатов и кораблей в условиях блокады Севастополя

30 июня. — На пароходе «Эльборус» выходил в море для производства испытания его машины.

1 июля. — Издал распоряжение о формировании двух морских резервных батальонов.

3 августа. — Совместно с кн. Меншиковым на пароходе «Тамань» выходил для рекогносцировки берега в окрестностях Севастополя.

4 августа. — Произвел смотр маневров флотилии корабельных баркасов.

7 августа. — Произвел проверку боевой подготовки на бастионах новой оборонительной башни и Малаховом кургане.

11 августа. — Осматривал госпиталь, посетил башню Волохова.

14 августа. — Произвел смотр морским командам, обучающимся на батареях оборонительной линии.

20 августа. — Осматривал высоты Северного укрепления.

21 августа. — Делал осмотр укреплений и производил проверку их боевой готовности.

25 августа. — На пароходе «Дунай» выходил для рекогносцировки берега Херсонесского полуострова.

31 августа. — Совершил осмотр оборонительной линии у Килен-балки.

2 сентября. — В связи с появлением неприятельского флота перед Евпаторией приказал привести суда в полную боевую готовность и сформировать батальоны из моряков.

6 сентября. — Посетил главную квартиру кн. Меншикова, расположенную на р. Альме.

7 сентября. — Написал завещание семье.

8 сентября. — Получив донесение о наступлении англо-французских войск на Альму, отправился туда.

9 сентября. — Получив приказание кн. Меншикова о подготовке кораблей к затоплению для преграждения неприятельскому флоту доступа на Севастопольский рейд и использовании корабельных команд для обороны Севастополя с суши, собрал совет флагманов и капитанов для обсуждения вопроса о дальнейших действиях флота.

Принял решение выйти с флотом в море и атаковать неприятельский флот, чтобы нанести ему удар, хотя бы ценой своей гибели. По докладе этого решения кн. Меншикову получил вторичное категорическое приказание затопить суда, а в случае неисполнения этого приказания отправиться к месту службы в Николаев.

Издал приказ о размещении кораблей на рейде по диспозиции для боя и о подготовке старых кораблей к затоплению.

11 сентября. — Назначен начальником обороны Северной стороны г. Севастополя (оборона Южной стороны была поручена П. С. Нахимову).

Присутствовал при затоплении у входа в Севастопольскую бухту кораблей «Три Святителя», «Уриил», «Селафаил», «Варна», «Силистрия» и фрегатов «Флора» и «Сизополь».

Издал приказ с объяснением цели затопления кораблей как необходимой меры для защиты Севастополя.

Издал приказ о формировании из корабельных команд 12 батальонов для защиты Севастополя с суши.

Издал приказ о распределении морских батальонов для обороны Северной стороны Севастополя.

13 сентября. — Издал приказы о задачах кораблей, обороняющих Северную сторону Севастополя, в случае отступления русских войск и о занятии морскими батальонами позиций для отражения противника в случае ночного его наступления.

14 сентября. — Вступил в исполнение обязанностей начальника штаба войск, расположенных в Севастополе.

15 сентября. — Произвел смотр войск и морских батальонов, расположенных на боевых позициях южной оборонительной линии.

20 сентября. — В связи с усилением гарнизона Севастополя сухопутными частями из армии кн. Меншикова составил новую диспозицию войск для обороны Южной стороны.

21 сентября. — Издал приказы с указанием позиций пароходов на рейде и инструкциями для них на случай отражения атак противника на отдельные участки обороны Южной стороны Севастополя.

23 сентября. — Присутствовал при примерном отражении штурма Малахова кургана.

28 сентября.	— Издал приказ о формировании запасных орудийных парков для морских батарей.
1 октября.	— Издал приказ о мерах предохранения личного состава гарнизона от потерь на позициях от огня противника и устройстве надежных блиндажей для укрытия людей во время бомбардировок.
	— Издал приказ о размерах боевого комплекта снарядов и зарядов для морских батарей с указаниями, откуда должно производиться питание их боевым запасом.
3 октября.	— Издал приказ, отмечающий героизм офицеров, матросов и солдат, защищающих Севастополь.
1 сентября — 4 октября.	— Ежедневно посещал укрепления Севастополя, лично руководя всеми важнейшими работами по усилению обороны.
5 октября.	— Около шести с половиной часов утра с началом бомбардировки Севастополя противником направился на бастион № 4, являвшийся центром оборонительной линии. Пробыв здесь некоторое время, отправился на бастион № 5 и в десятом часу снова вернулся на бастион № 4, откуда, следуя вдоль оборонительной линии и посетив смежные батареи и бастион № 3, прибыл на Малахов курган. Обойдя его укрепления и батареи, намеревался отправиться дальше, но в 11 час. 30 мин. был смертельно ранен ядром и вечером того же дня скончался.
6 октября (вечером).	— Погребен в склепе строящегося морского собора св. Владимира в г. Севастополе рядом с могилой М. П. Лазарева.

№ 1

ИЗ ПРОШЕНИЯ ВЛАДИМИРА КОРНИЛОВА ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ЕГО В МОРСКОЙ КАДЕТСКИЙ КОРПУС[1]

Января 1818 г.

...Отец мой родной, действительный статский советник Алексей Михаилов сын Корнилов, службу вашего императорского величества продолжал во флоте, ныне мне от роду двенадцать лет, обучен по-российски и по-французски читать и писать и арифметике, но в службу вашего императорского величества никуда еще не определен, а желание имею вступить в Морской кадетский корпус в кадеты, а потому всеподданнейше и прошу.

К сему прошению[2]

Дабы высочайшим вашего императорского величества указом повелено было самое прошение принять и меня именованного по желанию моему в Морской кадетский корпус в кадеты определить. А что я действительно из дворян и помянутому действительному статскому советнику Алексею Корнилову законный сын, в том представляю при сем свидетельство. Испомещен же состою Тверской губернии, крестьян за отцом моим тридцать душ[3].

недоросль из дворян *Владимир Корнилов...*
руку приложил.

---

[1] По невыясненным причинам прошение это в 1818 г. не было удовлетворено. В. А. Корнилов был принят в Морской кадетский корпус в 1821 г. в старший класс и закончил корпус в течение двух лет.

[2] Фраза: «К сему прошению недоросль из дворян Владимир Корнилов руку приложил», набранная в тексте разрядкой, представляет собой скрепу, подписанную рукой В. А. Корнилова.

[3] Отец В. А. Корнилова с 1775 по 1803 г. служил во флоте, участвовал в войне со Швецией 1788—1790 гг. Автор книги «Сигналы, посредством коих производятся тактические действия гребного флота», изд. 1800 г.

Мы, нижеподписавшиеся, сим свидетельствуем, что означенный в сем прошении недоросль из дворян Владимир Корнилов действительно законный сын служившему во флоте действительному статскому советнику Алексею Михайловичу Корнилову и от роду имеет ныне двенадцать лет. Генваря... дня [1] 1818 года.

Генерал-лейтенант *Фок*
Военный советник *Бедряга*
Четвертого класса и кавалер Даниил Яковлев сын *Башуцкий*
Контр-адмирал Матвей *Муравьев*

Помета: «Подано 1 февраля 1818 г.»

ЦГВМА, ф. МКК. Документы воспитанников, 1818, д. 5784, лл. 1—2. Подлинник. Сохранен стиль оригинала.

№ 2
СПИСОК ЭКЗАМЕННЫЙ В МИЧМАНЫ [2] 1823 г.

С которых годов																	
В корпус в кадеты определены	В гардемарины	В нынешних чинах	Сколько ныне имеют лет от роду		Закону божию	Арифметике, геометрии плоской и сферической, тригонометрии и геодезии	Навигации и астрономии	Практике и эволюции	Алгебре и высшим вычислениям	Механике	Вышней теории морского искусства	Опытной физике	Корабельной архитектуре	Иностранным языкам	Истории и географии	Российской грамматике	От командующих судами аттестованы
[1] 821		[1] 823	17-й	Унтер-офицер Владимир Корнилов	Очень хорошо						Очень хорошо			По-французски, по-английски и по-немецки знает хорошо	Очень хорошо	Очень хорошо	

ЦГВМА, ф. МКК, 1823, д. 3732, лл. 70—71. Подлинник.

№ 3
ИЗ СПИСКА УНТЕР-ОФИЦЕРОВ И ГАРДЕМАРИН, НАЗНАЧЕННЫХ К ВЫПУСКУ ВО ФЛОТ В МИЧМАНЫ 1823 г.

№	С которых годов					Сколько лет от роду
	В корпус в кадеты определены	По прошениям и по свидетельствам показано от роду лет	В гардемаринах	В нынешних чинах		
9	[1] 821 марта 5	[1] 818 генваря 12 лет	[1] 821	[1] 823	Унтер-офицер Владимир Корнилов	17-й

ЦГВМА, ф. МКК, 1823, д. 3732, л. 159. Подлинник.

---

[1] Дата в подлиннике не указана.
[2] Заголовок подлинника.

№ 4

ИЗ СПИСКА ШТАБ- И ОБЕР-ОФИЦЕРОВ, ОТЛИЧИВШИХСЯ В СРАЖЕНИИ 8 ОКТЯБРЯ 1827 г. ПРИ НАВАРИНЕ[1]

13 ноября 1827 г.

Кто именно	Представление командиров, кто какое сделал отличие	Мнением моим полагаю наградить	На подлинном собственною его величества рукою написано тако:
Владимир Корнилов	Командовал тремя пушками нижнего дека и действовал как весьма деятельный и храбрый офицер	Орденом св. Анны 3-го класса	Анны 4

ЦГВМА, ф. ИДММ, 1827, д. 530, лл. 16—17. Копия.

№ 5

ИЗ ВЕДОМОСТИ О ПЛАВАНИИ СУДОВ БАЛТИЙСКОГО ФЛОТА В КАМПАНИЮ 1831 г.

5 декабря 1831 г.

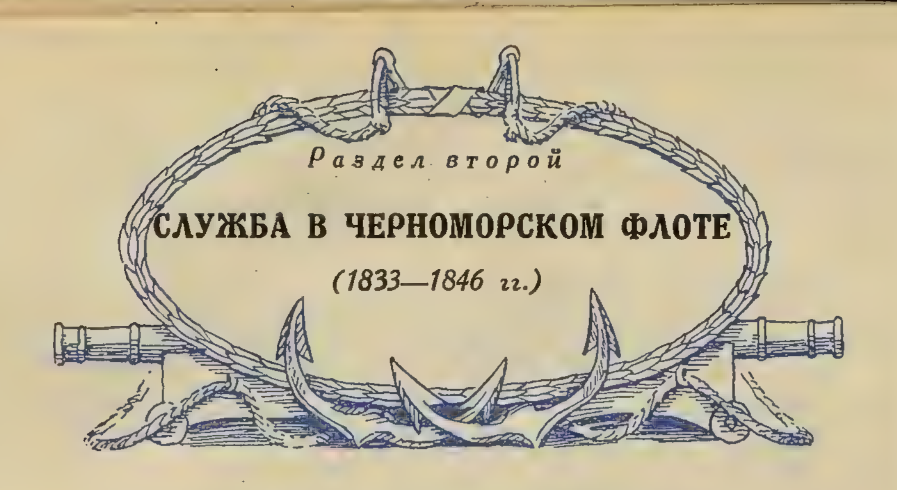
К каким экипажам приписаны суда	Каких рангов	Имена судов	Под чьим начальством и кто командиры судов	Когда вышел на рейд	От которого и до которого места имели плавание	Когда вошли в гавань для зимования	Замечание командиров относительно судов, ими командуемых
К 14-му флотскому экипажу	12	Тендер «Лебедь»	Контр-адмирала Платера, командир—лейтенант Корнилов	1 октября 1831 г.	От Кронштадта до Толбухина маяка и обратно в Кронштадт	8 октября 1831 г.	Поворачивает хорошо, лучший ход в бейдевинд имел 7 узлов, в полный ветр до 8. Вообще требует большого диферента и более балласту

ЦГВМА, ф. ИДММ, 1831, д. 2100, л. 42. Подлинник.

---

[1] См. примечание к документу № 11.

№ 6

ИЗ ШХАНЕЧНОГО ЖУРНАЛА ФРЕГАТА «ЭРИВАНЬ»

1 апреля — 8 мая 1833 г.

1 апреля. 1 час пополудни. Константинопольский пролив, Буюкдере.

В ¾ сего часа, по прибытии на фрегат свитского полковника Дюгамеля [1] и при нем подполковник и штабс-капитан, также лейтенантов Путятина [2] и Корнилова, назначенных для особой экспедиции в Дарданельский пролив, мы вследствие словесного приказания командующего эскадрой контр-адмирала Лазарева снялись с якоря и следовали к Галлиполи.

7 апреля. 1 час пополудни. Дарданельский пролив, у города Галлиполи.

Сего часа бывшие у нас полковник Дюгамель и при нем подполковник и штабс-капитан полевых инженеров, флота лейтенанты Путятин и Корнилов отправились на вольной лодке вниз Дарданельского пролива для исполнения возложенных на них поручений [3]

---

[1] А. О. Дюгамель — полковник, выполнявший ряд дипломатических поручений Николая I.

[2] Путятин Евфимий Васильевич (служил на флоте с 1819 по 1883 г.)—ученик М. П. Лазарева, под командой которого участвовал на корабле «Азов» мичманом в Наваринском сражении, а позже служил в Черноморском флоте. Командуя здесь кораблями, разработал систему составления корабельных расписаний и артиллерийских учений, введенную на флоте. В чине вице-адмирала был послан начальником отряда судов с дипломатической миссией на Дальний Восток, где проявил себя способным дипломатом, заключив с Китаем и Японией торговые договоры (1858 г. в Тянцзине и в Иеддо). В 60-х гг. прошлого столетия принял участие в реорганизации учебного дела во флоте, разработав проект преобразований военно-морских учебных заведений. Умер адмиралом в 1883 г.

[3] Пребывание русской эскадры под начальством М. П. Лазарева в 1833 г. на Босфоре было вызвано решением Николая I оказать по просьбе султана помощь Турции в борьбе с восставшим против нее вассалом египетским правителем Мехметом-Али, войска которого, нанеся ряд поражений турецкой армии, угрожали малоазиатским областям Турции и самому Константинополю. Одновременно с прибы-

19 апреля. 11 часов пополуночи. У города Галлиполи.

Сего числа на вольной лодке отправлен в Дарданеллы корпуса штурманов подпоручик Некрасов в помощь лейтенантам, занимающимся там описью и обозрением крепостей.

27 апреля. 5 часов пополуночи. У города Галлиполи.

В сие время возвратились из Дарданелл лейтенанты Путятин и Корнилов и корпуса штурманов подпоручик Некрасов.

29 апреля. У города Галлиполи.

Сегодня лейтенанты Путятин и Корнилов по причине противного ветра отправились [по] сухопутью в Буюкдере.

8 мая. 8 часов пополудни. У города Галлиполи.

Сегодня полковник Дюгамель возвратился из Дарданелл в город Галлиполи, почему мы подняли катера и четырехвесельную шлюпку на ростры и изготовились к походу.

ЦГВМА, Шханечные журналы, 1833, журнал фрегата «Эривань», № 50, лл. 44, 47, 53, 57, 58. 63. Подлинник.

№ 7

ИЗ ПИСЬМА ГЛАВНОГО КОМАНДИРА ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА И ПОРТОВ ВИЦЕ-АДМИРАЛА М. П. ЛАЗАРЕВА АДМИРАЛУ А. С. МЕНШИКОВУ О ТОЧНОСТИ ОПИСИ БЕРЕГОВ БОСФОРА И КАРТЫ ЕГО УКРЕПЛЕНИЙ, СОСТАВЛЕННОЙ ЛЕЙТЕНАНТАМИ Е. В. ПУТЯТИНЫМ И В. А. КОРНИЛОВЫМ

13 февраля 1834 г., г. Николаев

Не трудно угадать причины, побудившие вашу светлость истребовать от лейтенантов Путятина и Корнилова сведений о средствах, какие употребляли они при описи берегов Босфора, а равно и при составлении планов замков и крепостей. Вероятно, несходство представленных от сухопутного ведомства карт с составленными ими было главнейшим к тому поводом. Ежели так, то я обещаюсь довести до сведения вашей светлости, что если бы и в Дарданеллах сухопутные инженеры не скопировали обвод берега с описи, сделанной лейтенантами Путятиным и Корниловым, а опись замков и крепостей не делали бы вместе, то и в тех картах разность произошла бы не менее; ибо господа инженеры не имели с собой не только секстанта или теодолита, но даже компаса и порядочного чертежного инструмента. Доказательством чему может служить составленный ими для черчения карт бумажный транспортир, тогда как наши офицеры снабжены были всем, что только для таковой описи было нужно Из сего легко усмотреть можно, отчего опись замков и крепостей произво-

---

тием эскадры на Босфор был доставлен и русский десантный корпус, имевший задачей не допустить египетские войска к столице.

Пользуясь пребыванием в Турции, русское командование предприняло описание Босфорского и Дарданельского проливов и их укреплений; значительная часть этого ответственного поручения была выполнена В. А. Корниловым.

дилась у них вместе; ибо без содействия сих офицеров, имеющих все к тому средства, ничего бы составиться не могло. Но коль скоро усмотрел я из рапорта Дюгамеля к генералу Муравьеву несправедливое его показание, что он дозволил им скопировать опись пролива с составленной им карты (в чем он хотя и запирался, что никогда о сем в рапорте не упоминал, но уличен был с немалым для него стыдом), тогда при описи уже Босфора я приказал лейтенантам Путятину и Корнилову производить оную от господ сухопутных инженеров отдельно, которую и продолжали они более 2 месяцев с неутомимою деятельностью и величайшею точностью, вымеривая не токмо высоты и толщу крепостных стен, но величину калибра каждого орудия и даже высоту маяков, при выходе в Босфор находящихся. В измерении сих последних хотя и не было особенной крайности, но оно показывает ту точность, с которой опись сия производилась; для описи одного устья реки Рива и двух крепостей, на оной построенных, они принуждены были прожить там пять дней. Напротив того, мне известно, что полковник Менд пред последними уже днями нашего там пребывания послал инженерного офицера осмотреть только европейские крепости, который в тот же день все оные и объехал, но настоящей описи не делал, да и можно ли было сие исполнить в один день. В верности карты укрепленной части Босфора, как равно и планов крепостей, в оной находящихся, составленных лейтенантами Путятиным и Корниловым, я столько уверен, что не колеблюсь ни мало приступить к гравированию оных ныне же.

Если бы дело сие шло далее, то желательно бы было вывести истину наружу, хотя и не с тем, чтобы сделать через сие кому-либо вред, но доказать по пословице, что не редко чужими руками жар загребается. И уличенные менее бы в другой раз стали хвастать. Ежели ваша светлость увидите г. Бюрно, то не спросите ли его, как постороннего свидетеля занятий и тех и других, может быть, он и скажет правду, несмотря на то, что принадлежит другому от них ведомству. Я с своей стороны ничего не ищу, но мне весьма желательно утвердить в мыслях вашей светлости мнение, что офицеры сии есть одни из тех, которые при делаемых ими поручениях всегда покажут одну истину и ничего ни убавят, ни прибавят...

ЦГВМА, ф. АМ, карт. 33, 1834, д. 121, ч. I, лл. 35—36. Копия.

№ 8

ОТНОШЕНИЕ РУССКОГО ПОСЛАННИКА В ТУРЦИИ А. П. БУТЕНЕВА М. П. ЛАЗАРЕВУ О РЕШЕНИИ ОТПРАВИТЬ В ГРЕЦИЮ БРИГ «ФЕМИСТОКЛ» ПОД КОМАНДОВАНИЕМ ЛЕЙТЕНАНТА В. А. КОРНИЛОВА

21 ноября 1834 г.

Г. капитан-лейтенант Свирский, прибывший сюда 16/28 ноября с вверенным ему корветом «Пендераклия», вручил мне отношение вашего превосходительства от 28 октября за № 49, при коем вы, ми-

лостивый государь, изволили препроводить ко мне копии с двух предписаний г. морского министра по предмету перемены находящихся в Греции бригов «Аякс» и «Парис».

Усматривая из сих бумаг, что государю императору благоугодно было одобрить мнение мое об отправлении в Грецию предпочтительно мелких судов и, что ваше превосходительство изволите предоставлять ближайшему моему усмотрению дальнейшее назначение корвета «Пендераклия», я счел удобнейшим оставить сей корвет при здешней миссии и отправить в Грецию бриг «Фемистокл», который примерным попечением командира оного лейтенанта Корнилова содержится в самом лучшем виде и смело может соперничествовать с иностранными военными судами.

Сообщая вашему превосходительству о таковом моем распоряжении, о коем я ныне же доношу и Министерству иностранных дел, долгом поставляю присовокупить, что бриг «Фемистокл» отправится отсюда при первом благоприятном ветре.

Статский советник *Бутенев*

ЦГВМА, ф. ИДММ, 1834, д. 3219, л. 21. Копия.

№ 9

ИЗ ПИСЬМА М. П. ЛАЗАРЕВА А. С. МЕНШИКОВУ С ХАРАКТЕРИСТИКОЙ В. А. КОРНИЛОВА, КАК МОРСКОГО ОФИЦЕРА

2 февраля 1835 г.

...В Корнилове ваша светлость имеете офицера весьма просвещенного, благоразумного и особенно деятельного [1], имеющего все качества отличного командира военного судна. Например, если б ваша светлость были свидетелями становления брига «Фемистокл» на якорь в Смирне среди английской эскадры, то я уверен, что отдали бы командиру оного полную справедливость. Надобно было видеть бриг, входящий под всеми возможными парусами, не исключая и ундер-лиселей, которые перед самым брошением якоря исчезли, так сказать, все вдруг и закреплены были в 1¼ минуты без малейшего шуму и замешательства; надобно было видеть сотни устремленных труб на все его действия и вслед затем приехавших капитанов некоторых кораблей и нашедших бриг в таком состоянии, как будто он находился на рейде уже несколько дней, — все чисто и на своем месте; наконец, удивлявшихся проворству людей и спрашивавших, давно ли он командует сим бригом. Они не хотели верить, чтоб подобная команда могла образоваться в продолжение четырехмесячного времени. Вот один из тех офицеров, ваша светлость, которые поддержат честь нашего флага.

---

[1] В тексте «Русского архива» далее следует: «словом сказать».

Подобные слухи не всегда до вашей светлости доходят, да и я о происшествии сем по скромности характера Корнилова ничего бы не узнал, если б не написал мне Де-Лонг[1], слышавший о превосходном порядке на бриге от английских капитанов.

Старик Роулей при всей простоте своей наговорил Корнилову множество комплиментов — и странно, что спрашивал о корабле «Варшава» со многими подробностями...

ЦГВМА, ф. АМ, 1835, д. 121, лл. 118—119. Опубл. в жур. «Русский архив», 1881, кн. 3, стр. 212—213, с небольшими разночтениями.

В. А. Корнилов и художники К. П. Брюлов и кн. Г. Г. Гагарин в каюте брига «Фемистокл» во время плавания из Афин в Константинополь

(С литографии из „Русского художественного листка" В. Тимма, 1857, № 11.)

---

[1] В тексте «Русского архива»: «Де-Ионг».

№ 10

РАПОРТ В. А. КОРНИЛОВА НИКОЛАЮ I ОБ ОТПРАВЛЕНИИ БРИГА «ФЕМИСТОКЛ» ИЗ НИКОЛАЕВА В СЕВАСТОПОЛЬ ДЛЯ ПРАКТИЧЕСКОГО ПЛАВАНИЯ С ГАРДЕМАРИНАМИ

10 мая 1836 г.

По предписанию начальника штаба Черноморского флота и портов контр-адмирала и кавалера Авинова от 28 числа прошлого апреля месяца за № 14003 с вверенным мне бригом сего числа с Николаевского рейда отправился в Севастопольский порт в распоряжение командира корвета «Инфигения» капитан-лейтенанта Путятина для практического плавания с гардемаринами. На бриге караул и команда обстоят благополучно; замки, печати в целости, воды в бриге 6 дюйм, больных нижних чинов не имеется.

О чем вашему императорскому величеству всеподданнейше имею счастие донести, поднося при сем об офицерах именной список и о всех вообще чинах перечневую ведомость [1].

Капитан-лейтенант *Корнилов*

ЦГВМА, ф. ИДММ, 1836, д. 3751, л. 1. Подлинник.

№ 11

РАПОРТ М. П. ЛАЗАРЕВА А. С. МЕНШИКОВУ С ПРЕДСТАВЛЕНИЕМ К НАГРАЖДЕНИЮ В. А. КОРНИЛОВА ГРЕЧЕСКИМ ОРДЕНОМ ЗА ОТЛИЧИЕ В НАВАРИНСКОМ БОЮ [2]

12 мая 1836 г.

Чрезвычайный посланник и полномочный министр наш в Греции, извещая меня, что его величеству королю Греции угодно было украсить некоторых из командиров и офицеров российских военных судов, находившихся в сражении при Наварине, орденами Спасителя, приложил притом для сведения моего копию с доставленного г. действительному статскому советнику Катакази [3] греческим правительством списка флагманам и офицерам нашего флота, которые за Наваринскую битву пожалованы кавалерами означенного ордена.

Прочитывая список этот, я нашел, что в числе удостоившихся

---

[1] Список и ведомость не публикуются.

[2] С целью оказания помощи Греции, боровшейся за свою национальную независимость, соединенный русско-англо-французский флот 8 октября 1827 г. нанес решительное поражение турецко-египетскому флоту при Наварине.

Во время этого боя В. А. Корнилов в чине мичмана находился на корабле «Азов», которым командовал капитан 1 ранга М. П. Лазарев.

[3] Катакази Г. А. — чрезвычайный посланник и полномочный министр России в Греции.

награды орденом Спасителя офицеров были Пфейфер, Тиханович, Огильви, Гаврино и Папаригопуло, из коих последний по знанию турецкого языка употреблялся только в качестве комиссионера при заготовлении разных съестных для кампании припасов, между тем как находившихся в то время на командуемом мною корабле старших мичманов Корнилова и Истомина 1-го[1] в списке там вовсе не оказалось.

Наваринское сражение *(С современной гравюры)*

Приемля во внимание, что мичмана Корнилов и Истомин 1-й были одни из самых деятельных, расторопных и исполнительных во время самого Наваринского дела офицеров, и полагая посему, что офицеры сии пропущены в списке отличившихся по какой-либо ошибке, я долгом счел покорнейше просить ходатайства вашей светлости о доставлении наравне с вышепоименованными офицерами орденов Спасителя золотого креста как Корнилову, так и Истомину 1-му, из коих первый ныне капитан-лейтенант и командир брига «Фемистокл», а последний лейтенант и командует шкуною «Гонец».

Вице-адмирал *Лазарев*

ЦГВМА, ф. ШЧФ 1836, д. 4361, лл. 6—7. Отпуск.

---

[1] Константин Иванович Истомин, старший брат Владимира Ивановича Истомина, будущего героя Синопа и Севастополя; оба брата, находясь на корабле «Азов», участвовали в Наваринском сражении — первый в чине мичмана, второй — гардемарином.

№ 12

ОТНОШЕНИЕ НАЧАЛЬНИКА ДЕЙСТВУЮЩЕГО ОТРЯДА НА ВОСТОЧНОМ БЕРЕГУ ЧЕРНОГО МОРЯ ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА Н. Н. РАЕВСКОГО М. П. ЛАЗАРЕВУ С ПРЕДСТАВЛЕНИЕМ В. А. КОРНИЛОВА ЗА БОЕВЫЕ ЗАСЛУГИ ПРИ ЗАНЯТИИ м. ТУАПСЕ К ЧИНУ КАПИТАНА 2 РАНГА

13 мая 1838 г., лагерь при реке Туапсе

Считаю долгом сообщить вашему превосходительству то, что я изложил г. военному министру в моем донесении о занятии Туапсе, а именно: действие военных кораблей дозволило отряду выступить на берег без всякой потери и без выстрела. Дело уже завязалось, когда мы были вне выстрела эскадры. Находящийся на корабле «Екатерина II» г. контр-адмирал Артюков очистил своим огнем долину, которую иначе мы бы не заняли без потери. Благодарный отряд назвал сию долину именем Екатерининской, и название сие уже принято на картах.

Приятная и лестная для меня обязанность донести вашему превосходительству, что начальник левой половины гребных судов десанта г. капитан-лейтенант Корнилов имел весьма большое влияние на успех высадки. Когда огонь с кораблей прекратился по случаю движения гребных судов к берегу, г. капитан-лейтенант Корнилов открыл с гребных судов сильный и удачный огонь, который он продолжал до самого берега; с самой большой быстротой он двинул все гребные суда, сохраняя между ними отличный порядок, чрез что все войска вышли на берег без малейшего беспорядка. Наконец, с 10 солдатами Тенгинского пехотного полка и столько же матрозами он из первых выскочил на берег для занятия точки, весьма важной для прикрытия прибывающих войск. Все вышеизложенные причины заставляют меня покорнейше просить ваше превосходительство о представлении г. капитан-лейтенанта Корнилова к следующему чину.

Генерал-майор *Раевский*

ЦГВМА, ф. ИДММ, 1838, д. 389, л. 3. Подлинник.

№ 13

РАПОРТ М. П. ЛАЗАРЕВА А. С. МЕНШИКОВУ О ВЫСАДКЕ ДЕСАНТА НА ПОБЕРЕЖЬЕ КАВКАЗА У РЕКИ СУБАШИ И УЧАСТИИ В ЭТОМ ДЕСАНТЕ КАПИТАНА 2 РАНГА В. А. КОРНИЛОВА

5 мая 1839 г., корабль «Силистрия», на якоре при реке Субаши

Состоящая под личною моею командой 2-я эскадра Черноморского флота из кораблей «Силистрия», «Императрица Екатерина II», «Память Евстафия», «Султан-Махмуд» и «Адрианополь»; фрегатов «Браилов», «Агатополь», «Тенедос» и «Штандарт»; брига «Меркурий»; яхты «Ариадна»; тендера «Легкий» и пароходов «Северная звезда» и «Колхида» с десантными войсками, начальству генерал-лейтенанта Раевского вверенными, от Керченского пролива прибыла вся на высоту Субаши 2 числа маия к вечеру, вместе с присоединен-

ным на этом переходе корветом «Орест», крейсировавшим у Абхазских берегов под флагом контр-адмирала Конотопцева, но как стихавший ветр не позволял некоторым судам занять до наступления совершенной темноты назначенные им по диспозиции места, то эскадра осталась на ночь под малыми парусами в море, имея в виду долину между речками Субаши и Шахе и окрестные горы, освещенные бесчисленными огнями.

3 числа утром эскадра, заняв позиции на картечный выстрел от берега, высадила на оный под прикрытием своей артиллерии и гребных судов как отряд сухопутных войск, так и сводный батальон из 769 человек флотских нижних чинов с соразмерным числом офицеров под начальством капитана 2 ранга Путятина, первым же сводным полубатальоном командовал флигель-адъютант его императорского величества капитан-лейтенант Глазенап, а вторым капитан 2 ранга Метлин.

Невзирая на быстроту, с которой совершена была высадка, и сильный огонь из орудий с эскадры, выбивший черкез из завалов, на самом берегу устроенных, многочисленные толпы их, скрывавшиеся по бокам долины, в лесах и рытвинах, покрывавших первые возвышения, с исступленною и беспримерною доселе яростью напали на первый отряд высадки, едва только успевший построиться, но после жестокой рукопашной схватки, невзирая на превосходное число неприятеля, неимоверная стремительность его была удержана штыками храброго отряда, подкрепленного двумя горными единорогами и матрозами с гребных судов, бросившимися на помощь под начальством распоряжавшегося высадкою десанта капитана 2 ранга Корнилова и капитан-лейтенантов — Иванова и Панфилова, командовавших флангами десантных гребных судов, а с прибытием на берег остального десанта и артиллерии довершено поражение неприятеля, который при всем ожесточении своем был отброшен в горы, и войска наши стали твердою ногою в позиции. При занятии Субаши выбыло 3 и 4 числа маия из фронта флотских убитыми 2 матроза, ранеными 1 штаб-офицер (капитан 2 ранга Путятин), 1 обер-офицер (мичман барон Фридерикс), 8 унтер-офицеров и 22 матроза.

Донося вашей светлости об успехах настоящей экспедиции и подвигах десантных войск под начальством известного храбростью и распорядительностью своею генерал-лейтенанта Раевского и представляя у себя план местности при речках Субаши и Шахе с диспозициею судов во время высадки десанта, я долгом почитаю свидетельствовать перед вашею светлостью об особенном усердии, деятельности и точности, с коими выполняли обязанности свои флагмана и командиры судов действующей эскадры как во время этой экспедиции, так и в прошлом году при занятии мест на черкесском берегу, прося покорнейше ходатайства вашего о награде их по удостоению, на представляемом у сего списке показанному [1].

---

[1] План местности, диспозиция судов и наградной список не публикуются.

При сем также в обязанность себе вменяю донести вашей светлости, что при начале дела на одной из азовских лодок [1], обстреливавших правый фланг высадки, от искры, попавшей в пороховой ящик во время выстрела, оную взорвало, причем ранило и обожгло 8 казаков, которые, впрочем, благонадежны к скорому выздоровлению; остальные находившиеся на этой лодке люди, в числе которых был и адъютант вашей светлости лейтенант Рындин, остались невредимы, ибо, к счастью, одна только носовая часть лодки потерпела от взрыва, и как это случилось вблизи берега, то ни один из упавших в воду не утонул, и все взяты подоспевшею к ним на помощь другою казачьею лодкой.

Генерал-адъютант вице-адмирал *Лазарев*

ЦГВМА, ф. ИДММ, 1839, д. 4841, лл. 10—11. Подлинник.

№ 14

РАПОРТ НАЧАЛЬНИКА 1-го ОТДЕЛЕНИЯ ЧЕРНОМОРСКОЙ ПРИБРЕЖНОЙ ЛИНИИ ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТА Н. Н. РАЕВСКОГО М. П. ЛАЗАРЕВУ С ПРЕДСТАВЛЕНИЕМ В. А. КОРНИЛОВА ЗА УСПЕШНУЮ ВЫСАДКУ ДЕСАНТА НА ПОБЕРЕЖЬЕ КАВКАЗА У РЕКИ СУБАШИ К ЧИНУ КАПИТАНА 1 РАНГА

5 мая 1839 г., лагерь при реке Субаши

Имею честь донести вашему превосходительству, что 38-го флотского экипажа капитан 2 ранга Корнилов, начальствовавший всеми гребными судами, высаживающими войска 3 маия, примерно благоразумным распоряжением доставил возможность десанту выйти на берег всему вдруг, через что стрелки были рассыпаны в одно время по всем направлениям, а войска в полном составе выдержали первый натиск неприятеля. Капитан Корнилов один из первых выскочил на берег, и, когда на самой опушке леса неприятель встретил авангард, Корнилов с вооруженными гребцами бросился вместе с авангардом для их отражения, чем весьма способствовал к первому и решительному успеху. После высадки второго рейса капитан Корнилов, составя сводную команду из гребцов, с примерной решимостью повел их на атаку горы на правом фланге морского батальона. Во все время сражения капитан Корнилов показывал замечательное соображение и неустрашимость. Все сказанное о капитане Корнилове дает мне право смело просить ваше превосходительство о исходатайствовании ему в награду следующий чин.

Генерал-лейтенант *Раевский*

ЦГВМА, ф. ИДММ, 1839, д. 4841, л. 2. Подлинник.

---

[1] Азовские лодки — большие морские лодки, употреблявшиеся казаками на Азовском море для рыболовства и каботажа. Для надобностей обороны кавказского побережья и обслуживания береговых укреплений из них была сформирована флотилия, находящаяся в распоряжении сухопутного командования. Она принимала участие в различных операциях на побережье, при высадках десантов и пр.

№ 15

ИЗ РАПОРТА М. П. ЛАЗАРЕВА А. С. МЕНШИКОВУ ОБ ОТЛИЧНОЙ РАСПОРЯДИТЕЛЬНОСТИ В. А. КОРНИЛОВА ПРИ ЗАНЯТИИ мм. ТУАПСЕ И ПСЕЗУАПЕ

19 июня 1839 г.

Командир 41-го флотского экипажа и корабля «Силистрия» капитан 1 ранга Нахимов и командир 38-го экипажа капитан 2 ранга Корнилов, постоянно отличающие себя примерною службою, командовали при занятии Туапсе и Псезуапе, первый левым, а второй правым флангом гребных судов, во время высадки в оба сии пункта десантных войск, исполнив сделанное им поручение с быстротою и в совершенном порядке, и из них Корнилов по званию начальника штаба эскадры был помощником всех моих распоряжений, которые исполнял с примерною заботливостью и благоразумием...

ЦГВМА, ф. ИДММ, 1840, д. 5100, л. 2. Подлинник.

№ 16

ДОКЛАД В. А. КОРНИЛОВА М. П. ЛАЗАРЕВУ О ХОДЕ ПОСТРОЙКИ КОРАБЛЯ «ДВЕНАДЦАТЬ АПОСТОЛОВ»

1 июня 1840 г.

1) Транспорт «Ахиолло» должен доставить ореховое дерево для корабля «Двенадцать апостолов», так как дерево это выписывалось по особому представлению командира корабля сего, то и дозволить строителю оного, капитану Чернявскому, предпочтительно перед всеми прочими инженерами и прежде всех их выбрать потребное количество для корабля «Двенадцать апостолов»[1].

2) Так как между крымским лесом есть грабовые деревья довольно больших размеров и дерево это имеет самые крепкие свойства, то и приказать заготовить таковое для правил к бомбическим станкам, утвержденным делать на корабль «Двенадцать апостолов», ибо крымский дуб при испытании оказался для сего назначения слабым.

3) Полагая, что разборный шкафут на кораблях, не имеющих на шкафуте артиллерии, доставляет более удобств, нежели неудобств, я прошу на корабле «Двенадцать апостолов» допустить сделать шкафут разборный.

4) Усовершенствование помп на флоте составляет теперь весьма важный предмет в Англии, и, вероятно, много уже сделано по улучшению оных и потому весьма бы полезно было выписать из Англии помпы последнего изобретения для корабля «Двенадцать апостолов». Заказ этот можно поручить имеющему отправиться в Англию капитану 1 ранга Путятину.

---

[1] В 1840 г. В. А. Корнилов был назначен командиром строившегося в Николаеве стодвадцатипушечного линейного корабля «Двенадцать апостолов», который был спущен на воду 15 июля 1842 г.

5) В шлюпочной мастерской как можно ранее приступить к постройке барказа и полубарказа корабля «Двенадцать апостолов», и именно: барказа — по окончании барказа, строящегося для фре-

Капитан-лейтенант В. А. Корнилов,
командир брига «Фемистокл»
(С современного рисунка)

гата «Мессемврия», а полубарказа — теперь же; это необходимо, чтобы лес просох во время лета.

6) В кузнице и столярной мастеровых, отделенных для корабля «Двенадцать апостолов», подчинить офицеру 38-го флотского экипажа и ни в каких случаях ни в какие посторонние кораблю сему работы не употреблять.

Капитан 2 ранга *Корнилов*

ЦГВМА, ф. ШЧФ, 1840, д. 5042, лл. 17—18.
Подлинник

№ 17

ИЗ ПИСЬМА М. П. ЛАЗАРЕВА А. С. МЕНШИКОВУ О РАБОТЕ В. А. КОРНИЛОВА НАД СОСТАВЛЕНИЕМ ШТАТОВ ПО ВООРУЖЕНИЮ КОРАБЛЕЙ ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА

21 июня 1840 г., г. Николаев

Представляю вашей светлости отпечатанный здесь штат как настоящего вооружения, так и по запасу для военных судов. Несправедливо бы было и непростительно с моей стороны, если б я не указал на главных виновников сего полезного и постоянного труда, без участия коих едва ли бы штаты эти издались в столь безошибочном, пространном и изящном виде, в котором ваша светлость их усмотрите. Говорить о пользе этого издания было бы излишне, потому что она сама собою докажется при первом взгляде на оное и подтвердится многими предбудущими годами; но мне приятно вспомнить, что первая мысль о необходимости исправления изданного штата в 1806 г. принадлежит вашей светлости и что мне предоставлено было быть некоторым образом исполнителем оной.

Говоря о выполнении этого поручения, я невольным образом опять обращаюсь к тем лицам, которые, можно сказать, постоянно и неутомимо оным занимались в продолжение нескольких лет; без усердного содействия их такого успеха не могло бы быть, потому что сам я, по многим отвлеченным занятиям моим по службе, никогда бы не мог уделить на то столько времени, сколько требовалось, и потому труды их я с особенною к ним признательностью имею честь при сем официально представить на благоуважение вашей светлости в лестной надежде, что вы обратите на них начальническое ваше внимание и удостоите их тех наград, которых они заслуживают.

Полезный труд этот наиболее принадлежит капитану 2 ранга Корнилову. Постоянные его занятия при одном помощнике (мичмане Львове), которого он сам избрал, значительно даже ослабили его здоровье, ибо забот действительно было очень много. Сообразуясь со всеми известными иностранными штатами и разными изданиями о вооружении судов, он нашел возможным подвести штат под некоторые правила, приложил новые таблицы, им же из многих опытов составленные, составил оригинальные чертежи, по которым 66 тыс. листов налитографированы и приложены к штату; пополнил оный многими полезными правилами, относящимися до мачтового, парусного, флажного и блокового мастерства, которых прежде не было. Словом сказать, неусыпными трудами и постоянною заботливостию капитана 2 ранга Корнилова штат этот, подробно мною рассмотренный и одобренный, и представляется вашей светлости в таком виде, в каком ни одна из морских держав никогда оного не имела.

Мичман Львов содействовал ему как при вычислении и поверке таблиц, так и строгим наблюдением за отпечатанием листов, которые по нескольку раз в день обращались из типографии к Корнилову и обратно, ибо в подобного рода изданиях ошибок или опечаток допу-

скать не должно. Мичмана Львова я решился отправить с этими штатами, потому что в случае, если бы вашей светлости угодно было сделать какие-либо вопросы при рассмотрении оных, то он может дать удовлетворительное пояснение, так как он ежедневно был употребляем при издании оных. Кроме того, по изменившемуся назначению Путятина, Львову поручено несколько раз побывать на Ижорских заводах для понуждения в выделке медного крепления и обшивочных листов и отправления оных в возможной скорости, дабы не остановить кораблестроения.

Наконец, нельзя не отдать справедливости и полковнику Кумани, который распорядительностью своею по типографии и литографии сделал все, что только от подобного небольшого заведения, каково Николаевское депо, ожидать было можно. В официальном моем представлении я не определяю награды Корнилову и Кумани, опасаясь показаться неумеренным; но знаю, что хорошее денежное вспомоществование по семейным их обстоятельствам или увеличенное на будущее время содержание было бы всего другого существеннее, особенно для первого, который, будучи командиром экипажа и корабля, редко когда в состоянии пригласить к столу кого-либо из своих офицеров; а это, признаться надобно, есть немалое из многих удовольствий лишение...

«Русский архив», 1882, вып. 2, стр. 302—304.

№ 18

РАПОРТ КАПИТАНА 1 РАНГА В. А. КОРНИЛОВА М. П. ЛАЗАРЕВУ О РАЗРЕШЕНИИ КОРАБЛЮ «ДВЕНАДЦАТЬ АПОСТОЛОВ» НАЧАТЬ КАМПАНИЮ ДЛЯ ПРАКТИКИ КОМАНДЫ

27 апреля 1842 г.

Так как вооружение на вверенном мне корабле совершенно окончено и по множеству рекрут весьма полезно начать обучение команды вверенного мне корабля морскому делу, хотя примерно в то время, как адмиралтейство будет оканчивать некоторые оставшиеся работы внутри, то и прошу позволения с 1 сего маия, перебрав людей на корабль, начать кампанию, ибо в жилых палубах почти все кончено и люди легко могут поместиться.

Капитан 1 ранга *Корнилов*

ЦГВМА, ф. ШЧФ, 1842, д. 5233, л. 4. Подлинник.

№ 19

ПРИКАЗ В. А. КОРНИЛОВА ПО КОРАБЛЮ «ДВЕНАДЦАТЬ АПОСТОЛОВ» О ПРАВИЛАХ ПОДАЧИ КОМАНД ОФИЦЕРАМИ ВО ВРЕМЯ ОБЩИХ КОРАБЕЛЬНЫХ РАБОТ

24 мая 1842 г.

При общих работах офицерам наблюдать следующие правила:

1) Занимаясь расстановкой людей по снастям, особенно наблюдать, чтоб нижние чины и унтер-офицеры при работе не произно-

сили ни одного слова, для чего самим себе дозволять только необходимое и то, что посредством знака передано быть не может.

2) Старшему офицеру на баке поставить себе правилом на всякую команду со шканец отвечать словом *есть*, исполняя немедленно приказанное. Для чего лучшее место на правом или наветренном шкафуте у запасного якоря, кроме крепления парусов, уборки якоря и других случаев, требующих его личного надзора.

«Собрание приказов и инструкций, составленное по приказанию е. и. в. генерал-адмирала». Спб., 1860., стр. 109.

№ 20

ПРИКАЗ В. А. КОРНИЛОВА ПО КОРАБЛЮ «ДВЕНАДЦАТЬ АПОСТОЛОВ» С ОБЪЯВЛЕНИЕМ ИНСТРУКЦИИ ОФИЦЕРАМ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ВНУТРЕННЕЙ СЛУЖБЫ И СОБЛЮДЕНИИ ПОРЯДКА И ЧИСТОТЫ НА КОРАБЛЕ

14 июня 1842 г.

Для избежания словесных приказаний касательно некоторых порядков, которые считаю необходимыми на военном судне, дабы содержать его согласно устава и требований правительства, я рекомендую гг. офицерам вверенного мне корабля неотступно держаться письменной инструкции, составленной мною для их руководства и при сем прилагаемой.

ИНСТРУКЦИЯ ГГ. ОФИЦЕРАМ

1) Приказания старшего офицера принимать, как собственные мои, и чинить по оным неослабное и немедленное исполнение.

2) Так как всякая работа должна производиться тихо, без всякого замешательства, что требуется и уставом, то гг. офицерам строго запрещать нижним чинам разговаривать во время работы, наблюдая притом, чтоб люди всегда оные исполняли с живостью и даже в самых безделицах не позволяли себе равнодушия и вялости.

3) Вахтенным командирам о каждом сигнале, не только относящемся к кораблю, но и к прочим судам, равно как о делаемых от них кому бы то ни было, о всякой перемене ветра или погоды, днем ли то случится или ночью, об усмотрении берега, судов или огней и вообще о всяких случаях, могущих встретиться в море или на якоре, меня немедленно уведомлять чрез подвахтенных своих офицеров или лично.

4) Г-ну офицеру, вступающему на вахту, если то на якоре, поставить себе в непременную обязанность немедленно осмотреть как отданные, так и запасные канаты, а именно: чтобы они были чисты, если отдан пеньковый, то чтоб мат в клюзе был подведен как следует и штерт от него прихвачен, канатные битенги не были бы завалены (как то часто случается) разными концами, талями, сарвиня-

ми, канифас-блоками и прочим; канатные стопора заложены, как должно, и выравнены; и, наконец, если свежо, то чтоб канат (разумею, пеньковый) не потерло в клюзе, перепускать его чрез приличный промежуток времени.

5) Если же под парусами, то обратить тотчас внимание на имеющиеся паруса: как они обрасоплены, сообразно ли направлению ветра, шкоты натянуты ли до места, фалы туго ли подняты; брасы, бакштаги и нижние[1], а если у марселей взято два или более рифов, то и марса-топенанты достаточно ли вытянуты, если корабль идет бейдевинд, или не полнее 7 румбов от ветра, бом-брамсели или брамсели закреплены, то брам- и бом-брам-реи поставлены ли по ветру, а во всякое другое время — прямо и в должной высоте от эзельгофтов; кливер-лееры туги и фалы подняты ли до места, одним словом, все ли паруса в таком виде, в каком они всегда должны быть на исправном военном судне, и если что-либо найдется тому противное, то немедленно приступать к исправлению, несмотря ни на какие неудовольствия, могущие произойти от того со сменившимся офицером. Исправный вид судна, на котором служим, должен быть всегда важнее всякой личности.

6) Когда приказано будет вызвать команду наверх для какихлибо работ, то наблюдать, чтоб боцман находился у грот-люка и свистал бы сначала один, прокричав после того причину вызова, например: *«рифы брать! поворачивать! сниматься с якоря! прибавлять или убавлять парусов!»* и так далее, прочие же унтер-офицеры между тем собирались бы в палубе также около люков и, когда боцман кончит, принимали бы и повторяли свист. Услышав вызов, младший артиллерийский офицер должен немедленно понуждать людей к скорейшему выходу наверх и, как скоро они все выйдут, доносить о том старшему офицеру, а гг. офицерам каждому занимать свое место по расписанию.

При выносе коек вахтенный офицер наблюдает, чтобы койки не ночующих и больных были сложены в одно место и покрыты брезентом, сетки закрыты чехлами, а подвахтенных своих офицеров отряжает для понуждения нижних чинов к непременному и скорейшему подвешиванию коек на назначенные им места. К обеду, ужину, завтраку и вину боцман свистит со всеми унтер-офицерами вместе.

7) Гг. вахтенным командирам предоставляется, когда корабль стоит на якоре, наблюдать:

а) Чтоб палубы были чисты, все на них и в деках находилось по своим местам, рангоут выправлен, реи на марках от эзельгофтов, все снасти обтянуты; флаг и гюйс были бы до места, равно как и каждый поднятый сигнал или ответ; если поставлен дымсель или виндзейли, то чтоб первый был ровно и туго поднят, а последние обрасоплены против ветра; все что металлическое и чистится — вычищено; снаружи и внутри корабль вымыт, обметен и подводная медь вычищена, русленя выскоблены, мокрые швабры, парусные

[1] Так в подлиннике.

ведра развешены в определенном для сего месте; за бортом на такелаже и рангоуте ничего чтоб не висело и, наконец, чтоб каждые четыре часа корабль был обметен кругом. Для лучшего же выполнения всего сказанного вахтенным командирам вменяется в обязанность осматривать самим корабль по крайней мере два раза в вахту.

b) Вообще все, что свозится с корабля или привозится на оный, непременно поднимать на талях или горденях чрез верх, кроме малых вещей, кои можно подавать из рук в руки в порты, запрещая во всяком случае принимать что-либо без позволения. После подъема, талей и горденей не оставлять, а убирать немедленно первые на низ, а вторые на марсе, укладывая аккуратно в бухты; людей никак не допускать лазить в порты или что-либо выбрасывать с судна в оные, ибо сор и тому подобное надлежит выбрасывать не иначе, как с гальюна в корзине, которую опускать к самой воде. Когда порты подняты и нижние полупортики откинуты, то чтоб все были всегда горизонтальны, около шпигатов чтоб никакого сора не было, а равно и ахтертов и канат чтоб всегда были чисты от наносной травы и сора.

c) Шлюпки чтобы никогда у борта не стояли, которые же пристают, то высадив пассажиров или сдав груз, немедленно оттягивались бы на выстрел или сдавались бы на бакштов.

d) Во время мытья палуб чтоб люди снимали обувь и чтоб, кроме русленей, ничто не скоблилось, а все мылось камнем и песком и пред мытьем или метеньем всегда все снасти были бы подвешены; класть же их в коечные сетки особенно воспрещается.

e) Окончив мытье, вытирать всегда как можно суше, в особенности же те места, где вода застаивается, как то: под кранцами, у ватер-вельсов и под станками; а когда палуба просохнет, то немедленно укладывать снасти и устанавливать все для мытья тронутые вещи на свои места, именно: нактоузы, марса-фальные кадки, брандспойты, люки и прочее; около станков орудий также все убрать, за чем надзирать старшему артиллерийскому офицеру и его подчиненным.

f) После захождения солнца снасти чтоб были всегда разобраны, подвешены на кофель-нагели или планки, а палуба выметена. Первое делать также всякий раз пред ожиданием дождя.

8) Вахтенным командирам вообще никому не дозволять сидеть на русленях и планцыре, равно как и выходить без фуражек на шканцы, а нижним чинам — развешивать белье свое где бы то ни было без приказаний старшего офицера.

9) Полагая, что 15 минут весьма довольно для выноса коек наверх или подвешивания их в палубе, по истечении этого времени требовать донесения от подвахтенного офицера, что палуба чиста от коек или они все подвешены на своих местах. Присмотр за укладкой коек и накрытием их чехлами возлагается на марсовых старшин, с коих и взыскивать всякую неисправность около коек, предоставив им право койки, дурно связанные, не принимать.

10) Когда койки выносят наверх, наблюдать, чтоб каждый выносил ее на плече и в таком положении дожидал бы своей очереди; оставлять же на палубе или прислонять к борту отнюдь не дозволять; ко-

гда койки уложены в сетках, никому не дозволять садиться на них, равно как и становиться во время работ и вообще, когда они могут быть запачканы или замочены, приказывать закрывать чистым брезентом.

11) При мытье коек гг. вахтенным командирам строго смотреть, чтобы люди никак не смели мыть их голиками и песком, а чтоб непременно мыли щетками; когда же койки, быв развешены после мытья, высохнут, то по спуске их гг. ротным командирам осмотреть каждому свою роту, чисто ли люди вымыли койки, и если найдут дурно вымытые, то тотчас заставлять перемыть.

12) Вахтенным командирам также наблюдать, чтоб гребные суда отваливали всегда в должной исправности, имели бы паруса, достаточное число балласту, запасное весло и вообще все, что по назначению судна требуется, давая притом наставления офицеру или старшинам как об осторожностях, требующихся при обращении со шлюпкой, т. е. о взятии рифов, уборке парусов при приставании к судну или берегу, постановлении шлюпок на дрек, где прибой, так и о сохранении на них всегда военного вида, состоящего в том, чтобы все делалось расторопно.

13) Когда корабль под парусами, то, кроме всех вышеозначенных подробностей, до порядка и чистоты касающихся, рекомендую гг. вахтенным командирам наблюдать:

a) Чтобы журнал в продолжение их вахты веден был с величайшею исправностью и чтоб бросающий лаг не смел выставлять сам собою ход, не спросясь о сем у вахтенного офицера, по окончании же вахты в удостоверение, что журнал пересмотрен вахтенным командиром, он должен подписать оный. Без приказания вахтенного офицера ничего на вахте не должно делаться, о перемене же курса, прибавлении и убавлении парусов он ни от кого, кроме командира судна или старшего офицера, приказания принимать не должен.

b) Во время ночных вахт перекликать нижних чинов по расписанию, назначенному для сего с вечера старшим офицером, и если нет особенного назначения, то расписанием по снастям и не менее двух раз в вахту, делая всегда первую перекличку по истечении первой склянки своей вахты.

c) При постановлении или перемене стакселей становить на фалы и наниралы столько, чтоб поднимать оные не иначе как бегом и прямо до места. Подобное распоряжение делать и в других случаях, где признается удобным.

d) Когда приказано будет положить грот-марсель на стеньгу, то иметь непременным правилом немедленно после того поправить грота-рей как на брасах, так и на топенантах; равномерно всегда смотреть, чтобы обносные сезни у всех парусов, как только который из них отдан, были немедленно свернуты в бухты и перекинуты на перед.

e) Идучи бейдевинд, взять за правило, чтоб наветренные шкаторины парусов были по возможности туги, и как скоро булиня прихвачены, то подветренные марса-брасы ослаблены (в самые тихие ветры можно их только выбирать, а в крепкие надлежит вовсе отдавать). При двух или более взятых рифах также вытягивать натуго наветренные марса-топенанты, топенанты же нижних парусов должно

всегда, когда только судно идет бейдевинд и несет их, выдраивать самым тугим образом. Кроме всего вышеупомянутого, вахтенным офицерам надобно помнить, что в бейдевинд правят по гроту или, если он не стоит, то по грот-марселю и поэтому должно ставить и брасопить все прочие паруса сообразно с сим.

f) При умеренных ветрах иметь лисели всегда в готовности, фалы и шкоты их спущенными и привязанными; однако снасти эти не должно вытягивать, а брать по реям, дабы они не мешали брасопке их.

g) Требовать, чтоб вахтенный боцман при вступлении на вахту всегда осматривал рангоут и такелаж и доносил о найденном подвахтенному офицеру, а тот доносит вахтенному командиру; каждое же утро стоящему вахту с 5-го до 9-го часа требовать таковой же рапорт от подшкипера и самому в 8 часов согласно рапорту подшкипера доносить старшему офицеру.

h) При всех работах, где нужна помощь в людях, днем ли то или ночью, позволяется вахтенному командиру вызывать вахтенных разночинцев [1] и держать их сколько обстоятельства того требуют.

i) Относительно командования рекомендую строго держаться предписанного в книге под заглавием «Командные слова», вышедшей в 1835 г.

14) Ротным командирам, кроме надзора за исправностью и чистотой оружия своих рот, также наблюдать строго за нижними чинами, чтоб они содержали себя во всякое время чисто и отнюдь не ходили в оборванном платье, для чего г. старшему офицеру дозволить гг. ротным командирам осматривать в удобное для сего время свои роты, их чемоданы и амуницию.

15) Ежедневно, в 9 часов утра, гг. подвахтенным офицерам, стоявшим вахту с 5-го до 9-го часа, являться к старшему офицеру для наблюдения по распоряжению его за работами и чистотою в деках.

16) Летом в ночные вахты вахтенным командирам не дозволять нижним чинам выходить без одежды наверх: это весьма способствует простудным болезням, и потому должно быть взято за правило по раздаче коек командовать «вахтенным надеть фуфайки!» и вместе с тем приставлять унтер-офицера к гальюну, чтоб не допускать туда подвахтенных без платья.

17) В сырые погоды, при дожде, во время росы, равно как и на ночь, кроме необыкновенных каких случаев, вахтенным командирам взять также за правило приказывать травить марса-фалы, брам- и бом-брам-фалы, кливер-лееры и фалы, бизань-дирик-фал и сигнальные фалы, ибо снасти эти, сжимаясь от сырости, могут повредить рангоут, а сами потерпеть от излишней натуги.

ЦГВМА, ф. ИЛ. д. 4. Копия. Опубликовано в книге А. Жандр «Материалы для истории обороны Севастополя и для биографии Владимира Алексеевича Корнилова», Спб., 1859, стр. 307—313.

---

[1] Под словом «вахтенные разночинцы» надо понимать людей данной вахты, обычно не несущих наружной вахтенной службы (вестовых, писарей, коков, содержателей и т. п.).

№ 21

ПРИКАЗ В. А. КОРНИЛОВА ПО КОРАБЛЮ «ДВЕНАДЦАТЬ АПОСТОЛОВ» О ПОРЯДКЕ ЕЖЕДНЕВНОГО ОСМОТРА КОРАБЛЯ

16 июня 1842 г.

Располагая ежедневно в 10 часов утра осматривать корабль, я рекомендую г. капитан-лейтенанту Ю. [1] к этому времени изготовлять его совершенно, т. е. кончать везде не только мытье и скобление, но и чищение меди, пыли и прочее. При сем осмотре во всех отделениях корабля должны встречать меня лица, кои обязаны непосредственным надзором, и именно: в батареях (когда будут орудия)—старший артил-

Линейный корабль «Двенадцать апостолов»

(Рис. художника В. А. Прохорова)

лерийский офицер; в лазарете и нижней аптеке — корабельный медик; в крюйт-камере и арсенале — содержатель по артиллерийской части; в брот-камере — корабельный комиссар; около канатов, в парусных и шкиперских каютах — шкипер; в цейхгаузе — экипажный комиссар; в канцелярии — старший экипажный писарь; в деках же, в адмиральской каюте, в кают-компании и интрюме — унтер-офицеры, избранные для постоянного присмотра за этими местами; гг. подвахтенным офицерам, стоявшим с 5-го до 9-го и обязанным по инструкции моей являться к старшему офицеру для надзора за чищением палуб, провожать меня вместе с г. капитан-лейтенантом.

«Собрание приказов и инструкций», Спб., 1860, стр. 118.

---

[1] Так в публикации сборника «Собрание приказов и инструкций».

№ 22

ПРИКАЗ В. А. КОРНИЛОВА ПО КОРАБЛЮ «ДВЕНАДЦАТЬ АПОСТОЛОВ» О ПОРЯДКЕ ПОДЪЕМА ГРУЗОВ НА КОРАБЛЬ

4 июля 1842 г.

1) При осмотре сего числа надводной бортовой меди найдено мною много мест избитых и есть изодранные; так как это обыкновенно случается от пристающих к борту гребных судов и от небрежного подъема с воды тяжестей, а присмотр за тем и другим составляет одну из самых важных обязанностей вахтенных лейтенантов на якоре, то делаю им строгое замечание, рекомендую прочесть пункты b и с в статье 7-й моей инструкции [1] и впредь наблюдать по оным. Для сбережения же кормовой меди воспретить людям с судов, находящихся на бакштове, лазить в констапельский порт, в особенности же подавать какие-либо вещи.

2) Несколько раз я словесно замечал, что при подъеме вещей и в разных других случаях закладывают тали в переверт и лопарь проводят не в направлении, требуемом шкивом, от чего снасти, блоки и другие принадлежности к вооружению приходят прежде времени в негодность и затрудняется тяга. Но не видя, чтоб слова мои имели должное влияние, я сим объявляю, что при первом случае офицер, который не будет соблюдать в упомянутых обстоятельствах рассудком предписываемой осмотрительности, будет подвергнут штрафу, а унтер-офицер строго наказан.

«Собрание приказов и инструкций», Спб., 1860, стр. 119.

№ 23

ПРИКАЗ В. А. КОРНИЛОВА ПО КОРАБЛЮ «ДВЕНАДЦАТЬ АПОСТОЛОВ» ОБ ОТКРЫВАНИИ ИЛЛЮМИНАТОРОВ С РАЗРЕШЕНИЯ ВАХТЕННОГО ОФИЦЕРА

8 июля 1842 г.

Так как из поданного лейтенантом П... [2] объяснения на счет разбитого иллюминатора в каюте мичмана Т... видно, что иллюминаторы эти растворяются и запираются по произволу, между тем как они должны отворяться и вставляться не иначе, как с ведома вахты, ибо раскрытые таким образом полупорты, находясь близко воды, во время шквала, даже и на якоре могут подвергнуть корабль опасности, то я в отвращение всякого несчастия вменяю в непременную обязанность гг. [офицерам], живущим на кубрике, отворять и затворять в

[1] См. документ № 20.

[2] Фамилии в этом и других случаях в публикации сборника «Собрание приказов и инструкций» не указаны.

своих каютах иллюминаторы не иначе, как через караульного артиллерийского унтер-офицера, который обязан о первом немедленно спросить на вахте, дабы вахтенный офицер, зная, где отперты полупорты, мог в свое время сделать распоряжение о закрытии, а при втором — артиллерийский унтер-офицер видел бы, что иллюминатор вставлен как следует и задраен плотно.

«Собрание приказов и инструкций», Спб., 1860, стр. 120.

№ 24

ПРИКАЗ В. А. КОРНИЛОВА ПО КОРАБЛЮ «ДВЕНАДЦАТЬ АПОСТОЛОВ» О СНАСТЯХ, КОТОРЫЕ ДОЛЖНЫ БЫТЬ НА МАРСАХ ВО ВРЕМЯ ЯКОРНОЙ СТОЯНКИ

19 августа 1842 г.

Во время якорной стоянки на марсах военного судна следует иметь, кроме снастей, на местах находящихся, *брам-драйрепы, брам-гордень-блоки,* для спуска брам-стеньг, на грот и фор-марсах по *два горденя,* один для нок, а другой для сей-талей, клетневину для вадер-талей на грот-марсе и более ничего. Все эти снасти должны быть уложены между рыбин длинными бухтами, по возможности ниже; на салингах же не иметь совершенно ничего, ибо брам-шкоты и брам-гитовы должно схватывать вместе и привязывать под такелаж так, чтоб было незаметно снаружи. Объявляя о сем по вверенному мне кораблю, рекомендую кому следует для руководства.

«Собрание приказов и инструкций», Спб., 1860, стр. 121.

№ 25

ИЗ ПИСЬМА В. А. КОРНИЛОВА М. П. ЛАЗАРЕВУ О ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВАХ, НЕОБХОДИМЫХ ДЛЯ МОРСКОЙ ОФИЦЕРСКОЙ БИБЛИОТЕКИ В СЕВАСТОПОЛЕ

24 октября 1842 г., Севастополь

Касательно выписки книг я отложил действовать — скоро выборы директоров, и я интригую попасть в число избранных. Тогда надеюсь уговорить сочленов своих выбрать меня секретарем-казначеем комиссии, а, получив этот титул, я запущу лапу в хозяйственную часть библиотеки, причем надеюсь отрыть средства угодить общим требованиям и вместе с тем поставить это заведение на ногу, достойную его высокого назначения. Написав вам все касательно библиотеки, не имею ничего более сказать...

Помета М. П. Лазарева: «Ответил 4 ноября 1842 г.»

ЦГВМА, ф. Сборный. Письма В. А. Корнилова М. П. Лазареву, д. 1320, л. 2. Копия.

№ 26

ИЗ ПИСЬМА В. А. КОРНИЛОВА М. П. ЛАЗАРЕВУ С ИЗЛОЖЕНИЕМ ПРОЕКТА ИЗМЕНЕНИЙ ПРАВИЛ УПРАВЛЕНИЯ МОРСКОЙ ОФИЦЕРСКОЙ БИБЛИОТЕКОЙ В СЕВАСТОПОЛЕ

2 ноября 1842 г., Севастополь

...Главное зло в библиотеке: библиотекарь — этот библиотекарь, которого обязанность должна ограничиваться раздачей и сбором книг по записям, наставлениям, сметанием пыли со шкапов и содержанием каталога в исправности, присвоил себе выписку книг и вообще всего для заведения нужного и ездит ежедневно с семейством в Одессу для закупок для библиотеки, между тем как закупки эти самое выгодное делать посредством комиссионера из Петербурга. Не лучше ли предоставить это заботам одного из директоров — человека, который будет заниматься не из квартиры, не из освобождения от всех должностей по службе, а из желания общего блага. Прожект мой я показывал некоторым директорам (Нахимову и Истомину), и они совершенно согласны со мною. Если ваше превосходительство благословит мою мысль; то я ее предложу официально и буду интриговать попасть в секретари-казначеи, что очень легко, ибо охотников на это место мало — в таком случае не угодно ли будет вашему превосходительству выслать и правила библиотеки, теперь находящиеся в вашей канцелярии...

Прожект изменений в правилах управления библиотеки в Севастополе.

Полагая, что главная причина неудовлетворительного состояния библиотеки происходит от недостатка положения, которое бы поставило самые простые правила ее управления, я признаю необходимым следующее:

1. Г.г. Директорам избрать между собою, а если никто не согласится, то по жребию, секретаря-казначея и для замены его кандидата. Попечению первого предоставить: a) хозяйственную часть библиотеки, т. е. содержание в приличном порядке книг, инструментов, карт, каталогов, переплетной и вообще всего принадлежащего библиотеке; b) выписку новых книг, журналов, карт и инструментов согласно решению общего собрания комитета, причем присутствие должно состоять по малой мере из двух третей членов; c) вообще все письменные дела и сношения комитета и d) сбережение, расход и представление отчетов денег, принадлежащих библиотеке; причем секретарю-казначею подавать в начале каждой трети в комитет краткую выписку о своих действиях, равно как и о приходе и расходе суммы, а комитету, рассмотрев отчеты сии, проверить оставшуюся сумму и в полном своем составе или посредством избранных директоров осматривать порядок, в коем содержатся здание, книги и прочее.

2. Г.г. директорам избрать еще одного из членов, которому поручить пересмотр постановлений библиотеки и опрощение их, ибо вся-

кая сложность в этого рода правилах влечет неисполнение. Избранный таким образом директор обяжется по приведении в порядок своих замечаний представить их на суждение общего собрания комитета, а собрание по рассмотрении представит куда следует на утверждение.

3. Секретарю-казначею, так как его заботе предоставлено будет хозяйство библиотеки и вместе с тем наблюдение за порядком выдачи и сбора книг, дать право приискать библиотекаря, писаря и сторожей, коим и состоять в непосредственной зависимости секретаря-казначея, как лицам, чрез которых он должен проводить в исполнение правила, принятые членами и столь необходимые для содержания библиотеки в виде, достойном заведения просвещенного общества.

4. Дабы секретарь-казначей имел средства держать библиотекаря, писаря и сторожей, которые бы были заинтересованы сохранением своих мест, то и предоставить ему право располагать известным процентом дохода библиотеки для назначения жалованья упомянутым лицам.

5. Так как исправление должности секретаря-казначея потребует немало времени и немалой деятельности со стороны директора, на коего ляжет выбор, то и предоставить ему право, если по каким-либо обстоятельствам должность эта будет для него обременительна, от нее отказаться, но не иначе, как по прошествии года.

6. Заменять секретаря-казначея надлежит кандидатом или посредством нового выбора.

7. Никто из членов, не прослужив секретарем-казначеем, не имеет права отказываться от этой должности; те же, которые не расположены нести такого рода обязанности, должны заранее отказаться и от комитета.

8. Член комитета, бывший один год секретарем-казначеем, имеет право при следующих двух выборах отказаться от этой должности, но при третьем он обязан принять ее.

9. В случае отсутствия секретаря-казначея по обязанности службы или по собственным делам должность его исправлять кандидату, а если и этого не будет налицо, то одному из директоров по выбору комитета.

Помета М. П. Лазарева: «Ответил 6 ноября [1842 г.]».

ЦГВМА, ф. Сборный, Письма В. А. Корнилова М. П. Лазареву, д. 1320, лл. 2—5. Копия.

№ 27

ИЗ ПИСЬМА В. А. КОРНИЛОВА М. П. ЛАЗАРЕВУ О ВЫБОРЕ МЕСТА ДЛЯ ПОСТРОЙКИ ЗДАНИЯ ОФИЦЕРСКОГО КЛУБА В СЕВАСТОПОЛЕ

25 ноября 1842 г., Севастополь

Поздравляю ваше превосходительство с двумя прошедшими праздниками, с 8 и 24 ноябрем, спешу ответить на письмо ваше от 17, в котором вам угодно было спрашивать мнение насчет места

для благородного собрания. Прожект купца Бездарнаго, по-моему, имеет на своей стороне много важных выгод. Клуб на том месте, на котором теперь находится, пригоден только для собраний в определенные дни и выгоден только для некоторых адмиралов и капитанов, живущих на горе, — да и тем все равно, потому что большею частью имеют лошадей; между тем, как клуб, выстроенный на месте, предлагаемом Бездарным, быв возле Графской пристани, возле Адмиралтейства, возле конторы над портом, возле почты и других присутственных мест и находясь неподалеку от главнаго начальства и библиотеки, может быть подобно кронштадтскому с пользой для офицеров во всякое время. Съедет ли офицер на берег, дожидается ли кого или чего, захочет ли он прочесть газету, вздумалось ли ему, побывав в библиотеке, позавтракать или отобедать — всегда ему клуб по пути. В нынешнее же собрание многие неохотники танцовать и играть в карты не записываются, ибо не видят цели, тогда как от клуба, в который можно входить во всякое время и находить там газету, обед, завтрак, общество, редко кто откажется. Не знаю только, место, предлагаемое Бездарным, не будет ли тесно для такого строения и не отымет ли оно вид от хребта и площади. Во всяком случае я бы не строил клуба на горе, а расположил бы его на месте Ушакова дома, сделав в нем отделение для приема государя императора и значащих особ...

Помета М. П. Лазарева: «Ответил 4 декабря [1842 г.]».

ЦГВМА, ф. Сборный. Письма В. А. Корнилова М. П. Лазареву, д. 1320, лл. 7—8. Копия.

№ 28

ИЗ ПИСЬМА В. А. КОРНИЛОВА М. П. ЛАЗАРЕВУ О ВЫЯВЛЕННЫХ НЕДОСТАТКАХ В СТРОИТЕЛЬСТВЕ КАЗАРМ В СЕВАСТОПОЛЕ

8 декабря 1842 г., Севастополь

...10) Лаком покрывать красного дерева вещи на корабле «Двенадцать апостолов» считаю неудобным! Конечно, дерево под лаком смотрит веселее, за то без лаку солиднее! К тому, на кораблях лак приходится ежегодно возобновлять, причем мебель и особенно такие вещи, где есть резьба, совершенно теряют вид. Я призывал столяра Бендера и говорил с ним об этом; он решительно объявил, что покрыть лаком красного дерева вещи на корабле «Двенадцать апостолов» будет весьма трудно и они далеко не будут иметь виду, какой бывает у вещей, которые кроются при работе. Впрочем, мебель моя на будущий год несравненно будет лучше, чем была в нынешнем году. Это выгода дерева не под лаком и выгода вообще английских изобретений перед французскими! Во всяком случае перемену эту не следует делать прежде теплого времени, а до того я надеюсь переговорить с вашим превосходительством лично...

12)... Написав вашему превосходительству обо всем, что вы изволили спрашивать, окончу тем, о чем не спрашивали. Принимая особенное участие в новой казарме, я часто ее посещаю. Теперь там начали нары — эти нары работой далеко не похожи на николаевские и совершенно не отвечают щегольской работе казарм! Во-первых, они снаружи будут обшиваться длинными досками, а не так, как в Николаеве обшиты: короткими в набор стоймя, а не вдоль; во-вторых, внутри не предполагается делать ни полов, ни люков, ни разгородок, что весьма невыгодно для поклажи багажа, и в-третьих, вместо больших люков, которые очень удобно выносить и мыть, подобно палубным, располагают сделать маленькие лючки, в которые того и смотри не пролезет чемодан. Я посылал об этом сказать Мейнарду, но получил в ответ, что план из Петербурга и контракт заключен, — и потому я решился беспокоить вас! Эта работа только что началась — может, можно еще исправить, ведь хорошие нары, кроме удобств, служат и украшением казарм! Что касается до лестниц, то они идут очень хорошо и, кажется, совершенно будут такие, как в николаевских. Кажется, теперь я обо всем доложил вам...

Помета М. П. Лазарева: «Ответил 15 декабря [1842 г.]».

ЦГВМА, ф. Сборный. Письма В. А. Корнилова М. П. Лазареву, д. 1320, лл. 8—9. Копия.

№ 29

ИЗ ПИСЬМА В. А. КОРНИЛОВА М. П. ЛАЗАРЕВУ О НЕДОСТАТКАХ В РАБОТЕ МОРСКОЙ ОФИЦЕРСКОЙ БИБЛИОТЕКИ И МЕРАХ ПО ИХ УСТРАНЕНИЮ

30 января 1843 г., Севастополь

...6) За ведомость срока вещей при первом случае примусь и приглашу Нахимова. 7) Здесь с нетерпением все ожидают ответа вашего превосходительства на представление комитета директоров библиотеки о преобразованиях по ее управлению. Вот более месяца, что остановлена выдача книг и избирательные билеты лежат нераспечатанными! Все жалуются на первое, особенно посторонние подписчики, которых не мало. И действительно, беспорядок дошел до нельзя — библиотеку не топят, библиотекарь пропал, открылось, что журналы на этот год не выписаны. Ратч, президент комитета, не знает, что делать. Мне кажется, что тут есть какие-нибудь штуки. Шпаковский без всякого сомнения негодяй и, может быть, боится, что когда серьезно займутся библиотекой, то откроется многое, которое может выставить его поведение в постыдном виде. Я слышал, что прошлого года при ревизии от 60 тыс. томов не могли насчитать более 28 тыс.; я слышал также, что наши книги гуляют по всему Крыму и по всей Херсонской губернии. Признаться, судя по каталогу, можно этому верить. Каталог этот наполнен романами и именно такими книгами, которые читаются женщинами мещанского воспита-

ния. Французских романов всякого разбора, так же нравящихся прекрасному полу и особенно разбирающим по складам французскую грамматику, также множество, между тем, как мне известно, что молодые офицеры весьма редко пользуются этого рода чтением. Кто же теперь читающие? И выходит, что библиотека наша для женщин и для каких женщин: для писаршей, комиссарш, вышедших в люди. Ради бога, ваше превосходительство, прикажите поскорей выслать ответ на представление комитета. Я надеюсь распутать это дело и дать этому заведению вид приличный, который бы не выставлял каждому приезжему, каждому иностранцу в таком невыгодном свете образование русских морских офицеров. К тому же пора заняться выпиской необходимых для библиотеки вещей из Англии. Теперь есть и деньги; я бы это тотчас принял на себя, как бы только поступил в комитет. Для составления ведомости о глобусах и картах желалось бы знать поподробнее мнение вашего превосходительства...

Окончив отчет по возложенным на меня занятиям, буду просить ваше превосходительство принять уверение в моем душевном сокрушении, если, действительно, ушиб руки вашей не будет дозволять вам с прежнею легкостью всходить по... [1]

Я никак не могу этому верить, и мне кажется, что этому не бывать. Надеюсь, что следующий курьер привезет нам весть, что вы надели сюртук, а весна нас подарит вашим посещением в полном прежнем вашем здоровьи. Вам душевно преданный *В. К.*

Помета М. П. Лазарева: «Ответил 9 февраля [1843 г.]».

ЦГВМА, ф. Сборный, Письма В. А. Корнилова М. П. Лазареву, д. 1320, лл. 14—15. Копия.

№ 30

ИЗ ПИСЬМА В. А. КОРНИЛОВА М. П. ЛАЗАРЕВУ О ПОПОЛНЕНИИ МОРСКОЙ ОФИЦЕРСКОЙ БИБЛИОТЕКИ И ПЕРЕМЕЩЕНИЯХ ПО СЛУЖБЕ ОФИЦЕРОВ КОРАБЛЯ «ДВЕНАДЦАТЬ АПОСТОЛОВ»

12 февраля 1843 г., Севастополь

... Я бы прибавил еще следующие книги — как же не положить доброго основания чисто морского этому заведению а когда в другой раз мы будем иметь подобный случай? Как вы увидите из реестра, то все книги учебно-морские, историческо-морские и вояжи — и все такие, без которых никакая морская библиотека не может существовать. До сих пор в нашей библиотеке было много чтецов, но морских ни одного, между тем подписчики все более морские — пора же этим взять реванш. Желаю вашему превосходительству скорее выздороветь и прибыть к нам благополучно.

Имею честь быть душевно преданный *В. К.*

---

[1] Одно слово не поддается прочтению.

[P. S.] Здесь пронеслись слухи, которые меня особенно огорчили! Говорят, что Юрковский, капитан-лейтенант на моем корабле, назначен на какой-то новый бриг. Это будет для меня весьма некстати. Правда, я просил ваше превосходительство о назначении лейтенантов Ергомышева и Пыхачева — первого на военное, а второго на транспортное судно командирами, чтоб в таком случае, назначив Юрковского также командиром военного судна, дозволить иметь мне лейтенанта Аркаса старшим на корабле, ибо он оказывает особые для сего способности; но это я рассчитывал бы для будущего, теперешнее же назначение Юрковского меня совершенно расстроит. Мы все надеемся, что это пустые слухи, в Севастополе придуманные, которым здесь не бывает конца, к тому же и для самого Юрковского невыгодно. Если бы он желал перемены, то для того, чтобы получить столовые. Он человек женатый и с детьми, а на новостроящемся судне столовых нет, а перемещаться придется. Извините, ваше превосходительство, что я вас беспокоил делом этим, а может быть, и не делом! Назначение Юрковского слишком для меня важно в отношении к кораблю и потому я решился писать, ибо очень могло случиться, что вы, имея столько разных предположений в голове, и позабыли то, что я вам представлял здесь об моих видах насчет офицеров корабля «Двенадцать апостолов».

Прилагаемый список книг написан не очень красиво, но сам я не мог: у меня голова что-то все хворает, а это сделал маленький Бутаков, в котором, кажется, более старания, чем каллиграфии. Тут книг на 2600 руб., не более, мне кажется, следовало бы решиться...

Помета М. П. Лазарева: «Ответил 17 февраля [1843 г.]».

ЦГВМА, ф. Сборный. Письма В. А. Корнилова М. П. Лазареву, д. 1320, лл. 16—17. Копия.

№ 31

ИЗ ПИСЬМА В. А. КОРНИЛОВА М. П. ЛАЗАРЕВУ О ЗАКУПКЕ КНИГ ДЛЯ МОРСКОЙ ОФИЦЕРСКОЙ БИБЛИОТЕКИ И ПЕРЕМЕЩЕНИИ ПО СЛУЖБЕ ОФИЦЕРОВ

21 февраля 1843 г., Севастополь

Спешу выполнить желание вашего превосходительства и представить вам официально как о выписке разных вещей из Англии, так и о заказе дверей красного дерева Христофору Миллеру. Новый комитет избрал меня в секретари-казначеи и тем развязал мне руки! Я надеюсь оправдать выбор этот и в глазах ваших и в глазах общества; конечно, кроме людей, которым никаким добром не угодишь и до которых мне мало нужды! Денег по моему расчету достанет и для приличного содержания библиотеки и на уплату долгов

в назначенные сроки. Правда, уплата назначенного долгу года на три весьма стеснит выписку книг, но, может быть, к тому времени государь император ради такого благого общеполезного заведения простит нам или генерал-адмирал при посещении пособит нам, черноморам. Сочинения *«Juan d'Ulles'a»* и другие я написал, полагая, что для нашей библиотеки ничто так не нужно, как сочинения, относящиеся до географии и истории и в особенности морские. Этого рода книги охотно читаются молодежью и более, чем какие другие, содействуют к приобретению практического познания человека и развитию благородных побуждений: действовать и не быть пешкой на белом свете, а эти побуждения чуть ли не самые необходимые основы для образования хороших капитанов и адмиралов, составляющие по-моему главную цель заведения. Что же касается до так называемых технических книг по инженерному искусству и особенно по корабельной и пароходной части, то я не все и забрал именно потому, что боялся слишком далеко забраться, и решился остановиться, тем более, что наши г.г. инженеры имеют все нужные для них пособия в адмиралтейских библиотеках, впрочем, *The Civil Engineer's and Architect's Journal* во всяком случае будет полезен, особенно, если там пишут о пароходах...

Утверждение вашим превосходительством преобразований управления библиотеки было, кажется, скрыто писарями по наущению Шпаковского. На почте отыскана расписка, что бумага эта принята кантонистом из библиотеки 7 января, впрочем, дело это лучше знает Александр Павлович [1]. Он желал исследовать и, вероятно, нарядил кого-нибудь. Теперь идет ревизия библиотеки годовым комитетом — из 13 тыс. сочинений многих недостает. Много недостает также номеров *United Service* и *Nautical Magazine*, да и имеемые в таком виде, что трудно будет собрать: их библиотекарь не переплетал! Как только ревизия кончится и будет утвержден библиотекарь, мною избранный, то я сниму библиотеку и тогда донесу вашему превосходительству о всем подробно...

Теперь приступлю к делам по кораблю: насчет Юрковского дело кончено. Если бы я знал, что оно так далеко, то не беспокоил бы вас. В назначении этом одно немного неприятно — Моцениго, товарищ Юрковского по службе, товарищ его по командованию транспортами, но не товарищ, как капитан-лейтенант, в продолжение 2½ лет на корабле, получил прекрасный корвет, тогда как Юрковскому дали бриг на стапеле! Это немного унижает службу корабельных капитан-лейтенантов, которая и без того не в большом фаворе у нас на флоте! Для меня это назначение вышло к лучшему. Если бы Юрковский был назначен на «Пиллад», то мне нельзя бы было и думать иметь его на корабле на поход нынешнего года, а это бы расстроило все мои планы. Барладяна я никак бы не желал иметь на корабле. Какого-нибудь нового — также, а доверить должность

---

[1] А. П. Авинов, вице-адмирал, командир Севастопольского порта, один из деятельных сподвижников М. П. Лазарева.

старшего офицера лейтенанту было бы неприлично. За предложение вашего превосходительства назначить Ергомышева или Дергачева на «Нырок» душевно благодарю, — мне кажется, лучше назначить Ергомышева. Дергачев на-днях отправляется в Таганрог, да и Пыхачева, которому ваше превосходительство изволили согласиться дать «Ялту», теперь здесь нет — он в отпуску. Впрочем, по моему мнению и по мнению многих и в том числе Нахимова, наблюдателя событий Севастопольского рейда, Дергачев, которому достается в капитан-лейтенанты, заслуживает что-нибудь лучше старого тендера. Что касается до будущего корабля «Двенадцать апостолов», то мне самому горько подумать, что самый способный на нем офицер не русский! Но что же делать! Одно средство пособить этому: дать мне в капитан-лейтенанты Ендогурова, — я уверен, что он не уронил бы себя и был бы мне помощником таким, какого я желаю. Он привык ко мне и пошел бы с удовольствием в эту должность. Тогда Аркасу можно бы дать «Гонец», — этот офицер, несмотря, что грек (впрочем, чем же грек хуже немца, итальянца или другого выходца), заслуживает поощрение. Он знающ, смышлен, деятелен, очень аккуратен, умеет обращаться с людьми и ласково и строго и ко всему этому любит службу, имеет непреодолимое желание образовать себя и обладает характером услужливым и вместе с тем благородным. Если и будет Ендогуров на моем корабле, то справедливость будет от меня требовать ходатайствовать у вас о награждении Аркаса, он был во все время службы под моею командою моим настоящим помощником, и я многим ему обязан. Простите, ваше превосходительство, если, увлекаясь чувством справедливого начальника, я может быть отвлекаю вас этими подробностями от важнейших занятий, но, привыкнув видеть, что ваше превосходительство находите на все время, я не мог выдержать, чтобы не написать вам так много об этих мелочах, которыми, однако, пренебрегать не следует...

П о м е т а М. П. Л а з а р е в а: «Ответил 24 февраля [1843 г.]».

ЦГВМА, ф. Сборный. Письма В. А. Корнилова М. П. Лазареву, д. 1320, лл. 17—21. Копия.

№ 32

ИЗ ПИСЬМА В. А. КОРНИЛОВА М. П. ЛАЗАРЕВУ О СВОИХ МАТЕРИАЛЬНЫХ ЗАТРУДНЕНИЯХ

3 мая 1843 г., Севастополь

Письмо вашего превосходительства от 23 апреля сообщило мне известие неожиданное. Это правда, что батюшка жил 78 лет, но он всегда отличался самым крепким сложением. Впрочем, всему своя череда, свое назначение. Потеря наша вдвойне нам тягостна, — мы лишились благодетеля, которого все помышления, особенно последнее время, были обращены на то, чтобы доставить нам возможность

существовать безбедно. Смерть старика нашего ставит меня в самое затруднительное положение. Жить тысячею рублями серебра содержания экипажного командира я не вижу никакой возможности. Именье же без устройства: не помощь, а обременение. Я решаюсь после похода просить отпуск, — поеду, посмотрю; если удастся устроить дела свои так, чтобы получать верное, достаточное пособие, то возвращусь на службу, которую душевно люблю и к которой привык; если же нельзя, то останусь орать землю или приищу место с содержанием, достаточным для прокормления семьи моей. Что же делать! Рад бы в рай, да грехи не пускают! Аренд нынче не дают, а экипажное командирство и потом адмиральство далеко не обеспечивают нужд семьянина, год от году возрастающих. Впрочем, может и умудрюсь соединить службу на Черном море под вашим начальством с моими денежными делами. Нам нужно немного. Вашему превосходительству известно, как неприхотлива жена моя и что собственно мне нужно несколько книг, рубашки гребцам да изредка пригласить отобедать кого из офицеров экипажных, чтобы не прослыть Щербачевым. Я надеюсь, что ваше превосходительство вполне поймет мое грустное положение, и если, действительно, придется мне, по несчастному устройству нашей службы, оставить ее, то отнесете это физической невозможности продолжать ее честно и с тем самоотвержением, которому вы сами учили нас и словами и примером...

Корабль мой прежде 11-го не будет готов; мне не хочется выйти кое-как, а дожди как тут подоспели к моему вооружению. 15-го я надеюсь быть в море, — не угодно ли будет дать мне всех черноморских гардемарин, я с особым удовольствием займусь ими...

Помета М. П. Лазарева: «Ответил 14 мая [1843 г.]».

ЦГВМА, ф. Сборный. Письма В. А. Корнилова М. П. Лазареву, д. 1320, лл. 23—24. Копия.

№ 33

ИЗ ПИСЬМА В. А. КОРНИЛОВА М. П. ЛАЗАРЕВУ О РАБОТЕ МОРСКОЙ ОФИЦЕРСКОЙ БИБЛИОТЕКИ НА ОСНОВЕ НОВОГО УСТАВА И ВЫХОДЕ НА РЕЙД КОРАБЛЯ «ДВЕНАДЦАТЬ АПОСТОЛОВ»

12 мая 1843 г., Севастополь

...Старая библиотека переменила свою гробовую физиономию — всегда почти полна офицерами. Жаль только, что не удалось согласить всего. Кажется, многие из адмиралов недовольны уставом. По крайней мере, Петр Егорович Чистяков объявил мне это самым странным образом. Статья устава, требующая личного присутствия члена для получения книги, кроме больных, понята как статья, придуманная комитетом в унижение адмиральского чина! Несмотря на

то, что сами г.г. флагманы в мнении своем насчет старого устава согласились почти на такую же, комитет, конечно, бы недопустил ее, если бы не полагал: 1) что посещение адмиралами библиотеки в теперешнем ее состоянии есть единственное средство возвысить это заведение в глазах всего общества и тем доставить библиотекарю возможность достичь какого-нибудь порядка; 2) что, посещение общества, управляемого комитетом директоров из адмиралов и капитанов, не может унизить ничьего достоинства; 3) что, если кто из адмиралов не пожелает пойти сам за книгой, то статья, дозволяющая больным членам брать книги чрез других членов, дает всегда средства получать чрез своих адъютантов, которые все члены, и 4) что исключительное право для адмиралов и генералов было бы несовместно с тем равенством членов, которое вообще принято для обществ, составившихся на добровольных пожертвованиях, как, например, у нас же в клубе! Да и казалось бы, что адмиралам в заведении этом не следовало бы и гнаться за собственными выгодами: кому же, как не высшим, думать об этой молодежи, брошенной сюда за тысячи верст от своих родных и знакомых и которая, не имея книг, поневоле обратится к картам и другим несчастным занятиям! Я, по крайней мере, вижу в библиотеке не средство развлекать себя или жену чтением, а средство занять полезно молодых офицеров и потому, несмотря на свое звание секретаря-казначея, до сих пор не читал ни сам, ни жена моя ни одной книги, ни одного журнала, принадлежащего библиотеке, а у меня не менее других и времени и охоты к чтению, и библиотекарь в комнате, и сам бываю всякий день раз или два в библиотеке. Но что же делать, когда у нас, на Руси, не созрело понятие общего блага, общей пользы! Горько признаться, а оно так! Всякий думает только о собственных своих выгодах, о собственном своем чине. Я потому распространился об этом вашему превосходительству, что ожидаю жалоб.

Вчера корабль вышел на рейд выкрашенным снаружи по модели. Мне кажется, он теперь так хорош, как трудно лучше! Желалось бы показать его вашему превосходительству. С нетерпением ожидаю ответа от вас на мое последнее. Горько мне думать, что мне придется, может быть, оставить и дом, в котором мы так хорошо устроились, и корабль этот, на который не могу наглядеться, и библиотеку; но, кажется, трудно обойтиться без недолговременного хотя отсутствия. Но что бог даст, то и будет...

Позвольте напомнить вашему превосходительству о графе Рачинском, мичмане 33-го экипажа. Нельзя ли его написать на корабль «Двенадцать апостолов». Он не нашей дивизии и потому здесь затрудняются...

Помета М. П. Лазарева: «Ответил 18 мая [1843 г.]».

ЦГВМА, ф. Сборный. Письма В. А. Корнилова М. П. Лазареву, д. 1320, лл. 24—26. Копия.

№ 34

ПРИКАЗ В. А. КОРНИЛОВА ПО КОРАБЛЮ «ДВЕНАДЦАТЬ АПОСТОЛОВ» ОБ ОБУЧЕНИИ МАТРОСОВ ОСНОВАМ МОРСКОГО И АРТИЛЛЕРИЙСКОГО ДЕЛА

19 мая 1843 г.

1

Считая самыми необходимыми условиями хорошего унтер-офицера и матроса: 1) смелое и проворное лазанье по вантам; 2) соблюдение тишины при работе и 3) знание назначений и действия снастей, я рекомендую гг. вахтенным офицерам обратить особое внимание на эти три предмета и для того при всяком случае строго наблюдать: 1) чтоб нижние чины по вантам не лазили, а бегали; 2) при работах, кроме самого необходимого по службе, ни о чем не разговаривали и 3) обучались бы снастям таким образом, чтоб знали, к чему какая снасть служит и как проходит.

2

Так как всякое искусство тогда только прочно вкореняется в ум и в память человека и тогда только может быть применено им к разным обстоятельствам, когда обучение основано на рассуждении и понятии цели и назначения всего, к нему относящегося, то я и рекомендую гг. дечным командирам и вообще всем, обучающим нижних чинов обращению с орудиями, в продолжение учений уделять часть времени на объяснение цели и назначения как самого орудия, так и всех приспособлений для действительной и скорой пальбы из оного; для лучшего же уразумения требований моих прилагаю список вопросов комендорам и прислуге, с коего каждому командующему деком офицеру иметь у себя копии.

Вопросы, на которые должны уметь отвечать комендоры и вообще все, при орудии находящиеся:

1. Какими орудиями вооружен корабль?
2. Какого калибра орудия в разных деках?
3. Пушечное, полупушечное или каронадное ядро далее хватает?
4. Что такое казенная часть?
5. Где дульная часть?
6. Где вертлюжная?
7. Для чего брюк?
8. Для чего винт?
9. Чем можно заменить винт?
10. Для чего градусы на целях и на какое расстояние хватает ядро при разных возвышениях?
11. Для чего знаки на винтах и черты на клиньях?
12. Какие принадлежности нужны для действия орудиями?
13. Для чего пыжевник?
14. Для чего банник?
15. Для чего тросовой банник?
16. Для чего стропка у брюка?
17. Для чего правило у бомбической пушки?

18. Для чего комендор затыкает запал затычкою, когда банят, и какие от небрежения сей должности могут быть следствия?
19. Как посылается картуз?
20. Много ли пороха кладется в картуз?
21. Всегда ли картузы употребляют одной величины и в каком случае делаются перемены?
22. Как посылается ядро прежде пыжа или после?
23. Если заряжают двумя ядрами, то сколько кладут картузов и пыжей?
24. Если заряжают ядром и картечью, то что посылают прежде?
25. Если заряжают брандскугелем [1], то как кладут оный в дуло, или если бомбой, то как обращаются с нею?
26. Для чего брандскугель?
27. Для чего бомба?
28. Для чего пустое ядро?
29. Какое ядро далее хватает, пустое или полное, и какая разница в картузе?
30. Для чего ведро при орудии?
31. Для чего швабра?
32. Какое время избирают при стрельбе в качку?
33. Для чего задние тали?
34. Как крепят их?
35. Где лежат запасный брюк и свайка?
36. Где колеса и клинья запасные?
37. Где запасный станок?
38. Какая соблюдается очередь в заменении комендоров и людей, для носки картузов назначенных?
39. В каком положении оставляется орудие при переходе на другой борт?
40. Когда употребляется фитиль?
41. Каким образом обращаются со скорострельной трубкой?
42. Где получают картузы?
43. Куда относят пустые кокора?
44. Где хранятся 68-ф. ядра и картечь?
45. Где хранятся 36-ф. ядра и картечь?
46. Где хранятся 24-ф. ядра и картечь?
47. Где хранятся 18-ф. ядра и картечь?
48. Где хранятся брандскугели?
49. Где хранятся бомбы?
50. Где — пыжи?
51. Откуда берут картузы для первых выстрелов?
52. В каком случае употребляют их?
53. Где раздают боевые патроны для ружей и пистолетов?
54. Где запасные замки?
55. Какое преимущество ударного замка пред простым и замка пред фитилем?

ЦГВМА, ф. ИЛ, д. 4, л. 9 (об.). Копия.
Опубл. в кн. Жандр, ук. соч., стр. 315—317.

[1] Зажигательный снаряд.

№ 35

ПРИКАЗ В. А. КОРНИЛОВА ПО КОРАБЛЮ «ДВЕНАДЦАТЬ АПОСТОЛОВ» С ОБЪЯВЛЕНИЕМ НЕДЕЛЬНОГО РАСПИСАНИЯ ЕЖЕДНЕВНЫХ РАБОТ И УЧЕНИЙ НА КОРАБЛЕ

22 мая 1843 г.

С прилагаемой инструкции гг. офицерам и таблицы расписаний работ и занятий команды вверенного мне корабля рекомендую г. капитан-лейтенанту Ю... и офицерам, до коих есть касающееся, приказать выписать копии и иметь у себя для руководства; г. же ревизор, лейтенант Г., обязывается один такой экземпляр передать на вахту для хранения в нактоузе.

РАСПИСАНИЕ ЕЖЕДНЕВНЫХ РАБОТ И УЧЕНИЙ НА КОРАБЛЕ «ДВЕНАДЦАТЬ АПОСТОЛОВ»

Дни недели	Койки наверх	Мытье палуб, белья и коек	Завтрак	Чищенье меди, железа и уборка всего	Ученье парусами перемене ранго-ута и сигналам	Обед	Сабельной экзерции, ружью и у орудий одиночно, гребле и бросанию лота	Артиллерийское ученье или абордажное	Общее ружейное ученье	Ужин	Раздача коек
	Час		Час	Часы	Часы	Час	Часы	Часы	Час		
Понедельник	4	От 4 до 7 часов койки, белье, все палубы с камнем и песком	7	8—10	10—11	12	2—4	4—6		По захождению солнца	Вместе с пробитием зари
Вторник	5	От 5 до 7 все палубы с камнем и песком	7	8—10	10—11	12	2—4	—	4—6		
Среда	5	От 5 до 7 все палубы скатить и одеться в чистое белье	7	8—10	10—11	12	Починиваться				
Четверг	4	От 4 до 7 белье и все палубы с камнем и песком	7	8—10	10—11	12	2—4	4—6	—		
Пятница	5	От 5 до 7 все палубы с камнем и песком	7	8—10	10—11	12	2—4	4—6 и поднять гребные суда на ростры			
Суббота	5	От 5 до 7 исправлять такелаж, мыть краску горячею водою и чистить наружную медь	7	Исправлять такелаж, мыть краску горячею водою и чистить наружную медь		12	Спустить гребные суда, мыть все палубы с камнем и песком и потом медицинский осмотр				
Воскресенье	5	От 5 до 7 выправить рангоуты, уложить снасти, вычистить медь и команде одеться	—	С 10 часов молебствие, смотр и чтение законов		12	Кто достоин — на берег				

ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

1. Перед мытьем коек и белья с 2 часов ночи греть воду, достать ведра, каменья и песок и разложить все сие в деках.

2. Ежедневно в 10 часов утра свистать всех наверх и г. капитан-лейтенанту докладывать мне о готовности деков, причем канонирам быть при своих орудиях.

3. Койки мыть каждые две недели.

4. Леера для коек и белья готовить накануне по спуске флага.

5. Во время завтрака, обеда, ужина и по раздаче коек людей и шлюпок без особого моего позволения или, за моим отсутствием, старшего офицера не рассылать.

6. В среду и воскресенье в 10 часов утра смотр белья и потому, вместо того, чтоб свистать наверх, бить сбор.

7. В среду во время починивания после 1-го числа каждого месяца вынимать чемоданы для проветривания, а после 15-го — койки; причем должно проветривать и госпитальные.

8. Каждую субботу после 1-го числа поутру проветривать паруса, флаги и все, что содержатели признают нужным.

9. Провизию, сухари и масло выдавать в среду и субботу после обеда от 2 до 4 часов, а крупу, горох и прочее каждый день до 8 часов.

10. Каждый четверг в ночную вахту с 1 до 5 часу откачивать воду.

11. Вообще, если что из означенного не удастся исполнить в назначенный день, выполнять в следующие.

12. В море команду будить в 5 склянок, т. е. в 6½ часов; белье, койки, верхние палубы (шканцы и верхний дек) и кубрик мыть вахтенным таким образом: одна вахта будет мыть свое белье в понедельник и четверг, а другая — во вторник и пятницу. Нижние же палубы (средний и нижний дек) мыть после 8 часов. Койки всегда раздавать по спуске флага. За сим все остальное, как назначено на якоре.

13. При общих ученьях быть всем гг. офицерам; одиночными же заведывать: артиллерийскими — старшему артиллерийскому офицеру: сабельными — NN, ружейными — ротным командирам, сигналам — NN, бросанию лота — старшему штурманскому офицеру.

14. При мытье командного белья мыть всегда госпитальное, за чем наблюдать ревизору.

15. В жаркое время мытье производить после 8 часов, а ученье парусами от 5 до 7 часов утра, причем осмотр палуб будет производим в 11 часов.

ЦГВМА, ф. ИЛ, д. 4, лл. 11 (об.) — 12. Копия.
Опубл. в кн. Жандр, ук. соч., стр. 317—319.

№ 36

ИЗ ПИСЬМА В. А. КОРНИЛОВА М. П. ЛАЗАРЕВУ С БЛАГОДАРНОСТЬЮ ЗА ПРЕДЛОЖЕННУЮ ДЕНЕЖНУЮ ПОМОЩЬ И О СОСТОЯНИИ КОРАБЛЯ «ДВЕНАДЦАТЬ АПОСТОЛОВ»

8 июня 1843 г., Севастопольский рейд

...Прежде чем приступить к отчету насчет дел библиотеки и по кораблю, обязан поблагодарить вас за более чем дружескую заботливость о моих денежных бедах. Предложение ваше тронуло меня до глубины сердца. Поверьте, ваше превосходительство, что несмотря на то, что пособие, которое вы с таким великодушием предлагаете, я бы принял только от одного родного брата и то потому, что он не имеет детей и у него все, что ему нужно, есть. Я принял бы и от вас, ибо уверен в доброте и чистоте намерений ваших, но, находясь в положении, которое при небольших хлопотах может быть улучшено до того, что я могу опять возвратиться на службу и заняться ею по-прежнему с совершенно спокойным духом, грешно бы мне было не обратить немедленно всех усилий к приведению дел моих в такой вид. Правда, весьма нежелательно по многим причинам оставить Севастополь в этом году, но много есть также причин, которые заставляют меня не откладывать. Впрочем, о делах этих я надеюсь получить от вас позволение говорить много по возвращении моем из практического плавания, когда застану вас в Севастополе...

6. Насчет претензии адмиралов я полагаю оставить до вашего прибытия, тогда можно лучше объяснить все дело, которое заключает в себе странные понятия о вещах...

Корабль мой при последнем переходе оказался прекрасных качеств. У него было 11 дюймов диференту, т. е. 4 дюймами менее, чем когда, и он отлично слушал руля, в бейдевинд же крутой, два раза имел более 8 узлов на одном рифе брамсели, крену до 7°. Возвратясь из практического плавания, когда поставлю все систерны и орудия (уже доставленные в Севастополь), то я вполне уверен, что ваше превосходительство останется им довольным. За удовлетворение просьб моих имею честь благодарить вас. Насчет кистей вам донесли несправедливо. Ответ на обороте той же записки, которую вы изволили переслать мне...

ЦГВМА, ф. Сборный. Письма В. А. Корнилова М. П. Лазареву, д. 1320, лл. 26—28. Копия.

№ 37

ИЗ ПРИКАЗА В. А. КОРНИЛОВА ПО КОРАБЛЮ «ДВЕНАДЦАТЬ АПОСТОЛОВ» О ПРАВКЕ РАНГОУТА ВАХТЕННЫМИ ОФИЦЕРАМИ

13 июня 1843 г.

...Не видя другого средства к ускорению самого пустого и между тем весьма часто многому мешающего дела — правки рангоута, как

приказание править рангоут самим вахтенным командирам, оставляя подвахтенного своего на корабле, я предписываю исполнять это гг. вахтенным командирам, покуда они не приучат шкипера или унтер-офицера употреблять для правки рангоута не более ½ часа времени.

«Собрание приказов и инструкций», Спб., 1860, стр. 127.

№ 38

ПРИКАЗ В. А. КОРНИЛОВА ПО КОРАБЛЮ «ДВЕНАДЦАТЬ АПОСТОЛОВ» ОБ ОБЯЗАННОСТЯХ ОФИЦЕРОВ ВО ВРЕМЯ БОЕВОЙ ТРЕВОГИ

14 июня 1843 г.

В дополнение приказа моего 18 мая № 30, в коем было помещено расписание гг. офицеров при тревоге и других разных случаях на корабле, прибавляется следующее распоряжение:

1) При тревоге штабс-капитану Е... [1] (старшему артиллерийскому офицеру) наблюдать за проворным снабжением деков всем нужным в сражении, равно как за удобным размещением запасных вещей и в особенности за исправною подачею картузов; подпоручику П... (младшему артиллерийскому офицеру) быть в большой крюйт-камере; лекарям Б... и А..., священнику Л... и комиссару С... — при раненых.

2) Стрелковою партиею командовать лейтенанту Е..., 1-м взводом лейтенанту Л..., 2-м взводом лейтенанту К...; нижний дек при вызове стрелковой партии поступает в управление штабс-капитана Е..., 1-ю абордажною партиею командовать лейтенанту А..., 1-м взводом мичману Б..., 2-м взводом мичману Р..., баковыми и шканечными орудиями при вызове 1-й партии управлять артиллерийским унтер-офицерам: баковыми — З..., а шканечными Б..., 2-ю абордажною партиею командовать лейтенанту Г..., верхним деком при вызове 2-й партии управляет артиллерийский унтер-офицер Г...; резервною партиею — командовать лейтенанту В...; в среднем деке во время вызова резервной партии оставаться артиллерийскому унтер-офицеру А...

3) Пожарными дивизионами командовать в следующем порядке:

1 дивизионом лейтенанту Г...
2 » » Е...
3 » » А...
4 » » В...
5 » капитан-лейтенанту Ю...
6 » мичману Р...
7 » лейтенанту Л...
8 » » К...
9 » мичману Б...

При перенесении больных на шлюпки находиться лекарю А... и писарям; лекарю же Б... с избранными фельдшерами быть при аптеках, дабы в случае приближающегося огня все то, что может способствовать распространению его, было выброшено.

[1] Фамилии в этом и последующих случаях в публикации сборника «Собрание приказов и инструкций» не указываются.

Гг. дивизионным командирам для лучшего уразумения того, что лежит на них во время пожара, предлагаю прочесть в примечаниях г. Путятина к составлению и употреблению расписаний статью «Пожарное расписание» [1].

«Сборник приказов и инструкций», Спб., 1860, стр. 127—128.

№ 39

ПРИКАЗ В. А. КОРНИЛОВА ПО КОРАБЛЮ «ДВЕНАДЦАТЬ АПОСТОЛОВ» О МЕРАХ СПАСЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА, УПАВШЕГО ЗА БОРТ

17 июня 1843 г.

Весьма часто случается, что при бросании спасительного буя в несчастных случаях буй этот нейдет от незнания бросающего или никого не случится по близости, чтоб его спустить, и от того происходит замедление, что нередко бывает причиною погибели упавшего за борт человека. Желая отвратить по возможности такое важное неудобство при сказанных случаях, я рекомендую штабс-капитану Е... иметь самое тщательное наблюдение за спасительными буями и, кроме того, избрать способных комендоров, которые бы под парусами посменно были безотлучно при буях, дабы в нужде буи немедленно были брошены, и если то случится ночью, то фальшфейер зажжен.

«Собрание приказов и инструкций», Спб., 1860, стр. 128—129.

№ 40

ПРИКАЗ В. А. КОРНИЛОВА ПО КОРАБЛЮ «ДВЕНАДЦАТЬ АПОСТОЛОВ» О СОКРАЩЕНИИ КОМАНДНЫХ СЛОВ ВО ВРЕМЯ АРТИЛЛЕРИЙСКОГО УЧЕНИЯ

18 июня 1843 г.

Для достижения на вверенном мне корабле при тревоге того проворства, с которым должна действовать артиллерия военного судна, признаю необходимым:

1. Экзерцицию, мною составленную, сократить еще в следующем:

а) Команду *«орудия от борта»* выкинуть, как вовсе ненужную, ибо при пальбе ядрами орудие само собою откатывается, а потому при ученье следует приучать людей, как только комендор прокомандует *«пли!»*, с возможною быстротою перебегать на задние тали и отодвигать орудие, ничего не дожидая.

---

[1] Эти «Примечания к составлению и употреблению расписаний на военных судах» заменены впоследствии «Руководством к употреблению таблиц расписаний на военных судах», напечатанным в Черноморском гидрографическом депо в 1852 г.

b) Вместо *«к осмотру орудий!»* командовать просто *«к осмотру!»*

c) Команду *«делай!»* выкинуть, она только прибавляет шум, нисколько не пособляя делу.

2. Гг. батарейным командирам и обучающему г. штабс-капитану Е... требовать от комендоров, чтоб они при общем ученье командовали бегло без излишних выдержек, не прибавляли ничего от себя и, перебегая с прислугою с борта на борт, оставляли орудия не иначе, как заряженными и выдвинутыми, разве в нижнем деке, при сильной погоде, на что будет особое приказание от батарейного командира или сверху.

3. Гг. батарейным командирам стараться, чтоб по пробитии тревоги батареи их были приготовлены с возможною быстротою и именно: нижний дек в 5 минут, а другие батареи менее; этому много будет содействовать, если гг. батарейные командиры для переклички разделят батареи свои по гардемаринам, а сами строго будут наблюдать, чтоб носящие принадлежность не мешкали и являлись с нею, не теряя времени.

4. Доклад о выходе абордажных партий также много ускорится, если командиры партий каждый партию свою разделит на отделения и раздаст гардемаринам перекликать эти отделения, сам занимаясь осмотром оружия.

5. Нижние чины, вызываемые наверх при тревоге, должны являться, куда их требуют, с возможною быстротою, и потому им при этом не разбирать трапов, а бежать по всем, какие поставлены; командиру же опер-дека в таком случае озаботиться, чтоб все подъемные трапы, и передние, и задние, с обеих сторон были спущены.

ЦГВМА, ф. ИЛ, д. 4, лл. 15—16. Копия. Опубл. в кн. Жандра, ук. соч., стр. 320—321.

№ 41

ПРИКАЗ В. А. КОРНИЛОВА ПО КОРАБЛЮ «ДВЕНАДЦАТЬ АПОСТОЛОВ» С ОБЪЯВЛЕНИЕМ НАСТАВЛЕНИЯ О ДЕЙСТВИИ АБОРДАЖНЫХ ПАРТИЙ

26 июня 1843 г.

Для соединения и действия абордажных партий во время тревоги прилагается наставление, которое и предлагаю гг. командирам абордажных партий иметь при себе для руководства.

НАСТАВЛЕНИЕ К ВЫЗОВУ И ДЕЙСТВИЮ АБОРДАЖНЫХ ПАРТИЙ

Дабы при тревоге вызов абордажных партий был подчинен какому-нибудь порядку, рекомендую абордажным командирам руководствоваться следующими правилами:

1. Абордажное оружие брать при длинной тревоге; при короткой же — при первых вызовах абордажных партий, исключая написанных по расписанию наверху и ночной тревоги, при которой всем вообще ни в

каком случае иначе не приходить к орудиям, как с абордажным оружием.

2. При вызовах партиям строиться на шкафутах: 1-му взводу на правой, а 2-му — на левой стороне, причем нижним чинам, вооруженным ружьями, выбегая, иметь эти последние с отомкнутыми штыками.

3. По прибытии вызова абордажным командирам, окончив как можно поспешнее перекличку или просто сосчитав людей [1], немедленно осмотреть оружие; у ружей примкнуть штыки, пистолеты и ружья зарядить и взять на плечо, равно как и сабли, а пики к ноге и тогда уже итти с рапортом о готовности к капитан-лейтенанту.

4. По сигналу *«по местам!»* стрелковой партии ружья свои оставить на шкафуте, под рострами; 1-й абордажной — пики класть в ящики, остальное оружие иметь при себе; 2-й абордажной и резервной — иметь также все при себе, кроме ружей и пик, которые класть на шкафуты в ящики.

5. Так как абордаж или отражение абордажа должны происходить под прикрытием огня из орудий и ружей, то вызов партии будет всегда производим в следующем порядке.

Во-первых, вызовется стрелковая партия. Оба взвода этой партии, взяв свои ружья на перевес, направляются к тому месту корабля, которое укажет им сигнальный горн, и размещаются по сеткам, стараясь производить самый беглый батальный огонь, или, при отступлении, строятся, держа ружья на руку. За стрелковой партией вызывается 1-я абордажная. Эта партия размещается за стрелками и по сигналу бросается между них, куда будет приказано; она отступает в случае неудачи также за стрелков. Во время действий 1-й и 2-й партий корабельная артиллерия должна продолжать палить, не исключая и шканечных орудий, которые тогда только прекращают пальбу, когда 1-я партия бросится по назначению. При вызове 2-й абордажной партии орудия должны по возможности продолжать огонь. Партия эта действует двояко: взвод с ружьями служит резервом стрелковой партии; он в случае движений стрелков на неприятельское судно занимает место их на сетках, а в случае отступления строится сзади, держа ружья на руку, дабы встретить преследующих; взвод с холодным оружием служит подкреплением 1-й партии. Вызов резервной партии может последовать в крайнем только случае; она не должна иначе оставлять орудий, как вдвинутыми, строиться же — где нужно подкрепление и держать ружье на руку, дабы встретить преследующих.

6. Для направления стрелковой и 1-й абордажной партий будут делаться сигналы горнами, для чего при каждом взводе стрелковой партии и при 1-й абордажной иметь по горнисту и одного при командире; взводные горнисты абордажных партий должны принимать сигналы от горниста, при командире находящегося.

ЦГВМА, ф. ИЛ, д. 4, лл. 16—17. Копия. Опубл. в кн. Жандр. ук. соч., стр. 321—323.

---

[1] Для выигрыша времени считать могут унтер-офицеры, каждый свой десяток. **Примечание В. А. Корнилова.**

№ 42

ПИСЬМО В. А. КОРНИЛОВА М. П. ЛАЗАРЕВУ ОБ АРТИЛЛЕРИЙСКОЙ ПОДГОТОВКЕ КОРАБЛЯ «ДВЕНАДЦАТЬ АПОСТОЛОВ»

10 августа 1843 г., Севастопольский рейд

...Пальба с корабля была самая удачная, кроме несчастного случая с одним матросом, разряжавшим орудие, — у него оторвало обе руки и раздробило грудь, отчего в тот же день и умер. Погода во все четыре дня стояла самая благоприятная: маловетрие без всякой зыби. Ударные замки и трубки выказали себя как нельзя хуже. При пальбе ядрами в нижнем и среднем деках принуждены были прибегнуть к фитилю, отчего ядра этих деков несравненно хуже ложились ядер пушек-коронад, из коих палили обыкновенным замком с кремнем. Я готовлю протест ударным замкам и вместе с тем представление, чтобы к орудиям нижнего и среднего деков ваше превосходительство приказали приделать замки обыкновенные с кремнем. К эскадре по причине маловетрия присоединиться не успел, однако взошел с нею в один день. Теперь мы стоим с половинною командою; по 200 человек посылаем к Александру Павловичу. Наряд вовсе необременительный и при котором легко можно бы производить отдельные ученья и держать суда в порядке, если бы не странная манера командования нашего флагмана, которого грубое и унижающее достоинство высших подчиненных его обращение многих и в том числе меня заставляет призадуматься...

Помета М. П. Лазарева: «Ответил 22 августа [1843 г.]».

ЦГВМА, ф. Сборный. Письма В. А. Корнилова М. П. Лазареву, д. 1320, лл. 28—29. Копия.

№ 43

ИЗ ПИСЬМА В. А. КОРНИЛОВА М. П. ЛАЗАРЕВУ О РЕЗУЛЬТАТАХ ИНСПЕКТОРСКОГО СМОТРА КОРАБЛЯ «ДВЕНАДЦАТЬ АПОСТОЛОВ»

25 августа 1843 г., Севастополь

...Резолюция вашего превосходительства насчет известного вам дела здесь всех (можно смело сказать) привела в восторг. Последние события распространили было какое-то общее уныние. Адмирал К.[1] в своих поступках так прав, что даже самое пристрастное разбирательство (чего не должно ожидать) не может его обвинить. Не понимаю, за что адмирал Ч.[2] так негодует на меня? Зная его раздражительный характер, я с ним всегда был особенно осторожен, и если случились с моей стороны поступки, в которых

---

[1] Адмирал К. — контр-адмирал А. Т. Конотопцев (1796—1851 гг.), командир 1 бригады 5-й флотской дивизии.

[2] Адмирал Ч. — контр-адмирал П. Е. Чистяков (1789—1851 гг.), командир 5-й флотской дивизии.

он подозревал неуважение к себе, то они были совершенно неумышленны...

Касательно содержания экипажа и корабля я смело скажу, что ничего не боюсь, — во-первых, я не из числа тех, которые ставят выше собственное свое дело дел службы и, во-вторых, сам же адмирал Ч., сделав последний инспекторский смотр, объявил при бригадном командире моим офицерам, что все в отличном виде, что они должны гордиться, что служат у такого во всех отношениях исправного командира. На корабле же, осматривая в последнее время артиллерийское ученье, — что все как нельзя лучше — так удовлетворительно, что может понравиться государю императору! О работах команды несколько раз относил, что удивляется, как скоро все делают, что подтверждалось сигналами хорошо! и, наконец, за перемену брам-стеньги — очень хорошо! В последнем случае ему показалось так быстро, что он не хотел верить и послал своего флаг-офицера справиться на «Махмуд», действительно ли у меня спускали брам-стеньгу. Я бы даже желал, чтобы он вздумал придраться ко мне, тогда бы я имел случай на бумаге объяснить несправедливость его ко мне и в прежних случаях и тем лишил бы его возможности объявлять всем и каждому, что он терпит негодование вашего превосходительства за то, что осмелился беспристрастным быть к фавориту вашему Корнилову (а это, как я догадываюсь, теперешняя его уловка). В том, что я не интригант, кажется, мне нечего оправдываться. Вашему превосходительству должно быть это известно лучше, чем кому. Если бы я вздумал делать вред адмиралу Ч., то, конечно, первое, за что бы взялся, это за случаи, в коих мог говорить вам об нем, а делал ли я это? Рассказывал ли я вам что-нибудь об нем иначе, как когда меня спрашивали! Но что об этом глупо-злом человеке! Жаль только, что случай бросил его в наше общество и тем к вашим многосложным хлопотам прибавил разбирательство этой грязной истории...

Помета М. П. Лазарева: «Ответил 29 августа [1843 г.]».

ЦГВМА, ф. Сборный. Письма В. А. Корнилова М. П. Лазареву, д. 1320, лл. 29—30. Копия.

№ 44

ПРИКАЗ В. А. КОРНИЛОВА ПО КОРАБЛЮ «ДВЕНАДЦАТЬ АПОСТОЛОВ» О НЕОБХОДИМОСТИ ПРИ ВСЕХ ВОЗМОЖНЫХ СЛУЧАЯХ ХОДИТЬ НА ШЛЮПКАХ ПОД ПАРУСАМИ

9 сентября 1843 г.

Замечено мною, что в противность инструкции, мною данной гг. вахтенным командирам, шлюпки корабля «Двенадцать апостолов» весьма редко ездят под парусами. Напоминая об этом необходимом для

формирования унтер-офицеров и матрос порядке, я прошу гг. вахтенных командиров строго наблюдать, чтобы все шлюпки при всех возможных случаях ставили паруса, для чего на них всегда бы находилось приличное количество балласта и паруса, исключая двойку и дозволяя на люгере иметь один фок и бизань, а грот и кливер употреблять в особых случаях.

«Собрание приказов и инструкций», Спб., 1860, стр. 133.

№ 45

ИЗ ПИСЬМА В. А. КОРНИЛОВА М. П. ЛАЗАРЕВУ О СВОЕЙ РАБОТЕ НАД ПЕРЕВОДОМ АНГЛИЙСКОГО «АРТИЛЛЕРИЙСКОГО УЧЕНИЯ»

29 ноября [1843 г.], Севастополь

...Дельная книга корабля и при ней особенная гребных судов, так как эти последние на «Двенадцати апостолах» вооружены не по штату, при сем прилагается; равно как отчет за месяц о барометрах...

Надеюсь, что здоровье ваше с тех пор, как мы оставили Николаев, поправилось. Молю бога, чтобы на радость всем добрым людям вам возвратилось ваше старое и мы бы услышали, что вы более не держите никаких диет и посещаете в летней шинели Адмиралтейство. В эти ненастные дни я много занимаюсь переводом английскаго «Артиллерийскаго ученья» и дошел до ученья у бомбовых пушек на подвижных станках. Не понимая некоторые технические термины и сомневаясь в верности копии, я бы желал иметь печатную книжечку. Если ваше высокопревосходительство не найдет неудобным выслать мне ее, то я бы просил выслать. Это ученье так подробно и так удобопонятно для всякого, что перевод его, конечно, будет весьма полезен. Ведь может случиться и военное время, когда придется думать не об одной красоте и симметрии! Письмо это заключу благодарностью моею за доставление случая Ендогурову ехать в отпуск на казенный счёт. Я слышал, что Ендогуровым ваше высокопревосходительство не довольны за его поведение за границей. Могу вас уверить, что он виноват только в недостатке *такта*, который не всем дается! И в исполнении моих советов, может быть, в исполнении слишком точном: *в службе и по службе, несмотря ни на какие отношения*...

Помета М. П. *Лазарева*: «Ответил 8 декабря [1843 г.]».

ЦГВМА, ф. Сборный. Письма В. А. Корнилова М. П. Лазареву, д. 1320, лл. 32—33. Копия.

№ 46

ИЗ ПИСЬМА В. А. КОРНИЛОВА М. П. ЛАЗАРЕВУ О ДЕЛЬНОЙ КНИГЕ КОРАБЛЯ «ДВЕНАДЦАТЬ АПОСТОЛОВ» И НЕОБХОДИМОСТИ ПОБУДИТЬ ИНТЕНДАНТСКУЮ ЧАСТЬ К ОТОПЛЕНИЮ НОВОЙ КАЗАРМЫ

16 декабря 1843 г., Севастополь

Горько было мне читать бумагу вашего высокопревосходительства от 10 декабря, вчера полученную по почте с листком дельной книги, в которой вы так справедливо изъявляете ваше неудовольствие нам с Львовым. Вполне понимаю неприятное положение, в которое вас поставили бы эти ошибки перед князем, если бы вы, понадеясь на меня, отправили книгу в Петербург. Львов тут виноват менее меня, потому что мне, с моею опытностью, никак бы не следовало в таком важном случае доверять таблице составления Вьюнова. Эта таблица одна мною не была проверена и осталась в том виде, в каком Вьюнов прислал ее в своей дельной книге из Николаева! Остальные ошибки дельной книги весьма незначительны и произошли от описки писаря. Таблица, при сем прилагаемая, должна быть совершенно верна. Она составлена с натуры. Вчера комиссия из лейтенантов перемеривала все паруса корабля моего, чтоб по...[1] выставить. Я бы сам присутствовал при этой работе, если бы не боль в ноге. Разница со штатом помечена красными чертами по принятому правилу. Рассматривая эту таблицу, надо иметь в виду, что паруса обмерявшиеся сделали кампанию! Надеюсь, что теперь дельная книга корабля «Двенадцать апостолов» будет без пятен. По крайней мере, она вся совершенно прошла цензуру, ибо мы вместе со Львовым прочли ее всю...

Не могу не кончить письма к вашему высокопревосходительству без просьбы: во 1) нельзя ли поговорить интенданту об отопке новой казармы! Мы в начале еще осени подали об этом, и до сих пор никакого решения, а между тем казарму не топим, и верхний этаж так сыр, что кивера и аммуниция плеснят! В большие холода Нахимов и я покупали даже дрова и топили на счет экипажной экономии. Надеюсь на будущие блага, т. е. на разрешение топить от казны, а этого решения и до сих пор не воспоследовало! Во 2) позвольте просить, как милости собственно мне, назначить Дергачева на какую-нибудь шкуну. Тендер «Нырок» его совершенно расстроил. Он человек больной, а «Нырок», как я слышал еще от Комаровского, до того течет при волнении, что в каютах бывает вода! Этот бедняк Дергачев, полагая навлечь на себя неудовольствие начальства, боится отказаться от предстоящей «Нырку» зимней кампании в Сухуме, хотя и болен и ревматизмом и застарелыми ломотами и, бог знает, чем. Он, как я слышал от офицеров, ходит, как полусумасшедший, тем более, что мать и сестра живут на его содержании. Если нельзя его перевести на шкуну,

[1] Одно слово не поддается прочтению.

то, по крайней мере, отставить этот тендер от зимней кампании, заменив его «Легким», командир которого Фролов, как я слышал, просился.

Сию минуту приехал курьер из Николаева с письмом вашего высокопревосходительства от 14 декабря и привез весьма неутешительные вести и о вас и о Николаеве. Дай бог, чтобы все это кончилось так, как вы и все вам истинно преданные желают. Насчет леченья ваннами и декохтом, признаюсь вам, страшно подумать. О последнем лечении я слыхал, как о лечении, требующем комнату, в которой никогда бы не было менее 23° тепла, и самое спокойное состояние духа. Можете ли надеяться иметь последнее, занимаясь делами? А проживая в Николаеве вы, конечно, не решитесь запереть себя от ваших кровопийц на 6 недель. Простите меня, а я все-таки такого мнения, что прежде чем решиться на такой курс, не бесполезно бы было списаться вам самим с Арндтом[1]. Если он человек с душой и желает добра России или хотя бы государю, то он примет это к сердцу и, конечно, все придумает, чтобы восстановить ваше здоровье. Скажу вам откровенно, если покойный дядюшка был бы жив, то, несмотря на запрещение ваше не болтать о болезни вашей, я бы написал к нему и попросил бы его съездить к Арндту, а теперь это мог бы сделать Алексей Петрович, ведь Алиман писал докторам, не говоря об вас ни слова, — это много значит! Высказав вашему высокопревосходительству все, что было у меня на душе, я прошу вас извинить мою откровенность, — она ведь следствие участия. Конечно, я мало, или лучше, ничего не смыслю в медицине, но все-таки лечение вас посредством расслабления организма мне крайне не нравится...

ЦГВМА, ф. Сборный. Письма В. А. Корнилова М. П. Лазареву, д. 1320, лл. 34—36. Копия.

№ 47

ИЗ ПИСЬМА В. А. КОРНИЛОВА М. П. ЛАЗАРЕВУ ОБ ОТОПЛЕНИИ КАЗАРМ КАМЕННЫМ УГЛЕМ И О ПОРЯДКЕ ВЫДАЧИ КНИГ ИЗ МОРСКОЙ ОФИЦЕРСКОЙ БИБЛИОТЕКИ

11 января 1844 г., Севастополь

...Открытие же библиотеки в полном блеске и при оном уничтожение долга в 50 тыс. руб. расположит всех иначе...

О моделях нам нечего думать. Николаевское адмиралтейство, конечно, не откажет довершить ими все, что сделало для библиотеки. Если бы Севастопольское, соревнуя Николаевскому, подарило нам модель пароходной машины! Как бы это было полезно и какое у нас для этого прекрасное место!..

По случаю этого устава у нас было шумное заседание. Спор возник насчет равенства членов. Зная, как это равенство дорого

[1] Н. Ф. Арндт — лейб-медик, личный врач Николая I.

для молодого поколения, и желая всеми средствами приохотить его к чтению, я стоял за равенство. Из прилагаемого, ваше высокопревосходительство, увидите мое мнение.

Насчет отопления казарм никаких перемен. На-днях только мы с Нахимовым получили назначение в комиссию о учинении испытания потребности каменного угля как для отапливания казарм, так и для варения пищи и печения хлеба. К казармам не знаем как и приступиться с этим испытанием, ибо они до такой степени запущены, что топить иначе нельзя, как не затворяя труб, а это какое же испытание! В верхнем этаже особенно сыро. Стены совершенно мокрые, а окна — ни одно не подымается. По-моему, самая действительная тут мера — отпустить дров по николаевскому положению на остающиеся зимние месяцы, а испытывать уже в будущем году при начале зимы. Если будут отпущены дрова, то можно будет жечь их, не закрывая труб и таким образом поддерживать здание. В противном случае, говорят, будто летом придется отбивать штукатурку.

В бытность мою в Николаеве я просил вас выписывать еще экземпляр *United Service Journal* и *Nautical Magazine* для экипажа Нахимова. Чтоб ваше высокопревосходительство не забыли это, то я беспокою вас в другой раз. Распространение такого рода чтения так для наших молодцов-офицеров полезно...

О случае с фрегатом «Браилов» вам, конечно, пишет подробно Александр Павлович, — по-моему, только надо благодарить бога, что счастливо кончилось. Разбитие фрегата в виду порта в умеренную погоду было бы неприятное для вашего высокопревосходительства происшествие. Все говорят, и я того же мнения, что если бы пароход «Бессарабия» подал помощь часом прежде, то фрегат был бы цел и невредим, ибо он стал на якорь в 11-м часу и до 2 стоял на совершенной свободе, имея воды 15 дюймов, ветер был NW умеренный...

Окончу письмо благодарностью моею за корону на Анну, внимание ваше для меня всегда было дороже внимания самого царя, ибо мне известно, на чем оно основано...

ЦГВМА, ф. Сборный. Письма В. А. Корнилова М. П. Лазареву, д. 1320, лл. 38—40. Копия.

№ 48

ИЗ ПИСЬМА В. А. КОРНИЛОВА М. П. ЛАЗАРЕВУ О НЕЖЕЛАНИИ ИНЖЕНЕРОВ ПРИСПОСОБИТЬ ПЕЧИ КАЗАРМ ДЛЯ ОТОПЛЕНИЯ ИХ АНТРАЦИТОМ

21 февраля 1844 г., Севастополь

...Насчет топления казарм и кухонь мы с Нахимовым хлопочем, сколько можем, и весьма понимаем важность этого дела. Но что же мы можем сделать с инженерами, от которых, к несчастию,

тут, можно сказать, все зависит. Духовые печи в казармах пробовал сам Кузьмин с самого начала испытаний, и все-таки ничего не вышло. Он ссылается на уголь и решительно отвергает возможность топить антрацитом без примеси обыкновенного каменного угля и дров; на кухне у Нахимова, где котлы, он переделал одну печь своими средствами по указанию печников артиллерийского ведомства (где Павловский), и дело пошло весьма хорошо; печей для печения хлебов не испытывали, ибо переделка их не по нашим силам, да и без указаний трудно решиться на такую работу, а указания взять негде. Г. Мейнард с самого вашего отъезда едва ли удостоил раз казарму нашу посещением. Кузьмин бывает, да только на все отвечает, что от него ничего не зависит. До сих пор не кончены перилы к сходным трапам. Недавно только закрыли мины люками и то после того, что у меня человек чуть не ушибся до смерти, причем я подал рапорт. По записке, утвержденной вашим высокопревосходительством, кроме столов и цейхаузов, ничего не сделали, — да если бы вы посмотрели, что за работа в цейхаузах и какие столы. Но мне жутко все это исчислять, зная, как ваше высокопревосходительство все горячо принимаете!..

Жаль только, что о долге ни слуху, ни духу. Неужели общество черноморских морских офицеров не заслужило от государя такой ничтожной суммы...

Больно только одно, что ваше высокопревосходительство так надолго откладывает ваше посещение, неужели до мая! А г. Рклицкий, которого мы угощали, как благодетеля, обещал нам вас в марте. По словам Рклицкого, болезнь ваша должна скоро уничтожиться. Неужели он хвастун? С нетерпением ожидаю известий об этом из важных важнейшем для нас предмете. Благодарю покорно за деньги и обещанную кампанию, утешаюсь мыслью, что поход этот, как бы кратковременным ни случился, не проведу без пользы службы, т. е. кораблю моему...

Помета М. П. Лазарева: «Ответил 26 февраля [1844 г.]».

ЦГВМА, ф. Сборный. Письма В. А. Корнилова М. П. Лазареву, д. 1320, лл. 44—45. Копия.

№ 49

ИЗ ПИСЬМА В. А. КОРНИЛОВА М. П. ЛАЗАРЕВУ С РЕКОМЕНДАЦИЕЙ ОФИЦЕРОВ В ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ ПЛАВАНИЕ В АРХИПЕЛАГ И О ПОЛУЧЕНИИ ПРИКАЗА ОБ УВЕЛИЧЕНИИ КОМАНДЫ ПАРОХОДА «БЕССАРАБИЯ»

29 февраля 1844 г., Севастополь

...Сюда дошли слухи, что есть назначение судов в Архипелаг и Константинополь. Позвольте напомнить о докладной записке моей, поданной в прошлом году по окончании кампании, в которой я просил о назначении за границу из моего экипажа лейтенанта Волоцкого и мичмана Болговского. Если шкуна «Забияка». будет

в числе, то я бы просил лейтенанта Волоцкого поместить не на шкуну, ибо на шкуне этой старшим офицером лейтенант Змеев, также очень хороший офицер, моложе Волоцкого, и, следовательно, ему будет сие обидно, тем более, что в продолжение трех лет Манганари не мог нахвалиться Змеевым. Я надеюсь, что ваше высокопревосходительство не откажете мне в этой просьбе, — это единственный случай для меня вознаградить труды моих офицеров по кораблю и экипажу, за которые я сам получил награду...

Сегодня принесли мне приказ увеличить команду парохода «Бессарабия» еще одною артелью, между тем как и другие две, составляющие команду парохода, назначены из корабельной команды, т. е. из корабельных 6½ рот. Конечно, если 6 роты были комплектованы, то по мирному времени ослабление команды 100 человек корабля на ¾ роты было бы не так важно, но в теперешнем состоянии экипажа, при 113 человеках (113 человек и ¾ роты, т. е. 90 человек, составит 203 человека!), недостающих до комплекта, оно весьма будет чувствительно и особенно для боевого расписания, и потому позвольте просить воспретить трогать хоть первые 6 рот моего экипажа, ибо и в таком случае, как мне известно по прошлогоднему опыту, при боевом расписании придется ограничить себя только расписанием у одних орудий и то за исключением адмиральской и капитанской кают, лазарета и кают-компании. С душевной преданностью честь имею оставаться *В. К*[*орнилов*].

Помета М. П. Лазарева: «Ответил 14 марта [1844 г.]».

ЦГВМА, ф. Сборный. Письма В. А. Корнилова М. П. Лазареву, д. 1320, лл. 46—47. Копия.

№ 50

ИЗ ПИСЬМА В. А. КОРНИЛОВА М. П. ЛАЗАРЕВУ ОБ ОТКРЫТИИ МОРСКОЙ ОФИЦЕРСКОЙ БИБЛИОТЕКИ В СЕВАСТОПОЛЕ

13 апреля 1844 г., Севастополь

С особенным удовольствием беру перо, чтобы известить ваше высокопревосходительство об открытии библиотеки. Оно совершилось 2 апреля в полдень в присутствии Александра Павловича, многих адмиралов и других членов: отслужено было молебствие, кажется, все было и прилично и к общему удовольствию. Вот теперь уже другая неделя, что заведением этим все пользуются, исполняя во всем строго печатные правила. Я боялся, что грязное время отзовется на щегольской отделке комнат, особенно на лощеных паркетах наших, но вышло, что непогода эта послужила только доказательством, что при добрых правилах и аккуратном присмотре всякое общество без стеснения себя будет порядочным. Прошлое воскресение человек 60 обер-офицеров флотских делали обед в клубе комитету и строительной комиссии. Сначала, боясь, что обед этот, подобно другим такого рода, может развязаться какой-нибудь неприятной историей, я было отклонял его, но не успев — поехал и,

признаюсь, с чувством особого наслаждения смотрел на молодежь нынешнюю, которой, кажется, недостает только примера и направления. Все было чинно, пристойно; не было забыто ни одного тоста и говорились речи. Жаль очень, что Александр Павлович по нездоровью должен был отказаться, — ибо это немного сконфузило хозяев и подало повод к сплетням баб и адъютантов, которые здесь, как и везде, не могут жить без этого благородного занятия...

«Мачтовое искусство» получил, — со страхом и верою смотрю на него, но прежде выхода на рейд корабля не надеюсь приняться за него, как должно. Теперь оно на предварительном рассмотрении у Нахимова, который продолжает хворать. Кажется, его, бедняка, вовсе не так лечат, но что же делать с нашими эскулапами. Покорно благодарю ваше высокопревосходительство за Смирнова...

Помета М. П. Лазарева: «Ответил 24 апреля [1844 г.]».

ЦГВМА, ф. Сборный. Письма В. А. Корнилова М. П. Лазареву, д. 1320, лл. 50—51. Копия.

№ 51

ПРИКАЗ В. А. КОРНИЛОВА ПО КОРАБЛЮ «ДВЕНАДЦАТЬ АПОСТОЛОВ» О ВООРУЖЕНИИ ГРЕБНЫХ СУДОВ АРТИЛЛЕРИЕЙ

6 мая 1844 г.

Вооружение гребных судов артиллериею должно происходить как можно поспешнее, ибо нужда в вооруженных судах может встретиться внезапно, и потому для сего делается предварительное распоряжение следующего рода:

Орудия и станки для гребных судов должны находиться на местах, им назначенных, в совершенной готовности к постановлению на суда; для сего штабс-капитану Е... [1] назначить на каждое из имеющихся орудий по канониру, а на барказ, кроме того, артиллерийского унтер-офицера, а лейтенанту Е... (старшему офицеру), кроме канонир и гребцов, написать из стрелковой партии на барках к орудию 4 человек, на полубарказы по 3 человека, а на мелкие катера по 2 человека.

Орудия спускать с обоих ноков грота-рея на унтер-фоке и ватерталях и горденях, имея концы со шкафута.

Спуск орудий, равно как и приготовление к оному, обязывается делать командующий наверху офицер, приготовление шлюпок — офицеры, на них написанные, приготовление станков и орудий к спуску в деках — штабс-капитан Е..., приготовление принадлежности — подпоручик Д...

При осмотре артиллерии гребных судов вверенного мне корабля я нашел ее совершенно неисправною и потому считаю необходимым, дабы скорее довести эту часть до должного порядка, равно как и самое управление шлюпками, во всех возможных случаях поставить на приличную ногу — расписать корабельные гребные суда по офицерам, на

---

[1] Фамилии в этом и последующих случаях в публикации сборника «Собрание приказов и инструкций» не указываются.

которых и возлагается произвести безотлагательно все нужные исправления и потом постоянный в продолжение кампании присмотр как за содержанием каждой шлюпки, так и за обучением унтер-офицеров и гребцов их делу.

Барказ лейтенанту К..., полубарказ № 1 лейтенанту С..., полубарказ № 2 лейтенанту Я..., катер № 1 мичману Р..., катер № 2 юнкеру В..., шестерка юнкеру Т...

Кроме того, лейтенанту К... иметь надзор за верейкой, гичкой и вельботом.

Гг. офицерам на шлюпках обратить особое внимание, чтоб все сделанные до сего времени приспособления относительно управления под парусами, под веслами и действия артиллериею не приходили в упадок, а напротив того улучшивались и для того о том, что требует поддержки или сделать вновь, докладывать старшему офицеру, который с своей стороны не замедлит дать все средства. По артиллерии же надо стараться достигнуть, чтоб орудия легко двигались по платформам и спускам и при действии не оставляли повреждений, чего легко достичь, если заведены будут пропорциональные отдаче брюки с гаком с одного конца, а для крепления их в носу — стропки кругом фор-штевня с коушами, обшитые кожей, а в корме — рымы; для талей же обушки и в носу и в корме расположа так, чтоб тали закладывать свободно и сколь можно ближе к продольному направлению.

«Собрание приказов и инструкций», Спб., 1860, стр. 135—136.

№ 52

ПРИКАЗ В. А. КОРНИЛОВА ПО КОРАБЛЮ «ДВЕНАДЦАТЬ АПОСТОЛОВ» О ПОРЯДКЕ ПОДАЧИ ГОРДЕНЯ ПРИ ПОДЪЕМЕ МАЛОВЕСНЫХ ВЕЩЕЙ НА КОРАБЛЬ

29 мая 1844 г.

Замечено мною, что гордень с грота-рея при подъеме маловесных вещей на корабль подается совершенно не так, как следовало бы для ускорения такого рода подъема и употребления на него сколь можно менее людей; я прошу гг. вахтенных лейтенантов наблюдать, чтоб гордень этот лежал всегда в готовности на марсе между рыбин, т. е. продернутым в блок со свитнем и раздернутым так, чтоб по команде *«гордень на грота-рей!»* два человека марсовых могли взять его с марса и нести блок прямо на нок, бросив оба лопаря на шкафут, где унтер-офицер подавал бы немедленно ходовой на шлюпку, а коренной брал в канифас-блок на шкафуте или в верхней палубе. При этом считаю необходимым подтвердить гг. вахтенным офицерам, чтоб подъем всяких вещей, которые рука по руке подавать нельзя, производился бы посредством горденя с нока, отнюдь не употребляя гордень прямо со шкафута или из порта, чрез что портят борт и ступеньки трапа и выказывают для глаза, привыкшего к морскому порядку, отсутствие оного.

«Собрание приказов и инструкций», Спб., 1860, стр. 135—136.

№ 53

ПИСЬМО В. А. КОРНИЛОВА М. П. ЛАЗАРЕВУ С ПРОСЬБОЙ О ПЕРЕНЕСЕНИИ ПРЕДОСТАВЛЕННОГО ЕМУ ОТПУСКА НА ВЕСНУ 1845 г.

14 августа 1844 г., С.-Петербург

Спешу просить ваше высокопревосходительство снисходительно принять отсрочку моего отпуска до будущей весны. Здоровье мое и домашние обстоятельства решили меня на это. Конечно, если бы это я предвидел в Николаеве то, что встретило меня в деревне и здесь, или мог бы объясниться с вашим высокопревосходительством, не тратя времени, то я никак бы не обратился к князю, не испросив предварительно вашего согласия, но как необходимость остаться в здешних местах до весны открылась весьма недавно и по краткости моего пребывания в Петербурге нельзя было откладывать говорить об отсрочке с князем, то я, вполне надеясь на всегдашнюю готовность вашу делать мне добро, решился подать записку о дозволении пробыть осень и зиму в Петербурге и деревне, — и просьба моя принята. И так до будущего апреля или мая я не увижу ни Севастополя, ни корабля моего, а там опять явлюсь с новыми силами на службу в Черном море и с новым усердием примусь всеми своими способностями содействовать благим намерениям вашего высокопревосходительства. Вчера было первое мое свидание с князем, я попал в Петербург в самое невыгодное для приезжих время, — никого почти нет в городе, все по дачам, в деревнях. Князь по обыкновению был очень учтив, спрашивал о вашем здоровьи...

Оканчивая письмо это, я вторично прошу ваше высокопревосходительство отсрочку моего возвращения в Черное море отнести ни к чему более, как к моим домашним делам и моему расстроенному здоровью, ибо для первых необходимо мое присутствие в здешних краях до зимнего времени, а для второго — отдохновение. Если ваше высокопревосходительство удостоите меня ответом на письмо это, то прошу адресовать в деревню мою, ибо в декабре я не буду в Петербурге. В декабре же я пущусь в столицу с тем, чтобы пробыть в ней до марта, т. е. до времени, что жена моя будет совершенно здорова.

Душевно преданный *В. К*[*орнилов*].

Помета М. П. Лазарева: «Ответил 27 сентября [1844 г.]».

ЦГВМА, ф. Сборный. Письма В. А. Корнилова М. П. Лазареву, д. 1320, лл. 53—54. Копия.

№ 54

ИЗ ПИСЬМА В. А. КОРНИЛОВА М. П. ЛАЗАРЕВУ О ПРЕДПОЛАГАЕМОМ ПОСЕЩЕНИИ ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА ГЕНЕРАЛ-АДМИРАЛОМ ВЕЛ. КНЯЗЕМ КОНСТАНТИНОМ НИКОЛАЕВИЧЕМ

10 декабря 1844 г., С.-Петербург

Спешу воспользоваться отправлением Зарина, чтоб сообщить вашему высокопревосходительству объявленные мне его светлостью в день моего к нему представления о вояже генерал-адмирала[1] в Черное море в будущем лете и о плавании его там на корабле «Двенадцать апостолов»...

Сколько я могу заключить из разных здешних рассказов, то от впечатления, которое будет сделано Черноморским флотом на генерал-адмирала, много должен зависеть будущий взгляд его на морское дело, и поэтому тут дело будет итти не о чинах или тому подобных пустяках, а о будущем русского флота. Как бы хорошо было, если бы удалось судам, на коих будет плавать великий князь пробыть хоть месяц в море до его приезда, чтоб показать ему не краску и надписи, а настоящее дело по части маневров парусами и пушечной экзерциции, — а это без предварительного похода показать в должном виде трудно. Простите, ваше высокопревосходительство, что я так разболтался, но я признаюсь вам, что польза пребывания его высочества на Черноморском флоте меня особенно занимает...

Помета М. П. Лазарева: «Ответил 26 декабря [1844 г.]».

ЦГВМА, ф. Сборный. Письма В. А. Корнилова М. П. Лазареву, д. 1320, лл. 53—54. Копия.

№ 55

ИЗ ПИСЬМА В. А. КОРНИЛОВА М. П. ЛАЗАРЕВУ С ПРОСЬБОЙ ПРЕДОСТАВИТЬ ЕМУ СЛУЖЕБНУЮ КОМАНДИРОВКУ В АНГЛИЮ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ СТРОИТЕЛЬСТВА ПАРОВЫХ СУДОВ

12 января 1845 г., С.-Петербург

...Вчера был у меня Кремер и до такой степени воспламенил меня рассказами о пароходстве в Северной Америке и Англии, что я решился просить у вашего высокопревосходительства как высочайшей милости доставить мне случай побывать хоть в последней. Граф Воронцов говорил мне, что теперь предстоит новый

[1] Т. е. вел. кн. Константин Николаевич.

заказ пароходов для Черного и Азовского морей, — вот случай меня отправить хотя на таком же основании, как был в 1840 г. отправлен К. Истомин. Такого рода поручение принесло бы пользу и службе, для которой я посвятил себя, да и собственно мне. Это меня бы освежило и нравственно и физически, — я чувствую, что начинаю приметно ослабевать и поддаваться пагубному равнодушию ко всему в мире. Корабль мой и экипаж теперь в таком положении, что не могут доставить мне занятий ободрительных, а напротив, того и смотри, что изленишься и отвыкнешь от жизни действительной и, пожалуй, выучишься преферансам. Англия же расшевелит мои засыпающие способности, и я явлюсь к вам с обновленным духом и, может, и здоровьем. Пример — Путятин: он был дальше, чем я, на пути разочарования, а теперь снова молодец молодцом! Признаюсь, мысль заслужить адмиральский чин на водах Херсонеса, знакомясь с современным морским просвещением посредством журналов, тогда как здесь все пользуется легкостью сообщений, и ездить смотреть и наблюдать своими глазами — признаюсь, такая мысль меня ужасает! Позвольте надеяться, что вы не откажете мне в просьбе моей, для выполнения коей теперь предстоит единственный случай и, вероятно, для меня последний. Может быть, ваше высокопревосходительство найдете неудобным нынешнее лето передавать корабль мой другому, то ведь можно будет устроить так, чтоб мне ехать по окончании кампании. Желалось бы только знать о назначении до выезда моего отсюда, ибо в таком случае я бы оставил семью здесь, а приехал бы в Черное море один, налегке, что спасло бы меня от многих лишних расходов. Вчера я получил письмо ваше от 29 генваря. Душевно рад, что не все пропало в библиотеке и для библиотеки![1] Из моего последнего вы усмотрите, что мысль моя о возобновлении здания совершенно почти сходна с прожектом, представленным комитетом и вами одобренным. У Будкина я прежде был и видел портрет государя во весь рост, подобный заказанному для нашего клуба, — очень хорош! Впрочем, на-днях, если буду здоров, поеду опять к нему. Рама заказана тому же мастеровому, который делал вам для зеркал; за всем этим буду смотреть по мере сил. На-днях также ездил в Герольдию по поручению брата справиться о дипломе вашем. Через три недели обещано доставить его брату совершенно готовым для отправления к вам. Александр сам вам будет писать подробно. С князем Меншиковым я никогда не вижусь, а потому вряд ли удостоюсь говорить о библиотеке. Пожелав вам всякого благополучия, остаюсь душевно преданный *В. К*[*орнилов*].

Помета М. П. Лазарева: «Ответил 6 марта [1845 г.]».

ЦГВМА, ф. Сборный. Письма В. А. Корнилова М. П. Лазареву, д. 1320, лл. 55—57. Копия.

---

[1] Речь идет о пожаре Морской офицерской библиотеки в Севастополе. Часть имущества и книг была спасена морскими офицерами, деятельно отстаивавшими свою библиотеку от огня.

№ 56

ИЗ ПИСЬМА В. А. КОРНИЛОВА М. П. ЛАЗАРЕВУ С СОБОЛЕЗНОВАНИЕМ ПО ПОВОДУ ПОЖАРА МОРСКОЙ ОФИЦЕРСКОЙ БИБЛИОТЕКИ

3 февраля 1845 г., С.-Петербург

...Вот прошел целый месяц после горестной севастопольской катастрофы и все-таки я не имею ничего донести вашему высокопревосходительству касательно представления вашего об этом несчастном происшествии. Может быть, тому причиною праздники и потом последняя болезнь моя, которая продолжалась почти две недели, или вообще отдаление мое от морских, из коих я вижусь только с Рейнеке. Пожар этот меня поразил прямо в сердце, — до сих пор не могу поверить ему! Мне все кажется, что это не может быть! С нетерпением ожидаю от Матюшкина об оставшемся, он мне обещал, но до сих пор ни слова...

Больно подумать об этом несчастном пожаре! Я смотрю на него, как на примерное общественное бедствие не только для Севастополя, но и для всего Черноморского флота, ибо удача такого заведения обещала важные нравственные выгоды. Вам, конечно, известно о смерти адмирала Грейга, — погребение было людное, но государь не был по случаю пришедшего в тот день известия о кончине его племянницы герцогини Нассаусской. Третьего дня я был у графа Воронцова. Граф в среду оставляет Петербург, во вторник ему дается обед в Английском клубе членами оного. Впрочем, я напрасно пишу вам об этих событиях — тетушка, вероятно, помещает о них в своем подробном журнале. Весьма жаль, если поездка генерал-адмирала ограничится живописным путешествием по Черному морю и в Константинополь, — бедный флот наш!..

Помета М. П. Лазарева: «Ответил 20 февраля [1845 г.]».

ЦГВМА, ф. Сборный. Письма В. А. Корнилова М. П. Лазареву, д. 1320, л. 57. Копия.

№ 57

ИЗ ПИСЬМА В. А. КОРНИЛОВА М. П. ЛАЗАРЕВУ С БЛАГОДАРНОСТЬЮ ЗА СОДЕЙСТВИЕ В ПРЕДОСТАВЛЕНИИ ЕМУ СЛУЖЕБНОЙ КОМАНДИРОВКИ В АНГЛИЮ

23 марта 1845 г., С.-Петербург

На-днях я получил письмо вашего высокопревосходительства от 6 марта в ответ на мое об Англии. Благодарю вас душевно за участие в моей просьбе. Признаюсь мне бы даже и не желалось попасть в агенты Штиглица!.. Назначение же для присмотра за постройкою пароходов для нашего морского ведомства я сочту за особую милость начальства. Совет ваш насчет возвращения в Черное море исполню с особым удовольствием, тем более, что это и всегда было и мое намерение...

Об обоях для благородного собрания буду писать на следующей почте или получите уведомление через Екатерину Тимофеевну [1], которая в утешение ваше и наше, наконец, в Петербурге и в совершенном здоровье, равно как и Танечка. С князем я недавно видался во дворце, в день крестин Александра Александровича [2]. Его светлость ко мне подходил, но о библиотеке — ни слова. Я слышал, что государь читал письмо ваше и прочтя сказал: надо помочь!..

Помета М. П. Лазарева: «Ответил 12 апреля [1845 г.]».

ЦГВМА, ф. Сборный. Письма В. А. Корнилова М. П. Лазареву, д. 1320, лл. 57—58. Копия.

№ 58

ПРИКАЗ В. А. КОРНИЛОВА ПО КОРАБЛЮ «ДВЕНАДЦАТЬ АПОСТОЛОВ» О ПОРЯДКЕ ПОГРУЗКИ АРТИЛЛЕРИИ НА ГРЕБНЫЕ СУДА

15 июня 1845 г.

При осмотре сего числа артиллерии гребных судов я нашел ее в надлежащем виде; желательно бы было, чтоб спуск ее на суда производился с большим порядком и с большею живостью. Для достижения сего рекомендую г. капитан-лейтенанту Е... [3] сделать следующее распоряжения: на барказ спускать с левого нока грота-рея, на ватер-талях и ундер-фоке; на полубарказы, начиная с № 1, с правого нока грота-рея, на надежном гордене на катер № 1 с правого нока фока-рея на ундер-лисель-фале, и на катер № 2 с левого нока фока-рея, также на ундер-лисель-фале; для поспешнейшего изготовления сих принадлежностей и затем спуска артиллерии назначить к ватер-талям и ундер-фоку лейтенанта Л..., к гордению с грота-рея лейтенанта Я..., на бак к спуску 8-фун. орудий лейтенанта Г..., дав им всем потребное для сего число нижних чинов и унтер-офицеров.

«Собрание приказов и инструкций», Спб., 1860, стр. 136—137.

№ 59

ИЗ ПИСЬМА В. А. КОРНИЛОВА М. П. ЛАЗАРЕВУ О СРОКАХ ПРАКТИЧЕСКОГО ПЛАВАНИЯ В ЧЕРНОМ МОРЕ КОРАБЛЯ «ДВЕНАДЦАТЬ АПОСТОЛОВ»

20 июня 1845 г., Одесский рейд

Срок моего практического плавания так короток, что для меня дорог всякий час. Я бы просил даже жену мою перевезть в Севастополь на пароходе, ибо если мне придётся для избежания крайне тяже-

---

[1] Екатерина Тимофеевна — жена М. П. Лазарева, Танечка — его дочь.

[2] Второй сын Александра II, тогда еще наследника; будущий Александр III.

[3] Фамилии в этом и последующих случаях в публикации сборника «Собрание приказов и инструкций» не указываются.

лых для меня денежных расходов взять ее на корабль, то это мне вдвойне будет неприятно: во-первых, это нарушит порядок учений, которые я назначил и наблюдаю, и, во-вторых, заставит меня изменить моим служебным правилам! Надеюсь, что ваше высокопревосходительство не откажете мне также уведомить меня чрез кого-либо, до какого времени я мог бы ходить в море, — если бы сроком назначили до 15 июля. Будьте уверены, что я не опоздаю — вам известно, как нова команда моя и как неопытны офицеры и что в три недели летнего плавания ничего не приобретешь.

При желании вам и всему вашему семейству всяких благ остаюсь душевно преданный *В. К[орнилов]*...

ЦГВМА, ф. Сборный. Письма В. А. Корнилова М. П. Лазареву, д. 1320, лл. 58—59. Копия.

№ 60

ПРИКАЗ В. А. КОРНИЛОВА ПО КОРАБЛЮ «ДВЕНАДЦАТЬ АПОСТОЛОВ» ОБ ОБЯЗАННОСТЯХ ЛИЧНОГО СОСТАВА КОРАБЛЯ ПО ПОЖАРНОМУ РАСПИСАНИЮ

24 июня 1845 г.

Полагая необходимым караул при пожаре разделить на отделения, я назначаю командиром его лейтенанта Т... [1], командующими же отделениями быть: 1-м, для кубрика, мичману В..., 2-м, наверху, мичману Ж...

Для предупреждения замешательства, могущего произойти от неизвестности мест своих в случае, если на корабле будет пожар, к другим расписаниям присовокуплено особое расписание офицеров и нижних чинов при таковом несчастии с особым объяснением назначения каждого дивизиона. Об открывшемся пожаре будут все уведомляться звоном колокола, что исполняется г. командующим вахтою офицером не иначе, как получив мое приказание, ибо он по открытии тотчас должен меня без шума известить, распорядясь вместе с тем спуском виндзелей, уборкою шлюпочных чехлов на рострах, уборкою тентов и дымселя, под парусами же — всяких нижних парусов и прочих легко загорающихся вещей. К расписанию и объяснению сим считаю приличным приложить еще следующее наставление:

1) 9-й дивизион немедленно занимает посты свои и, приняв боевые патроны из малой крюйт-камеры от подпоручика Д... (младшего артиллерийского офицера), заряжает ружья. Обязанность его не дозволять никому, кто бы ни был, отлучаться с корабля без особенного моего разрешения. Их права и ответственность совершенно одинаковы с правами и ответственностью часовых в военное время.

2) 1-й дивизион идет к загоревшемуся месту, вооружаясь назначенным для каждого инструментом, и старается появившийся огонь потушить, закладывая его мокрыми швабрами, матами, парусами, брезентами и тому подобным и вместе с тем отделяя людей (если увидится в

[1] Фамилии в этом и последующих случаях в публикации сборника «Собрание приказов и инструкций» не указываются.

сем надобность) в разные места по мере нужды, как то: в шкиперскую каюту, в шкиперский и артиллерийский люки, вообще на кубрик и в палубы и пр., для подавания наверх вещей, удобно воспламеняющихся, именно: сажи, смолы, разного масла, гарпиусу, скипидара, терпентина, по возможности смоленого такелажа; в аптеку, к льялу, где хранятся смоленые и для крашения употребляемые ведра; если пожар случится ночью — к выбрасыванию наверх коек и так далее. При всех сих действиях надлежит всем в движениях своих соблюдать как можно более спокойствия, дабы не усилить обращение воздуха.

3) 5-й дивизион остается наверху в распоряжении старшего офицера г. капитан-лейтенанта Е... Ему с оным должно немедленно приступить к навешиванию талей для спуска гребных судов или для подъема выдаваемых вещей снизу; к обертыванию мокрыми брезентами смоленого такелажа, против люков находящегося, в особенности грота-штага, и к подаванию на низ мокрых швабр, матов, брезентов, парусов и вообще всего, могущего способствовать к потушению огня.

4) Так как главная забота в начале пожара должна состоять в уничтожении по возможности обращения воздуха в том месте, где пожар показался, то 3-й дивизион должен прямо закрыть все люки и прикрыть их мокрыми брезентами, раскрывая оные только для прохода людей, подавания вещей и воды по мере нужды. Артиллерийские офицеры с канонирами в сие же время закрывают порты.

5) Люди, назначенные с ведрами для подавания воды в люки, затыкают шпигаты пенькой или что для сего будет у шкипера и потом, принимая с русленей воду, льют ее на палубу, покуда оную не потребуют вниз или в другие какие места.

6) Назначенные к брандспойтам и помпам немедленно должны вооружить их и действовать на место, которое будет указано.

7) Штабс-капитан Е... (старший артиллерийский офицер) по закрытии портов должен немедленно, если орудия заряжены ядрами, разрядить их и потом составить из канонир партии для выбрасывания за борт в случае необходимости всего легко загорающегося.

8) Лейтенант Т... обязан, как только зазвонят в колокол, вынести ящик с казною на ют и оставить его караульному унтер-офицеру, а сам с мичманом Ж..., старшинами всех гребных судов и половинным числом гребцов готовить суда, если которые не спущены, к спуску, а находящиеся на воде — к принятию чего прикажут, размещая их на обе стороны, именно: полубарказ № 1, катер № 1, верейка и гичка на правой стороне, под командою лейтенанта Т...; а барказ, полубарказ № 2, катер № 2, шестерка и вельбот — под командою мичмана Ж... на левой.

9) Если есть суда на рострах, то г. капитан-лейтенанту со 2-й партией немедленно приступать к спуску их.

10) Если несчастный случай встретится под парусами, то первое попечение старшего офицера должна быть уборка парусов, а потом спуск барказа и других гребных судов.

11.) Г. штабс-капитану А... (старшему штурману) с кондукторами должно озаботиться спасением шканечного журнала, а если в открытом

море, то снабжением гребных судов компасами, картами, склянками и пр.

12) Штабс-лекарь Б... должен находиться при больных и аптеке в лазарете, а на кубрике к аптеке отрядить надежного фельдшера, чтоб в случае опасности [он] очистил ее от удобозагорающихся вещей.

13) Комиссару не отходить от печати ахтер-люка, за сохранность коей отвечает, за чем наблюдать мичману В... с караулом своим.

14) Никто не должен оставлять своего места до пробития отбоя, после чего 1-я вахта становится на правый шкафут или шканцы, а вторая на левый, по отделениям и в таком положении ожидают дальнейших моих приказаний.

«Собрание приказов и инструкций», Спб., 1860, стр. 137—141.

№ 61

ПРИКАЗ В. А. КОРНИЛОВА ПО КОРАБЛЮ «ДВЕНАДЦАТЬ АПОСТОЛОВ» О СОБЛЮДЕНИИ ЕДИНООБРАЗИЯ В УПРАВЛЕНИИ КОРАБЛЕМ ПОД ПАРУСАМИ

5 июля 1845 г.

Для соблюдения на вверенном мне корабле однообразия при некоторых известных случаях под парусами я рекомендую гг. вахтенным командирам следующее:

1. Снимаясь с дрейфа, прежде всего становить кливер или стаксель, а потом уже обрасопливать грот-марсель и вместе с тем ставить (если приказано) грот и фок.

2. Поворачивая овер-штаг и спустив кливер или стаксель, кроме особых каких случаев, не подымать опять его, покуда корабль не пойдет к ветру.

3. Поворачивая овер-штаг, наблюдать, чтоб гика-шкот вдруг не стягивали на средину, а постепенно и подветренный гика-топенант выбирали, когда бизань уже обезветрит.

4. При повороте овер-штаг иметь правилом: при ровном ходе грот-марса-булинь отдавать ранее, а когда тихо и поворот вообще сомнителен — позже и при последних случаях фока-булинь вслед за грот-марса-булинем.

5. Поворачивая чрез фордевинд, задние паруса приводить левентих [1], покуда не будут обрасоплены в бейдевинд на другой галс, после чего уже становится фока-рей прямо, подтянув заранее фока-гитовы так, как это делается при повороте овер-штаг.

6. Поворачивая чрез фордевинд в свежий ветер, когда корабль придет на фордевинд, стакселя опустить, а если стоит фок или фор-трисель, то брать их на гитовы.

7. Когда ветер заходит и людей случится мало, чтоб поставить на все брасы вдруг, то начинать с передних. Если же ветер отходит, то с задних.

---

[1] Левентих — от голландского leventig — положение парусов, когда они находятся в линии ветра и заполаскивают.

8. При свежем ветре, приводя или поворачивая овер-штаг, иметь особое наблюдение за наветренными бросами нижних и марса-реев. В этих случаях на них даже ставить унтер-офицеров, которые должны смотреть, чтоб, как только парус наполнится, нижние брасы травили бы не иначе, как чрез битенг или планку, выпуская сколько необходимо нужно; марса-брасы тоже травить чрез битенг и сколько нужно, чтоб подветренная шкаторина марселя не выдраивалась очень туго, ибо в противном случае можно сломать марса-рей.

9. Поднимая марса-фалы при обрасопленных парусах, также обращать особое внимание на брасы и на то, чтобы более людей становилось на наветренный фал.

10. При брамселях и марселях на одном рифе всегда поднимать кливер, разве только ожидая шквала и если что случится с кливером; бизанью же располагать сообразно требованию руля.

11. Идя в бакштаг, ставить всегда пол-грота и, если погода дозволяет, все лисели с наветра и грот-брам-лисель с подветра, бизань же в таком только случае, если не мешает рулю.

12. Идя на фордевинд, ни бизани, ни грота не иметь, а если погода позволит, то лисели и всегда с обеих [сторон] равные.

13. Если случится брать рифы одною вахтою, то брать прежде всего у крюйселя и фор-марселя; потом уже у грот-марселя, имея всегда в расчете, что крюйсель есть самый слабый парус.

14. Имея грот и фок на гитовах, бык-гордени не подтягивать до марса, а вровень с реем, а нок-горденей иметь небольшую слабину для брасопки.

15. Если грот и фок взяты на гитовы за штилем, то бык-и нок-гордени не подтягивать до места и иметь набранными, чтоб в случае ветра грот и фок немедленно были поставлены.

16. Марса-топенанты тянуть не иначе как тогда, когда у марселя взято два рифа, ибо они тогда только действительны; топенанты же нижних парусов при брасопке раздергивать как можно слабже и потом вытягивать наветренными только тогда, когда реи обрасоплены для полного ветра или стоит который либо из нижних парусов.

17. При брании рифов у марселей марса-рей всегда ставить поперек, ибо иначе людям трудно расходиться по наветренному ноку, а при попутном ветре вытягивать марса-гитовы и бык-гордени.

18. В бейдевинд при креплении брамселей и бом-брамселей, брам- и бом-брам-рей ставить по ветру, равно как и при отдаче нет нужды реи эти брасопить прямо.

19. Под парусами шлюпкам иначе не приставать, как с подветра, и если случится, что второпях шлюпка отвалит без гребца, то приказывать старшинам, чтоб гребцы всегда примыкали к средине и недостающее весло было из баковых.

20. Строго наблюдать, чтоб нижние чины укладывали снасти в бухты не иначе, как от коренной, и при всяком случае их раскручивали.

ЦГВМА, ф. ИЛ., д. 4, лл. 22 (об.) — 24. Копия.
Опубл. в кн. Жандр, ук. соч., стр. 328—330.

№ 62

ПРИКАЗ В. А. КОРНИЛОВА ПО КОРАБЛЮ «ДВЕНАДЦАТЬ АПОСТОЛОВ» ОБ ОСТАВЛЕНИИ МАРСОВЫХ НА МАРСАХ ВО ВРЕМЯ ХОДА ПОД ПАРУСАМИ

11 июля 1845 г.

Заметив, что гг. вахтенные командиры руководствуются разными правилами на счет оставления марсовых при разных случаях на марсах, я для необходимого на военном судне однообразия (ибо разность требований непременно сбивает нижних чинов с толку) предписываю в обыкновенных обстоятельствах, т. е. когда нет работ, следующее к руководству:

1) Когда стоят лисели, иметь всех вахтенных марсовых на фор- и грот-марсах и одно отделение на крюйселе.

2) Когда стоят бом-брамсели, иметь по одному отделению на марсах.

3) Когда стоят брамсели, иметь по полуотделению на марсах.

4) Когда взято два рифа, не иметь никого на марсах; для надергивания же горденей нижних парусов посылать снизу, когда сие потребуется.

5) Кроме сказанного о марсовых, на юте иметь только сигнальщиков, ютовых унтер-офицеров и на следующих снастях: у мачт на бом-брам-фале, если стоит бом-брамсель, на брам-фале, если стоит брамсель; у планцырей, когда нужно, на крюйсель-фалах; у грот-брам-брасов и вместе брам-шкотах; и у передних битенгов: на грот-марса-брасах и крюйсель-шкотах.

«Собрание приказов и инструкций», Спб., 1860, стр. 143—144.

№ 63

ПРИКАЗ В. А. КОРНИЛОВА ПО КОРАБЛЮ «ДВЕНАДЦАТЬ АПОСТОЛОВ» О ПОРЯДКЕ БЫСТРОГО И БЕЗОПАСНОГО СПУСКА КАТЕРА НА ХОДУ

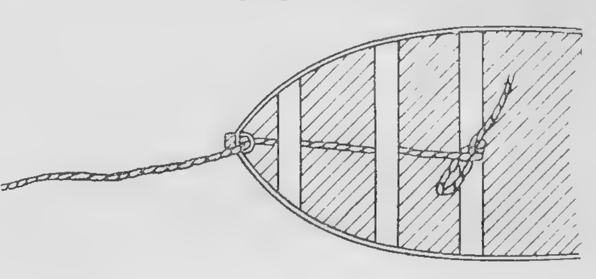
13 июля 1845 г.

Несмотря на распоряжение прежних кампаний, катера с боканцов спускаются вовсе не так живо и не с теми предосторожностями, которые требуются при спуске гребных судов на ходу; важность этого действия в случае падения человека за борт, вынуждает меня повторить гг. вахтенным командирам условия быстрого и вместе с тем безопасного спуска катеров на ходу, равно как и то, что медленность в такого рода обстоятельствах или какое несчастие от несоблюдения предписанных правил подвергнуть вахтенного командира строгой ответственности:

1) Шлюпка на боканцах должна во всякое время иметь все весла, руль, румпель и конец с запасного якоря, привязанный следующим образом (см. черт.), т. е. быть пропущенным в носовой рым, а если

рым тесен, то просто под передние две банки, и завязан за третью петлею так, чтоб гребец, на ней сидящий, не шевелясь, мог раздернуть петлю и тем освободить шлюпку.

2) Тали с боканцов должны во всякое время лежать совершенно чисто и на ответственности ютовых унтер-офицеров, из коих назначить одного травить и отвечать за передние, а другого травить и отвечать за задние.

Крепление шлюпки концом

3) Трап с русленей должен находиться в рострах и состоять под надзором вахтенного шканечного боцмана, который обязывается иметь унтер-офицера и людей по его выбору, кои бы с унтер-офицером своим, как только прокричат «на катер!», поспешили с этим трапом на бизань-руслень [1].

4) Вахтенный командир всякий раз по вступлении на вахту обязан вывести в дополнение к настоящим гребцам толковых людей, а если настоящий катерный унтер-офицер не на вахте, то и унтер-офицера, знающего править рулем и расторопного, и подтвердить заранее унтер-офицеру, как править рулем, а гребцам, как выкладывать тали, т. е. всегда прежде кормовые, равно как о необходимости сидеть в шлюпке смирно.

5) Шлюпки спускать всегда с подветра, и если корабль имеет порядочный ход, то спуск оных не представлять никому; в случае, если нельзя надеяться на унтер-офицера, что будет правильно управлять рулем, то посылать младшего офицера.

6) Конец с запасного якоря чтоб был пропущен в канифас-блок и чисто положен так, чтоб его можно было легко травить и совсем отдать; ответственность за конец на баке возложить на старшего вахтенного боцмана.

«Собрание приказов и инструкций», Спб., 1860, стр. 144—146.

№ 64

ИЗ ПИСЬМА В. А. КОРНИЛОВА М. П. ЛАЗАРЕВУ ОБ ОКОНЧАНИИ ПРАКТИЧЕСКОГО ПЛАВАНИЯ КОРАБЛЯ «ДВЕНАДЦАТЬ АПОСТОЛОВ»

19 июля 1845 г., Севастопольский рейд

...Корабль мой совершил плавание благополучно. Погоды были ни то, ни се, однако много перемен и даже три шквала таких, что рады

[1] Впрочем, при значительном ходе и при волнении гораздо безопаснее спускаться по передним талям; только нужен кончик для подъема по боканцу. **Примечание В. А. Корнилова.**

радехоньки были, что заранее закрепили все паруса. Войти ранее 16-го не могли, штиль и противные ветры держали нас за Херсон[есом] до 15-го, а 15-го хотя и были в 8 милях от маяка, но жестокий шквал от NO не пустил. На корабле я пробовал многое по части артиллерии, равно как испытывал расписание Путятина. По окончании кампании представлю вашему высокопревосходительству мои замечания насчет артиллерии и насчет расписаний. Позвольте кончить письмо это по обыкновению просьбою. Мы весною так усердно готовились к приезду великого князя, что для окрашения корабля к осмотру царскому будет красок мало. Нельзя ли разрешить выдать часть в счет пропорции будущего 1846 г. Такого рода снисхождение тем более корабль заслуживает, что он выкрасил своими средствами адмиральскую каюту, которая всегда красилась прежде от адмиралтейства...

ЦГВМА, ф. Сборный. Письма В. А. Корнилова М. П. Лазареву, д. 1320, лл. 59—60. Копия.

№ 65

ИЗ ПИСЬМА В. А. КОРНИЛОВА М. П. ЛАЗАРЕВУ О ПОСЕЩЕНИИ КОРАБЛЯ «ДВЕНАДЦАТЬ АПОСТОЛОВ» ВЕЛИКИМ КНЯЗЕМ КОНСТАНТИНОМ НИКОЛАЕВИЧЕМ

7 сентября 1845 г., Севастополь

...Вчера 6-го по отбытии его высочества генерал-адмирала ветер перешел к северо-востоку, и мы принялись за окончательное крашение, которое почти все кончили благополучно, так что если завтра солнышко и не будет дождя, то мы будем вне опасности принять царя с замаранными полосами и прочими бедами нашего корабельного щегольства. Про посещение великого князя ничего не буду писать, скажу только, что мне удалось показать корабль так, как я хотел: в дельном виде, — и все обошлось счастливо, даже перемена стоянки, два раза повторенная; мне казалось, что и внутреннее расположение, и тревоги, и вызов абордажных произвели на нашего юного надежду-адмирала самое благоприятное впечатление. За оживление команды при царе я ручаюсь, боюсь только, чтобы какой-нибудь мелочи, какой-нибудь недостаток такта с моей стороны, ибо я просто не могу переломить себя ни в том, ни в другом отношении. Что эти мелочи и это незнание такта испортят все, но сердце царя в руках божиих. Оканчивая письмо, прошу принять уверение в моей задушевной преданности вам и всем вашим. *В. К[орнилов]*.

ЦГВМА, ф. Сборный. Письма В. А. Корнилова М. П. Лазареву, д. 1320. л. 60. Копия.

№ 66

ИЗ ПИСЬМА В. А. КОРНИЛОВА М. П. ЛАЗАРЕВУ О СРЕДСТВАХ НА ВОССТАНОВЛЕНИЕ МОРСКОЙ ОФИЦЕРСКОЙ БИБЛИОТЕКИ И СВОЕМ ЗАТРУДНИТЕЛЬНОМ ФИНАНСОВОМ ПОЛОЖЕНИИ

24 сентября 1845 г., Севастополь

...3. О библиотеке Александр Павлович мне говорил, 52 тыс. серебром весьма достаточно, если только будут действовать осмотрительно. Если ваше высокопревосходительство спросите об этом комитет, то я подам свое мнение, на каком основании я полагаю произвести возрождение или восстановление этого Палладиума Севастополя.

Поездка моя в Англию, кажется, не состоится. Признаюсь, это меня чрезвычайно огорчает. Я на нее смотрел, как на единственное средство выйти из того затруднительного финансового положения, в которое поставили меня пребывание за болезнью на подножном корму в продолжение года на севере, смерть Вариньки [1], последний переезд врозь с семьей в распутицу сюда, болезни Сонечки [1] и Саши [1] и, наконец, мизерное содержание, которое производится мне за мою 20-летнюю самоотверженную службу, ибо я до сих пор не знал, что можно себе позволить самый ничтожный интерес службы поставить ниже своего собственного, какой бы важности последний ни был. Не скрою от вашего высокопревосходительства, что я как добрый отец семейства начинаю задумываться о будущем детей моих и мне приходит горестная мысль, не должен ли я оставить службу, сопряженную с лишениями всякого рода, без всяких видов на существенное вознаграждение, ибо если в нынешний раз после всего, что государь император говорил на корабле моем, начальство не могло выхлопотать мне и за корабль и за другие мои труды в разных родах аренду или прибавку содержания, так, чтоб я мог на будущее время продолжать действовать на пользу службы, не заботясь о найме учителя моему сыну, о положении жены моей, отказывающей себе в самых необходимых по ее воспитанию и привычкам вещах, об именьях детей моих, приходящих в расстройство от отсутствия настоящего хозяина, то на какие же другие более благоприятные обстоятельства, кроме военного времени, я могу надеяться! Продолжать же существовать на службе в моем звании на жалованьи, которое получает самый неспособный из сыновей Уптона, я не умею, да и считаю неблагоразумным, ибо карьера моя легко может кончиться так, как кончилась Федора Герасимовича Артюхова, а между тем лучшая пора жизни пройдет в занятиях посторонних воспитанию и устроению детей моих и я оставлю им в наследие корпусное воспитание и долги. Тяжело мне было решиться высказать вам все здесь изложенное, но хладнокровно обдумывая свое положение и предвидя необходимость подать ныне или на будущий год в отставку по рас-

[1] Дети В. А. Корнилова.

строенным домашним обстоятельствам, дабы, удаляясь в деревню, остальную часть жизни посвятить своему семейству, я считал обязанностью предупредить об этом начальника, который всегда брал такое дружеское участие во мне и в моей службе и одобрение которого я всегда ставил выше всяких крестов и наград.

Душевно преданный *В. К*[*орнилов*].

ЦГВМА, ф. Сборный. Письма В. А. Корнилова М. П. Лазареву, д. 1320, лл. 60—62. Копия.

№ 67

ИЗ ПИСЬМА В. А. КОРНИЛОВА М. П. ЛАЗАРЕВУ СО СЛУЖЕБНЫМИ ХАРАКТЕРИСТИКАМИ ОФИЦЕРОВ

10 ноября 1845 г., Севастополь

...Возвращение Аркаса на службу в Черное море меня весьма порадовало. По-моему, мелкого судна ему в командование давать не следует. Я бы его повел по пароходной части и потом по порту. Отчего бы его не назначить на «Бессарабию»? Аркас человек больших способностей, большой аккуратности и имеет во всем систему, притом нравственный и прикован к Черному морю своими домашними обстоятельствами. Он может быть на многое пригоден и особенно здесь, по Черноморскому управлению. Еще у меня есть protegé, за которого приходится беспокоить вас, — он несчастный кондуктор штурманный, по фамилии Марышев, он служит у меня с 1842 г., и я им во все время был отлично доволен. Не знаю, знает ли он лоцию Черного моря, но за рулем смотрит, пеленги берет и на карте прокладывает нисколько не хуже моего старшего штурмана штабс-капитана Аронова. Кроме того, этот Марышев хорошо чертит и хороший каллиграф, так он у меня употреблялся и для этого. Прошлого года, когда я ехал в отпуск, я просил вас запискою произвесть его в прапорщики, нынче я просил о том же Степана Петровича. Многих моложе Марышева произвели, а его нет. Мне кажется, тут есть какое-то препятствие со стороны М. Б. Берха. Он имеет своих фаворитов, вот и мне навязал Аронова — человека медленного и тупого, годного только для хранения инструментов. Позвольте просить, как милости, произвесть Марышева, я ручаюсь, что он штурман не хуже большей части...

Помета М. П. Лазарева: «Ответил 12 ноября [1845 г.]».

ЦГВМА, ф. Сборный. Письма В. А. Корнилова М. П. Лазареву, д 1320, л. 63. Копия.

№ 68

ИЗ ПИСЬМА М. П. ЛАЗАРЕВА А. А. ШЕСТАКОВУ[1] О ПРЕБЫВАНИИ НИКОЛАЯ I НА КОРАБЛЕ «ДВЕНАДЦАТЬ АПОСТОЛОВ»

11 декабря 1845 г., Николаев

Ты все спрашиваешь меня, чем в особенности остался довольным государь. ...Государь остался всем, что видел, решительно доволен, и это видно было на радостном его лице. На корабле «Двенадцать апостолов» приказал ударить тревогу и подобную штуку в настоящем ее виде, казалось мне, он видел в первый раз, он с изумлением смотрел на живость и проворство людей, с которою действовали орудиями, — 68-фунтовые бомбические пушки казались игрушками, я рад был случаю; тут в первый раз он увидел, что значит в настоящем смысле *Sailtrimers, Firemens* и *Boarders*[2] и, наконец, что значит хорошее боевое расписание. Он ходил по всем декам и особенно долго оставался в нижнем деке, — я стоял близ его, — он, наконец, невольным образом сказал: «Ну, этот корабль порядком отделает своего противника, кто бы он ни был». Ты можешь себе представить, до какой степени мне приятно было слышать это.

«Морской сборник», 1918, № 12, стр. 74.

№ 69

ИЗ ПИСЬМА В. А. КОРНИЛОВА М. П. ЛАЗАРЕВУ О НЕОБХОДИМОСТИ ОБРАЗОВАНИЯ КОМИССИИ ДЛЯ ВОССТАНОВЛЕНИЯ ЗДАНИЯ МОРСКОЙ ОФИЦЕРСКОЙ БИБЛИОТЕКИ

14 марта 1846 г., Севастополь.

...Для возобновления библиотеки надлежит составить комиссию, которая бы как можно была согласнее в своих действиях и вместе с тем заключала бы в себе членов, понимающих архитектурное дело, и для того я бы назначил в нее двух директоров, именно Нахимова и Корнилова, оба они, пользуясь доверием вашим, могут вести с вами переписку, что так необходимо для успеха этого дела! Потом двух членов не директоров из постоянных жителей Севастополя, именно: капитана 1 ранга Ключникова и капитана-лейтенанта Аркаса. Первый может быть казначеем, второй по влиянию своему в порте может быть полезен впоследствии и, наконец, из пятаго члена, Н. Н. Уптона, с которым я виделся и который на предложенных мною условиях соглашается с удовольствием. Более пяти не надо! Трудно собирать. Может быть, вы найдете, что Нахимова неловко назначить теперь

---

[1] Сослуживец и друг М. П. Лазарева.

[2] Парусники, артиллеристы и абордажники. В данном случае М. П. Лазарев употребляет английскую терминологию того времени, когда он вместе с А. А. Шестаковым плавал волонтером на английском флоте.

по случаю отсутствия его, но ведь он к осени будет, а теперь мы и без него обойдемся. Я бы потому его желал, что он, самый охотливый помощник всяким вашим начинаниям...

Помета М. П. Лазарева: «Ответил 21 марта [1846 г.]».

ЦГВМА, ф. Сборный. Письма В. А. Корнилова М. П. Лазареву, д. 1320, л. 70. Копия.

№ 70

ПИСЬМО В. А. КОРНИЛОВА М. П. ЛАЗАРЕВУ О ПРЕДСТАВЛЕНИИ ОПИСАНИЯ БОЕВОЙ ПОДГОТОВКИ КОРАБЛЯ «ДВЕНАДЦАТЬ АПОСТОЛОВ»

29 апреля 1846 г.

Ваше высокопревосходительство
Михаил Петрович!

В прошлом 1845 г. на вверенном мне корабле «Двенадцать апостолов» в присутствии великого князя Константина Николаевича была произведена тревога, причем как артиллерийское учение, так вызовы и примерное действие абордажных партий удостоились одобрения его императорского высочества. Полагая, что соединение в систематическое описание всякого рода приспособлений для боя, введенных на порученном мне корабле, и методы обучения нижних чинов, употреблявшиеся и совершенствовавшиеся в продолжение четырех практических плаваний, может быть любопытным для высокого покровителя флота нашего, я имею честь представить такое описание на благоусмотрение вашего высокопревосходительства и просить покорно, если труд мой признается достойным внимания, то препроводить великому князю как приношение офицера, имевшего счастие 20 лет прослужить под непосредственною командою вашею.

С душевным уважением и совершенною преданностью честь имею быть

вашего высокопревосходительства
покорный слуга *В. Корнилов.*

ЦГВМА, ф. Сборный. Письма В. А. Корнилова М. П. Лазареву, д. 1320, лл. 72—73. Копия.

№ 71

ИЗ ПИСЬМА В. А. КОРНИЛОВА М. П. ЛАЗАРЕВУ С ПРЕДСТАВЛЕНИЕМ ПЕРЕВОДА АНГЛИЙСКОГО «АРТИЛЛЕРИЙСКОГО УЧЕНИЯ»

1 мая 1846 г., Севастополь

...Посылаю также мое «Артиллерийское учение»; я его пересмотрел, исправил и сомнительные статьи проверил с присланными английскими оригиналами, которые позвольте задержать на время.

Мне бы желалось, чтобы посылаемый к вам экземпляр переписал писарь Поспелов в двух копиях и тогда бы одна осталась у вашего высокопревосходительства, а другая могла бы быть отправлена в Петербург.

...Извините, ваше высокопревосходительство, что я представляю вам труд мой неоконченным, но вам известно, что переписывать и чертить здесь так не могут, как у вас, и что если что поручено кому от вас, то оно несравненно лучше и с большим удовольствием исполнится. Мне очень будет жаль, если эта записка не дойдет до нашего генерал-адмирала; я уверен, что она может принести пользу артиллерии нашего флота, ибо составлена добросовестно и проверена опытом!..

Благодарю вас за пансион. Поздравляю с возвышением Путятина и Истомина, ведь это ученики вашего высокопревосходительства! Назначение Истомина флигель-адъютантом должно смирить все пустые толки насчет его промахов при великом князе. Корабль мой вооружается, 15-го по заключении контракта насчет библиотеки выйду в море. Мне весьма желательно увидать картины Айвазовского, особенно Одессу, где изображен «Двенадцать апостолов», да и взятка, которою мы обложили этого господина, у меня не выходит из головы. Надо бы задать ему хороший сюжет! Ваше высокопревосходительство вряд ли будете, впрочем, может быть, не соберетесь ли вы в Ростов, куда вы, кажется, хотели пробежать нынешним летом. Сейчас у меня был Вигель; в 2 часа я еду с ним по достопримечательностям города, большой говорун и для меня человек интересный, ибо был в Сибири во время губернаторства моего незабвенного для меня старика...

Самое странное, что генерал Берх нашел средство наградить у меня же на корабле своего фаворита Аронова, когда я об нем ни письменно, ни словесно не объявлял ничего. Простите мне мою откровенность, но эта мелочь до того меня огорчила, что я при всем желании не прибавлять вам беспокойства не мог воздержаться.

Душевно преданный *В. К*[*орнилов*].

Помета М. П. Лазарева: «Ответил 6 мая [1846 г.]».

ЦГВМА, ф. Сборный. Письма В. А. Корнилова М. П. Лазареву, д. 1320, лл. 72—73. Копия.

№ 72

ИЗ ПИСЬМА В. А. КОРНИЛОВА М. П. ЛАЗАРЕВУ О СВОЕЙ ПЕРЕВОДНОЙ РАБОТЕ «АРТИЛЛЕРИЙСКОЕ УЧЕНИЕ»

10 мая 1846 г., Севастополь

...Очень жаль, что представленные мною артиллерийские замечания найдены составленными с излишнею поспешностью. Я над ними трудился четыре года. Если есть грехи, то виноваты мои способности. Впрочем, я просил вас, если они не стоят внимания, то не давать им

никакого хода. Будьте уверены, ваше высокопревосходительство, что у меня до сих пор на службе никогда не было других расчетов, кроме пользы общей, которой я всегда готов жертвовать всем, даже моим самолюбием, так мне завещал отец и словом и делом и так я надеюсь пройти жизнь, несмотря ни на какия испытания.

Душевно почитающий вас *В. К[орнилов]*.

ЦГВМА, ф. Сборный. Письма В. А. Корнилова М. П. Лазареву, д. 1320, лл. 73—74. Копия.

№ 73

ИЗ ПИСЬМА В. А. КОРНИЛОВА М. П. ЛАЗАРЕВУ С ПРЕДСТАВЛЕНИЕМ ИСПРАВЛЕННОГО ПЕРЕВОДА АНГЛИЙСКОГО «АРТИЛЛЕРИЙСКОГО УЧЕНИЯ»

2 июня 1846 г., Севастопольский рейд.

Со страхом и верою представляю вашему высокопревосходительству мои артиллерийские записки. Кажется, лучше не сумею; согласно дозволения вашего перемены и пометки выставил красными чернилами. Боюсь только, чтобы при переписывании не случилось пропусков, каких довольно много встретил я в привезенном вами экземпляре. Нельзя ли будет поручить Шестакову или Бутакову прочесть потом с Поспеловым. Они, конечно, это сделают аккуратнее других. За чертежом также старались, — не знаю, понравится ли, но что же делать, ведь кто же виноват, что у нас на Руси все еще сапожники пекут пироги, а пирожники тачают сапоги...

Мое английское путешествие меня теперь весьма занимает. Я принялся за пароходство и особенно за винт. Если бы ваше высокопревосходительство прислали бы мне номера United Service Gazette, в которых говорится о пароходах с Архимедовым устройством, то это мне бы было весьма полезно, я бы их сберег и вам возвратил в совершенной исправности...

Помета М. П. Лазарева: «Ответил 6 июня [1846 г.]».

ЦГВМА, ф. Сборный. Письма В. А. Корнилова М. П. Лазареву, д. 1320, л. 74. Копия.

№ 74

ПРИКАЗ В. А. КОРНИЛОВА ПО КОРАБЛЮ «ДВЕНАДЦАТЬ АПОСТОЛОВ» О ПОРЯДКЕ ПРОВЕДЕНИЯ ПАРУСНЫХ И АРТИЛЛЕРИЙСКИХ УЧЕНИЙ

11 июня 1846 г.

Желая сколько можно более воспользоваться кратковременным практическим плаванием вверенного мне корабля, я рекомендую г. капитан-лейтенанту Е... наблюдать: 1) чтоб от 2 до 4 часов пополудни, времени, назначаемого для одиночных учений, вместо вахтенных для исправления всех надобностей по управлению парусами вызывали

второй взвод первой абордажной партии, т. е. людей, назначенных к управлению парусами во время боя, причем давать наставления стоящим в то время на вахте гг. лейтенантам, каким образом и чем именно людей этих в сказанное время занимать, и 2) чтоб одиночные артиллерийские ученья производились по понедельникам и четвергам полубатареями, а по вторникам и пятницам ганшпугами и у мишени вместе, отделяя для первого ученья по три нумера в деке, а для последнего собирая комендоров и их заменяющих по очереди; что же касается до сабельных и ружейных приемов, то их можно отложить на время плавания, предоставив только гг. ротным командирам по их назначению делать ученья [для] выправки рекрутам.

Заметив, что ружья в пирамидах стоят не всегда в должном порядке, я прошу гг. ротных командиров озаботиться, чтоб впредь такового рода упущения не могли случаться, ибо неисправность ружья и беспорядочное помещение его дают самое невыгодное понятие каждому о надзоре за всеми прочими принадлежностями военного человека, а надзор этот, конечно, составляет один из самых важных предметов на военном корабле.

«Собрание приказов и инструкций», Спб., 1860, стр. 146—147.

№ 75

ПРИКАЗ В. А. КОРНИЛОВА ПО КОРАБЛЮ «ДВЕНАДЦАТЬ АПОСТОЛОВ» О СОБЛЮДЕНИИ РЯДОВЫМ СОСТАВОМ ТРЕБОВАНИЙ ЛИЧНОЙ ГИГИЕНЫ И О ПОРЯДКЕ ПРОВЕДЕНИЯ АРТИЛЛЕРИЙСКИХ УЧЕНИЙ

14 июня 1846 г.

До сведения моего дошло, что некоторые из нижних чинов не умываются; так как такое неряшество бывает причиною болезней и из числа их таких, которые прямо дают дурную славу команде, то я и прошу гг. ротных командиров обратить все внимание на водворение между нижних чинов их рот той необходимой чистоты, которою должен отличаться образованный военный человек, и для чего команде 38-го экипажа дано уже столько способов богатством белья; для ближайшего же достижения требуемого объявить десяточным унтер-офицерам, что они будут в прямой ответственности за всякого человека, замеченного мною немытым, небритым и в разорванном платье. Приказ этот прочесть при собрании всей команды.

* *
*

Без методы и терпения нельзя ожидать успеха ни в каком ученье, и потому прошу гг. дечных командиров обучение нижних чинов деков, им порученных, производить в следующем порядке.

Во-первых, довести, чтоб нумера непременно готовили сами принадлежности, им назначенные, не передавая этого другим, ибо привычка передавать может быть причиною, что в настоящем деле какой-нибудь принадлежности во-время не явится.

Во-вторых, довести, чтоб каждый первый и второй комендоры знали твердо командные слова, для заряжания и пальбы из орудия установленные.

В-третьих, довести, чтоб каждый человек знал дело, присвоенное его нумеру при заряжании и пальбе из орудий на один борт.

В-четвертых, довести, чтоб каждый человек знал дело присвоенное его нумеру при заряжании и пальбе из орудий на оба борта.

В-пятых, чтоб первые и вторые комендоры умели наводить орудие скоро и верно на предмет.

В-шестых, довести, чтоб при наведении орудия нумера с ганшпугами, нумера на боковых талях и с клином или винтом действовали ловко.

В-седьмых, довести, чтоб первые и вторые комендоры знали твердо установление прицелов, установление орудий в одну высоту и в параллельное между собою положение.

В-осьмых, довести, чтоб все вообще знали бои и правила, каким должны следовать при переходе с борта на борт.

В-девятых, довести, чтоб заменяющие знали обязанность нумеров, вместо коих им назначено поступать, и

В-десятых, доведя до вышесказанного, обучать уже по статье, в экзерциции помещенной под названием: «случайные распоряжения», кроме нижнего дека, который до сих случайных распоряжений должен уметь действовать с опускными портами, бомбами и сосредоточивать огонь. Из всего упомянутого гг. дечные командиры и командиры отделений могут видеть, что, кроме быстроты движений, есть много предметов для занятий нижних чинов при артиллерийском ученье, без коих всякая быстрота будет только беспорядок.

«Собрание приказов и инструкций», Спб., 1860, стр. 147—149.

№ 76

ПРЕДПИСАНИЕ М. П. ЛАЗАРЕВА В. А. КОРНИЛОВУ О КОМАНДИРОВКЕ В АНГЛИЮ ДЛЯ ЗАКАЗА И НАБЛЮДЕНИЯ ЗА ПОСТРОЙКОЙ ПАРОХОДО-ФРЕГАТА «ВЛАДИМИР»

14 августа 1846 г.

Государю императору благоугодно было высочайше разрешить выписать из Англии для Черноморского флота пароходо-фрегат в 400 сил со всеми новейшими усовершенствованиями как в механизме, так корпусе, вооружении и снабжении и для заказа этого парохода, равно наблюдения за постройкой оного, командировать вас в Англию с производством вам на время вашего там пребывания жалования по заграничному положению и по полутора фунтов стерлингов в сутки в виде столовых, а сверх того единовременно на путевые издержки вообще 400 фунтов стерлингов из операционной суммы. Кроме этого поручения, на вас возлагается также собрать в Англии самые подробные и обстоятельные сведения о нововведенных в тамошних адмиралтействах и на военных судах, в особенности о способе построения и крепления железных судов.

Для исполнения таковой высочайшей воли я поручаю вашему высокоблагородию отправиться через С.-Петербург и Кронштадт в Лондон и по прибытии туда вручить чрезвычайному и полномочному послу нашему тайному советнику барону Бруннову и управляющему генеральным нашим там консульством господину Кремеру прилагаемые при сем мои к ним отношения, которыми я прошу зависящего от них содействия в выполнении данных вам поручений. К этому нелишним считаю присовокупить, что от вас зависеть будет при заказе парохода избрание строителей и заводчиков из известных там по своему искусству и заведениям людей, пользующихся общим доверием, о чем вы и обязываетесь собрать на месте надлежащие сведения; письменные же с теми лицами обязательства должны быть, при посредстве вашем, заключены со стороны Российского генерального

консульства, как равно и самое удовлетворение по оным денежными платежами.

Прежде заказа парохода вы должны по избрании оному на месте в Англии чертежа представить его на мое утверждение с подробным изложением прочих условий, относящихся до заказа корпуса судна, машин, вооружения, парусности и снабжения, а также до какой цифры будет простираться выпрашиваемая за это сумма.

Чтобы вполне достигнуть цели по собранию сведений о нововведениях в английских адмиралтействах и на военных судах, в том числе и способе построения и крепления железных судов, вам предоставляется посетить по испрошении через посольство наше в Лондоне дозволения английского правительства все достойное любопытства не только в Лондоне и Портсмуте, но и в других английских портах для представления мне в свое время ваших по этим предметам замечаний.

На проезд ваш отсель до Кронштадта прогонные деньги по положению и подорожную вы получите от штаба Черноморского флота и портов; в число высочайше назначенной на путевые издержки суммы будут выданы вам здесь от Черноморского интендантства 250 фунтов стерлингов, а жалование по заграничному положению и столовые по полутора фунтов стерлингов в сутки во время пребывания вашего в Англии будут производимы вам от генерального нашего там консульства, от коего также получите при отбытии обратно в Россию остальную на путевые издержки сумму в 150 фунтов стерлингов, о чем и сделаны уже от меня надлежащие распоряжения.

Я совершенно уверен, что возлагаемое на вас поручение вы исполните с тем успехом, какого ожидаю от вашего образования, любознательности и известного мне усердия вашего на пользу службы.

Генерал-адъютант адмирал *Лазарев*

ЦГВМА, ф. ШЧФ, 1846, д. 5600, лл. 26—28. Отпуск.

№ 77

РАПОРТ В. А. КОРНИЛОВА М. П. ЛАЗАРЕВУ О СВОЕМ ПРИБЫТИИ В АНГЛИЮ И ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫХ МЕРОПРИЯТИЯХ ПО ЗАКАЗУ ПАРОХОДА

6 (18) февраля 1847 г.

В исполнение предписания вашего высокопревосходительства от 14/26 августа прошлого 1846 г. № 18246 я в октябре месяце прибыл в Англию и немедленно приступил к обозрению всего, что относится до пароходства в этом государстве, дабы, собрав доступные мне сведения, с большою уверенностью действовать при порученном мне заказе пароходо-фрегата для Черноморского флота. Обозрение это долженствовало заключаться, во-первых, в осмотре тех адмиралтейств правительства, в которых

наиболее занимаются постройкою и вообще сооружением пароходов, именно: Вулича, Депфорта, Ширнесса и Портсмута; во-вторых, в осмотре замечательных пароходов в готовом состоянии на рейдах и, в-третьих, в осмотре частных верфей и механических заведений, пользующихся большою известностью. Из последних я посетил следующие верфи: на Темзе братьев Флетчеров, Винграма, Дигборна и Мера, Ферберна, Курлинга и Питчера; потом в местечке Cowes на острове Вайте — верфи гг. Вайтов; в Ливерпуле — верфи Лерда и Томаса Вернона; в Гриноке — верфи Р. Стиля и Джона Скота; в порте Гласгове — верфь Д. Вуда и, наконец, в Гласгове — верфь Р. Непира; равно как и следующие механические мастерские: в Лондоне — Медзлея и Фильда, братьев Ренни, Пенна, Миллера и Ревиншля и Сиварда; в Ливерпуле — Бюра и Куртиса, Фосета и Форсетера; в Манчестере — Ферберна, в Гриноке — Керда и Скота и Синклера и в Гласгове — знаменитого Р. Непира.

Окончив обозрение всех вышеупомянутых предметов к [первым] числам декабря, надлежало заняться составлением спесификации, по которой обыкновенно делается вызов. Необходимость составить спесификацию эту сколь возможно подробнее, дабы впоследствии избежать сверхсметных работ, всегда сопряженных с лишними расходами, была причиною, что я прежде исхода декабря не мог разослать приглашений к разным строителям и инженерам, на что они и подали свои отзывы, кроме г. Вайта, отказавшегося от строения по множеству имеемых у него на руках работ; при этих отзывах строители, за исключением Питчера, предъявили чертежи предполагаемого парохода, так как это требовалось вызовом.

Рассмотрев чертежи и сообразив виденное мною на верфях тех, к которым обращался я с приглашением, я, признавая из них только двух — Вайта и Дигборна — за сведующих и искусных корабельных мастеров и получив отказ от первого, решился отдать строение парохода второму, несмотря, что цена его выше цен некоторых других, ибо имел в виду, кроме вышеупомянутой причины, следующее:

a) Дигборн составил прекрасный чертеж, который имею честь представить вашему высокопревосходительству на утверждение, между тем как другие, хотя и предъявили также чертежи, но это были копии с чертежей известных пароходов, подходящих к размеру нашего, и к тому копии, избранные наудачу.

b) Дигборн, быв сам сочинителем чертежа судна, будет строить его с большим вниманием, ибо будет надеяться постройкой этой приобрести себе славу, тогда как от строителя, строящего по данному ему чертежу, нельзя ожидать ни такого рода усердия, ни такой заботы, а это, конечно, составляет весьма важное условие успеха [1].

---

[1] Против этого абзаца на полях документа резолюция М. П. Лазарева: «Чертеж, составленный Дигборном, утверждаю, с тем, однакож, чтобы обращено было внимание на определенные по чертежу места для орудий на баке и на корме и если ширина палуб в этих местах окажется недостаточною для свободного вращения орудий, то принять меры к исправлению этого недостатка. Самую постройку парохода тоже утверждаю за Дигборном по выпрашиваемой им цене 24 фунтов

c) Дигборн считается здесь одним из первоклассных мастеров для железных судов, а по инструкции вашего высокопревосходительства и находящийся при мне корпуса корабельных инженеров прапорщик Александров должен заняться подробным изучением этого предмета.

d) Известно, что дешевая цена выставляется иногда или от незнания, или от желания перебить заказ у другого, надеясь потом выполнить его как-нибудь. Я полагаю, что последнее соображение было причиною уступки некоторых из строителей против цен Дигборна, ибо цены его невысоки, именно 24 фунта стерлингов 10 шиллингов тонн, в английском же адмиралтействе по справке, доставленной мне секретарем сюрвейра[1] сэра Вильяма Саймондса, тонн кузова с внутренней отделкой обходится от 25 до 30 фунтов стерлингов при спесификациях менее полных и не требующих такой роскошной столярной работы, какая положена в нашей.

Относительно машин, не полагая себя достаточно сведующим, чтобы решить вопрос, не решенный в Англии, ибо до сих пор правительство не отдает преимущества ни одному заведению, я решился отдать работу тому из инженеров, кто потребует меньшую цену, и так как гг. Ренни предъявили цены значительно меньшие против своих конкурентов Медзлея и Миллера, то заказ и остался за ними.

Цена гг. Ренни: машина с железным котлом без запасу и инструментов 18 800 фунтов стерлингов; с медным же котлом 23 500 фунтов стерлингов; запас и инструменты — 1600 фунтов стерлингов. Прилагаемая спесификация B пояснит подробности.

Гг. Ренни предлагают поставить машину с качающимися цилиндрами, ибо этого рода машины начинают входить в большое употребление. Мастера Миллер и Пенн других не делают[2]. Я согласился на этот механизм и для лучшего пояснения причин, понудивших меня к этому, прилагаю письменные мнения о системе качающихся цилиндров гг. Ренни и Миллера.

Инженеры эти вообще восстают против медных котлов, утверждая, что медные котлы при трубчатом устройстве и тех парах, которые ныне принято допускать, т. е. 10 фунтов и более, по свойству меди растягиваться могут быть опасны.

стерлингов и 10 шиллингов за тонну, и согласно представленной им спецификации, в которой по мере построения парохода и отделки его дозволяется по усмотрению капитана 1 ранга Корнилова делать и изменения, если он признает их более полезными для казны».

[1] Сюрвеир (surveyor) — начальник кораблестроительной части английского адмиралтейства, главный корабельный инспектор. Должность сюрвейра (сарваера) существовала в XVIII ст. и в русском флоте.

[2] Против этого абзаца на полях документа резолюция М. П. Лазарева: «Машины в 400 сил утверждаю за механиками Ренни по предложению их с качающимися цилиндрами, — и как почти все из лучших механиков в Англии восстают против медных трубчатых котлов, признавая их даже опасными, то заказать котлы к этим машинам железные».

Цена гг. Дигборна и Мера, как я упомянул выше, строевой тонн 24 фунта стерлингов 10 шиллингов; за эту цену он обязывается: 1) выстроить кузов из лесов, поименованных в спесификации А, употребляя везде медное скрепление, так как это ныне принято в английских адмиралтействах, и располагая его по моим планам или указаниям; 2) спустить пароход в будущем феврале месяце и потом окончательно отделать и сдать в июле того же 1848 г.

Спесификация А, из которой можно видеть все подробности наших условий, при сем прилагается. В спесификацию эту, кроме самого изысканного выбора лесов, в размерения, принятые на самых новых пароходах правительства, кроме медного скрепления как для подводной, так и для надводной частей судна, включая верхнюю палубу, по примеру выстроенных с большею роскошью и тщанием пароходов английского правительства «Niger» и «Dauntless», помещено: патентованные шпили и помпы; кожуховые барказы капитана Смита; медные погоны для орудий в шести местах; рубка для государя императора, отделанная лучшим испанским красным деревом, и, наконец, все каюты верхней палубы от переборки, отделяющей их от машинной, лучшего испанского красного дерева, а в других частях парохода всякого рода ящики и рундуки для помещения багажу нижних чинов, провизии и запасов, из американского белого дубу, чтобы не красить.

Медные скрепления положены по следующим причинам: a) они приняты английским адмиралтейством, b) не будет споров с строителем и c) разница в цене весьма незначительная, ибо по объявлению Дигборна он в случае допуска деревянных нагелей вместо коротких болтов из mixedmetal уступает только 20 шиллингов с тонна, а в случае дозволения употребить ironboltzinez выше медной обшивки еще 5 шиллингов[1].

Последние обязательства я взял на случай, если ваше высокопревосходительство пожелаете при постройке парохода придержаться принятым у нас креплениям.

Непременные данные для составления чертежа парохода от меня были объявлены следующие:

1) пароход должен иметь машину в 400 л. с.,

2) сидеть кормою не более 15 фут и

3) носить артиллерию, подобную равносильным пароходам английского правительства: на юте и баке по одной 8 д. бомб-пушке в 113 cwt и на бортах с каждой стороны по две 8 д. же бомб-пушки в 65 cwt.

Артиллерия эта, по моему мнению, тяжела для парохода в 1200 тонн, хотя и поставлена на военном английском пароходе «Bulldog» в 1124 тонн, и я буду насчет этого ожидать наставлений от вашего высокопревосходительства; включил же я ее в данные более для того,

---

[1] Против этого абзаца на полях документа резолюция М. П. Лазарева: «Крепления положить медные согласно тому, как принято это для подобных судов в английских адмиралтействах».

что всегда выгоднее военное судно готовить для сильнейшей артиллерии, чем для слабейшей [1].

Число строевых тонн парохода, составленного Дигборном, относится к числу лошадиных сил машины, как 3 : 1. Многие из военных английских пароходов имеют гораздо меньшую пропорцию, но на это вообще жалуются. Новая пропорция эта тяжела для судов и не оказала ожидаемого результата в отношении к увеличению хода. «Terrible», «Retribution», «Avenger» — лучшее доказательство несоразмерности машины к судну. Первые два возвратились от эскадры адмирала Паркера с весьма важными повреждениями. «Terrible» теперь в доке, у него лопнули бимсы! «Retribution» не решались послать с провизией в Ирландию, а «Avenger», пароход в 650 л. с. и 1440 тонн, не смеет поставить орудий в деке. Г. Ланг, при постройке парохода «Niger», только что спущенного, в предупреждение разрушительного действия через меру сильных машин, ныне вводимых, положил две наружные обшивки, из коих первая под углом в 45° к набору. Впрочем, пропорция, избранная Дигборном, очень близка к пропорции, принятой на так называемых galifax-boat, которые до сих пор признаются за лучшие пароходы Англии. Я с своей стороны совершенно одобряю план Дигборна, полагая, что для Черноморского флота нужен пароход, который бы, кроме морских и буксировальных качеств, мог бы поместить значительный десант. Что же касается до качества хода, то Дигборн предлагает дать обязательство, что пароход его обгонит «Bulldog'a» и другие пароходы его ранга.

Несмотря на то, что некоторые из английских военных пароходов одного ранга с нашим имеют порты в верхнем деке, я не полагаю прорезать их, ибо, сколько мне известно, ни один из пароходов этих не только что не имеет в деке артиллерии, но и не может поставить ее; порта же иметь для виду или для воздуха считаю неблагоразумным, ибо во всяком случае они ослабляют связи судна. Впрочем, некоторые из новых 400-сильных английских пароходов, и в том числе «Bulldog», портов в деке не имеют [2].

Выгоды трехмачтового вооружения для большого военного парохода, которому придется иногда держаться при флоте под одними парусами, заставили меня взойти в подробное рассмотрение этого вопроса. На пароходе «Медея» оставлены три мачты, и это нисколько не мешает действию ее кормового орудия. На случай, что ваше высокопревосходительство одобрите мою мысль вооружить заказываемый пароходо-фрегат тремя мачтами, прилагаю чертеж

---

[1] Против этого абзаца на полях документа резолюция М. П. Лазарева: «Артиллерию поставить такую, какую по соображении с другими военными в Англии пароходами и оказавшимся опытом после бывших в недавнем времени проб пароходов в море и при большом волнении окажется более удобною».

[2] Против этого абзаца на полях документа резолюция М. П. Лазарева: «Портов в деке не делать, а для воздуха и свету сделать, сколько признается удобным, полупортики».

вооружения и парусов, составленный Дигборном. Кажется, тут ничто не мешает пароходу быть боевым судном! [1]

По совещании с гг. Ренни и Дигборном мы решились установить котлы, подобно как это сделано на «Blackeagle», два впереди машины и два позади ее, только топками от машины и с двумя отдельными трубами [2]. Выгоды такого расположения: а) гораздо легче уравнять тяжесть машины и через то приблизиться к всегда желаемому помещению центра вращения колес на вертикальной линии, проходящей через центр тяжести судна; b) отдельное действие котлов в случае повреждения одного из них и с) средство дать трубе меньшие размеры. Что же касается до невыгоды для машиниста, лишающегося через это возможности прямо из каюты наблюдать за машиной, то на это не должно смотреть.

Гг. Ренни полагают поставить котлы топками от машины для того, чтобы ее легче было содержать в чистоте. Они в таком случае намерены отделать машинное место самым щегольским образом. Мне кажется, что это хорошо и для машиниста, которому будет сделан прекрасный проход под котлом из его каюты, и выгодно для размещения мачт и парусов!

Представляя вашему высокопревосходительству отчет о заказе парохода и чертежи на утверждение, имею честь донести, что спесификации как судна, так и машины, мною подписанные, я передал в наше здесь генеральное консульство для заключения по ним контрактов с гг. Дигборном и Мером и с гг. Ренни. По заключении контрактов строители и инженеры приступят к заготовлению материалов; для закладки же судна будем ожидать утвержденного чертежа и наставлений от вашего высокопревосходительства.

При сем имею честь доложить, что г. Дигборн, кроме постройки судна по спесификации, обязался подпиской: 1) без всякой платы снабжать прапорщика Александрова теми сведениями по построению железных судов, какие потребуются, и допускать его к наблюдению и снятию чертежей при этого рода работах на верфи его, Дигборна, и 2) сделать для парохода по одному образцовому станку, числом три, т. е. один для 8-д[юймовой] бомб-пушки в 113 cwt на корму, один для 8-д[юймовой] бомб-пушки в 65 cwt на борт, и один станок для барказной медной гаубицы, и при станках этих отпустить по одной штуке принадлежностей, сделанных с образцов, имеемых в Вуличском арсенале; г. же Ренни в случае, если кондуктор Васильев будет оставлен в Англии, занять его практическим изготовлением машины.

Капитан 1 ранга *Корнилов*

ЦГВМА, ф. ШЧФ, 1847, д. 5621, лл. 6—12. Подлинник.

---

[1] Против этого абзаца на полях документа резолюция М. П. Лазарева: «На вооружение парохода тремя мачтами согласен».

[2] Против этих слов на полях резолюция М. П. Лазарева: «Совершенно согласен как на весьма умное и полезное улучшение».

№ 78

РАПОРТ В. А. КОРНИЛОВА М. П. ЛАЗАРЕВУ О НЕОБХОДИМОСТИ НАЗНАЧЕНИЯ НА ПАРОХОДО-ФРЕГАТ «ВЛАДИМИР» КОМАНДИРА И НАПРАВЛЕНИИ ЕГО В АНГЛИЮ ДЛЯ НАБЛЮДЕНИЯ ЗА ОКОНЧАНИЕМ ПОСТРОЙКИ КОРАБЛЯ И ОЗНАКОМЛЕНИЯ С ПАРОХОДНЫМ ДЕЛОМ В АНГЛИЙСКОМ ФЛОТЕ

15 (27) декабря 1847 г.

Поручение строить пароход, коим я теперь занимаюсь более года, поставило меня в положение удостовериться собственным опытом, сколь недостаточны познания, требующиеся от командира парусного судна для дельного пароходного командира. Находясь при строении и потом командовав в продолжение службы моей почти всякого рода судами, начиная с тендера и до 120-пушечного корабля, я должен сознаться, что приступил к строению парохода «Владимир» как к делу, совершенно для меня новому. Полагая, что все наши пароходные командиры, подобно мне, переходя к этой новой службе с парусных судов, встречаются более или менее с подобными же затруднениями, я приемлю смелость для пользы будущего парохода «Владимир» просить ваше высокопревосходительство назначить заранее командира на оный и вместе с тем исходатайствовать ему посылку в Англию, дабы он, наблюдая сам за окончанием работ на пароходе и в особенности за сборкою и первыми пробами машины и потом возвратясь в Россию на «Владимире», мог заблаговременно ознакомиться с качествами судна и с особенностями механизма машины. Причем офицеру этому представится прекрасный случай осмотреть многие из английских военных пароходов и на переходе в Россию с английскою командою заметить манеру англичан действовать машиною.

Такая посылка будущего командира парохода «Владимир», по моему мнению, обещает большую пользу не только для самого парохода, но и для службы вообще, доставив ей пароходного офицера с более развитым практическим взглядом на эту часть. Приобретение весьма важное, ибо таких офицеров покуда у нас очень мало, между тем как нужда в них более и более предвидится.

Английское правительство имеет для образования пароходных командиров род школы в Вуличе. Флотские капитаны, желающие командовать пароходами, должны прежде состоять приписанными к этому адмиралтейству и изучать в нем пароходную часть, посещая механические заведения и присутствуя при пробах машин как на новых судах, так и на исправленных старых. Французское правительство имеет такое же правило для назначаемых командовать пароходами.

Представляя о командире для парохода «Владимир», позвольте обратить внимание вашего высокопревосходительства и на пользу отправления в Англию новых механических кондукторов вместо тех, которые уже возвратились в Россию. Имея большие здесь заказы,

легко их пристроить к лучшим заводчикам. Нельзя не сознаться, что при размножении пароходов в России русские механики столько же необходимы, сколько и самые пароходы. Стоит только подумать о возможности разрыва с Англиею, и тогда придется нам наш пароходный флот за недостатком механиков ввести в гавань и разоружить.

Капитан 1 ранга *Корнилов*

Резолюция адмирала М. П. Лазарева: «Признавая представление это для пароходной службы вообще весьма полезным, представить начальнику Главного морского штаба об отправлении на этот предмет капитан-лейтенанта Аркаса[1], равно и об отправлении по кораблестроительной части прапорщика корабельных инженеров Нестора Коршикова и 3 кондукторов или унтер-офицеров, более способных для изучения пароходной механики, вместо возвратившихся и приобретших в бытность свою там весьма полезные для службы в части этой сведения».

ЦГВМА, ф. ШЧФ, 1848, д. 5717, лл. 1—2. Автограф.

№ 79

РАПОРТ В. А. КОРНИЛОВА М. П. ЛАЗАРЕВУ С ПРОСЬБОЙ РАЗРЕШИТЬ ЕМУ ПРОИЗВЕСТИ ОСМОТР ПОРТОВ ФРАНЦИИ

15 (27) декабря 1847 г.

Желая вполне воспользоваться пребыванием моим за границею и приобресть сколько можно более сведений о нынешнем состоянии флотов других государств, я приемлю смелость просить ваше высокопревосходительство исходатайствовать мне дозволение и средства к осмотру портов Франции.

Если ваше высокопревосходительство признаете такой осмотр полезным для службы, то я бы просил, чтобы время для него было определено в апреле месяце, ибо к этому месяцу я надеюсь довести постройки, здесь под моим надзором производящиеся, до положения, в коем они могут быть продолжаемы на некоторое время с одинаковым успехом и в мое отсутствие.

Такое поручение я сочту себе в особенную милость, только при этом нахожусь в необходимости доложить, что путешествие по портам Франции не может быть мною предпринято без ассигнования на оное особой суммы, ибо нынешнее содержание мое едва становится на про-

---

[1] Аркас Н. А. (1816—1881 гг.). Командовал пароходо-фрегатом «Владимир» до 1852 г., затем был переведен в Гвардейский экипаж. Впоследствии много занимался вопросами кораблестроения и вооружения судов. Являлся учредителем Русского общества пароходства и торговли. С 1871 г. был главным командиром Черноморского флота и портов. В 1878 г. произведен в адмиралы.

живание в Лондоне. Сумма на путешествие это, полагаю, может простираться до 300 фунтов стерлингов, если притом будет оставлено мне нынешнее мое содержание.

Капитан 1 ранга *Корнилов*

ЦГВМА, ф. ШЧФ, 1847, д. 5621, л. 91. Автограф.

№ 80

ПРЕДПИСАНИЕ М. П. ЛАЗАРЕВА В. А. КОРНИЛОВУ ОБ ОСМОТРЕ ПОРТОВ И ВЕРФЕЙ ФРАНЦИИ

30 января (11 февраля) 1848 г.

Вследствие ходатайства моего о дозволении вам в более свободное время от возложенных на вас поручений в Англии обозреть известнейшие порты Франции, как то: Шербург, Брест, Рошфор и Тулон, и сделать на месте по возможности все замечания, какие могут представиться полезными для кораблестроения, и вообще верфи или флота, с назначением вам на проезд туда и обратно в Англию двух тысяч рублей серебром из экономического капитала черноморского интендантства, г. начальник Главного морского штаба его императорского величества от 13/25 сего генваря № 7691 уведомил меня, что государь император таковое ходатайство мое высочайше утвердить соизволил и что об исходатайствовании через посольство наше в Париже дозволения вам осмотреть королевские верфи в указанных французских портах его светлость отнесся к г. государственному канцлеру.

Предложив г. обер-интенданту Черноморского флота и портов о переводе ныне же означенных двух тысяч рублей серебром в Лондон на имя генерального нашего там консула для выдачи вам этой суммы английскою монетой, я уведомляю вас об этом для должного в свое время по сему со стороны вашей исполнения, возлагая на обязанность вашу при обозрении французских портов и судов обратить особенное ваше внимание как на те заведения и устройство французских верфей, которые заключают в себе какие-либо замечательные нововведения, полезные и для наших адмиралтейств, так на содержание, снабжение, вооружение артиллериею, образ устройства употребляемых для оной станков и оснастку военных судов всех рангов и родов, не исключая и пароходов, а также управление ими по всем частям, для чего полезно было бы собрать по возможности подробные сведения об их штатах, положениях, правилах артиллерийского учения, боевом расписании и системе, принятой в устройстве сигналов, телеграфов, громоотводов и прочего, а наконец, и на самое производство кораблестроительных работ в тех частностях, какие наиболее найдете достойными замечания.

Главный командир генерал-адъютант адмирал *Лазарев*

ЦГВМА, ф. ШЧФ, 1847, д. 5621, лл. 95—96. Отпуск.

Главному Командиру Черноморского Флота и портов Господину Генерал-Адъютанту Адмиралу и Кавалеру Лазареву

Къ сведению А. Лазарев

3 Апр.

Капитана 1 ранга Корнилова

Рапортъ

11/13 марта 1848

№ 105

Лондонъ

Пароходъ Фрегатъ Владимир 10/22 Марта въ 3 часа пополудни благополучно спущенъ на воду и введенъ въ одинъ из Доков принадлежащих Ост-индской компании.

Углубление Парохода по Описании половина, безъ баласту: въ корме 8 футъ 7 дюймов, въ носу 7 футъ 2 дюйма — Диферент 1 футъ 2 дюйма; воды въ трюме немного, перелому замечено 5/8 дюйма.

О чемъ имею честь донести Вашему Высокопревосходительству

Капитан 1 ранга Корнилов

Рапорт В. А. Корнилова М. П. Лазареву о спуске пароходо-фрегата «Владимир».

№ 81

РАПОРТ В. А. КОРНИЛОВА М. П. ЛАЗАРЕВУ О СПУСКЕ НА ВОДУ ПАРОХОДО-ФРЕГАТА «ВЛАДИМИР»

№ 105

11 (23) марта[1] 1848 г., Лондон

Пароход-фрегат «Владимир» 10/22 марта в 3 часа пополудни благополучно спущен на воду и введен в один из доков, принадлежащих Ост-индской компании.

Углубление парохода по отнятии полозьев, без балласту: в корме 8 фут 7 дюймов, в носу 7 фут 2 дюйма, диферент 1 фут 2 дюйма; воды в трюме не имеется; перелому замечено 5/8 дюйма.

О чем имею честь донести вашему высокопревосходительству.

Капитан 1 ранга *Корнилов*

Резолюция адмирала М. П. Лазарева: «К сведению. Апрель».

ЦГВМА, ф. ШЧФ, 1847, д. 5621, л. 102. Автограф.

№ 82

РАПОРТ В. А. КОРНИЛОВА М. П. ЛАЗАРЕВУ О ВЕРОЯТНЫХ СРОКАХ ОКОНЧАНИЯ ПОСТРОЙКИ ПАРОХОДО-ФРЕГАТА «ВЛАДИМИР» И ПАРОХОДОВ «ЭЛЬБОРУС» И «ТАМАНЬ»

9 (21) июня 1848 г.

Ход работ на пароходо-фрегате «Владимир» дает надежду, что он будет изготовлен, если несовершенно к сроку (1 августа), то вскоре после оного; между тем как пароходы «Эльборус» и «Тамань» должны быть окончены, как это значится в контрактах на построение их, к 20 августа. Имея повеление прибыть в Россию на пароходо-фрегате «Владимир» и, следовательно, если надежды мои насчет окончания последнего сбудутся, оставляя Англию до окончания пароходов «Эльборус» и «Тамань», я полагал бы весьма полезным разрешить мне для присмотра за окончательной отделкой [пароходов] «Эльборус» и «Тамань» оставить здесь корпуса корабельных инженеров прапорщика Александрова и инженер-кондуктора Васильева с тем, чтобы они возвратились в Россию на пароходе «Тамань». Такое распоряжение тем более важно, что, во-первых, пароход «Тамань», строясь известным по своему искусству в Англии строителем железных судов Дигборном и получая машину г. Пенна, также считающегося теперь одним из первоклассных инженеров в Англии, обещает весьма интересные пробы и, во-вторых, что эти офицеры примут землечерпательное судно с машиною и некоторые запоздалые машины и вещи, заказанные здесь для железной мастерской в Николаеве, которые заводчики Несмит и Гаскаль не надеются изготовить к отправлению парохода «Владимир» и потому должны отправиться на пароходе «Тамань»,

[1] В рапорте ошибочно обозначено $^{11}/_{1}$.

ибо на «Эльборус» я полагаю положить части землечерпательного судна и машины.

Донося об этом вашему высокопревосходительству, имею честь ожидать повеления, изволите ли вы одобрить или нет представляемое.

Капитан 1 ранга *Корнилов*

ЦГВМА, ф. ШЧФ, 1846, д. 5600, лл. 93—98. Подлинник.

№ 83

РАПОРТ В. А. КОРНИЛОВА М. П. ЛАЗАРЕВУ О ВЫХОДЕ ПАРОХОДО-ФРЕГАТА «ВЛАДИМИР» ИЗ ЛОНДОНА В РОССИЮ

19 сентября (1 октября) 1848 г.

Окончив поручение, на меня возложенное повелением вашего высокопревосходительства от 14 августа 1846 г. № 18246, я сего числа на пароходо-фрегате «Владимир» из города Лондона снялся.

Пароход через погружение разных тяжестей, принадлежащих казне, команде и пассажирам, угля более 250 тонн, и по налитии воды в котлы углубился кормою — 14,3 фут, носом — 14,3 фут, диферент — 0.

Для окончания не оконченных мною поручений, состоящих в отправлении в Россию пароходов «Эльборус», «Тамань» и «Сулин» и образцовых портовых железных гребных судов, я согласно предписанию вашего высокопревосходительства от 8/20 июля сего 1848 г. № 75972 оставил в Англии корпуса корабельных инженеров прапорщика Александрова и кондуктора Васильева, которым и предписал возвратиться в Россию на пароходе «Тамань».

Перед отправлением пароходо-фрегат «Владимир» был испробован, причем машина действовала в продолжение 14 часов и оказала самый удачный результат, а самое судно было испытано в ходу и управлении рулем и оказало также самые удовлетворительные качества. Ход по мерным морским милям для пробы пароходов, поставленным на береге Темзы, был 11 морских миль в час; управление рулем — превосходно.

Донося об отбытии «Владимира», имею честь присовокупить, что вследствие приказания г. начальника Главного морского штаба пароход этот по взятии угля в Плимуте зайдет в Лиссабон для отвоза туда нашего чрезвычайного посланника при португальском дворе действительного статского советника Ломоносова, а из Лиссабона уже будет следовать путем, означенным контрактом, заключенным между консульством и английским шкипером Вингом, — именно через Мальту, Константинополь в Одессу, где о последующем надеюсь получить приказание вашего высокопревосходительства. Счеты и опись вещам парохода «Владимир», равно как ведомость о грузе и пассажирах, отправившихся на пароходе этом, г. генеральный консул пишет вам по почте.

Капитан 1 ранга *Корнилов*

ЦГВМА, ф. ШЧФ, 1847, д. 5621, лл. 122—123. Подлинник.

№ 84

РАПОРТ В. А. КОРНИЛОВА М. П. ЛАЗАРЕВУ О ПРИБЫТИИ ПАРОХОДО-ФРЕГАТА «ВЛАДИМИР» В ОДЕССУ

17 (29) октября 1848 г.

Сего числа в 7 часов пополудни пароходо-фрегат «Владимир» прибыл на Одесский рейд благополучно. Заходил на пути в город Лиссабон и порт Валетту[1] на острове Мальте, Дарданеллы же и Босфор прошел, не останавливаясь на якорь и не сообщаясь, в расчете, что прибытие парохода из благополучного места освободит его по примеру, бывшему в 1846 г. с пароходом «Бессарабия», от карантина и тем выиграется время, столь важное при наступающих холодах. Свидетельство о благополучном состоянии города Валетты, имеемое от мальтийского карантина, и другие бумаги я отправил в Одесский военный карантин. Насчет принятия парохода от английского шкипера и о последующем назначении его буду ожидать повеления от вашего высокопревосходительства, причем имею честь доложить, что на пароходе находятся следующие пассажиры и груз.

Пассажиры: семейство капитана 1 ранга Корнилова с прислугою, состоящею из 2 служащих; капитан-лейтенант Аркас; парусный мастер Мартин; четыре английские дамы, принадлежащие г. Мартину; семейство машиниста фрегато-парохода «Бессарабия».

Груз: свинцу в плитах 606 штук; свинцу листового 110 штук; бакауту разной меры и толщины 214 штук; ящик зеленой краски для парохода «Громоносец»; половая клеенка для парохода «Громоносец»; 2 ящика с секстанами и артифициальными[2] горизонтами; 1 ящик с магнитами и хронометры; слоновая кость; черепаховые кружки; лак и другие вещи для компасной мастерской.

Капитан 1 ранга *Корнилов*

ЦГВМА, ф. ШЧФ, 1848, д. 5621, лл. 127—128. Автограф.

№ 85

РАПОРТ М. П. ЛАЗАРЕВА А. С. МЕНШИКОВУ О ВОЗВРАЩЕНИИ В. А. КОРНИЛОВА ИЗ АНГЛИИ И ПРЕДСТАВЛЕНИИ ЕГО К ЧИНУ КОНТР-АДМИРАЛА

11 ноября 1848 г.

Посланный в Англию с высочайшего его императорского величества соизволения, объявленного в предписании ко мне вашей светлости (по канцелярии Морского министерства) от 4 июня 1846 г., для заказа там для Черноморского флота пароходо-фрегата в 400 сил и наблюдения

---

[1] Ла-Валетта.
[2] Искусственными.

за самою постройкою оного капитан 1 ранга Корнилов возвратился уже сюда на этом же пароходе, исполнив возложенное на него поручение с успехом, заслуживающим особенное внимание по тому необыкновенному устройству, каким отличается судно это по красоте, прочности, удобствам и усовершенствованиям во всех частях корпуса, вооружения и механизма, опробованным и принятым уже на английском королевском флоте, так что пароход «Владимир», осмотренный уже мною во всех отношениях, может быть на будущее время образцом для устройства и снабжения здешних военных пароходов.

Сверх того, г. Корнилов с пользою исполнил и еще многие возложенные на него поручения заказом и постройкою под его же наблюдением для Кавказского корпуса железного парохода в 260 сил; для Новороссийского пароходного сообщения двух железных же пароходов по 180 сил каждый; для прочистки Дунайского бара землечерпательной машины и к ней железного буксир-парохода в 60 сил; для Черноморского адмиралтейства на образец нескольких портовых железных судов корабельных громоотводов [1] изобретения Сно-Гарисса; инструментов, материалов, чертежей, моделей, книг, гидрографических карт и, наконец, собранием разных полезных сведений вообще по устройству адмиралтейских заведений и других предметов.

Труды, поднятые капитаном 1 ранга Корниловым для пользы службы во время пребывания его в Англии, особенно при последних в Западной Европе политических переворотах [2], имевших важное с невыгодной стороны влияние на все там предприятия, обязывают меня свидетельствовать об этом перед вашей светлостью, прося покорнейше предстательства вашего перед его императорским величеством о всемилостивейшем пожаловании капитана 1 ранга Корнилова в контр-адмиралы с оставлением его в Черноморском флоте для исполнения особенных моих поручений и с правом присутствовать в свободное от оных время в общем присутствии Черноморского интендантства для пользы службы, в каковой я совершенно убежден по лично известному мне просвещенному понятию г. Корнилова вообще по морской части и примерным его правилам.

Если представление мое удостоено будет высочайшего благоуважения, то я беру смелость ходатайствовать и о назначении из общих сумм Черноморского управления г. Корнилову столовых по 572 руб. серебром в год по примеру подобного содержания, коим пользуются прочие члены общего присутствия Черноморского интендантства, причем имею честь представить формулярный и краткий, по форме, списки о службе капитана 1 ранга Корнилова.

Генерал-адъютант адмирал *Лазарев*

ЦГВМА, ф. ШЧФ, 1848, д. 5777, лл. 1—3. Отпуск.

---

[1] Так в документе.

[2] Имеются в виду революции и национально-освободительные войны 1848—1849 гг. в Западной Европе.

№ 86

ИЗ РАПОРТА КОНТР-АДМИРАЛА В. А КОРНИЛОВА М. П. ЛАЗАРЕВУ О ВОЗМОЖНОСТИ РАЗМЕСТИТЬ В АНГЛИИ ЗАКАЗЫ НА МАШИНЫ ДЛЯ КАНАТНОГО ЗАВОДА, НАМЕЧЕННОГО К СТРОИТЕЛЬСТВУ В НИКОЛАЕВЕ

15 сентября 1849 г.

В прошлом 1848 г., находясь в Англии, я получил от вашего высокопревосходительства повеление от 23 июня № 19936 о собрании сведений по канатным заводам для введения, что признается полезным, во вновь строящемся в Николаеве таковом заведении, вследствие этого повеления я немедленно осмотрел все несколько замечательные казенные и частные канатные заводы и поручил инженеру Ренни составить мне проект и опись машин, потребных для произведения канатных работ.

По возвращении моем в Россию в октябре прошлого же 1848 г. я лично имел честь представлять о сведениях, собранных мною и полученных от инженера Ренни, и ваше высокопревосходительство приказали мне сделать официальный вызов заводчикам Ренни и Несмиту на присылку планов и спесификации машин, требующихся для канатного завода, высочайше утвержденного строить в Николаеве, с означением цен, за которые они возьмутся те машины делать, причем вам угодно было согласиться указать им в образец королевско-плимутский и чатамской канатные заводы, так как я нашел их более других заслуживающими подражания.

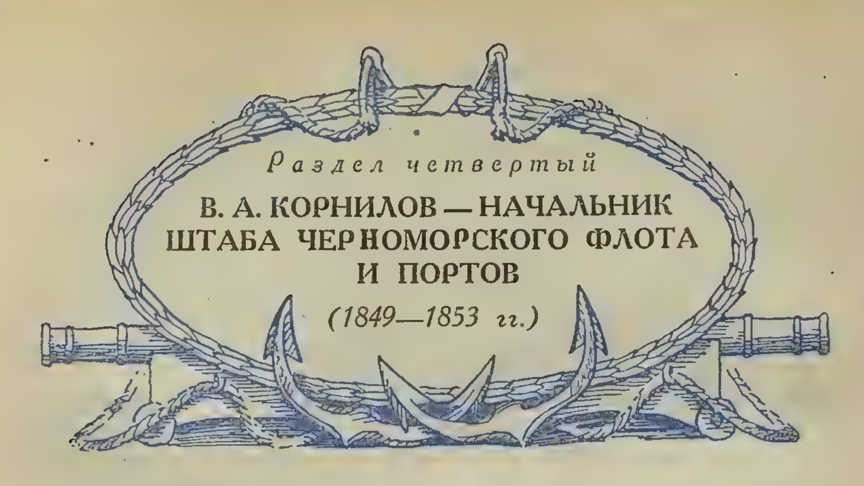
Теперь я получил ответы с чертежами от гг. Ренни и Несмита, которые и имею честь представить вашему высокопревосходительству, прося притом обратить особое внимание ваше на предложение г. Несмита, ибо в аккуратности этой фирмы я особенно уверен...

Контр-адмирал *Корнилов*

Резолюция адмирала М. П. Лазарева: «Представить о заказе машин Несмиту и К°».

ЦГВМА, ф. ШЧФ, 1848, д. 5790, лл. 6—7. Подлинник.

Раздел четвертый

В. А. КОРНИЛОВ — НАЧАЛЬНИК ШТАБА ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА И ПОРТОВ

(1849—1853 гг.)

№ 87

ИЗ ПИСЬМА М. П. ЛАЗАРЕВА А. С. МЕНШИКОВУ С ПРЕДСТАВЛЕНИЕМ В. А. КОРНИЛОВА НА ДОЛЖНОСТЬ И. Д. НАЧАЛЬНИКА ШТАБА ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА И ПОРТОВ

11 ноября 1848 г., г. Николаев

Не знаю, как ваша светлость примете представление мое о Корнилове, но могу уверить вас, что не что другое, как твердое убеждение в достоинствах этого офицера, было причиною, что я решился на оное. Контр-адмиралов у нас много, но легко ли избрать такого, который соединил бы в себе и познания морского дела и просвещение настоящего времени, которому без опасения можно было бы в критических обстоятельствах доверить и честь флага и честь нации? В Корнилове достоинства эти выражались и прежде, а теперь после приобретенных им познаний в последнее пребывание его в Англии они еще больше усовершенствовались. Желание же мое — употребить его для особых поручений и по временам присутствовать в общем присутствии интендантства впредь до открытия ваканции бригадного командира — основывается на том, что в первом занятии он будет особенно полезен при введении здесь тех улучшений по флоту и адмиралтействам, какие заметил он в Англии и которые признаются по нашему быту удобными, и если бы ваша светлость дозволили, то я с удовольствием занялся бы с ним[1] приведением после многих испытаний в порядок оставленное без внимания гр. Гейденом расписание команд при разных действиях

[1] В «Русском архиве», 1883, вып. 6, далее следует: «приводя в порядок оставленное без внимания гр. Гейденом расписание команды при разных действиях на судах; оно крайне нужно. Артиллерийское учение, хотя и напечатанное под наблюдением Путятина, но требует, по мнению моему, некоторого исправления, несмотря на то, что оно есть не что другое, как чистый перевод с английского, в котором много лишнего педантизма и таких вопросов и ответов в отношении к нижним чинам, которых они в общей массе никогда не запомнят; словом сказать, не мешало бы очистить оное от всего лишнего, а оставить одно полезное, доступное всякому простому рассудку» (см. ук. журн. стр. 362).

на судах; в таком разе позвольте просить приказать прислать все те расписания ко мне, они крайне нужны.

Переведенное с английского артиллерийское учение требует, по мнению моему, некоторого исправления, и как Корнилов следил эту часть с особенным вниманием, то с помощью его и это может быть здесь исправлено, как равно и изданный артиллерийский штат, в котором вкрались погрешности, например, блоки к пушечным талям слишком малы и некоторые другие. А в английском учении много лишнего педантизма и таких вопросов и ответов в отношении к нижним чинам, которых они в общей массе никогда не запомнят; необходимо очистить оное от всего лишнего, а оставить и исправить оное полезно, — доступное всякому простому рассудку.

Штат вооружения судов, над которым трудился Корнилов, тоже требует (хотя и немногого) исправления и дополнения, о которых по собранию нужных сведений я буду иметь честь донести и испрашивать разрешения вашей светлости [1]. Мачтовое искусство доселе не напечатано потому единственно, что ожидались некоторые сведения от Корнилова; теперь с возвращением его остановки в издании этом не будет [2], и я надеюсь, что оно будет лучшее, какое только до сего времени в виду имелось.

Наконец, построение железных судов здесь должно начаться тоже под руководством Корнилова [3], которому предписано было собрать по этой части самые положительные сведения или, лучше сказать, изучить оную. Что касается до права присутствовать ему по временам в общем присутствии интендантства, то от здравого, на опытах основанного суждения его я предвижу очень много пользы и нередко сожалел я, что подобного лица в интендантстве не было, ибо, не зная практически дела, обсуживали иногда предметы совсем в другом смысле и через то увеличивалась напрасно переписка при невозвратной потере времени. Ко всему этому я осмеливаюсь обратить благосклонное внимание вашей светлости и на то, что Корнилов служит в чине капитана 1 ранга уже 8 лет [4]...

М. Лазарев

ЦГВМА, ф. АМ, 1848, карт. 34, д. 121, ч. II, лл. 540—541. Подлинник.

№ 88

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА В. А. КОРНИЛОВА М. П. ЛАЗАРЕВУ О НЕОБХОДИМОСТИ УЛУЧШЕНИЯ МОРСКОЙ ПОДГОТОВКИ МАТРОСОВ

5 мая 1849 г.

Краткость практических плаваний линейных кораблей и притом при этих летних плаваниях редкость случаев, сообщающих морской навык

---

[1] В «Русском архиве» данная фраза напечатана: «Штат вооружения судов (хотя весьма не скоро) тоже требует некоторого исправления и дополнения, о которых, по собирании нужных сведений, я буду иметь честь донести и испрашивать разрешения вашей светлости» (см. ук. журн. стр. 362).

[2] Конец этой фразы в «Русском архиве» отсутствует (см. ук. журн. стр. 362).

[3] В «Русском архиве» ...при наблюдении Корнилова (см. ук. журн. стр. 362).

[4] Последняя фраза в «Русском архиве» отсутствует (см. ук. журн. стр. 362).

матрозам, лишают командиров возможности доводить в морском деле корабельные экипажи до желаемой степени совершенства. Мелкие суда, находясь иногда в плавании в продолжение круглого года, и даже фрегаты, имеющие свою очередь в крейсерство у восточного берега, гораздо счастливее в этом отношении линейных кораблей: команды их при знающем и деятельном командире могут доходить до той матрозской сноровки, которая приобретается одним беспрерывным упражнением и частыми встречами с многоразличными случаями на море, и таким образом делаться настоящими морскими командами.

Для отвращения первого неудобства, равно как и для извлечения из плавания мелких судов наибольшей пользы для образования настоящих морских матроз, я бы полагал постановить правилом: команды мелких судов составлять из двух равных частей — из одной части постоянной и из другой по выбору экипажного командира, предоставляя последнему менять часть, им выбранную, ежегодно. Таковой состав команд мелких судов не только будет содействовать распространению морского матрозского дела между нижними чинами, но и процветанию фронтовой и хозяйственной частей, ибо даст экипажному командиру случай иметь по очереди ближайший надзор за такими частями своего экипажа, которые по настоящему порядку иногда продолжительное время проживают вне его глаза, а избранным матрозам — приобретать заслуженную морскую провизию.

Наблюдение предполагаемого порядка должно быть возложено на дивизионных и бригадных начальников как на ближайших и непосредственных начальников экипажных командиров.

Исправляющий должность начальника штаба
Черноморского флота и портов
контр-адмирал *Корнилов*

Резолюция адмирала М. П. Лазарева: «Согласен, но на шкунах и тендерах, как судах, требующих особого управления, команды совсем не переменять, а оставлять постоянно одних и тех же людей.

5 мая».

ЦГВМА, ф. ШЧФ, 1849, д. 5814, лл. 4 и 8. Подлинник.

№ 89

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА В. А. КОРНИЛОВА М. П. ЛАЗАРЕВУ О ПРЕДОСТАВЛЕНИИ ЕМУ ВОЗМОЖНОСТИ ОЗНАКОМЛЕНИЯ С ЛИЧНЫМ СОСТАВОМ СУДОВ, ПОРТОВ И ЗАВЕДЕНИЙ ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА

5 мая 1849 г.

По роду присвоенной званию моему должности я обязан знать достоинства и недостатки всех, состоящих в Черноморском флоте. Проживая в Николаеве, мне предстоят весьма редкие встречи с ли-

нейными офицерами[1], служащими на судах, Черноморский флот составляющих, не только во время плавания судов этих, но даже и во время пребывания их на рейдах. Для выполнения по возможности вышеупомянутого требования инструкции начальника штаба, я имею честь просить ваше высокопревосходительство дозволить мне всякий раз по возвращении очередного отряда из абхазского крейсерства осматривать частным инспекторским смотром возвратившиеся суда, соединяя их для сего на Севастопольском рейде под командою старшего из капитанов. Через таковые частные смотры вашему высокопревосходительству будут известны успехи, делаемые офицерами и командами при плаваниях у восточного берега, а я буду иметь возможность ознакомиться лично с теми из командиров и офицеров, которые подают наибольшую надежду для службы, равно как и узнать тех, которые выполняют ее с нерадением или неспособностью.

Для той же цели, кроме этих частных смотров, и имея в виду исполнение той же инструкции начальника штаба, которою положено ему осматривать порты, арсеналы, маяки, верфи, строения, фабрики, мастерские, магазины и другие заведения, я прошу покорнейше ваше высокопревосходительство разрешить мне ежегодно летом в удобное время составлять из наличных мелких судов отряд и, поднимая флаг на фрегате, обходить порты и заведения Черноморского управления, по берегам Черного и Азовского морей находящиеся, занимая вместе с тем команды эволюциями и вообще морскою практикою, причем на этот отряд можно будет с пользою распределять юнкеров флота и старших кадет штурманской роты, первых для морской практики, а вторых для ознакомления с лоциею Черного моря, затем для остальных штурманских кадет назначать вместо фрегата — малый корвет, как, например, «Орест», который сидит гораздо менее фрегата, управляется легче и потому может входить в разные порты и рейды Черного моря и выходить с большею удобностью, что для плавания с кадетами штурманской роты особенно важно, ибо посещение якорных мест и изучение лоций берегов суть главные предметы этого рода плаваний.

Исправляющий должность начальника штаба
Черноморского флота и портов
контр-адмирал *Корнилов*

Резолюция адмирала М. П. Лазарева: «Согласен. 5 мая».

ЦГВМА, ф. ШЧФ, 1849, д. 5814, лл. 15 и 17.
Подлинник.

---

[1] Т. е. офицерами больших кораблей, базировавшихся на Севастополь.

№ 90

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА В. А. КОРНИЛОВА М. П. ЛАЗАРЕВУ О ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ НАЗНАЧЕНИЯ КОМАНДИРАМИ НА КАВКАЗСКИЕ И КОНСТАНТИНОПОЛЬСКИЕ ПАРОХОДЫ ОФИЦЕРОВ, ИМЕЮЩИХ СЛУЖЕБНЫЕ ЗАСЛУГИ И ИСПЫТЫВАЮЩИХ МАТЕРИАЛЬНЫЕ ЗАТРУДНЕНИЯ

5 мая 1849 г.

Значительность содержания, получаемого командующими кавказскими и константинопольскими пароходами, сравнительно с содержанием, предоставленным по внутреннему положению, не только командующих мелких военных судов, но даже фрегатов и самых кораблей было поводом, что многие хорошие морские офицеры искали командования тех пароходов предпочтительно против парусных судов. Находя таковое стремление между офицеров, не имеющих никакой собственности и обремененных семейством, не только извинительным, но даже достойным уважения, ибо пароходную службу на пароходах, отправляющих пакетботные рейсы в осеннее и зимнее время нельзя назвать легкою, а с другой стороны, опасаясь, чтобы стремление это не ослабило парусные суда, лишая их хороших командиров, я имею честь испрашивать позволения вашего высокопревосходительства впредь назначения командиров на пароходы кавказские и константинопольские обратить в временное пособие тем из штаб-офицеров, которые своею службою на парусных судах командирами или в звании старших офицеров заслужили особенное внимание начальства и, быв обременены семейством, потребуют денежного вспомоществования, наблюдая притом, чтобы такое назначение делалось на время, именно на год или на два, но никак не более.

Я надеюсь, что мера эта не только удержит способных офицеров в линейной службе, но будет выгодна для самых пароходов, ибо суда эти, поступая в руки командиров по строгому выбору, будут содержаться в самом исправном виде, и, кроме того, послужит с пользою и для самих офицеров, доставив им случай ближе ознакомиться с плаванием по Черному морю в разное время года и всякого рода обстоятельствах, равно как и с пароходною механикой, всеобщее применение которой к большим кораблям вероятно последует в самом непродолжительном времени.

Исправляющий должность начальника штаба
Черноморского флота и портов
контр-адмирал *Корнилов*

Резолюция адмирала М. П. Лазарева: «Согласен, что при удобном случае и объявить начальнику береговой линии. 5 мая.»

ЦГВМА, ф. ШЧФ, 1849, д. 5814, лл. 10 и 13.
Подлинник.

№ 91

ОТНОШЕНИЕ В. А. КОРНИЛОВА В ИНСПЕКТОРСКИЙ ДЕПАРТАМЕНТ МОРСКОГО МИНИСТЕРСТВА О ПОРЯДКЕ ВООРУЖЕНИЯ КОМАНД ФЛОТСКИХ ЭКИПАЖЕЙ ШТУЦЕРАМИ

31 августа 1849 г.

На основании полученного высочайшего государя императора, повеления, изъясненного в отношении Инспекторского департамента Морского министерства от 8 сего августа № 2150, о заведении исподволь во флотских экипажах штуцера Гартунга, соображаясь с тем, что сделано в военно-сухопутном ведомстве для введения сих штуцеров в пехотных батальонах, имею честь по поручению г. главного командира Черноморского флота и портов покорнейше просить Инспекторский департамент Морского министерства почтить уведомлением, каким образом следует приступить к введению во флотских экипажах штуцеров, взамен ли новых ружей ударной системы, заказанных на Тульском оружейном заводе, по скольку в каждом экипаже и на какие суммы, а также не оставить распоряжением о высылке для образца одного штуцера.

Исправляющий должность начальника штаба
контр-адмирал *Корнилов*

ЦГВМА, ф. ШЧФ, 1849, д. 5820, л. 2. Отпуск.

№ 92

МНЕНИЕ В. А. КОРНИЛОВА О КНИГЕ «АРТИЛЛЕРИЙСКОЕ УЧЕНИЕ», СОСТАВЛЕННОЕ ИМ НА СПЕЦИАЛЬНЫХ УЧЕНИЯХ, ПРОВЕДЕННЫХ НА ФРЕГАТЕ «КОВАРНА»[1]

Октября 1849 г.

1) Книгу «Артиллерийское учение» следовало бы разделить на две части, определив первую часть собственно для обучающихся, а вторую — в виде инструкции для обучающих.

---

[1] Настоящее «мнение» является отзывом на изданную в 1847 г. книгу «Артиллерийское учение, составленное по правилам, принятым на английских военных судах». Спб., 1847.

Все положения указанной книги были практически проверены В. А. Корниловым на специальных учениях, проведенных на фрегате «Коварна».

«Мнение» было составлено В. А. Корниловым совместно с П. С. Нахимовым. В письме контр-адмиралу Е. В. Путятину от 7 ноября 1849 г. Корнилов, препровождая копию «Мнения» о книге «Артиллерийское учение», сообщал, что «его высокопревосходительству (М. П. Лазареву) угодно было одобрить мнения контр-адмирала Нахимова и мое и, кроме того, заметить, что по нынешнему состоянию артиллерийского снабжения принос принадлежностей на корабле «Двенадцать апостолов» был полнее и что ящики для первых выстрелов и для картечи адмирал считает весьма полезными, а введения кожаных кокоров по трудности изготовлять их неудобными...» (ЦГВМА, ф. ШЧФ, 1849, д. 5834, л. 64).

Это необходимо и потому, что многие справедливо находят, что обучение нижних чинов обращению с орудиями и вообще наставления для приуготовления на военных судах так называемой тревоги должны заключать в себе самое необходимое и по возможности быть приспособлены к взгляду людей самых простых и без всякого предварительного образования и что иначе наставления те не будут иметь желаемого успеха.

2) (Стр. VIII). В наставлении, каким образом составлять боевое расписание, необходимо упомянуть о важности, чтоб оно соответствовало всем другим и в особенности расписанию по снастям при разных действиях под парусами, ибо, по-моему, главное условие всякого боевого расписания должна быть возможность во время сражения действовать парусами, не ослабляя огня артиллерии.

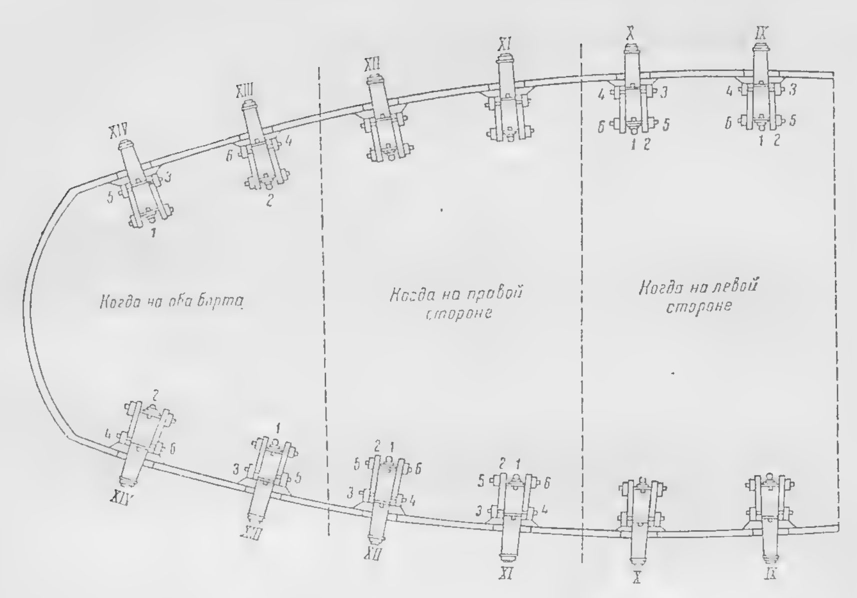
3) (Стр. VIII—IX). Мне кажется, не должно лишать 2-ю вахту чести иметь первых комендоров! Отчего бы не назначать по очереди и именно: к каждому нечетному номеру орудий первого комендора — из первой вахты, а второго — из второй; а у четного: первого комендора — из второй вахты, а второго — из первой, причем и прислугу назначать к нечетным номерам нечетного орудия — из первой же вахты, а к четным — из второй; к четному же орудию наоборот. Тогда, положив, чтобы при разделении прислуги на оба борта первые комендоры первой вахты с прислугою своею оставались на правой стороне, а первые комендоры второй вахты — на левой, принимая в свое заведывание смежные орудия и отделяя к ним своих вторых комендоров с прислугою из вахт сих последних приобретутся две выгоды: а) при внезапной тревоге, и особенно ночной, у вас будут готовить орудия на обеих сторонах, а не на одной, которая, может случиться, а не та, которая вам нужна, и b) при действии на оба борта не разделится свыкнувшаяся прислуга[1], ибо прислугам смежных орудий при всяких обстоятельствах выгоднее пособлять друг другу, чем противоположных.

Для лучшего объяснения мысли этой прилагаю следующий чертеж (см. черт. на стр. 122 — Ред.).

4) (Стр XI). Полагая, что первые комендоры должны быть освобождены от приноса и изготовления принадлежностей, дабы могли первыми являться к своим орудиям и немедленно приступать к раскреплению их, я возлагал на второго комендора изготовление некоторых вещей; изготовление же фитиля предоставлял № 4, который готовит и кадку и пыжи, а ведро, швабру и фонарь № 3, ибо фонарь обыкновенно сохраняется в ведрах. Впрочем, разбор и принос принадлежностей вообще зависят от размещения ее на судах и должны быть соображены с артиллерийским штатом, по коему суда снабжаются.

5) (Стр. XII—XIII). При составлении артиллерийского ученья для корабля «Двенадцать апостолов» хотя и была принята в руководство

[1] Причем подносчики могут быть написаны так, чтобы подносили картузы для орудий одной стороны, подобно как это положено делать на мелких судах. (Примечание В. А. Корнилова.)

Распределение боевого расчета у орудий по тревоге.

книжка корабля «Экселлент»[1], но, с одной стороны, желание сохранить из старых учений то, что казалось мне не составляющим никакой существенной разницы, с другой же, желание сократить по возможности командные слова, всегдашнюю причину шума и затем беспорядка, вынудили меня допустить некоторые изменения, подобно как допустил я их при назначении приноса и размещения принадлежностей, соглашая с корабельною местностью и артиллерийским штатом, у нас существующим.

6) (Стр. XVII). Я никак не могу согласиться на совершенное оставление верхних орудий при вызове абордажных партий и потому всегда предпочитал отделение известных номеров от каждого орудия как для составления абордажных партий, так и партий для управления парусами; ибо как при абордаже, так и при всяких маневрах весьма важно содействие верхней артиллерии, а для действия парусами иногда требуется довольно значительное число людей. На корабле «Двенадцать апостолов» для действий парусами были отделены по два номера с каждого орудия. Это соединяло партию, которая могла без всякой посторонней помощи исполнять почти все маневры, кроме «брать рифы» и «становить вдруг все лиселя»; для того ж, чтобы люди эти свыклись, они имели особое расписание и в море отправляли одни вахту по утрам от 9 до 10 ½ часов.

---

[1] Английский корабль «Экселлент» являлся учебным артиллерийским кораблем, на котором производились опыты для составления правил артиллерийской стрельбы и расписаний. Находясь в Англии, В. А. Корнилов для ознакомления с постановкой артиллерийского дела на английском флоте был на этом корабле.

7) (Стр. 8—9). Мне кажется, что не следовало бы отменять боев[1] введенных уже в нашем флоте, для исполнений разных движений при артиллерийском ученье. Бои эти весьма способствовали к уничтожению суеты и шума, часто случающихся при передаче приказаний словами; в действительном же сражении, когда бои не будут слышны, само собой придется заменить их приказаниями через так называемых адъютантов.

8) (Стр. 13). Нет ли ошибки в сравнении английской 32-фунтовой пушки с нашею 36-фунтовою, ибо хотя вес и близок, но калибры английские 32 фунт. подходят почти столько же к нашим 24 фунт., как к 36, ибо калибр 24 фунт. — 5.95, а английский 32 фунт. — 6.41, между тем как нашей 36 фунт. — 6.80.

9) (Стр. 20). По-моему, достаточно восемь командных слов и следует начинать с «н а с ы п ь!» или «т р у б к у!». Командовать же «з а п а л» нет никакой надобности, ибо тут придется комендору командовать самому себе и без всякой цели! Команда «о т б о р т а!» также лишняя; орудие отодвигать от борта только при примерном учении. Отчего же действие это не соединить с командою «п л и!» таким образом, как бы это было следствием «о т к а т и о р у д и я!»

10) (Стр. 30). Прицеливание посредством знаков я предпочитаю, оно и понятное и не производит шуму, который сбивает соседей! Вообще статья *«Общие правила ученья»,* соответствующие статьи *«Действие орудием»* учения, пробованного на корабле «Двенадцать апостолов», мною была изменена по тем же уважительным причинам, по коим я отступил от таблиц «что каждый номер приносит» и «обязанностей», помещенных на страницах XI, XII и XIII.

11) (Стр. 23 и 53). Ганшпужное ученье я всегда полагал полезным только для развития соображения людей при действии ганшпугами. Тяжелые орудия трудно двигать этим способом, в чем я уверился лично при таком ученье на корабле «Экселлент».

12) (Стр. 51). Способ переменять станок, пробованный на корабле «Двенадцать апостолов», я предпочитаю и никак не думаю, чтобы эту перемену возможно было сделать хорошо прислугою одного орудия.

13) (Стр. 58). Правило замены убылых должно быть приноровлено к расписаниям при разных действиях парусами.

14) (Стр. 97 и 111). «Крюйт-камерное ученье» — статья весьма полезная, но, по-моему, следовало бы ее поместить во 2-ю книгу, в статью инструкций обучающим, и, кроме того, приноровить к нашему снабжению, указав на нее, как на пример, а не так, как на правило, ибо крюйт-камерное учение должно соответствовать расположениям крюйт-камер, которые на разных судах различные.

15) (Стр. 112 и 170). Обширная и весьма полезная статья *«О прицеливании орудий»* следует в книгу инструкций обучающим, ибо она чисто до них относится.

---

[1] Т. е. сигналов, подаваемых барабанными боями.

16) (Стр. 171 и 207). Статья *«Вопросы»* тоже должна принадлежать отделу инструкции обучающим, ибо слишком замысловата для прислуги орудий и, вероятно, не будет понята ими; для флотских же и артиллерийских офицеров она весьма полезна, кроме разве относящегося до ракетной шлюпки, ибо таковых шлюпок у нас не введено; и

17) 26 номеров таблицы разных опытов над английским орудием составят статью, весьма любопытную для наших морских офицеров, занимающихся артиллериею, равно как и для артиллерийских, но чтобы они имели существенную пользу, то надлежало бы таковые таблицы вывести из опытов над орудиями, принятыми на нашем флоте.

Положив в 17 пунктах мысли мои о книге «Артиллерийское ученье», я считаю обязанностью прибавить, что полезная книга эта тогда только может иметь решительный успех, когда будет заведен у нас, по примеру англичан, учебный корабль, на котором приготовлялись бы офицеры и нижние чины, ибо, не имея таковых приготовленных беспрерывным исключительным упражнением учителей, нельзя ожидать, чтобы командиры судов, выходя в море по большей части на самое короткое время и имея много других забот существенной важности, в состоянии бы были действовать по книге этой с успехом. Береговые же артиллерийские экипажные учения по многим причинам никогда не будут иметь должного результата.

Контр-адмирал *Корнилов*

ЦГВМА, ф. ШЧФ, 1849, д. 5834, лл. 61—63 и 65. Копия.

№ 93

ОТНОШЕНИЕ АРТИЛЛЕРИЙСКОГО ДЕПАРТАМЕНТА МОРСКОГО МИНИСТЕРСТВА В. А. КОРНИЛОВУ О ВВЕДЕНИИ ШТУЦЕРОВ ВО ФЛОТСКИХ ЭКИПАЖАХ

28 ноября 1849 г.

Артиллерийский департамент Морского министерства впоследствии отношения вашего превосходительства в Инспекторский департамент Морского министерства имеет честь уведомить, что вследствие сообщенного сим департаментом высочайшего повеления: заводить исподволь во флотских экипажах штуцера Гартунга, соображаясь с тем, что сделано в военно-сухопутном ведомстве для введения сих штуцеров в пехотных батальонах, Артиллерийский департамент просил таковой же департамент Военного министерства доставить образец штуцера системы Гартунга и все нужные сведения по предмету отпуска оных в пехотные батальоны, и от 29 октября за № 16484 Артиллерийский департамент Военного министерства доставил нижеследующие сведения:

1) В пехотных полках гвардейского и гренадерского корпусов положено для застрельщиков по 24 штуцера на батальон.

2) К штуцерам этим приняты остроконечные пули.

3) Сколько положено отпускать на каждый штуцер боевых и холостых патронов, приложил при сем особую ведомость и, наконец, доставил описание способа приготовления патронов с остроконечною пулею с чертежом инструмента, для сего нужным, присовокупив: 1) что для литья остроконечных пуль употребляются особые пульные формы, 2) для заряжения сими пулями штуцеров приспособлены к шомполам наконечники с конусообразным углублением соответственно конусу пули, 3) для стрельбы из сих штуцеров на дальние дистанции приняты особые, предложенные Гартунгом прицелы и 4) что на штуцера системы Гартунга полагается ремонту по 24¾ коп. серебром в год.

Независимо от сего от 17 ноября уведомил, что по высочайшему повелению, сообщенному г. военному министру в отношении в бозе почивающего великого князя Михаила Павловича от 27 июня 1848 г., назначено состояние[1] в гвардейских пехотных полках штуцера системы Гартунга употреблять только для стрельбы в цель; на маневрах же и всех вообще ученьях застрельщикам иметь обыкновенные ружья, а потому у застрельщиков независимо от штуцеров состоят еще обыкновенные ударные ружья, а от 23 ноября, доставив изготовленный для Артиллерийского департамента Морского министерства на образец штуцер системы Гартунга, уведомил, что штуцер этот стоит 9 руб. 75¾ коп. сер., и притом присовокупил: 1) что переделка драгунского ружья в штуцер системы Гартунга в Сестрорецком оружейном заводе, не считая перемены некоторых частей новыми, если то будет нужно, обходится в 3 р. 58 коп. сер. и 2) что заказ штуцеров для флота Сестрорецкий завод не сможет принять иначе, как в счет годового наряда, а как наряд приготовления оружия на 1850 г. уже распределен, то посему заказ штуцеров для флота может быть дан заводу только по особому высочайшему повелению.

При сем Артиллерийский департамент Морского министерства не лишним счел препроводить к вашему превосходительству копии с трех приложений и двух чертежей, доставленных Артиллерийским департаментом Военного министерства при помянутом выше отношении № 16484, по предмету снабжения штуцерами и прочими припасами застрельщиков пехотных полков и присовокупить, что так как штуцера высочайше повелено заводить во флотских экипажах исподволь, то департамент полагает деньги, потребные на заготовление сих штуцеров, вносить в ежегодную смету.

Директор *Примо*

ЦГВМА, ф. ШЧФ, 1849, д. 5820, лл. 3—4. Подлинник.

[1] Так в подлиннике.

№ 94

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА В. А. КОРНИЛОВА М. П. ЛАЗАРЕВУ О ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ В РОССИИ ПРЕДПРИЯТИЙ ПО ИЗГОТОВЛЕНИЮ МОРСКОГО КЛЕЯ[1]

22 декабря 1849 г.

Находясь в 1847 и 1848 гг. в Англии по заказу пароходо-фрегата «Владимир» и других и имея поручения замечать достойные внимания нововведения в английских адмиралтействах, я не мог упустить из виду нововведения, столь для России полезного, каково изобретение морского клея.

Клей этот, как известно, связывает куски дерев так крепко, что впоследствии они скорее поддадутся на новых местах, нежели на склеенных, и, кроме того, температура воздуха почти не имеет на него никакого влияния. В адмиралтействах, в королевских и на вольных, морской клей начинает входить в общее употребление по кораблестроению, особенно для пробок и вставок в наружной обшивке, для залития пазов и для соединения частей рангоута, и клей этот особенно полезен при соединении хвойных деревьев и вообще не мелкослойных, к последним из коих можно причесть и наш дуб.

Не сомневаясь в пользе морского клея для наших адмиралтейств, я осмотрел самое заведение изобретения г. Жеффери и потом, дабы более удостовериться в действительной выгоде морского клея, предоставил ему, г. Жеффери, залить пазы пароходо-фрегата «Владимир» его клеем и также употребить оный для палуб яхты его императорского высочества великого князя Константина Николаевича «Волна» и парохода «Тамань», из них покрытие пазов палуб парохода «Владимир» произошло при самых невыгодных обстоятельствах, ибо клей не соединяется с смолою, а палуба парохода «Владимир» была уже выконопачена и залита ею, так что нужно было вычистить смолу и потом уже впустить в пазы клей, но я и на это решился, имея примеры во многих больших вест-индских кораблях, с которыми так же было поступлено, ибо они, торгуя сахаром, тотчас же приняли такое для них неоцененное изобретение.

Теперь, получив от командира пароходо-фрегата «Владимир» прилагаемый здесь отзыв о счастливом результате опыта над морским клеем по годичном над ним наблюдении и тем совершенно убедясь, что введение этого материала будет действительно полезно для кораблестроения нашего, особенно по свойству деревьев, в оном употребляемых, имею честь представить на благоусмотрение вашего высокопревосходительства сие мое мнение и при оном рапорт капитан-лейтенанта Аркаса и предложение, мне сделанное в Англии от г. Жеффери, относительно устроения в России заведения для приготовления морского клея, равно как разные документы, приложенные изобретателем к его предложению, из коих видно, до какой

[1] См. документ № 96.

степени клей этот принят в Англии и как об нем многие отзываются, докладывая притом, что если вашему высокопревосходительству угодно будет дать дальнейший ход этому делу, то можно предоставить нашему генеральному консулу в Лондоне г. Кремеру взойти в ближайшие с Жеффери переговоры, дабы он определил, до какой цифры сумма, им испрашиваемая в вознаграждение, может простираться.

Исправляющий должность начальника штаба
Черноморского флота и портов
контр-адмирал *Корнилов*

Резолюция адмирала М. П. Лазарева: «Передать на рассмотрение в Ученый кораблестроительный комитет».

ЦГВМА, ф. ШЧФ, 1849, д. 5801, лл. 7—8. Подлинник.

№ 95

ДОКЛАД КОМАНДИРА 2-го УЧЕБНОГО МОРСКОГО ЭКИПАЖА КАПИТАНА 1 РАНГА Я. М. ЮХАРИНА В. А. КОРНИЛОВУ О ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ ПЕРЕВОДА ЮНКЕРОВ ФЛОТСКИХ ЭКИПАЖЕЙ, ОБУЧАЮЩИХСЯ СТРОЕВОМУ ДЕЛУ, С ЧАСТНЫХ КВАРТИР В КАЗАРМЫ[1]

6 февраля 1850 г., г. Николаев

Командир 2-го учебного морского экипажа имеет честь довести до сведения его превосходительства Владимира Алексеевича, что по настоящему распоряжению начальства юнкера флотских экипажей прикомандированы к вверенному мне экипажу для обучения фронтовой службе окончательно и на меня возложена строгая ответственность в случае буде окажутся не вполне знающими это дело. Юнкера живут на вольных квартирах и должны для ученья приходить по два раза в день в казармы. Принимая в соображение едва проходимую грязь в это время года, столь обыкновенную в Николаеве, и дальнее расположение их жилищ от казарм, молодые люди эти, приходя уже утомленными, мало оказывают успеха на ученьях, следить же за теоретическими их занятиями и в особенности за их нравственностью я не имею никакой возможности, а потому полагал бы поместить всех юнкеров на казенном содержании в казармах вверенного мне экипажа или в штурманской роте, по примеру тому, как юнкера Черноморского флота уже помещаются в Кронштадте при первом учебном экипаже, и потому почтительнейше прошу, если ваше превосходительство таковое предложение мое изволите найти полезным, не оставьте об оном ходатайством вашим.

Капитан 1 ранга *Юхарин*

ЦГВМА, ф. ШЧФ, 1850, д. 5908, лл. 1—2. Подлинник.

---

[1] См. документы № 99, 103, 114, 121, 122.

№ 96

ЗАКЛЮЧЕНИЕ УЧЕНОГО КОРАБЛЕСТРОИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА О ПРЕДЛОЖЕНИИ В. А. КОРНИЛОВА ОТНОСИТЕЛЬНО УПОТРЕБЛЕНИЯ НА СУДАХ ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА МОРСКОГО КЛЕЯ

14 февраля 1850 г.

1850 года февраля 14 дня Ученый кораблестроительный комитет вместе с гг. инженерами-строителями слушал докладную записку, представленную господину главному командиру исправляющим должность начальника штаба контр-адмиралом Корниловым, о пользе изобретенного в Англии морского клея (marine glue).

По надлежащем соображении всех фактов, изложенных в этой записке и в приложениях к ней, и принимая в рассуждение, что в английском королевском флоте это вещество введено в употребление при кораблестроении для замазывания досок палубной настилки, комитет находит полезным ввести в употребление морской клей и на судах Черноморского флота для заливки пазов палубной настилки, также в сплотку мачт, рей и прочего рангоута, для обмазывания систерн внутри и вообще на все надобности, какие описаны в приложениях на английском языке, а для произведения всего на самом деле комитет полагает выписать мастера, который бы мог выучить наших мастеровых употреблению и составлению клея выгоднейшим для казны способом, о чем сам изобретатель, г. Жеффери, предлагает в своем письме.

Члены Комитета (следуют подписи)

ЦГВМА, ф. ШЧФ, 1849, д. 5801, л. 54. Подлинник.

№ 97

ИЗ ПИСЬМА В. А. КОРНИЛОВА ЖЕНЕ ЕЛИЗАВЕТЕ ВАСИЛЬЕВНЕ О СВОЕМ ПРЕБЫВАНИИ В С.-ПЕТЕРБУРГЕ

24 февраля 1850 г., С.-Петербург

Вот тебе несколько строк, краткость их ты извинишь, когда прочтешь, что я здесь делаю. Вот неделя от дня прибытия, и, кажется, ни одного дня не проходило, чтоб я не наряжался с утра в футляр. Сию минуту от представления государю, которому угодно было вторично принять меня в кабинете. Признаюсь, я вышел от него очарованным. До государя был у г[рафа] Орлова, а после надо было отдавать визит к[нязю] Меншикову, вчера утро — также в представлениях. Государь было назначил вчера, но ему что-то помешало меня принять, и я только даром съездил. Вчера тоже я представился молодым [великим] князьям, но лучше напишу тебе кратким журналом:

15 [февраля]. В 10 часов вечера приехал и остановился у Беклешова, где пристал брат.

16 — Являлся к к[нязю] Меншикову, обедал у тетушки и провел у нее вечер.

17 — Ездил представляться к в[еликому] к[нязю] Константину Николаевичу, но не застал. Делал визиты Перовскому, Рикорду и другим адмиралам. Обедал у В. Сергеевского. Вечер — у Т. Федорова.

18 — Представлялся великому князю. Был у князя Меншикова, обедал в Английском клубе. Вечер — с братом у Беклешова. Переехал к Лутковскому.

19 — Представлялся наследнику в кабинете его и государю у развода. Обедал с братом у Норова, вечер дома, чтобы уснуть, потому что все это время не удалось выспаться. При представлении государю был милостиво принят. Царь расспрашивал о доках.

20 — Ездил с визитами и в Министерство внутренних дел. Обедал с Лутковским и отправился в Кронштадт на смотр по приглашению в[еликого] князя.

21 — В Кронштадте — при великом князе, который делал ученье, развод, смотр [и прочее].

22 — В Кронштадте осматривал [все], вечером возвратился и был в Географическом обществе, а после, т. е. в двенадцатом часу, у князя Меншикова.

23 — Ездил в Аничковский дворец вторично представляться государю, но не был принят. Представлялся великим князьям Николаю и Михаилу. Обедал у гр[афа] Толстого с братом. Вечером заезжал к тетушке и был на маскараде в Дворянском собрании.

24 — Представлялся государю и теперь дома, еду с визитами и обедать к Пущину. Здоровье покуда служит. На первой неделе хочется выехать домой...

Скажи Михаилу Петровичу, что аудиенция с государем кончилась самым счастливым образом и его императорское величество много расспрашивал об адмирале лично и о делах. Как только удосужусь, то не замедлю дать отчет. Прощай, мой дружок.

Весь твой *В. Корнилов*

ЦГАДА, Рукописное собрание биб-ки Зимнего дворца, д. 2156, лл. 143—144. Автограф.

№ 98

ПИСЬМО В. А. КОРНИЛОВА М. П. ЛАЗАРЕВУ С ОТЧЕТОМ О СВОЕМ ПРЕБЫВАНИИ ПО ДЕЛАМ СЛУЖБЫ В С.-ПЕТЕРБУРГЕ

3 марта 1850 г., С.-Петербург

Спешу отправить вашему высокопревосходительству краткий отчет по поездке моей. На прошлой неделе я был удостоен счастия объяснять государю о делах черноморских в его кабинете. Его величество особенно интересовался доками и горою. Хотел знать все подробности налития доков и ввода берегами [1]. Не нравилось только

[1] Так в подлиннике.

ему, что не ввели «Варшаву» [1]. Он несколько раз повторил, что он выстроил доки для того, чтобы поддерживать старые корабли, и что этим содержится Балтийский флот в комплекте. Однако все эти замечания делались самым милостивым тоном, и даже, когда я ему сказал, что вы были во все время открытия доков и ввода транспорта сами в Севастополе, то он спросил с большим участием: «А что старик не простудился?»

Надо вам прибавить, что государь называет себя и всех своих сверстников стариками.

Когда коснулось Чоргунского бассейна [2], то его величество пожелал знать, какой план будет новой плотины, на что я отвечать удовлетворительно не мог. При разговоре о горе, мне удалось сказать о Волохове и о выгоде кондиций, им предлагаемых, и разъяснить, почему нельзя ожидать от него таких же, если упустим время. При разговоре и о доках, и о новом адмиралтействе заметно было, что государь принимает в этих делах самое живое участие, но что на этот год он был стеснен в финансовых средствах. При разговоре о механической мастерской в Николаеве его величество изволил заметить, что, по его мнению, гораздо бы выгоднее иметь такое заведение в Севастополе и что он двух иметь не может. Что же касается до покушения неприятеля на Севастополь, то он никого не опасается. О механическом заведении приказал передать вашему высокопревосходительству, что хотя и во всем *покоряется* вам, но что, по его мнению, надо механическое заведение устроить в Севастополе при Новом адмиралтействе, чтобы впоследствии не заводить на зиму пароходы в Николаев, где они замерзают в реке и через то делаются для флота бесполезными несколько месяцев. Государь расспрашивал и о госпиталях, и о казармах, и о штурманской роте. О последней я ему сказал, что предположено переместить в бывшее Артиллерийское училище и что всему мешает недостаток в деньгах, требующихся на исправление. О Николаевской госпитали ему известно, что она ветха и что надо новую; спрашивал и о кораблях, и командирах, и офицерах, особенно, почему корабли «Париж» и «Чесма» не могут быть готовы прежде осени. Я сослался на трудность доставки разных вещей отсюда и об опаздывании меди и парусины по требованиям нашим. Кажется, государю весьма желается, чтобы новые корабли поскорее выходили в море. Представлялся я и особенно был обласкан великим князем Константином Николаевичем. Он мне сказал, что едет в Черное море делать смотр. Теперь я узнал, что это будет в мае, он второго выедет. Как бы хорошо было иметь хоть одну практическую эскадру на рейде или в море, недурно также усилить артиллерийское учение в экипажах. Князь Меншиков меня принимает как нельзя благосклоннее; я имел с ним несколько раз разговор о Черном море и доложил все вами

[1] Линейный 120-пушечный корабль, спущенный на воду в 1833 г.

[2] Чоргунский бассейн — район верхнего течения Черной речки у дер. Верхний Чоргун, где намечалось устройством плотины образовать водохранилище для питания Севастополя пресной водой.

порученное, между прочим и о расписаниях Путятина, которые он разрешил пустить в ход. Насчет Измаильского адмиралтейства[1] было в докладе третьего дня и решено строить. Насчет пороховых погребов в Килен-балке утвержден проект Павловского. Насчет недостатка пороху велено обратиться к военно-сухопутному ведомству, не может ли уделить из ближайших крепостей. О пароходе «Владимир» еще не пришла ваша бумага. Князь поручил написать вам, что можно прямо заказать, не дожидаясь разрешения, и потому я согласно полномочия, мне на этот счет вами данного, пишу Кремеру с первою почтою. Остальные поручения вашего высокопревосходительства все в ходу, и я надеюсь привезти удовлетворительные ответы

В начале мая великий князь выезжает к нам, надо готовить ему показывать, что есть. Я после начала этого письма был у князя и говорил о том, что флот не будет в море при посещении его высочества, на это князь отвечал, что программа утверждена государем в присутствии Константина Николаевича.

Был и у министра внутренних дел, который был особенно любезен и выказал и даже старался выказать к вам большое уважение. Дело о полиции в ходу и, кажется, будет решено.

Посещал графа Нессельроде, он много расспрашивал о вас и потом о Сулинском деле и тяжбе с Дигборном за «Тамань». Первое теперь у него для соглашения Министерства внутренних дел с Морским и в этом случае Министерство иностранных дел — наш союзник. Возвращение мое не решено. Мне бы очень желалось в конце первой недели выехать в Москву. Князь мне говорил, что, может быть, государь пожелает мне что-нибудь приказать к вам. Это письмо отправляю с Краббе. Ваши собственные поручения также выполнены. Деньги все положены, даже московские. Все это я сделал чрез О. Флита. Тетушка и все родные здоровы. При желании вашему высокопревосходительству здоровья остаюсь душевно преданный

В. Корнилов

ЦГАДА, Рукописное собрание биб-ки Зимнего дворца, д. 2156, лл. 145—148. Автограф.

№ 99

ДОКЛАД В. А. КОРНИЛОВА М. П. ЛАЗАРЕВУ О НЕОБХОДИМОСТИ ВЫДЕЛЕНИЯ И ПРИСПОСОБЛЕНИЯ ЗДАНИЯ ДЛЯ РАЗМЕЩЕНИЯ ЮНКЕРОВ ФЛОТА И СОСТАВЛЕНИЯ ПРАВИЛ ИХ СОДЕРЖАНИЯ И ОБУЧЕНИЯ

21 апреля 1850 г.

По поводу распоряжения о прикомандировании юнкеров Черноморского флота к 2-му учебному морскому экипажу и строгой ответственности, за тем возложенной на командира оного, за их нравственность и успехи капитан 1 ранга Юхарин вошел с докладной запиской, у сего в копии представляемою, о необходимости поме-

[1] Измаил являлся базой русской Дунайской флотилии, для обслуживания которой и было намечено создание здесь адмиралтейства.

щения юнкеров или в здании экипажа, им командуемого, или при штурманской роте, по примеру, как это сделано для черноморских же юнкеров в Кронштадте.

Докладную записку эту я брал с собой в С.-Петербург и там по вопросу моему был извещен от Инспекторского департамента Морского министерства, что черноморские юнкера, находясь в Кронштадте, действительно по особому разрешению его светлости князя Александра Сергеевича[1] живут в здании 1-го учебного морского экипажа и получают следующее довольствие: а) указанную дачу провианта, b) денег на пищу по 2 руб. 3³/₄ коп. серебром в месяц на человека и с) на шитье белья по 26 ¼ коп. серебром в месяц на человека же.

Кроме извещения Инспекторского департамента о помещении и содержании черноморских юнкеров в Кронштадте, я имел о них личное совещание с инспектором учебных морских заведений генерал-лейтенантом Кохиусом, который находит, что и настоящее положение этих молодых дворян в Кронштадте далеко не соответствует их назначению, ибо средства их содержания до такой степени ограничены, что их с трудом держат наравне с рядовыми 1-го учебного экипажа, причем генерал Кохиус передал мне включаемую у сего ведомость[2], изготовленную им для вашего высокопревосходительства о предметах первой необходимости, требующихся для черноморских юнкеров, в Кронштадт посылаемых.

Собранные мною в С. Петербурге сведения я передавал на предварительное соображение командира 2-го учебного морского экипажа, предписав ему вместе с тем изложить мне его мнение, как удобнее и дешевле применить хотя кронштадтское положение черноморских юнкеров к Николаеву.

Капитан 1 ранга Юхарин докладною запискою от 5 апреля, при сем в копии прилагаемою, представляет о затруднениях отвести юнкерам приличный приют в казармах 2-го учебного морского экипажа и полагает поместить их или отдельно в здании казенной аптеки, прилежащем казарме той, или при штурманской роте, причем присовокупляет, что в случае принятия той или другой идеи необходимо поручить особой комиссии составить план помещения и штат содержания юнкеров.

Соглашаясь с капитаном 1 ранга Юхариным о трудности отделить приличное помещение для юнкеров в здании 2-го учебного морского экипажа, разве только допустив большие издержки, но вместе с тем не полагая, чтобы удобно было занять для них здание аптеки или даже приютить их к штурманской роте, я согласно указанию его же, г. Юхарина, осматривал с ним вместе южный флигель при доме собрания флагманов и капитанов, в котором прежде помещались музыканты учебного морского экипажа и который ныне по инженерной росписи на 1850 г., вашим высокопревосходительством

---

[1] А. С. Меншиков.

[2] Ведомость и докладная записка капитана 1 ранга Юхарина не публикуются.

утвержденной, положено исправить и отделать совершенно так, как отделан северный флигель, тому же зданию принадлежащий, и нашел, что если южный флигель соединить с отделением самого дома собрания, теперь занимаемого штабом инспектора ластовых экипажей, точно такою же галлереею, какою соединена кухня собрания, находящаяся в северном флигеле, то 68 юнкеров, т. е. штатное положение, и даже до 100 их, если потребуется, могут быть помещены самым удобным образом и иметь в верхнем этаже флигеля дортуары с комнатою для дежурного офицера, в нижнем — классы, а в комнатах дома собрания, где теперь штаб генерал-майора Польского, — столовую и кухню.

Взяв в соображение, что южный флигель дома собрания и без того предположено исправить и отделать соответственно северному, и дабы здание собрания, находящееся на самом видном месте города и приведенное как по наружности, так и внутри в самое исправное состояние, не казалось неоконченным и что по удостоверению командира южного округа и члена хозяйственного комитета капитана 1 ранга Плетенева, под непосредственным наблюдением коего дом собрания отделывается, оба флигеля не имеют никакого назначения, я, не находя более удобного и более приличного места для помещения юнкеров Черноморского флота и притом не видя возможности содержать их сообразно их назначению и требованию правительства без соединения в казенном здании как для жизни, так и для занятий под надзором избранных для сего морских офицеров, приемлю смелость ходатайствовать об отделении вышеупомянутого помещения у вашего высокопревосходительства и просить вместе с тем в случае, если представление мое заслужит одобрение, дозволить составить комиссию для подробного обсуждения этого дела под председательством моим из членов: полковника фон дер Вейде, капитанов 1 ранга Плетенева и Юхарина и инспектора классов чиновника 5-го класса Латышева, которой и заняться немедленно же как составлением плана внутреннего расположения, так и правил, на которых содержать и обучать юнкеров по их соединении в казенном здании.

Исправляющий должность начальника штаба
Черноморского флота и портов
Контр-адмирал *Корнилов*

ЦГВМА, ф. ШЧФ, 1850, д. 5932, лл. 1—4. Подлинник.

№ 100

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ М. П. ЛАЗАРЕВА А. С. МЕНШИКОВУ ОБ УТВЕРЖДЕНИИ В. А. КОРНИЛОВА В ДОЛЖНОСТИ НАЧАЛЬНИКА ШТАБА ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА И ПОРТОВ

12 июня 1850 г.

Исправляющий должность начальника штаба Черноморского флота и портов контр-адмирал Корнилов, состоя в настоящей должности с 3 апреля 1849 г., исправляет оную с примерною деятель-

ностью и знанием при отличном также исполнении и других, не менее важных поручений, почему, представляя вашей светлости о таковой полезной службе контр-адмирала Корнилова, имею честь просить покорнейше не оставить разрешением о утверждении его в настоящей должности.

Генерал-адъютант адмирал *Лазарев*

ЦГВМА, ф. ИДММ, 1850, д. 342, л. 1. Подлинник.

№ 101

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА В. А. КОРНИЛОВА М. П. ЛАЗАРЕВУ О РЕЗУЛЬТАТАХ СМОТРА БОЕВОЙ ПОДГОТОВКИ СУДОВ, ВОЗВРАТИВШИХСЯ ИЗ КРЕЙСЕРСТВА У ВОСТОЧНЫХ БЕРЕГОВ ЧЕРНОГО МОРЯ

15 июня 1850 г.

При осмотре судов отряда контр-адмирала Синицына, возвратившегося из крейсерства у восточных берегов Черного моря, суда произвели по сигналам с фрегата «Месемврия» следующие маневры с быстротою, в таблице показанною (см. стр. 136), и, кроме того, на шкуне «Ласточка» я был под парусами, а на всех других на якоре.

Причем осматривал их внутри, проверял расписания, бил тревоги, вызывал абордажные партии и заставлял при тревогах производить разные действия парусами, о быстроте коих при частных смотрах этих можно видеть из предшествующей таблицы.

Результат смотров сих привел меня к следующему заключению, которое имею честь представить на благоусмотрение вашего высокопревосходительства.

Фрегат «Месемврия» содержится опрятно, маневры парусами и тревога производимы были правильно и в надлежащем порядке, и старший офицер лейтенант Шихматов, рекомендованный мне командиром, по сведениям и способностям, выказанным при спросах моих о расписании и вообще фрегатской работе, заслуживает особое внимание начальства. Относительно снабжения фрегата «Месемврия» я должен доложить вашему высокопревосходительству, что артиллерия его далеко не снабжена в таком совершенстве, в каком вам всегда угодно было видеть ее на судах Черноморского флота, например, в открытой батарее не имелось никогда никаких замков, ибо 18-фунтовые пушки, временно поставленные, остаются до сих пор; равно как большая часть ударных пружинных замков в главной фрегатской батарее по слабости пружин и особому устройству затравок не действует [1].

---

[1] Против этого абзаца на полях документа резолюция М. П. Лазарева: «Лейтенанту Шихматову объявить похвалу начальства. Насчет неисправности артиллерии на фрегате «Месемврия», если командир оного не представлял об оказавшихся ныне неисправностях, то, приписывая это к явной незаботливости его, признаю его более других виновным в непростительном равнодушии к прямому своему делу, за что и сделать ему строгое замечание».

Корвет «Андромаха» содержится опрятно, маневры парусами и тревога произведены были правильно и в надлежащем порядке.

Бриг «Тезей» содержится опрятно, маневры парусами и тревога произведены были удовлетворительно, по снабжению отстала артиллерийская принадлежность и особенно замки [1].

Шкуны «Дротик», «Ласточка» и «Забияка» содержатся опрятно, маневры парусами и тревога весьма удовлетворительны, особенно на «Дротике» и «Ласточке», на коих во время тревоги при продолжавшемся батальном огне переменили марсель так называемыми стрелковыми партиями в 3½ [минуты]. В командирах сих последних судов я заметил особое усердие к службе и в капитане-лейтенанте Воеводском совершенное знание морского дела, ибо, пристав к нему на шкуну под парусами, я имел случай судить о нем в этом отношении [2].

На всех шести судах были приняты по возможности в руководство система расписания и артиллерийское учение, составленные контр-адмиралом Путятиным, и капитаны отзываются об них как нельзя удовлетворительно.

Касательно снабжения всех сих судов я должен доложить вашему высокопревосходительству, что артиллерийская часть вообще на них отстала от других, особенно в отношении к замкам, прицелам и употреблению фитиля, для которого на всех огромные кадки и пальники, и что мебель покупать из лавок, подобно как было сделано для шкуны «Забияка», не должно, и также, что вслед за смотром отряда, сделав осмотр отправляющегося за границу корвета «Пилад», я нашел, что и на нем артиллерийская часть, только осмотренная в Николаеве, весьма неудовлетворительно окончена, ибо станки корвета этого так исправлены плохо, что если бы командир не получил уже повеления вашего высокопревосходительства следовать по назначению, то я бы счел обязанностью возвратить его в Николаевский порт для их переисправления [3].

Исправляющий должность начальника штаба
Черноморского флота и портов
контр-адмирал *Корнилов*

Резолюция адмирала М. П. Лазарева: «Поступить согласно резолюциям, на обороте положенным».

ЦГВМА, ф. ШЧФ, 1849, д. 5814, лл. 23—25. Подлинник.

---

[1] Против этого абзаца на полях документа резолюция М. П. Лазарева: «Относительно замков потребовать объяснения».

[2] Против этого абзаца на полях документа резолюция М. П. Лазарева: «Командирам шкун «Дротик», «Ласточка» и «Забияка» за найденный на них порядок объявить похвалу начальства».

[3] Против этого абзаца на полях документа резолюция М. П. Лазарева: «Подтвердить старшему артиллерийскому начальству о принятии ныне же самых строгих зависящих от него мер к отклонению замеченных начальником штаба неисправностей на осмотренных им судах по артиллерийской части и донести, когда все будет исправно; что касается до мебели, то сообщить 2-му обер-интенданту, чтобы оная делалась не иначе, как в адмиралтействах по имеющимся образцам».

Приложение к докладной записке В. А. Корнилова М. П. Лазареву[1]

15 июня 1850 г.

Название судов	Крепить паруса	Поднять гребные суда		Сняться с якоря	Тревога	Перемена марселя при тревоге	Перемена всех трех марселей	Прислать вооруженные барказы и катера	
		во сколько минут	сколько числом					во сколько минут спущены и отправлены	какие суда и с какою артиллерией
Фрегат «Месемврия»	2′¾	15′	5	—	1′¾	—	7′¾	25′½ 31′½	Катер № 1—8 фунтов, 10 человек десанта. Катер № 2—8 фунтов, 10 человек десанта. Капитанский катер—8 фунтов, 32 человека десанта. Барказ —80 ч. { 18 фунт. / 12 »
Корвет «Андромаха»	2′¾	8′	4	13′	1′¾	—	5′¼	16′	8-весельный—3 фунта, 10 человек десанта. Барказ—8 фунтов, 24 человека десанта.
Бриг «Тезей»	2′½	8′	4	11′½	1′½	—	3′½	12′¼	8-весельный—¾ фунта, 9 человек десанта. Барказ—3 фунта, 24 человека десанта
Шкуна «Ласточка»	1′¾	4′	2	3′¾	1′½	3′½	1′½	7′½	Барказ—1 фунт, 15 человек десанта
Шкуна «Дротик»	2′	3′½	2	3′¾	1′½	3′½	1′¾	7′	Барказ—3 фунта, 11 человек десанта
Шкуна «Забияка»	1′¾	2′¾	2	4′	1′½	—	3′¼	7′	Барказ—3 фунта, 14 человек десанта

№ 102

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА В. А. КОРНИЛОВА М. П. ЛАЗАРЕВУ ОБ УСТАНОВЛЕНИИ СРОКОВ ПЛАВАНИЯ И ПРАКТИЧЕСКОГО ОБУЧЕНИЯ МОРСКОМУ ДЕЛУ ЮНКЕРОВ И ШТУРМАНСКИХ КАДЕТОВ, ПРЕДНАЗНАЧЕННЫХ К ВЫПУСКУ

15 июня 1850 г.

Предполагаю начать плавание с 1-го будущего июля, для чего и составить отряд из фрегатов «Кулевчи» и «Месемврия», корвета «Андромаха», бригов «Орфей», «Тезей» и шкуны «Дротик».

Плавание продолжать месяц и более или менее, смотря по обстоятельствам. На фрегате «Кулевчи» поднять флаг и собрать на нем всех юнкеров и штурманских кадет, которые следуют на выпуск: первые в

[1] См. документ № 101.

офицеры, а вторые в кондукторы. На фрегате «Месемврия» собрать остальных юнкеров, назначив флотского или штурманского офицера собственно для присмотра за ними и обучения их по инструкции главного командира Черноморского флота и портов под непосредственным наблюдением командира фрегата.

О чем имею честь представить на разрешение вашего высокопревосходительства.

Исправляющий должность начальника штаба
контр-адмирал *Корнилов*

ЦГВМА, ф. ШЧФ, 1850. д. 5946, л. 2. Подлинник.

№ 103

РАПОРТ М. П. ЛАЗАРЕВА А. С. МЕНШИКОВУ О НЕОБХОДИМОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ В НИКОЛАЕВЕ ШКОЛЫ ЮНКЕРОВ ФЛОТА

31 июля 1850 г.

По поводу распоряжения о прикомандировании юнкеров Черноморского флота ко 2-му учебному морскому экипажу и строгой ответственности, затем возложенной на командира оного за их нравственность и успехи, капитан 1 ранга Юхарин от 6 числа февраля сего года вошел с представлением о необходимости помещения юнкеров или в здании экипажа, им командуемого, или при штурманской роте, по примеру как это сделано для черноморских же юнкеров в Кронштадте.

Находя такое представление г. Юхарина совершенно уважительным, я предоставлял г. исправляющему должность начальника штаба Черноморского флота и портов составить под его председательством комиссию, назначив в оную членами как самого Юхарина, так и равно командира южного округа морской строительной части полковника фон дер Вейде, члена хозяйственного комитета того же округа капитана 1 ранга Плетенева 2-го и инспектора классов Черноморской штурманской роты чиновника 5-го класса Латышева, и войти в подробнейшее рассмотрение возможности не только помещения юнкеров в одном из казенных зданий, но и доставления им вообще средства к лучшему себя образованию.

Комиссия, исполнив возложенное на нее поручение, представляет:

1) Учредить для юнкеров Черноморского флота школу, для чего и представляет штат и положение, при начертании которого приняты были в соображение, во-первых, составленное здесь в 1838 г. особою комиссиею положение и штат о предполагавшейся здесь одной роте гардемарин при Черноморской штурманской роте, представленные от меня вашей светлости при рапорте от 8 апреля 1838 г. № 8291, во-вторых, - положение о военной школе при 22-й пехотной дивизии, изложенное в приложении к 3 примечанию 2 ст. VI продолжения 3 книги I части свода военных постановлений, в-третьих, положение

об институте корпуса инженеров путей сообщения, высочайше утвержденное в 13 день июня 1849 г., порядку которого комиссия в общем придерживалась.

2) Школу юнкеров поместить в доме общего собрания флагманов и капитанов и одном флигеле, при нем состоящем, приспособив оные всеми удобствами для жительства 70 человек юнкеров; в другом же флигеле устроить помещение для штаб-офицера, имеющего заведывать юнкерами, употребив на то ассигнованную уже по диспозиции 1850 г. на исправление тех зданий сумму с добавлением к оной недостающего количества из экономического капитала южного округа морской строительной части.

3) Первоначальное заведение мебели и других вещей произвести от казны, а впоследствии юнкеров содержать, отпуская только положенный для них провиант и обмундирование на основании высочайшего повеления, объявленного в приказе вашей светлости 1 февраля 1844 г. № 779, а для прочих же расходов употреблять деньги, вносимые от добровольного оклада юнкеров, что будет для них большим облегчением, ибо, живя на вольных квартирах и нанимая учителей, им приходится расходовать гораздо более.

Рассмотрев составленные этою комиссиею положение и штат о содержании и обучении 70 человек юнкеров Черноморского флота в Николаеве и находя их вполне соответствующими цели означенного предположения и даже необходимыми для приобретения флоту офицеров образованных, я имею честь представить все это на благоусмотрение вашей светлости с покорнейшею моей просьбой, если проекты удостоятся одобрения вашего, то о приведении оных в исполнение не оставьте испросить высочайшее его императорского величества утверждение и о последующем почтить меня предписанием, причем докладываю, что расход на первоначальное обзаведение юнкерской школы мебелью и другими вещами полагаю возможным отнести на экономический капитал Черноморского интендантства.

Адмирал *Лазарев*

Начальник штаба контр-адмирал *Корнилов*

ЦГВМА, ф. ШЧФ, 1850, д. 5908, лл. 17—20. Отпуск.

№ 104

РАПОРТ В. А. КОРНИЛОВА М. П. ЛАЗАРЕВУ О РЕЗУЛЬТАТАХ СМОТРА ПРИНИМАЕМОГО ИМ В КОМАНДОВАНИЕ ОТРЯДА СУДОВ

11 августа 1850 г.

9 июля вследствие приказа вашего высокопревосходительства отправился на пароходе «Бессарабия» для принятия в начальство отряда судов, состоящих из фрегатов «Кулевчи» и «Месемврия», корвета «Андромаха», бригов «Орфей» и «Тезей» и шкуны «Дротик».

13-го поднял флаг на фрегате «Кулевчи» и 16-го снялся с якоря и следовал в Феодосию.

20-го июля прибыл в Феодосию.

21-го оставил Феодосию и перешел на Керченский рейд.

22-го на проходившем мимо отряда пароходе «Эльборус» отправился в город Керчь, где осматривал адмиралтейство.

23-го на пароходе «Могучий» отправился к Еникальскому маяку и, осмотрев, возвратился на том же пароходе на фрегат «Кулевчи». К вечеру с отрядом вступил под паруса.

24-го прибыл на Анапский рейд и по осмотре крепости вступил под паруса.

25-го прибыл на Новороссийский рейд и осматривал Новороссийское адмиралтейство. На Новороссийском рейде нашел начальника отряда крейсирующих судов и часть отряда сего.

26-го снялся из Новороссийска вместе с фрегатом «Кагул» и бригом «Эндимион».

30-го прибыл на Пицундский рейд, где осматривал леса черноморского ведомства. Вечером вступил под паруса.

31-го прибыл к местечку Искурия, где нашел транспорт «Дунай»; осмотрев леса по указанию прапорщика Машнина, возвратился на фрегат «Кулевчи» и вступил под паруса.

5-го августа прибыл на Феодосийский рейд.

6-го снялся с Феодосийского рейда и бросил якорь в Севастопольском порте. При осмотрах ничего особенного не нашел, тем более, что нужды Керченского адмиралтейства по недавней бытности вашего высокопревосходительства в Керчи вам известны, а в Новороссийске вы также не так давно изволили быть. Об Еникальском же маяке я буду иметь честь особенно доложить вам.

Контр-адмирал *Корнилов*

ЦГВМА, ф. ШЧФ, 1850, д. 5946, лл. 26—27.
Подлинник.

№ 105

ИЗ ПИСЬМА В. А. КОРНИЛОВА БРАТУ АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ ОБ УСЛОВИЯХ РАБОТЫ В ШТАБЕ ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА

16 октября 1850 г., Одесса

В сотый раз на пути в Севастополь, но это мой отдых. Если б не эти поездки, то я бы захворал от дел правильного течения. Ты не можешь себе представить, любезный друг Александр, до какой степени много поступает бумаг и по крайней мере на сто бумаг девяносто девять самого пустого содержания. Чувствуешь, как тупеешь! И что самое печальное: встречаешь зло, видишь, что даже подлежишь за него ответу если не начальству, то совести, и вместе с тем [видишь], что бессилен еси, как в постели под гнетом кошмара. Сто раз давал себе слово не тревожиться об участи дел, не стоящих в непосред-

ственной зависимости начальника штаба, и предоставить их правильному [1] течению, но не такова натура, не то старик заповедал на́м...

ЦГАДА, ф. Рукописное собрание биб-ки Зимнего дворца, д. 2156, л. 5. Автограф.

№ 106

РАПОРТ М. П. ЛАЗАРЕВА А. С. МЕНШИКОВУ С ПРЕДСТАВЛЕНИЕМ К НАГРАЖДЕНИЮ В. А. КОРНИЛОВА ОРДЕНОМ СВ. СТАНИСЛАВА 1-й СТЕПЕНИ

2 ноября 1850 г.

Обращая внимание на отлично усердную и деятельную службу начальника штаба Черноморского флота и портов контр-адмирала Корнилова и примерный порядок, в котором содержатся все части, начальству его вверенные, а также успешное исполнение многих других поручений моих, до пользы службы относящихся, я долгом счел свидетельствовать о том перед вашею светлостью и покорнейше просить вашего предстательства перед его императорским величеством о всемилостивейшем награждении контр-адмирала Корнилова орденом св. Станислава 1-й степени, представляя при сем формулярный и краткий о службе его списки [2].

Генерал-адъютант адмирал *Лазарев*

ЦГВМА, ф. ШЧФ, 1850, д. 5924, л. 1. Отпуск.

№ 107

ИЗ ПИСЬМА В. А. КОРНИЛОВА БРАТУ АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ О СВОИХ ФИНАНСОВЫХ ЗАТРУДНЕНИЯХ

26 декабря 1850 г., г. Николаев

...Насчет аренды я совершенно согласен. Тысяча рублей будет для меня манною, только вряд ли будет удача. Я убежден, что деньги — не корниловский элемент. С нас все берут, вот и теперь — что бы им стоило дать мне вензель на эполеты? [3] Кому его не дают? А ведь с ним лишних тысяча столовых. Нет, присылают звезду, за которую давай из пустого кармана деньги. Признаюсь, я теперь в таком положении, хоть продавай лошадей и экипажи. Потребности растут, пятеро детей, двое требуют учения. Место, на котором нельзя жить на запор дверь. Если Василий Сергеевич не пришлет должные им тыся-

[1] Т. е. обычному, самостоятельному.

[2] Формулярные списки не публикуются. Данные списков использованы в хронике «Важнейшие даты жизни и деятельности В. А. Корнилова».

[3] «Вензель на эполеты» означал зачисление в царскую свиту, что было связано с получением дополнительных столовых денег на представительство. Ниже В. А. Корнилов жалуется, что за полученную им звезду ордена св. Станислава 1 степени ему, как это это полагалось в то время, пришлось уплатить в капитул орденов стоимость ордена.

чу серебром, да Лукин[1] окажется неаккуратным, то я не знаю, как заплачу долги, которых, кроме тебя и Матюшкина, набралось более тысячи руб[лей] серебром. Поговори с Василием Сергеевичем о моем положении. Ты не можешь себе представить, чего мне стоило это знакомство с царской фамилией и вообще нынешний год. Да и будущий не предвещает меньших расходов. Одни деньги с отопления и освещения и приличие в декоруме, хоть я и в Николаеве, поглощают все, что я от казны получаю.

Насчет воспитания детей я покуда остановился на домашнем подготовлении их до тех пор, покуда не исполнится Алеше 14 лет. Желал бы знать, если Сашу помещать в Правоведный[2] или Лицей, то каких лет следует присылать в Петербург и нужна ли латынь и до какой степени. Он молодец даровитый. Но Алеша крайне плохо учится. Алеше теперь 12 лет, а Саше будет в апреле 10-ть. Лиза поздравляет вас обоих с новым годом, равно как и я, и желаем, разумеется, всего и всего хорошего, что есть доброго здесь и там. Катя наша очень мила. Володя совершенный херувим. Таких аппетитных детей я мало встречал. Маша начинает обозначаться и улыбаться. Жаль, что мы не вместе, а то бы было хорошо над чем потешиться.

Наш достопочтенный адмирал хворает серьезно[3]. Я четыре раза писал о нем в Петербург. Наши немецкие доктора очень встревожены, но теперь, кажется, пойдет лучше. О болезни его ты знаешь от К. Л. Пас...[4], которому поручено тебе рассказать. Он ходит и занимается делами, но очень слаб. Боже, храни его. Неужели не пришлют лейбмедика...

ЦГАДА, ф. Рукописного собрания биб-ки Зимнего дворца, д. 2156, лл. 151—152. Автограф.

№ 108

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА В. А. КОРНИЛОВА ГЛАВНОМУ КОМАНДИРУ ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА И ПОРТОВ ВИЦЕ-АДМИРАЛУ М. Б. БЕРХУ О НЕОБХОДИМОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ОПЫТОВ ПО ПРОСУШКЕ ЛЕСНЫХ МАТЕРИАЛОВ, УПОТРЕБЛЯЕМЫХ ДЛЯ КОРАБЛЕСТРОЕНИЯ

30 апреля 1851 г.

Главный командир Черноморского флота и портов г. адмирал Лазарев предписанием от 4 ноября 1849 г. за № 20882 предоставил учредить под председательством моим комиссию из гг. инженер-подполковников Мелетина, Акимова, Дмитриева и Чернявского, капитана Окунева, корпуса морской артиллерии капитана (ныне подполковник) Иванова и адъютанта моего лейтенанта Тыркова для составле-

---

[1] Лукин — управляющий имением В. А. Корнилова.

[2] Училище Правоведения в С.-Петербурге, подготовлявшее юристов.

[3] Имеется в виду М. П. Лазарев, у которого проявились первые признаки его смертельной болезни (рака).

[4] Окончание фамилии не поддается прочтению.

ния нормальных правил для практического производства кораблестроительных работ, где определялись бы по алфавитной системе в виде лексикона или, как признается более удобным, наименование, образование и размер всякой части, входящей в строения всех рангов судов, а также способ скрепления их со всеми нужными к тому пояснительными чертежами и рисунками.

По поводу сему я имею честь представить на благоусмотрение вашего превосходительства следующее обстоятельство.

Прочность или продолжительность службы кораблей много зависит от хорошего качества лесов и от надлежащей просушки их до употребления в дело. Главнейшая из всех причин, подвергающих лес скорому разрушению, есть порча соков. Если каким-нибудь образом воспрепятствовать испарению соков, то преждевременное заражение гнилости неизбежно.

Такие деревья, употребленные в дело, не только сами подвергаются гниению, но и заражают другие, с ними соприкосновенные.

Следовательно, употребление свежего леса на строение всего более вредит его прочности; сверх того, всякое дерево от усыхания уменьшается и в объеме своем, от чего взаимное соединение частей, сложенных из сырого леса, впоследствии теряет между собой надлежащую плотность, а вместе с тем уменьшается и крепость корабля.

В Англии, с незапамятных времен и доныне, испытывали различные способы сушения строевого леса и после долговременных опытов убедились, что самое лучшее средство содействовать испарению соков, а следовательно, и предупреждению порчи состоит в просушке дерева в продолжение известного времени, дабы водянистые частицы соков могли испариться. Прекрасные их опыты пролили много свету в искусстве кораблестроения и послужили основанием практических познаний, на какие употребления должны быть назначаемы разные породы дерев по качествам их и по требованиям местности.

В нашем кораблестроении употребляются различные породы лесов, которые от положения местности, состояния климата и различия свойств почвы имеют отличительное свойство противу лесов, произрастающих в Англии. Следовательно, познание о времени и степени просушки их, уменьшения притом объема и потери веса в усыхании может принести величайшую пользу в кораблестроении. А потому для достижения столь важного в искусстве сведения желательно, чтобы в нашем Николаевском адмиралтействе были произведены опыты над просушкою каждого рода лесов, у нас употребляемых в строение.

Исполнение чего возложить на обязанность и попечение Кораблестроительного учетного комитета, который бы, назначив одного из своих членов для совместного действия с смотрителем лесов, и под непосредственным своим наблюдением производил опыты в следующем порядке:

1) Вырезать куски из комля и вершины дерева и обделать их с совершенною точностью в кубы 12 дюймов.

2) Вырезать и обделать бруски длиною около 7 футов, а шириною в 9, 8, 7, 6 и 5 и толщиною в 7, 6, 5, 4 и 3 дюймов. Бруски дол-

жны быть вырезаны так же, как и кубы, из комля и вершины дерева и такое же количество их, как при самом сердце, так и ближе к заболоне на половине длины дерева.

3) Вырезать доски из одной половины от сердца дерева длиною 12 футов, шириною 16, 14, 12 и 10, а толщиною 8, 7, 6 и 5 дюймов.

Для произведения опытов принять следующие породы деревьев: дуб польский, крымский и кавказский, ясень, илим, бук, каштан, граб, карагач, сосну смоленую, из которой получаются мачты, сосну белую, сосну красную, ель и пихту.

Обделанные таким образом из сказанных пород деревьев кубы, бруски и доски положить для просушки на свободном воздухе и в месте, которое защищено от дождя и солнца. По обделке же всех кусков перед началом опыта измерить самым тщательным образом их длину, ширину и толщину и определить посредством верных весов тяжесть каждого в фунтах и частях его. После чего, по истечении каждого месяца, свешивать их и измерять подобным образом, как и пред началом опыта, и о результате вести подробный журнал, что и продолжать до тех пор, пока каждый из кусков будет совершенно высушен. А как продолжение времени просыхания зависит более или менее от толщины дерева и от свойства породы каждого, то само собой разумеется, что одни из кусков достигнут своей надлежащей сухости прежде, нежели другие. Предел же совершенной сухости откроется из самых опытов, когда дерево перестанет изменять вес свой в продолжение пяти или шести месяцев времени.

Если по истечении одного года и более подвергнутые опыту куски окажутся не совершенно просушенными, то оставлять и на дальнейшее время, производя равным образом свешивание и измерение их в конце ежемесячного периода времени. По окончании же опытов, когда каждое дерево достигнет надлежащей своей сухости (на что, быть может, потребуется пять или шесть лет), составить таблицу выводов по примеру при сем прилагаемой.

В случае затруднения, могущего встретиться при испытании сего намерения, так как в наличных лесах, находящихся в порте, нельзя иметь совершенно свежих деревьев, которых и время вырубки не может быть известно, то для большой точности выводов предполагаемого исследования просушки леса необходимо будет послать одного из офицеров корпуса корабельных инженеров на место вырубки заготовляемых комиссионерами для Черноморского флота лесов и приготовленное им количество кусков из срубленных при нем деревьев доставить в Николаев для немедленной обделки и произведения желаемых опытов.

О таковом предположении означенной комиссии, под председательством моим учрежденной, я имею честь представить на благоусмотрение и разрешение вашего превосходительства.

Начальник штаба Черноморского флота и портов

контр-адмирал *Корнилов*

ЦГВМА, ф. ШЧФ, 1849, д. 5806, лл. 75—78.
Отпуск.

№ 109

ИЗ ПИСЬМА В. А. КОРНИЛОВА К БРАТУ АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ О СВОЕМ ПОЛОЖЕНИИ В ЧЕРНОМОРСКОМ ФЛОТЕ ПОСЛЕ СМЕРТИ М. П. ЛАЗАРЕВА

14 мая 1851 г., г. Николаев

Благодарю, любезный друг Александр, за письмо твое, в котором ты описываешь разные предположения петербургской публики насчет назначения преемника нашему незабвенному и незаменимому начальнику. Дай бог, чтобы выбор пал на более способного продолжать начатое. Не полагай, чтобы я сошел с арены без особой причины. Память покойного благодетеля моего...[1] священна, а что он скажет, если мы оставим руль в трудные обстоятельства общего несчастия. Нет, я всем твержу, что теперь настоящее время высказать ему нашу признательность к нему, усугубив деятельность, и поддерживать дела в таком виде, чтобы самые недоброжелатели, если такие есть, сознались, что все, что сделано Лазаревым в Черном море, сделано не только хорошо, но и прочно.

Ты прав, что положение мое фальшиво. Имея только случайное и притом косвенное влияние на главные артерии механизма управления Черноморским флотом, на интендантство и строительную часть [здешнюю], я могу подпасть без вины нареканию, но что мне до этого? Буду делать, что могу, и тем исполню завет, напечатленный в примере служебной 50-летней деятельности моего отшедшего наставника. Его всегдашнее правило было: «все службе общественной», и он шел себе по стезе избранной, не развлекаясь почестями, на него сыпавшимися...

В. Корнилов

ЦГАДА, Рукописное собрание биб-ки Зимнего дворца, д. 2156, лл. 137—138. Автограф.

№ 110

ДОКЛАД В. А. КОРНИЛОВА М. Б. БЕРХУ О НЕДОСТАТКАХ ОБОРУДОВАНИЯ ФРЕГАТОВ «КАГУЛ», «КОВАРНА», «ФЛОРА», «МИДИЯ» И КОРВЕТА «ОРЕСТ»

2 июля 1851 г.

На отряде судов, с коим я только что окончил плавание, найдено мною следующее:

1) Вообще такелаж, как стоячий, так и бегучий, самой низкой доброты; пенька слабо вычесана, каболки не ровны и дурно просмолены. На фрегате «Кагул» снасти, только что принятые, рвались; на фрегате «Коварна» без всякой причины, только что вышли из Сева-

---

[1] Одно слово не поддается бесспорному прочтению. Возможно: «бывшего», «былого», «безмерно».

стополя, не имея ни сильного ветра, ни зыби, лопнули два не в давнем времени сделанные крага ватер-штагов. Командиры вообще всех судов отзываются о тросах неодобрительно и находят, что они непомерно тянутся и из них выступает смола при малейшем усилии.

2) Рангоутные деревья вообще слабы. На фрегате «Кагул» грот-мачта перегнута в нескольких местах, хотя и была уже раз перебрана, но продолжает иметь неблагонадежный вид. На фрегате «Мидия» то же самое. На фрегате «Коварна», на котором я имел флаг, по выходе из Севастополя без всякой причины треснула грот-марсовая краспица, и если бы не попутный ветер в Керчь, где я надеялся найти для перемены ее дерево, то я бы вынужден был отослать фрегат обратно в Севастополь.

3) На корвете «Орест» стулья хотя и исправлены, но так плохо, что в кают-компании держать их неприлично, а на фрегате «Флора» в кают-компании всего 6 стульев и эти перевязаны ревантами, и

4) Требуют, чтобы командиры судов принимали мусор английского угля для топлива в камбузах, а не антрацит, через что много терпят койки, такелаж, палубы и вообще все, чему сажа при топке мусором вредна.

Согласно положению о должности начальника штаба, сообщив об этом г. обер-интенданту Черноморского флота и портов, я имею честь довести о сем до сведения вашего превосходительства.

Начальник штаба контр-адмирал *Корнилов*

ЦГВМА, ф. ШЧФ, 1850, д. 5919, лл. 165—166. Отпуск.

№ 111

ДОКЛАД В. А. КОРНИЛОВА М. Б. БЕРХУ О НЕОБХОДИМОСТИ УСТРАНЕНИЯ БЕСХОЗЯЙСТВЕННОСТИ В ХРАНЕНИИ ОРУДИЙ, ЯКОРЕЙ, МЕТАЛЛИЧЕСКИХ ИЗДЕЛИЙ НА РОСТОВСКОЙ ПРИСТАНИ И ПРИНЯТИИ МЕР К ИХ ВЫВОЗУ

3 июля 1851 г.

Осмотрев Ростовскую пристань, имею честь довести до сведения вашего превосходительства, что я нашел склады наши на оной в самом жалком положении.

Вашему превосходительству, конечно, известно, что в настоящее время в Ростове, кроме старых якорей, систерн и прочего, накопилось металлу, доставленного по нарядам последнего времени для Черноморского флота, 325 494 пудов.

Из этого числа:

Орудий	80 000 —
Железа сортового	201 839 —
Стали	278 —
Якорей новой методы	18 377 —
Чугуна переливочного	25 000 —

Эти все вещи лежат теперь разбросанными в самом небрежном виде по прибрежью Дона и ожидают транспортов.

Пушки новейшего чертежа, отлитые с большим тщанием, валяются в илу, без всяких под ними стелюк и даже с незаткнутыми затравками.

Якоря, выкованные с большою точностью по последним моделям, разбросаны на том же прибрежье.

Наконец, железо разных сортов и в том числе кили, штевни и шпангоуты для железных пароходов и барж, хоть и собраны в одну кучу и огорожены кругом деревянным забором, но открыты непогоде, и самое место заливается водой при разлитии реки.

Не стоит уже упоминать о множестве якорей брошенных метод[1], в Ростов в разное время завезенных, о систернах старых, также завезенных и в Ростове проржавевших, и разных снарядах и, по словам комиссионера полковника Броневского, частях механизмов, по берегу открываемых в глине.

Полагая, что такое нехозяйственное положение этих многоценных вещей, столь необходимых для снабжения и содержания в надлежащем состоянии судов, должно обратить внимание вашего превосходительства, я обязываюсь присовокупить:

1) что на многих судах Черноморского флота орудия, предназначенные и заказанные при постройке, до сих пор не поставлены и, конечно, эти орудия находятся между брошенными в глине прибрежья реки Дона;

2) что в Николаевском и Севастопольском адмиралтействах постоянно жалуются на недостатки сортового железа, каковой недостаток вынуждает мастеров прибегать к переделке из сорта в сорт и затем к непомерному увеличению числа мастеровых и трате угля;

3) что настоящий способ транспортировки малыми транспортами подобно «Рымнику», «Ялте» и даже «Арагве» есть самый недействительный, но который между тем требует точно таких же хлопот, ибо транспорты эти получают грузы подобно большим: «Кубани», «Сочи» и прочим, с перегрузок, нанимаемых в Ростове, и, наконец,

4) что для операции перевозки железа, орудий и якорей, столь важной для хозяйства Черноморского флота, следует чиновник, более деятельный г. Броневского и который бы был снабжен бо́льшими средствами и затем обязан бы был строгою ответственностью за неуспех[2].

Начальник штаба контр-адмирал *Корнилов*

ЦГВМА, ф. ШЧФ, 1850, д. 5919, лл. 168—169. Подлинник.

---

[1] Т. е. старых типов.

[2] Доклад В. А. Корнилова был препровожден в Черноморское интендантство с резолюцией М. Б. Берха: «Рассмотреть в общем присутствии интендантства, какие меры должны быть приняты для устранения всех невыгод, происходящих от накопления и неудобного хранения в Ростове металлов, и не будет ли выгоднее складочным местом для оных иметь Керченский порт» (ЦГВМА, ф. ШЧФ, 1850, д. 5919, л. 170).

№ 112

ИЗ ДОКЛАДНОЙ ЗАПИСКИ В. А. КОРНИЛОВА А. С. МЕНШИКОВУ О НЕОБХОДИМОСТИ РАСШИРЕНИЯ ФУНКЦИЙ И ПРАВ НАЧАЛЬНИКА ШТАБА ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА

4 августа 1851 г.

По существующему в Черноморском управлении порядку начальник штаба не присутствует при докладах правителя канцелярии главного командира, обер-интенданта и начальника Ю[жного] округа и потому получаемые главным командиром высочайшие повеления и министерские предписания, равно как представления, вносимые самим главным командиром на высочайшее имя или на имя вашей светлости, возникшие по предметам до интендантства и Ю[жного] округа морской строительной части касающимся, остаются совершенно не известными начальнику штаба до того времени, что он об них случайно осведомится.

При последнем осмотре вашею светлостью заведений Черноморского флота, получив несколько вопросов, на которые я по вышеизложенным причинам отвечать удовлетворительно не мог, ибо не имел необходимых для того положительных сведений, я в обязанности был доложить вам о моем затруднительном положении и, получив ваше приказание, представить мое соображение, как отстранить настоящее неудобство, не изменяя существующего положения, имею честь доложить:

1) Не благоугодно ли будет предложить г. главному командиру все высочайшие повеления и все предписания Морского министерства без исключения приказывать докладывать себе чрез меня, предоставив вместе с тем право доклад этот подготовлять чрез правителя его канцелярии.

2) Равномерно предложить г. главному командиру все новые предположения как по кораблестроительной и вообще по интендантству, так и по морской строительной части, равно как и финансовые диспозиции по той и другой части, также приказать докладывать чрез меня, предоставив мне и по сим предметам требовать необходимые для составления докладов справки и объяснения и также чрез правителя его канцелярии.

3) Представления о назначении, смещении и наградах чиновников производить чрез начальника штаба.

Все эти три статьи нисколько не будут противоречить и напротив подтвердят § 7 высочайше утвержденного образования Главного управления Черноморского флота и портов, в коем сказано: «Начальник штаба есть помощник главного командира по всем частям, входящим в состав штаба...»

Жандр, ук. соч., стр. 346—347.

№ 113

ИЗ ДОКЛАДА А. С. МЕНШИКОВА НИКОЛАЮ I О РОЛИ И ЗНАЧЕНИИ В. А КОРНИЛОВА В ДЕЛЕ РУКОВОДСТВА ЧЕРНОМОРСКИМ ФЛОТОМ

7 августа 1851 г. Секретно.

...Главным орудием покойного адмирала Лазарева ко введению тех усовершенствований по судостроению, вооружению и корабельной морской практике, которыми отличается Черноморский флот, был контр-адмирал Корнилов, даже и в то время, когда еще не был назначен начальником штаба сего флота. Сие побуждает меня думать, что пока тот же Корнилов пользоваться будет одинаковым доверием и у другого главного командира, то существующий порядок не только сохранится, но и в успехах не остановится, а наипаче, когда и главный начальник флота опирается на введенный в одной части порядок, чтобы распространить его и на другую, как сие делает вице-адмирал Берх старанием дать более жизни хозяйственным распоряжениям.

При просвещении современном он имеет еще довольно сил для административных занятий, и посему мне кажется, что изменение личности Главного черноморского управления было бы теперь еще преждевременно.

Слабая часть сего управления есть интендантство, главою которого нужно иметь человека более деятельного и пользующегося лучшим здоровьем, чем вице-адмирал Дмитриев, которого я нашел в расслабленном состоянии и с трудом движущегося.

Адмирал Лазарев был часто вынужден исправлять его промахи посредством других лиц, но не представлял о его удалении из уважения к долговременной службе и в надежде, что сам догадается оставить оную. Бесполезность вице-адмирала Дмитриева и даже могущий произойти вред от его бездействия в настоящем месте побудили меня по соглашению с вице-адмиралом Берхом дать предписание о поручении теперь же контр-адмиралу Метлину вступить в исправление должности обер-интенданта впредь до усмотрения, а вице-адмиралу Дмитриеву внушено с наступлением сентября подать прошение в отставку.

Ежели бы военные обстоятельства потребовали действия всего Черноморского флота в совокупном составе, то, конечно, понадобится назначить оному особого предводителя и дать ход тем из младших адмиралов, в коих при физической бодрости окажутся как энергия, так и способности.

А. Меншиков

ЦГВМА, ф. АМ, 1851, карт. 11, д. 287, лл. 1—2. Подлинник.

№ 114

ДОКЛАД В. А. КОРНИЛОВА М. Б. БЕРХУ О ПРАКТИЧЕСКИХ МЕРОПРИЯТИЯХ ПО ОРГАНИЗАЦИИ ШКОЛЫ ЮНКЕРОВ ФЛОТА

17 августа 1851 г.

Получив приказание г. начальника главного морского штаба его императорского величества[1] на устройство в г. Николаеве в виде опыта юнкерской школы, я прошу ваше превосходительствс разрешить:

1. Собрать всех юнкеров в г. Николаеве.

2. Поместить их в отделении здания общего собрания.

3. Поручить надзор как за учебною, так и за хозяйственною частью старшему адъютанту штаба лейтенанту Унковскому, прикомандировав к нему в помощь еще 3 флотских офицеров.

4. Для соблюдения порядка занятий юнкеров и чтобы все они производились под наблюдением офицеров, обязать каждого на плату учителям, равно как и на расходы, обеспечивающие их жизнь во всех отношениях, по 150 рублей серебром в год и единовременно на первое обзаведение 30 рублей серебром, на следующих условиях: а) годовая плата взносится в два срока — 1 марта и 1 сентября, за каждое полугодие вперед, а единовременная вместе с поступлением юнкера и b) если юнкер поступит в школу после срока означенного полугодия или выбудет по истечении, то в обоих случаях сумма взносится сполна и раз взнесенная не возвращается обратно.

5. Снабжение самыми необходимыми чинами для прислуги и содержателями, означенными в табели прожекта, представленного высшему начальству 31 июля прошлого 1850 года за № 600, предоставить выбрать из ластовых экипажей.

6. Инспекцию над заведением возложить на капитана 1 ранга Юхарина, равно как и присмотр за правильным обмундированием и обучением фронтовой службе, причем он будет обязан снабжать школу всем, что положено, от 2 учебного морского экипажа по положению о юнкерской школе, представленному 31 июля прошлого 1850 года на утверждение высшему начальству.

Начальник штаба Черноморского флота и портов

контр-адмирал *Корнилов*

ЦГВМА, ф. ШЧФ, 1850, д. 5908, лл. 67—68. Отпуск.

№ 115

ПИСЬМО В. А. КОРНИЛОВА БРАТУ АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ О ПОСЕЩЕНИИ АДМИРАЛОМ А. С. МЕНШИКОВЫМ ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА

18 августа 1851 г., г. Николаев.

Спешу наброс[а]ть тебе, любезный друг, грамотку о событиях последнего времени в нашем захолустье, о котором ты желаешь знать.

Кажется, я тебе описывал пребывание на Черном море принца Петра Ольденбургского, которому я сопутствовал. Принц на паро-

---

[1] А. С. Меншикова.

ходе «Громоносец» посетил Одессу, Севастополь, Керчь и южный берег. Это продолжалось около недели. В Симеисе, имении Мальцева, мы с ним раскланялись, и не успел я бросить якорь в Севастополе с намерением отдохнуть несколько дней в семье, как является курьер от адмирала Берха, что светлейший — наш начальник — должен выехать из столицы 7 июля. Нечего делать, пришлось лететь в Николаев. После долгих ожиданий к[нязь] Меншиков 27 июля прибыл к нам. Тут и пошли осмотры. Двое суток в Николаеве, сутки с небольшим в Севастополе, потом осмотр эскадры в море, Ялте, Новороссийске и, наконец, еще трое суток в Николаеве, так что, несмотря на всю деятельность его светлости, он выехал от нас 7 августа в Москву с тем, чтобы встретить там государя императора 15 августа. Я очень рад, что князь побывал у нас, по крайней мере наше положение до некоторой степени разъяснилось и есть надежда, что в продолжение этого месяца или сентября будет окончательно решено. Адмиралу Берху дозволено перебраться в дом главного командира. По болезни (soit disant) интенданта Дмитриева назначен контр-адмирал Метлин [1], мой хороший приятель, и мне, кажется, придется оставаться в этой злополучной стране и в этом грустном городе Николаеве. К[нязь] Меншиков до такой степени был со мною внимателен и любезен, что я не мог и подумать просить об удалении, тем более, что служебные затруднения, о которых я ему передавал и словесно и письменно, он, сколько можно, без изменения существующих положений, отстранил, так что я теперь д о л ж е н знать все; впрочем, все-таки положение мое фальшивое, и да подкрепит и направит меня бог выйти из него с честью.

Теперь у меня опять гость. К. Лукин купил какое-то имение на Днепре с 20 000 десятин лесу и хочет продавать нам лес. Я его обращаю к новому интенданту и, несмотря на неудобство наших отношений, не могу препятствовать явным для казны выгодам, Лукиным предлагаемым, тем более, что мы в лесе нуждаемся и нас прижимают. Лукин на-днях оставляет нас, а завтра мы провожаем нашу добрую адмиральшу [2]. Бог да хранит ее и ее милых детей. Я рад, что они поедут для нее, а самому страшно подумать, что этот залог нашего незабвенного Михаила Петровича нас оставляет и с ее отъездом Николаев для нас с женою преобразится в совершенную пустыню.

Твой весь *В. Корнилов*

ЦГАДА, Рукописное собрание биб-ки Зимнего дворца, д. 2156, лл. 161—162. Автограф.

---

[1] Впоследствии в письме к брату от 30 ноября 1851 г. В. А. Корнилов следующим образом характеризовал Метлина: «Трудно быть с Метлиным за его раздражительный нрав. Но зато он честен, деятелен, умен и тверд. Одним словом, именно такая метла, какая нужна для нашего ослабленного чернильными кляузами и комиссионерскими злоупотреблениями хозяйства. Одним словом, я теперь почти не присутствую при интендантских докладах, тогда как прежде страшно было бы пропустить какую-нибудь бумагу» (ЦГАДА, Рукописное собрание библиотеки Зимнего дворца, № 2156, лл. 165—166).

[2] Лазаревой Е. Т.

№ 116

ДОКЛАД В. А. КОРНИЛОВА М. Б. БЕРХУ О РЕЗУЛЬТАТАХ ОСМОТРА В СЕВАСТОПОЛЕ ЗДАНИЙ И ПОМЕЩЕНИЙ, ЗАНИМАЕМЫХ МОРСКИМИ КОМАНДАМИ И УЧРЕЖДЕНИЯМИ ФЛОТА

26 августа 1851 г.

Осмотрев в Севастополе согласно высочайшего повеления о должности начальника штаба Черноморского флота и портов и разрешения вашего превосходительства, помещения нижних чинов и арестантов морского ведомства, в казармах и на блокшифах, госпиталь, сухие доки, новое адмиралтейство и отряд, возвратившийся из крейсерства у восточного берега, я имею честь представить вам о том, что я нашел заслуживающим особую похвалу, или о тех неисправностях или недостатках, которые, по мнению моему, требуют или взыскания или исправления.

Насчет помещения нижних флотских чинов я имею прибавить к представлению моему в докладной записке г. главному командиру, последовавшей от 1 ноября прошлого 1850 года № 860, 1-е, что прошедшая с того времени зима оправдала некоторые из моих опасений, именно: на кухнях от недостатка паровиков во время варки стоял непроницаемый пар, который, конечно, отнял век и от потолков и от оконных рам; одно из отхожих мест казарм Александровских лопнуло, потому что не было засыпано снаружи, и, наконец, в трехэтажной казарме № 1, занимаемой 38-м и 41-м экипажами в верхних покоях, где оштукатуренные потолки, в октябре было особенно сыро, и 2-е, что, несмотря на пометку г. главного командира о справедливости моего замечания насчет необходимости исправить обе казармы, Александровскую и Губернскую, в этом году, оставив в случае недостатка сумм нары до более удобного времени, инженерное ведомство отделывает с нарами одну Александровскую, а Губернскую, может быть, по недостатку сумм придется оставить опять нетронутою, тогда как я доносил в той же докладной записке о разрушенном ее состоянии и могу прибавить, что если экипажи 37-й, 39-й и 42-й, в них квартировавшие, обошлись без особых болезней, то это по мягкости нынешней зимы, чего на будущий год может и не случиться.

Госпиталь я нашел также с признаками сырости, хоть и были поставлены железные печи взамен камельков, устройство которых по принятому порядку здешних инженеров продолжается другой год и неизвестно, когда кончится, равно как и устроение гауптвахты, хотя г. полковник Лейде и располагал еще в прошлом году летом устроить ее за самую пустую сумму. Странно, что в это время смотритель госпиталя успел переделать приемный покой весьма удобно и скоро кончит ванны, ему порученные...

Инструментальную камеру хоть и разрешено поместить в доме, занимаемом Комитетом сухих доков, имеющим перейти в квартиру

контр-адмирала Новосильского, но к этому до сих пор не приступлено, несмотря, что контр-адмирал Новосильский очистил дом свой еще прошлого года осенью. Непонятная медленность инженерной команды, конечно, не выполнит этой идеи адмирала Михаила Петровича и в нынешнем году.

Маячное депо, устраиваемое в магазине № 6, ожидает только установки систерн, которые совершенно готовы, и шкафов, заказанных штабс-капитаном Мейнардом для кладовой, что также пора привести в исполнение.

О работах по сухим докам я имею честь доносить вашему превосходительству особым рапортом от 21 марта и прибавляю только, что при осмотре водопроводной канавы в тех местах, где ее обкладывают, я нашел, что она, судя по трудности разработки при встрече с каменным грунтом, идет довольно успешно, хотя и не может быть окончена прежде трех лет с настоящими средствами, до чего придется наливать доки машиной, ныне состоящей по объявлению полковника Уптона и механика Овена в совершенной исправности.

Осмотр отряда контр-адмирала Новосильского, возвратившегося от восточного берега, я произвел довольно подробно и нашел отряд в надлежащем виде, суда в боевом порядке в отношении и к материальной и к персональной части, кроме некоторых неважных недостатков, о которых я сообщил по принадлежности; причем считаю долгом свидетельствовать о найденном мною блестящем во всех отношениях порядке на бриге «Орфей» и шкуне «Дротик», равно как и в пользу потерпевшей в Новороссийске шкуны «Ласточка», которую я осматривал и удостоверился, что командир ее капитан-лейтенант Воеводский сделал при этом несчастии все, что мог сделать отважный, распорядительный и знающий морской офицер, и что поэтому шкуна понесла самые ничтожные повреждения.

В заключение позвольте доложить вашему превосходительству, что, осмотрев все почти казенные здания Севастополя и Николаева, я нашел, что везде работы стоят за нераспоряжением инженерного начальства, по неутверждении диспозиции нынешного года, и что если представление этой диспозиции по положению, утвержденному в начале января, не будет немедленно представлено, то повторится случай прошлого 1849 года, когда инженерные работы в явный подрыв государственного интереса начались в осеннее время, так что главный командир принужден был приказать прекратить некоторые из них [по] позднему времени.

Начальник штаба контр-адмирал *Корнилов*

ЦГВМА, ф. ШЧФ, 1850, д. 5919, лл. 61—67. Отпуск.

№ 117

ИЗ ПИСЬМА В. А. КОРНИЛОВА БРАТУ АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ О СВОЕЙ РАБОТЕ И ФИНАНСОВЫХ ЗАТРУДНЕНИЯХ

9 ноября 1851 г., г. Николаев

Кажется, мне не дождаться от тебя письма, любезный друг Александр. Ты не балуешь меня весточками о вас, дорогих моему едва дышащему сердцу. Не смейся выражению, оно правильно и верно. Я всякий день более и более замечаю, что приближаюсь к счастливому состоянию К...[1], когда он отвечал диаволу: «Не тронь меня, ей богу, души вовсе нет, одно только усердие!» Вот, послезавтра я покачу усердствовать в Севастополь. Дай бог только совершить путешествие до заморозок, а то придется из Одессы — на таратайке, что будет тяжеловато. В Николаеве усердие мое до того дошло, что случаются минуты, что самому хочется над собою смеяться, да и нельзя не сознаться, смешную роль часто разыгрываю. Читал ли ты роман Eugéne Sue «La Salamandre», если не читал, то, сделай дружбу, прочти. Там есть капитан корвета — это мой главнокомандующий, и есть Дон-Кихот в роли старшего лейтенанта — это твой брат. Но что об этом, если захочешь знать подробности нашей здесь жизни, обратись к Унковскому. Он тебе все расскажет, я только прибавлю, что на таком основании у меня сил не хватит оставаться более полугода еще.

Теперь же перейду к другой стороне нашей жизни, к моим финансовым обстоятельствам: плохи они; скажи, есть ли надежда на аренду. Ведь мое содержание то же, а чтобы разыгрывать роль лейтенанта Paul, приходится тратить более, чем прежде.

Эти поездки, в которых я по прошлому обычаю, как старший, всех кормлю и пою! Да и дом нельзя же запереть, приходится раз в неделю позвать кого-либо, а то со всеми раззнакомишься. Да, очень плохи финансы. Лукин что-то не посылает. В. Львов грозит голодом крестьян. В. Сергеевский только что обещает. А между тем я должен здесь 700 р. серебром и не знаю, как пополнить. Тверскову поручил распродать высочайшие табакерки[2], да не знаю, что он сделает...[3]

...По письму Е. Т[4]. Федя и Ваня приняты в 1-й корпус, а Таня в Екатерининский институт.

---

[1] Так в подлиннике.

[2] Т. е. табакерки, подаренные В. А. Корнилову царем.

[3] В. А. Корнилов до конца своей жизни испытывал материальные затруднения. Имевшееся у него незначительное родовое имение в Тверской губернии было дважды заложено — в Государственном заемном банке в 1841 г. и в Петербургском опекунском совете в 1845 г. В первом — на сумму в 2880 рублей, а во втором — в 5760 руб. После смерти В. А. Корнилова у него осталось до 20 тыс. руб. частного долга (ЦГВМА, ф. ИДММ, 2-е отд., 2-й стол, 1854, д. 17, л. 1).

[4] Е. Т. Лазаревой.

Поцелуй за меня ручку у нашей доброй Annette, скажи ей, чтобы не сетовала на сюрприз этот. Бог ее не оставит, и [из] корпуса выходят молодые люди ничем не хуже премудрых лицеистов. Пример— М. П. Лазарев и другие.

Весь ваш. Тебя обнимаю. *В. Корнилов*

ЦГАДА, Рукописное собрание биб-ки Зимнего дворца, д. 2156, лл. 163—164. Автограф.

№ 118

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА В. А. КОРНИЛОВА М. Б. БЕРХУ О РЕЗУЛЬТАТАХ СМОТРА СУДОВ, ВОЗВРАТИВШИХСЯ ИЗ ПЛАВАНИЯ, А ТАКЖЕ ЛИНЕЙНЫХ КОРАБЛЕЙ И БЕРЕГОВЫХ ЭКИПАЖЕЙ

27 ноября 1851 г.

В последнюю бытность мою в Севастополе я осматривал на рейде возвратившиеся из отряда контр-адмирала Мессера [1] от Абхазских берегов корвет «Андромаха», бриг «Аргонавт» и шкуну «Ласточка», равно как прибывший из-за границы бриг «Эней» и нашел их во всех частях в отличной исправности и чистоте, а при производстве по сигналам разных работ и маневров вполне убедился, что команды судов сих во время нахождения их в крейсерстве у Абхазских берегов и «Эней» за границею были обучаемы всем работам и действиям на судах с большим усердием и правильно, за что считаю справедливым объявить командирам особенную похвалу начальства.

Кроме судов на рейде, я осматривал все линейные корабли в гавани и экипажи 28, 29, 31, 34, 37 и 39 в отношении выправки людей, ружейных приемов и содержания ружей, обмундирования и вообще домашнего обзаведения матросов и должен особенно представить вниманию вашего превосходительства командира 34-го экипажа капитана 1 ранга Варницкого, у которого нашел все части в блестящем порядке.

Обо всем этом я приятным долгом поставляю довести до сведения вашего превосходительства. Касательно же снабжения осмотренных мною мелких судов, на рейде бывших, оно оказалось вполне удовлетворительным, исключая стульев на корвете «Андромаха» и даже бриге «Эней», которые продолжают не соответствовать прочему, хотя и содержатся гораздо лучше, чем находил я их на прежних моих смотрах, и потому полагал бы необходимым принять меры, чтобы суда понемногу получали стулья нового, более прочного образца и в штатном числе, и тогда содержание их в надлежащем виде можно будет отнести на совершенную ответственность командиров, ибо стулья старого образца при всей осторожности офицеров в кают-компании не могут выдерживать требуемой от них службы.

Состояние кораблей я нашел удовлетворительным, кроме ранго-

---

[1] П. Ф. Мессер (1812—1864 гг.). Контр-адмирал, командир 3-й бригады 4-й флотской дивизии.

утов, которые, быв сделаны не из деревьев положенного достоинства, вообще слабы и беспрерывно исправляются, что особенно важно в стеньгах и нижних реях. Сии последние за недостатком стеньговых лесов начали делать не из двух, а из нескольких деревьев, но, зная по опыту, как последнее неудобно и вредно, ибо лишает судовых командиров уверенности в безопасном подъеме барказов и тяжестей, в смелой брасопке парусов и служит причиною частой потери марса-реев при опускающихся с отдачею топенантов ноках таких нижних реев от недостатка твердости общей связи деревьев, их составляющих, я не могу не пожалеть о таковой крайности. Система нижних реев, составленных из многих штук, была испытана и брошена в английском адмиралтействе по той же причине. Представляя о недостатках в снабжении судов на усмотрение вашего превосходительства, позвольте просить обратить на сей последний предмет при настоящем заготовлении особенное внимание обер-интенданта, дабы сделаны были все возможные усилия о приобретении положенных регулами стеньговых деревьев как для корабельных стеньг, так и для делания нижних реев из 2 стеньговых же штук.

Начальник штаба Черноморского флота и портов
контр-адмирал *Корнилов*

Резолюция вице-адмирала М. Б. Берха: «Согласен, как относительно объявления признательности начальства, так и сообщения интенданту о рангоутных лесах».

ЦГВМА, ф. ШЧФ, 1849, д. 5814, лл. 47—51. Подлинник.

№ 119

ИЗ ПИСЬМА В. А. КОРНИЛОВА БРАТУ АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ О СВОЕМ СЛУЖЕБНОМ И ФИНАНСОВОМ ПОЛОЖЕНИИ

26 декабря 1851 г., г. Николаев

Поздравляю вас, дорогие друзья Александр и Софи, с наступающим новым годом, желаю вам всего, что только истинный друг пожелать может. Лиза и дети присоединяют и свои к моим поздравления и пожелания, а старшие мальчики сами пишут. Поздравляю также с арендой, за часть, которая пришлась на мою долю, благодаря любезного друга Александра, как виновника. Если бы ты не догадался пустить в ход прошение, то мы бы не имели ни гроша, и я бы теперь был в большом затруднении со своим свитским воротником, потому что расчисления твои о следуемых будто мне свитских столовых, к моему крайнему огорчению, неверны. В Своде законов сказано самым ясным образом, что давать в таком только случае, когда столовые по занимаемому месту не превышают, а мои далеко превышают. Итак, вся прибавка моего содержания ограничится арендой покойного батюшки, т. е. 3500. Несмотря на это, Иванов-

ское будет освобождено от всяких пособий, тем более, что, по письму моего почтенного друга В. Л., там плохой урожай. С прошлой почтой я известил ее и о милости царской, и о том, чтобы она не беспокоилась о моих финансах, которых курс идет в гору. Насчет аренды я получил извещение и от Жандра, но ни по твоему письму, ни из бумаги Жандра не видно, откуда буду получать ее; я бы желал из Херсонского губернского казначейства.

Благодарю тебя, любезный друг, за заказанное обмундирование; если 13-го оно отправилось, то скоро будет здесь; боюсь только, что Майблюм опять что-нибудь напроказничает. На-днях я от него получил виц-мундир флотский, и опять не те пуговицы; разве он не знает, что к адмиральским виц-мундирам положены пуговицы с орлами? Прошлый раз я на всю присылку перешивал пуговицы, ведь, это мне стоит денег и, кроме того, здесь нет хороших материалов... Сигары твои поехали с вещами Лазаревых, дай Бог им благополучно доехать. Признаться, я всегда в беспокойстве о посылаемых к тебе вещах, требующих особого ухода; ведь такое чертовское расстояние и такое допотопное сообщение. Насчет сомнений твоих о мадере, конечно, все разрешилось. Подробный счет мною отправлен тебе и при том извещение, что четыре ящика этого благородного пития лежат в моем погребе и ожидают весны. На всякий случай, чтобы за нашей перепиской не пришлось в Лондоне ждать денег, чего англичане даром не делают, то я с этою же почтою пишу Кремеру, чтобы удовлетворил Пейрона за мадеру из имеющегося у него там кредита, а ты затем уже, если не послал туда денег, то не посылай...

О вытребовании меня в Петербург я писал Лутковскому[1] прежде еще твоего письма, но когда подумаю об этом, то страх берет. Ты не можешь себе представить, в каком я неприятном здесь положении; вот что называется «перевернешься — бьют и не довернешься — бьют!» Без всякого официального признания властию я нравственно ответственное лицо за все. Мне сказано, что государь на меня одного полагается, а между тем окончательные резолюции на всякую бумагу пишет другой, и я очень часто узнаю об них после, когда они уже состоялись, и, может быть, не о всех. Приезд мой в Петербург даст мне случай объяснить князю это, но вряд ли можно пособить до времени такому ходу дела, с другой же стороны, оставить здешний край на месяц опасно, теперь же наступает время разных распоряжений по строительной части, которая наиболее требует надзора...

Весь твой *В. Корнилов*

ЦГАДА, Рукописное собрание биб-ки Зимнего дворца, д. 2156, лл. 169—173. Автограф.

---

[1] Лутковский Феопемпт Степанович — контр-адмирал. Был привлечен в 1826 г., как подозреваемый в заговоре, к следствию по делу декабристов, в результате чего переведен в Черноморский флот «под особенный надзор» начальства. Несколько лет состоял при генерал-адмирале в качестве начальника штаба отряда плавающих с ним судов. С 1848 г. — вице-директор Инспекторского департамента Морского министерства. Умер 20 апреля 1852 г.

№ 120

ДОКЛАД В. А. КОРНИЛОВА М. Б. БЕРХУ О ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ ЗАМЕНЫ НА КОРАБЛЯХ ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА МЕДНЫХ ЯЩИКОВ ДЛЯ ХРАНЕНИЯ ПОРОХА ЦИНКОВЫМИ ЯЩИКАМИ

22 января 1852 г.

Употребление на военных судах пороховых медных ящиков в деревянных футлярах по образцу английских продолжается в Черноморском флоте около 20 лет. Ящики эти не могут похвалиться прочностью, ибо деревянные футляры часто ломаются и затем требуют ремонта. Англичане уже несколько лет заменили медные пороховые ящики цинковыми и без всякого футляра. Они нашли, что первые и дороги при первоначальном изготовлении и через деревянные футляры требуют, как и у нас замечено, частого ремонта, занимая притом более места в крюйт-камерах; между тем как цинковые и дешевле и поместительнее.

В 1848 г. в Англии собственно для опыта была снабжена крюйт-камера парохода кавказского корпуса «Эльборус» цинковыми ящиками по примеру английского военного парохода «Oberon», по линиям которого «Эльборус» был построен. Результат этого опыта мне неизвестен. Полагая, что введение цинковых ящиков по примеру английского военного флота будет для казны выгодно, а собственно для судов полезно, увеличив на том же пространстве помещение пороха, я имею честь передать это на благоусмотрение вашего превосходительства, дабы в случае вашего одобрения мнение это было сообщено для ближайшего соображения г. обер-интенданту. Может быть, контр-адмирал Метлин по истребовании от кого следует подробных для своих соображений сведений найдет и с своей стороны выгодным изготовлять цинковые ящики для новых судов вместо требующихся медных в футлярах.

Начальник штаба контр-адмирал *Корнилов*

ЦГВМА, ф. ШЧФ, 1852, д. 6155, лл. 3—4. Отпуск.

№ 121

ПИСЬМО В. А. КОРНИЛОВА ДЕЖУРНОМУ ГЕНЕРАЛУ ГЛАВНОГО МОРСКОГО ШТАБА ВИЦЕ-АДМИРАЛУ Л. Л. ГЕЙДЕНУ С ПРОСЬБОЙ УТВЕРДИТЬ ПРОЕКТ ПОЛОЖЕНИЯ ЮНКЕРСКОЙ ШКОЛЫ В НИКОЛАЕВЕ

5 мая 1852 г., г. Николаев

Милостивый государь
граф Логгин Логгинович!

Прочитав проект «Положения о корпусе морской артиллерии», я согласно желания вашего сиятельства имею честь приложить об нем

мое мнение и при мнении этом состав судовой и портовой частей, который полагаю достаточным для Черноморского флота. Равномерно прилагаю сокращенный проект Положения об юнкерской школе в Николаеве.

Весьма бы желал, чтобы последний удостоился высочайшего утверждения в том виде, в каком он нами составлен. Кажется, новый нельзя упрекнуть излишним объемом. Утверждение этого Положения для нас весьма важно, оно избавит нас от необходимости держать в школе прикомандированных офицеров, что при настоящем их недостатке весьма чувствительно, равно как и даст средства иметь лучших учителей.

Смерть Лутковского[1] здесь нас всех сильно огорчила. Дай бог вам такого же добросовестного и усердного помощника в его преемнике.

Прошу принять уверение в совершенном моем почтении и преданности, с коими имею честь быть вашего сиятельства покорным слугой

В. Корнилов

ЦГВМА, ф. ИДММ, 1853, д. 749, лл. 9—10. Автограф.

№ 122

ПРОЕКТ ПОЛОЖЕНИЯ ЮНКЕРСКОЙ ШКОЛЫ ПРИ ГЛАВНОМ УПРАВЛЕНИИ ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА И ПОРТОВ

1852 г.

§ 1. Учреждение школы имеет целью соединить всех юнкеров вместе под один надзор для приучения к должной военной дисциплине, к правильному образу жизни и с меньшими издержками дать однообразное образование в науках, необходимых морскому офицеру.

§ 2. Школа, подобно Морскому кадетскому корпусу, причисляется к 1-му разряду военно-учебных заведений.

§ 3. Служащие при школе и преподаватели наук пользуются правами таких же чинов Морского кадетского корпуса.

§ 4. Принимаются в школу дети из дворян не моложе 15 лет и имеющие права на поступление в юнкера флота.

§ 5. Для поступления в школу должно знать весь кадетский курс Морского корпуса.

§ 6. В школе должен быть пройден в 3 года весь гардемаринский курс по программе Морского кадетского корпуса.

---

[1] См. примечание к документу № 119.

§ 7. Годовая плата за содержание каждого юнкера — 150 рублей — вносится в два срока: 1 марта и 1 сентября за каждое полугодие вперед и, кроме того, при поступлении единовременно 30 рублей на первоначальное заведение обмундирования и бельевых вещей.

§ 8. Юнкера, удостоенные к производству в мичмана, пользуются милостью государя императора по примеру гардемарин Морского корпуса, т. е. пособием на обмундирование.

§ 9. Для практического обучения юнкера посылаются ежегодно в море в летнее время до 3 месяцев при своем ротном командире и офицерах на двух фрегатах и получают порционные деньги по положению.

§ 10. Форма одежды: a) все занимающие штатные при школе места линейные носят общий флотский мундир, классные — мундир морского ведомства, b) юнкера имеют обмундирование от казны по табели, высочайше утвержденной для унтер-офицеров флотских экипажей, и, кроме того, домашнюю куртку на счет суммы школы гвардейского темнозеленого сукна без галуна на воротнике, погоны того же сукна, обшитые узким галуном, и брюки серого сукна, летом нанковые.

§ 11. Школа помещается в казенном здании, которое содержится и отапливается из сумм черноморского ведомства на основании положения всех казенных зданий.

§ 12. Сумма на первоначальное заведение школы отпускается от казны; впоследствии школа, за исключением провианта, мясной порции и обмундирования по табели, от казны, кроме помещения, согласно § 11, ничего не требует.

§ 13. На мундирные материалы, провиант и мясную порцию отпускаются деньги по поставочным ценам каждый год из сумм Черноморского интендантства по числу 70 человек; если же в продолжение года комплект юнкеров будет неполный, то остаточная сумма присчитывается к следующему году.

§ 14. Инспектор школы наблюдает за правильностью расхода сумм и вообще за воспитанием юнкеров, а также за дисциплиною всех чинов, школу составляющих, и за порядком при обучении фронтовой службе; во всех случаях, выходящих из постановления о школе, представляет через начальника штаба Черноморского флота и портов на разрешение главного командира.

§ 15. К обязанности ротного командира присоединены обязанность инспектора классов, эконома и казначея. Все приходы и расходы сумм записываются по предписаниям инспектора школы.

§ 16. Строевой состав и штат школы юнкеров [1].

---

[1] См. ведомость «Добавочное содержание из сумм школы» (стр. 160).

ДОБАВОЧНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ИЗ СУММ ШКОЛЫ

	Число	Серебром руб.	Серебром коп.	
Инспектор из контр-адмиралов флота или штаб-офицер	1			
Ему столовых		300	—	
Ротный командир (из флота штаб-офицер, может быть и лейтенант)	1			В походе получает столовые от казны, как командир гардемаринской роты
Ему столовых		150	—	
Ротных офицеров (из лейтенантов)	3			
Им столовых по 85 руб.		255	—	
Юнкеров (Из них фельдфебель 1 и старших юнкеров 4)	70			
Каптенармус 1, Вахтер 1, Писарь 1, Фельдшер 1 — Им добавочного жалования по 24 руб.		96	—	Все чины сии прикомандировываются из служительских ластовых рот
Повар ст. 1. Ему добавочного жалования		15	—	
Повар млад. 1. Ему добавочного жалования		9	—	
Рядовых для прислуги . . .	14			От 2-го учебного экипажа
Барабанщик	1			
Горнист	1			

Для обучения фронтовой службе назначаются унтер-офицеры от 2-го учебного экипажа.

§ 17. Все преподаватели наук получают жалование по числу занятых часов, полагая за каждый час по 15 руб. серебром в год. По усмотрению инспектора жалованье может быть прибавляемо из остаточных сумм с разрешения г. главного командира.

§ 18. Школа находится под непосредственным начальством главного командира, он утверждает избранных преподавателей и назначает каждый год особую комиссию для публичного испытания юнкеров в науках, удостоенных к производству в офицеры.

Контр-адмирал *Корнилов*

ЦГВМА, ф. ИДММ, 1853, д. 749, лл. 11—13.
Подлинник.

№ 123

ИЗ ПИСЬМА В. А. КОРНИЛОВА БРАТУ АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ ОБ УСЛОВИЯХ РАБОТЫ НА ПОСТУ НАЧАЛЬНИКА ШТАБА ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА

30 мая 1852 г., г. Николаев

Вчера прибыл г. Шатель с Скуратовым, кланяюсь тебе в ножки за Шателя. Он нам нравится, и я надеюсь, что дети в нем будут иметь полезного наставника, и надзор его за моими добрыми мальчиками успокоит меня и жену насчет их. Прибытие его было и весьма кстати. Первого июня, т. е. послезавтра, мы оставляем Николаев. Жену с детьми везу на южный берег Крыма, там мы наняли дом на жаркое время. Сам я иду в поход на фрегатах для осмотра портов, но, увы, нельзя будет плавать более двух недель, т. е. до 15 июня, прежде это был месяц моих каникул. Мои занятия здесь не уменьшаются, напротив, растут до отчаяния. Скоро я махну рукой и скажу, как говорят наши матросы: «Всей казенной работы не переделаешь». Метлин уехал и нашел легко [место] в интендантстве. Конечно, если господь бог даст терпение и силу, то все обойдется. Не могу похвастаться и здоровьем, ревматизмы меня не покидают. Мой главнокомандующий недавно возвратился из путешествия, и опять пошли недописанные или переписанные резолюции и в предупреждение их докладные записки мифа здешнего Управления — начальника штаба [1]. Опять пошли борьба и ухищрения неутомимых негодяев здешнего гнезда опутать и завладеть болваном, брошенным царствовать над болотами нашими; опять заше-

[1] Неопределенность положения В. А. Корнилова на посту начальника штаба Черноморского флота, как об этом свидетельствует ряд документов (см. документы № 105, 109, 115, 117, 119), в значительной мере затрудняла нормальную работу Корнилова. Во время пребывания к Крыму адмирала Меншикова Корнилов 4 августа 1851 г. представил ему докладную записку, в которой просил урегулировать его служебные взаимоотношения с главным командиром Черноморского флота (см. документ № 112). Меншиков разрешил Корнилову обращаться непосредственно в Главный морской штаб, однако реальных прав по должности не предоставил. Не изменилось положение и после посещения Черноморского флота Николаем I. В письме к брату от 3 ноября 1852 г. Корнилов сообщал: «Прощаясь со мною [государь], изволил сказать: «Что ожидал, что исполню обещанное?»

Понимай, как знаешь!

За всем тем я генерал-адъютант, вице-адмирал, но тот же начальник штаба, который должен всех уверять или всем намекать, что ему велено за всем смотреть, на все сердиться и что всякая вина ему на спину ложится. Трусливые этому верят, а смелые или сомневаются, или вовсе не верят.

Не знаю, долго ли положено держать нас всех в этом неестественном, фальшивом положении, но я не думаю, чтоб я, несмотря на все отличия, которыми осыпан и которых, может быть, не стою, мог выдержать долго такой порядок: не станет ни сил, ни здоровья, да и боюсь ни за что, ни про что попасть в ответ. Государь мне много лично задал дел здесь, а как я их выполню, когда у меня нет другой власти, как власть Берха, которого формально не слушают. Кашин подает в отставку, надо вместо него надлежащего человека. Того и смотри, что назначение выйдет без моего участия, подобно вышедшему уже по представлению Берха к нему в чиновники особых поручений, тогда я на все готов, тем более, что я князя Меншикова предупредил» (ЦГАДА, Рукописное собрание биб-ки Зимнего дворца, № 2156, л. 187).

велились партии скрытых врагов покойного Михаила Петровича [1], состоящих большею частью из людей, им облагодетельствованных. Но всего не исчислить, с чем приходится возиться. И это все делается из-под юбки старой, слабоумной женщины, каков Берх! Но всему бывает конец, к моему утешению. Следовательно, будет же когда-нибудь [конец] и моему теперешнему тяжкому положению.

Смерть Лутковского меня душевно огорчила. Это был добрый гений нашего флота, существо, данное небом благонамеренной части нашего морского сословия. Лутковский был незаметным, но необходимым звеном, которым эта благородная партия присоединялась к князю, министру и к генерал-адмиралу, рано или поздно долженствующая иметь в руках своих флот наш. Не знаю, кто заменит и как заменит Феопемпта Степановича в его трудной роли, знаю только, что вряд ли я найду в новых такого верного друга, каковым он был для меня всегда, а за что, сам не знаю. Очень жаль, что брат его передумал итти в Черное море; я совершенно уверен, что мы бы с ним сошлись. Впрочем, бог знает, может быть, я сам здесь ненадолго.

Очень рад, что Матюшкин назначен вице-директором [2], по крайней мере, честный, благонамеренный человек и наш черноморский, свой.

Благодарю тебя, любезный друг, за посылку: за сюртук и сапоги. Заплати за последние по счету Пемо, а деньги возьмешь из тех, которые В. С. Новосильцев должен тебе передать, 166 руб., истраченных мною для его сына в Николаеве. Об этих деньгах я писал Василию Новосильцеву. Когда получишь, из них заплати Екатерине Тимофеевне [3] то, что мы ей должны. Ты ничего не пишешь о своем вине, получено ли оно и как доехало. Если так, как вещи Лазаревых, то крайне жаль. Ты, конечно, знаешь о несчастии, нас посетившем: мы лишились нашего ангела Маши, бедная девочка умерла ужасною болезнию, с осени хворала. Я застал ее — одни кости, потом она в моих глазах скончалась, прострадав 24 часа конвульсиями. Мы похоронили ее с двумя другими ангелами нашими — Володей и Сонечкой; может быть, и самим придется лечь около них в смиренном Николаеве.

Письмо это отправляю с старым сослуживцем моим лейтенантом Федоровичем (Иосиф Иосифович), ныне он офицером юнкерской школы, которую я лелею, как свое дитя. Приласкай Федоровича, и так как у него есть дело, то расспроси его, в чем оно состоит, и дай совет, а если можно, то и пособи, ты этим меня особенно обяжешь...

Прощай, добрый друг мой, пиши; знай, что известие о тебе получаю только чрез тебя и потому не лишнее хоть в месяц раз бросить грамотку на почту, ведь я нахожу же время, а, право, у меня более работ и забот, чем у ваших сенаторских величеств [4]. Весь твой

В. Корнилов.

ЦГАДА, ф. Рукописного собрания биб-ки Зимнего дворца, д. 2156, лл. 174—177. Автограф.

---

[1] Лазарева.

[2] Контр-адмирал Ф. Ф. Матюшкин был назначен вице-директором Инспекторского морского департамента 29 апреля 1852 г.

[3] Лазаревой.

[4] А. А. Корнилов был сенатором.

№ 124

ДОКЛАД В. А. КОРНИЛОВА М. Б. БЕРХУ О НЕОБХОДИМОСТИ НАЛОЖЕНИЯ ВЗЫСКАНИЙ ЗА НЕБРЕЖНОЕ ХРАНЕНИЕ ОРУДИЙ НА РОСТОВСКОЙ ПРИСТАНИ

20 июля 1852 г.

Посетив сего 12 июня Ростовскую пристань, я нашел ее в отношении складов железа, принадлежащего кораблестроительной экспедиции, совершенно в другом виде, как она была в прошлом году[1]. Мелкое железо в числе 200 тыс. пудов почти все очищено, за исключением 3000 пудов, имеемых вскоре также отправиться. Переливочный чугун также почти большею частью перевезен. Якоря начаты и значительное число тяжеловесных уже за гирлами; вновь же подвозимые ставятся по берегу на устоях, а не разбрасываются по прибрежью, как прежде водилось, и последнее по настоянию комиссионера делается от подрядчика.

В отношении же артиллерии, находящейся на Ростовской пристани, я должен доложить вашему превосходительству совершенно противное: прекрасно отлитые новейшей формы орудия набросаны по берегу у самой воды, дулами к ней или в глине, без пробок и с открытыми, подверженными ржавчине затравками, а подрядчик, законтрактованный артиллерийскою экспедициею для перевоза, до сих пор не дотронулся ни до одной и, как я слышал, не может найти судов, тогда как в исходе этого месяца ожидают малой воды и, значит, прекращения выгодной навигации по Дону.

Комиссионер Рюмин делает, что может, устанавливает на возвышении стелюги для вновь ожидаемых орудий из Дубовки, но артиллерийская экспедиция с самого времени прошлогодней моей докладной записки к вашему превосходительству, в которой я изображал разорительную казне небрежность содержания орудий на Ростовской пристани, никаких распоряжений не сделала, тогда как следовало бы ей не ограничиваться пустыми переписками, которыми она более занимается, принять самые деятельные и действительные меры для отвращения зла, собственно в ее кругу действий совершающегося.

Представляя на усмотрение вашего превосходительства таковую непростительную упустительность артиллерийской экспедиции, я имею честь просить не оставить взысканием с кого следует и вместе с тем докладываю, что, желая по возможности отвратить предстоящую орудиям зимовку на Ростовской пристани в описанном мною неудобном для них положении, я решился разрешить полковнику Рюмину в случае успешного окончания перевоза железа, кораблестроительной части принадлежащего, грузить на приходящие казенные транспорты и орудия, имея в виду при неожиданной состоятельности подрядчика[2] отпу-

---

[1] См. документ № 111.

[2] Так в подлиннике.

скать ему вместо таким образом взятых на казенные транспорты из числа ожидаемых орудий вновь из Дубовки.

Оканчивая донесение это, долгом считаю доложить, что действия по транспортировке комиссионера полковника Рюмина и командира парохода «Инкерман» лейтенанта Руднева вполне одобрительны, и последний своей неутомимой деятельностью заслуживает особую благодарность начальства, и что посланные в Ростов три баржи при пособии парохода «Инкерман» совершенно соответствуют своему назначению.

Начальник штаба свиты его величества
контр-адмирал *Корнилов*

Резолюция вице-адмирала М. Б. Берха: «Лейтенанту Рудневу объявить особенную благодарность начальства, г. управляющему интендантством предписать принять строгие меры к отвращению описанных здесь беспорядков в хранении орудий и о распоряжении по сему поводу донести».

ЦГВМА, ф. ШЧФ, 1852, д. 61, лл. 1 и 14.
Подлинник.

№ 125

ЗАКЛЮЧЕНИЕ В. А. КОРНИЛОВА О СОСТОЯНИИ АРТИЛЛЕРИЙСКОЙ ПОДГОТОВКИ НА СУДАХ 4-й ФЛОТСКОЙ ДИВИЗИИ[1]

25 октября 1852 г.
Конфиденциально

Присутствуя при пальбе в цель на судах дивизии, вверенной вашему превосходительству, я с особым удовольствием имею честь свидетельствовать, что на них пальба производилась правильно и удовлетворительно и ученье выказывает постоянное внимание судовых командиров к их обязанностям; к сему, однако, считаю долгом присовокупить, что для всегда полезного усовершенствования этой важной части корабельного порядка желательно бы было, чтобы судовые командиры обращали особое внимание на исправное состояние прицелов и замков, ибо на некоторых судах я заметил неверность первых и на многих случались осечки, непременное следствие или дурного состояния самого замка или пистона, или дурной методы при обучении, равно как чтобы они старались достигнуть большей быстроты в прицеливании, для чего усилили бы одиночные ганшпугные учения, столь много содействующие навыку комендоров и находящихся с ганшпугами к своему делу. Кроме вышеизложенного, осматривал тревогу на кораблях «Гавриил» и «Святослав» и на фрегате «Коварна» и нашел, что выход абордажных партий и распределение между их орудий, равно как неко-

[1] Заключение было направлено начальнику 4-й флотской дивизии контр-адмиралу Ф. М. Новосильскому и в копии для сведения начальнику 5-й флотской дивизии вице-адмиралу П. С. Нахимову.

торые другие статьи тревоги, требуют лучшего расчета, ибо вообще при этом принимается за правило:

1) Первые абордажные партии, следующие из-за стрелков к нападению на неприятельское судно, преимущественно вооружать легким оружием, как то: пистолетами, саблями и интрепелями, по неимению же пистолетов — одними саблями и интрепелями.

2) Шканечными и баковыми орудиями при начале абордажа по возможности действовать, как орудиями большого калибра, поставленными на высоте, через что весьма выгодными для картечных выстрелов.

3) Сообщение между деков, столь важное и для вызова людей, назначенных к управлению парусами, следует быть самое удобное, иные для этого устраивают особые веревочные между люков трапы; к тому же закрытие люков без особой причины мешает выходу дыма.

4) Занавеси в местах, через которые следуют кокора, делать в самом сжатом размере, наблюдая притом, чтоб на кубрике место для операции могло быть всегда освещено фонарями, быв ограждено от подачи картузов и, кроме того, чтобы оно имело удобные трапы сверху для приноса раненых и, наконец,

5) Поверять почаще быстроту подачи картузов из крюйт-камер, примерными крюйт-камерными ученьями, заставляя для сего в продолжение 5-минутного батального огня подавать к орудиям вместо картуза пыжи, но только с точным наблюдением, чтоб подавалось по одному пыжу. Впоследствии число этих пыжей покажет возможное число выстрелов, ибо хорошо приобученная команда всегда будет заряжать орудия скорее, чем подача картузов из корабельных и даже всякого фрегата крюйт-камер.

Сообщив эти мои заключения для сведения вашего превосходительства, считаю позволительным присовокупить, что для достижения более удовлетворительных результатов обучения комендоров орудиями и особенно самых артиллерийских кондукторов, состоящих во флотских экипажах, я с своей стороны признаю весьма полезным учить и тех и других ежедневно по мере возможности на учебном корабле, приписанном к дивизии вашей, поручив главный надзор за этими учениями флотскому штаб-офицеру из наличных командиров кораблей или фрегатов по выбору вашему, ибо для сообщения и комендорам, и артиллеристам всего, что должно от них требоваться на судне и что должно перейти через них судовой команде, недостаточно одних познаний артиллерийского офицера, сверх же помянутого практического обучения для артиллерийских кондукторов на том же учебном корабле, необходимо бы назначить другой им класс, в котором бы ежедневно, также в определенное время, старший дивизионный артиллерийский офицер или кто другой по вашему выбору занимал бы их теорией артиллерии.

Генерал-адъютант вице-адмирал *Корнилов*

ЦГВМА, ф. ШЧФ, 1852, д. 5814, лл. 63—65. Отпуск.

№ 126

ПИСЬМО В. А. КОРНИЛОВА КОМАНДУЮЩЕМУ 5-й ФЛОТСКОЙ ДИВИЗИЕЙ П. С. НАХИМОВУ О ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ПРАКТИЧЕСКИХ ЗАНЯТИЙ ДЛЯ ОФИЦЕРОВ В ЦЕЛЯХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ИХ БОЕВОЙ ПОДГОТОВКИ

26 октября 1852 г.

Милостивый государь, Павел Степанович!

Вашему превосходительству известно, что государь император, быв встречен флотом в расстроенном ордере, изволил заметить, что это не в первый раз, и что корабли наши хоть и исправные во всех отношениях, отдельно взятые, должны быть слабы в маневрах, и что надлежит обратить большее внимание на эволюции эскадрами [1].

Признавая, что развитие в офицерах охоты к этой важной части военного морского искусства может много содействовать к усовершенствованию ее и на кораблях, я бы полагал весьма полезным завести хотя по праздникам в удобную погоду эволюции гребными судами, в дивизии состоящими, составляя из них эскадры и подчиняя флагманам из молодых штаб-офицеров, дабы маневры эти имели более порядка и ближе подходили к цели, для которой назначаются. Формируя через это глаз офицеров, шлюпками управляющих, и осваивая их с сноровкою при действии руля и парусов, впоследствии корабли приобретут офицеров, которые будут уметь содействовать своим командирам при построении флотом [2].

Сообщая эту мою мысль на усмотрение вашего превосходительства, имею честь быть

вице-адмирал *Корнилов*

ЦГВМА, ф. ШЧФ, 1852, д. 5814, л. 66. Отпуск.

№ 127

ДОКЛАД В. А. КОРНИЛОВА А. С. МЕНШИКОВУ О НЕОБХОДИМОСТИ ВООРУЖЕНИЯ МАТРОСОВ БОЛЕЕ СОВЕРШЕННЫМ АБОРДАЖНЫМ ОРУЖИЕМ [3]

21 декабря 1852 г.

Черноморский флот, находясь в самом удовлетворительном состоянии в отношении к постройке судов, их вооружению и как по морскому,

---

[1] Речь идет о неудачных маневрах флота осенью 1852 г. под руководством и. д. главного командира Черноморского флота и портов М. Б. Берха. По этому поводу В. А. Корнилов писал брату А. А. Корнилову 3 ноября 1852 г.: «...На переходе в Николаев осматривал флот, который по глупо выбранному маневру не успел построиться. Флотом управлял Берх с парохода и начальник штаба, ему данный, контр-адмирал Васильев из Балтики demihomme, demifoliteté, прозвание, данное ему во время оно нашею распрекрасною царевною Александрой Тимофеевной. Государь заметил, что с ним это в четвертый раз в Черном море: корабли по одиночке превосходно отделаны и обучены, но маневры плохи, и приказал по его отбытии съездить в Одессу на флот, долженствующий туда прибыть за войсками, снять его с якоря и поучить, да и на будущий год сделать то же...» (ЦГАДА, ф. Рукописное собрание биб-ки Зимнего дворца, д. 2156, лл. 186—187. Подлинник).

[2] Так в подлиннике.

[3] См. также документы № 91 и 93.

так и по боевому снабжению, имеет один недостаток, важность которого налагает на меня обязанность донести о нем вашей светлости, — это недостаточное или несовершенное состояние абордажного оружия. О заготовлении недостающего числа ружей и не имеющихся вовсе в арсеналах годных к употреблению пистолетов, признанных на всех флотах необходимыми для абордажных партий, вооруженных холодным оружием, поступило к вашей светлости особое представление, если последует на него разрешение, то будут оставаться абордажные палаши. Палаши эти составляют на судах главное вооружение абордажной партии, предназначаемой из-за стрелков производить атаку на неприятельское судно; они должны быть, не затрудняя матросов при лазании, ловки для действий, между тем как ныне отпускаемые старые саперные ножи, совершенно не соответствующие высочайше утвержденным образцам палашей, и кортики не защищают руки и не имеют нужных приспособлений при лазании и потому не в состоянии будут уравнять бой с неприятелем, снабженным оружием, введенным на других флотах вообще и вполне соответствующим своему назначению.

Доводя до сведения вашей светлости таковое не совершенно удовлетворительное вооружение матросов для абордажа, я имею честь просить ходатайства о разрешении Черноморскому управлению озаботиться о немедленном заготовлении и пистолетов и палашей, сходно образцам, удостоенным уже высочайшего утверждения.

Генерал-адъютант *Корнилов*

ЦГВМА, ф. ШЧФ, 1852, д. 6155, лл. 135—136. Копия.

№ 128

ДОКЛАД В. А. КОРНИЛОВА М. Б. БЕРХУ О ВВЕДЕНИИ НА ВНОВЬ СТРОЯЩИХСЯ СУДАХ ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА УСОВЕРШЕНСТВОВАННОГО АНГЛИЙСКОГО СПОСОБА КРЕПЛЕНИЯ КОРАБЕЛЬНОГО НАБОРА

9 февраля 1853 г.

Лет семнадцать назад в английском кораблестроении известный способ скрепления кораблей, изобретенный г. Сеппингсом и существующий доныне в строении наших кораблей, получил совершенно новый вид. Сир Виллиам Саймондс, бывший сарваер британского флота, изменил диагональную систему Сеппингса. Он вместо деревянных ридерсов и раскосин, введенных Сеппингсом, предложил употреблять железные ридерсы, под тем же углом направления их с набором, а вместо раскосин в противулежащем направлении к ридерсам ввел также железные полосы, которые кладутся не на самый набор, как ридерсы, но идут по орлоп-клямсам и связным продольным поясьям; сверх того, между орлоп-клямсами и связными поясьями положил диагонально деревянные раскосины, которые в совокупности с ридерсами

выдерживают все напряжение и много отвращают наклонность кораблей к перегиби.

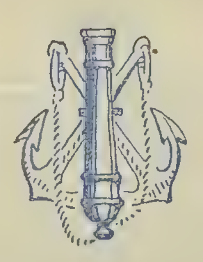
Система Саймондса, одобренная правительством, принята без исключения во всем английском кораблестроении, которая с того времени, улучшаясь постепенно, доведена ныне до большей еще важности продолжением ридерсов до мидель-дека на трехдечных кораблях и введением вновь железных топридерсов с внешней стороны корабля под наружною обшивкою.

Последнего улучшения этой системы, утвержденного лордом адмиралтейства в Англии в 1850 г. для кораблей «Prince of Wales», «Royal Sovereign» и «Marlborough», имеются подробные чертежи в нашей кораблестроительной коллекции.

Вышеобъясненная система скрепления уже несколько лет введена для балтийских кораблей и принята здесь на фрегатах. Полагая, что она особенно полезна при введении удлиненных судов, к чему мы ныне обращаемся с введением винтовых двигателей, я имею честь просить ваше высокопревосходительство приказать распространить ее и на корабли «Босфор» и другие впредь имеющиеся строиться на Черном море и притом в том виде, в каком она принята ныне в Англии [1].

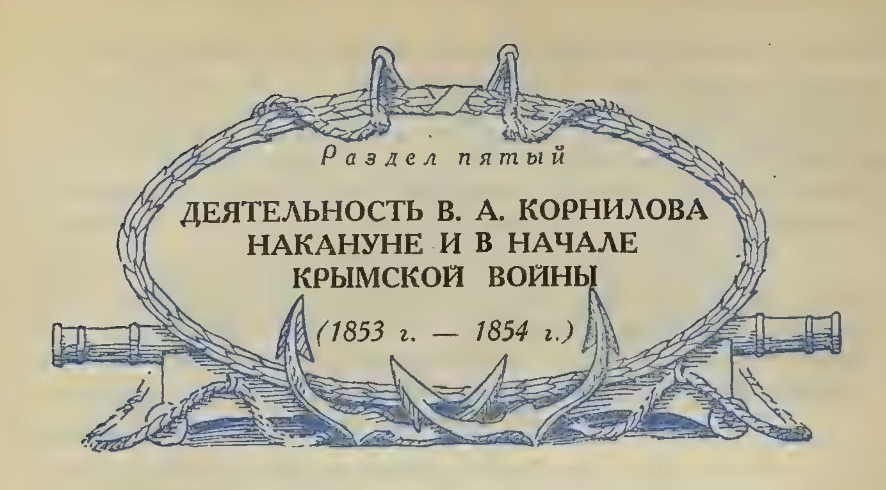
Начальник штаба Черноморского флота и портов
генерал-адъютант *Корнилов*

ЦГВМА, ф. ШЧФ, 1853, д. 6455, л. 1—2. Подлинник.

---

[1] На основании докладной записки В. А. Корнилова адмирал М. Б. Берх 11 февраля 1853 г. приказал интендантству Черноморского флота применять при кораблестроении английский способ крепления судов.

Раздел пятый

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В. А. КОРНИЛОВА НАКАНУНЕ И В НАЧАЛЕ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ

(1853 г. — 1854 г.)

№ 129

ИЗ ПИСЬМА В. А. КОРНИЛОВА ЖЕНЕ ЕЛИЗАВЕТЕ ВАСИЛЬЕВНЕ О ПЕРВЫХ ДНЯХ ПРЕБЫВАНИЯ В ТУРЦИИ С ПОСОЛЬСТВОМ КНЯЗЯ А. С. МЕНШИКОВА

24 февраля (8 марта) 1853 г., Константинополь

...Наши дела сегодня только начнутся. Сегодня, наконец, назначена первая аудиенция у султана. Перемена, происшедшая в министерстве, замедлила прием князя. Министр иностранных дел — турецкий Пальмерстон — отставлен, и вместо него третьяго только дня назначен новый — Рифад-паша. Неделю эту мы провели не без удовольствий. Очень много ездили и по городу, и по окрестностям и всякий день в 6 часов являлись в парадные комнаты во фраках на обед, причем князю и потом и мне доставались самые приятные роли: водить к столу и занимать приглашенных дам. Последнее до того утомило нашего посла, что вот [уже] второй обед, как он не выходит под видом диэты...

...Наше плаванье из Одессы произошло при самых счастливых обстоятельствах — утих южный ветер. 15-го мы не имели почти качки, а 16-го к утру увидели Босфор при самой прекрасной погоде; тихо, ясно, солнце во всем блеске. Озеров, Балабин (с которым я в большой дружбе) и Сколков встретили нас на пароходе «Крым» миль за 15 от пролива. Перетолковав с ними, князь назначил парадный въезд в Константинополь в 3 часа пополудни, и мы так расположились временем: зашли в Буюкдере, постояли там на якоре, отобедали, или, лучше, плотно позавтракали, и в исходе второго поплыли по восхитительному Босфору. Время продолжало стоять летнее. Проходя дворец султана Чараган, отсалютовали 21 выстрелом и потом бросили якорь при общей пальбе с наших и других наций судов против Топханы (арсенала), где у пристани ожидала нас толпа чиновников нашего посольства и купечество русское, занимающееся делами в Константинополе. Мы вы-

шли, разодетые в парадные мундиры. Пароход нас проводил также салютом. У пристани нас посадили в коляски и, кто хотел, верхом и потащили по узким и грязным улицам Галаты в дом русского посольства. Улицы, окна домов и везде, где только можно было приютиться человеку, были полны народом. Наконец, мы вступили под кров двухглавого орла в хоромы, отличающиеся здесь и великолепием, и массивностью, и величием, и роскошью. По отведении для нас аппартаментов мне достались в удел комнаты чиновника к[нязя] Гагарина, тут же со мной поместился товарищ мой генерал Непокойчицкий. Комнаты довольно высоки, но вид великолепный. Утро у нас проходит в толках и визитах. Потом путешествуем более верхами и, наконец, как я уже сказал, в чопорных фраках являемся; тем для нас с Непокойчицким кончается день, для молодежи же чуть ли не начинается...

В. Корнилов

ЦГАДА, Рукописное собрание биб-ки Зимнего дворца, 2156, лл. 200—201. Автограф.

№ 130

ПИСЬМО В. А. КОРНИЛОВА ЖЕНЕ ЕЛИЗАВЕТЕ ВАСИЛЬЕВНЕ С ОПИСАНИЕМ ПРИЕМА РУССКОГО ПОСОЛЬСТВА ТУРЕЦКИМ СУЛТАНОМ

25 февраля (9 марта) 1853 г.[1]

Неготовность деталей задержала «Крым», и мне новый случай намарать тебе несколько строк. Вчера мы были у султана. Князь прекрасно говорил ему и, кажется, до некоторой степени рассеял сомнение в наших благородных намерениях, нашептанное ему английскими интригами и французским тщеславием. Вначале физиономия Меджита имела выражение человека, приготовленного отразить нападение, но когда пошла учтивая, но вместе с тем твердая речь князя, вид султана принял покойное выражение и под конец уже прояснился. После речи и некоторых вопросов о здоровьи императора и разных пожеланий князю были представлены мы и, получив поклон, улыбку и выражение, что падишаху приятно нас всех видеть, вышли. Церемония продолжалась еще полчаса, которые князь оставался уже один с султаном, а мы были угощаемы чаем вроде липового цвета. Обратное шествие из дворца было тем же путем и в такой же обстановке, как при следовании на аудиенцию. Министр иностранных дел Рифад-паша нас принимал и представлял и угощал и, наконец, проводил. Кроме того, были Шувалов, Кочубей и так далее. По всем дворам стояли телохранители в разных картинных костюмах.

---

[1] Дата в подлиннике отсутствует. Установлена на основании предыдущего письма.

Итак, первый шаг сделан; через неделю, я надеюсь, что напишу тебе о своем возвращении, а покуда прошу не скучать и о войне не думать, от войны мы так далеко, как и в самое обыкновенное время, а может быть, и далее, именно потому, что готовнее наших соперников [1]. Прощай еще раз, целую и благословляю и тебя, и детей и надеюсь скоро увидеть, только прошу быть здоровыми [2].

ЦГАДА, Рукописное собрание биб-ки Зимнего дворца, д. 2156, лл. 204—205. Автограф.

№ 131

ПИСЬМО В. А. КОРНИЛОВА ЖЕНЕ ЕЛИЗАВЕТЕ ВАСИЛЬЕВНЕ С ИЗВЕЩЕНИЕМ О СВОЕМ ОТПЛЫТИИ В г. СМИРНУ

28 февраля (12 марта) 1853 г., Константинополь

Пишу тебе наскоро, любезный дорогой дружок, и в запас. Совсем неожиданным образом отправляюсь в Смирну, и может быть, и в Афины; для чего, расскажу, когда ворочусь, а на этот раз — только для того, чтобы взглянуть на Архипелаг во время дипломатических переговоров, которыми занят теперь князь Меншиков и до положительного направления которых ему неловко отделять никого из своей свиты в Россию. После представления султану, о котором ты уже получила известие из моего последнего [письма], посланного с Протопоповым, ничего не было интересного, разве визиты турецким министрам в проливной дождь, осмотр Константинопольского адмиралтейства в такую же погоду и вчерашний вечер у Озеровых, на котором танцовало все носистое общество Порты. Впрочем, вечер этот мне был более в тягость, чем в удовольствие. Надлежало надевать фрак, который мне крайне надоедает. Затем прощай, любезный дружок. По возвращении из живописного путешествия в Архипелаг получишь подробный журнал, а теперь, извини, некогда. Сейчас еду к турецкому фельдцейхмейстеру, т. е. генералу Кошкину.

Целую и благословляю вас всех. Письмо это поручил Балабину, с которым очень подружился.

Весь твой *В. Корнилов*

ЦГАДА, Рукописное собрание биб-ки Зимнего дворца, д. 2156, лл. 202—203. Автограф.

---

[1] Замечание В. А. Корнилова, будто бы Россия далека от войны, очевидно, было сделано с целью успокоить жену. Во всяком случае сомнительно, чтобы В. А. Корнилов не понимал напряженности обстановки. Что же касается утверждения о том, что Россия более готова к войне, чем ее соперники, то очень скоро В. А. Корнилов сам убедился, насколько отстала крепостная Россия от союзников Турции.

[2] Подпись отсутствует. Очевидно, это письмо было отослано вместе с письмом от 24 февраля.

№ 132

ИЗ ПИСЬМА В. А. КОРНИЛОВА А. С. МЕНШИКОВУ О ВМЕШАТЕЛЬСТВЕ СУХОПУТНОГО КОМАНДОВАНИЯ В ВОПРОСЫ ПОДГОТОВКИ ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА К ВОЙНЕ И СЛАБОМ РУКОВОДСТВЕ ФЛОТОМ СО СТОРОНЫ АДМИРАЛА М. Б. БЕРХА

19 марта 1853 г.

Имею честь представить вашей светлости краткую перечень переписки и распоряжений по случаю военных приготовлений Черноморского флота с моими пометками. Из них, хотя многое затемнено и скрыто Чигирем, вы усмотреть изволите, что генерал Лидерс [1] принял почти в свое командование добровольно подчинившийся ему Черноморский флот.

В Севастополе, куда я прибыл 15-го числа прямо из Одессы, я нашел все в волнении [2]. Юрьеву и Обручеву был предоставлен корабль «Ягудиил» с гребными судами для репетиций по инструкции, данной от генерала Лидерса. Первый придумал какие-то щиты на баке гребных судов для защиты десанта от неприятельских пуль. Генерал Лидерс прислал на пароходе «Дунай» с генералом Семеновым какие-то особые лестницы для обучения солдат штурмовать укрепления. Мориц Борисович [3] вооружил флот и чуть не принял провизию, кроме того, после совещаний с Лидерсом послал ему в распоряжение «Дунай»; допустил какого-то полковника Залецкого не только составлять расписание судов флота для погружения войск и тяжестей, но входить в распределения их на гребные суда при амбаркациях; предписал Станюковичу отвести флотские казармы для помещений имеющих прибыть сухопутных войск в Севастополь, когда у нас для своих нет места; предписал Станюковичу же отдать Сухарный завод и казарменные печи сухопутным войскам, не снесясь с Метлиным, так что тот, узнав, подал рапорт, что при таких распоряжениях не отвечает за продовольствие флота, полагая со своей стороны, что оно для той же цели не менее нужно, чем продовольствие солдат.

Я решил все эти действия приостановить под видом, что вы приказали мирно готовиться, что вышло весьма кстати, ибо в Николаеве, куда я прибыл 18-го, я удостоверился, что и из Петербурга распоряжения делались в таком духе, чтоб как можно было менее военных

---

[1] Граф А. Н. Лидерс — командир 5-го корпуса, предназначенного в случае войны с Турцией действовать на нижнем Дунае.

[2] 14 марта 1853 г. В. А. Корнилов вернулся в Одессу из Турции, куда он сопровождал чрезвычайное посольство Меншикова, и в тот же день направился в Севастополь. В Севастополе В. А. Корнилов застал напряженную обстановку, вызванную осложнением дипломатических переговоров России с Турцией. Положение усугублялось тем, что за время отсутствия В. А. Корнилова генерал-лейтенант А. Н. Лидерс, пользуясь слабым и неумелым руководством М. Б. Берха, фактически принял командование флотом на себя. Такое положение привело к тому, что по флоту был отдан ряд поспешных и непродуманных распоряжений, выполнение которых В. А. Корнилов вынужден был приостановить.

[3] Берх М. Б.

демонстраций. Теперь намерен и пароход «Дунай» у Лидерса взять; он может своих генералов с лестницами посылать на пассажирском или на «Метеоре», который мы предложим. Между тем столько пустяков, наделанных в такое короткое время, меня вынуждает опасаться подпасть под гнев государя императора, и потому я обращаюсь снова с покорнейшей просьбою к вашей светлости избавить Черноморское управление от выживших из лет Юрьева [1], Ресницкого, Чигиря [2] и других стариков, которые при слабом управлении Морица Борисовича могут привести Черноморский флот в такое положение, что служить в нем будет не честь, а позор [3].

Я вам должен сказать откровенно, что такой ход дел многих офицеров, полезных службе, приводит в совершенное отчаяние. Сегодня поутру я отправил курьера Егорова с отчетом о турецком флоте и укреплениях Босфора и Дарданелл к великому князю [4] для доклада государю императору. Отчет состоял почти в том, что я имел честь представить вам перед моим отбытием из Константинополя, с присовокуплением к отчету о флоте описаний парового завода и Топ-Хане.

В докладной записке моей к его высочеству, при коей отчеты приложены [5], я изложил вкратце мнение мое о сопротивлении, какое можно ожидать от турецкого флота, и о десанте в Босфоре и Килиосе. Мнение это вашей светлости уже было предъявлено. В заключение же я присовокупил, что во всяком случае покушение действовать десантом надлежит сохранять в глубокой тайне и что я даже полагал бы обратить общее внимание на какой-либо пункт Румелии, Варну или Бургас, дабы замаскировать вооружение флота, которое скрыть невозможно...

ЦГВМА, ф. АМ, 1853, карт. 32, д. 109, лл. 28—31.
Подлинник.

№ 133

ДОКЛАД В. А. КОРНИЛОВА М. Б. БЕРХУ С ПРОСЬБОЙ УТВЕРДИТЬ ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ ДИВИЗИОННЫХ КОМАНДИРОВ ОТНОСИТЕЛЬНО АРТИЛЛЕРИЙСКОГО ВООРУЖЕНИЯ И БОЕВОЙ ГОТОВНОСТИ КОРАБЛЕЙ

6 апреля 1853 г.

Получив некоторые вопросы от дивизионных командиров насчет артиллерии кораблей, я имею честь представить ответы мои на утверждение вашего высокопревосходительства, дабы если таковые воспоследуют, то сообщить по принадлежности для надлежащего исполнения.

---

[1] Юрьев Ф. А., вице-адмирал.

[2] Чигирь А. В., капитан 1 ранга, дежурный штаб-офицер штаба Черноморского флота и портов.

[3] См. характеристику, данную В. А. Корниловым М. Б. Берху в предыдущих документах № 123, 126 и примечаниях к ним.

[4] Имеется в виду генерал-адмирал вел. кн. Константин Николаевич.

[5] Докладную записку с приложениями обнаружить не удалось.

1) На тех кораблях и фрегатах, на которых есть шкафутные порта, орудий не ставить, ибо таковые орудия приносят пользу в сражениях в весьма редких случаях, вообще же мешают маневрам и просторному размещению гребных судов, равно как и удобному подъему и спуску их, что при десантах весьма важно.

2) Картузы разделить согласно принятого порядка у англичан, именно на три разряда: дальний, средний и близкий, приняв для сего порядок, предписанный в статье «Размещение пороха» (стр. 105) «Артиллерийского учения», напечатанного по высочайшему повелению в 1847 году.

3) Бомбы и гранаты иметь по проекту артиллерийского штата, в 1850 г. представленному от адмирала Лазарева, и для них ящики по числу заряженных бомб и гранат, для трубок же для медных — сверла для высверливания мякоти, а для деревянных — ножи; первые отпустить от артиллерийской части по одному на каждые два орудия, из коих предназначено стрелять бомбами, а последние могут быть матросские.

4) Для брандскугелей ящиков не иметь, а снаряженные держать на полках или перекладывать войлоком, как это было принято прежде; впрочем, снаряд этот за введением стольких орудий, стреляющих бомбами, должен быть отпускаем в уменьшенном количестве, ибо потребуется в весьма редком случае.

Начальник штаба генерал-адъютант *Корнилов*

ЦГВМА, ф. ИЛ, 1853, д. 33, л. 1. Незаверенная копия.

№ 134

ДОКЛАД В. А. КОРНИЛОВА М. Б. БЕРХУ О НЕОБХОДИМОСТИ ВВЕДЕНИЯ НА СУДАХ ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА БОЛЕЕ УСОВЕРШЕНСТВОВАННОГО АБОРДАЖНОГО ОРУЖИЯ

7 апреля 1853 г.

Вследствие предписания вашего высокопревосходительства от 4-го числа сего месяца за № 22997 имею честь представить при сем копию с докладной записки, поданной мною в С.-Петербурге г. начальнику Главного морского штаба его императорского величества 21 декабря 1852 г.[1] о требующемся заготовлении для Черноморского флота в число абордажного оружия пистолетов и палашей сходно образцам, удостоенным уже высочайшего утверждения, причем нужным считаю присовокупить, что снабжение флота более удобными саблями я нахожу необходимым и что нынешние саперные ножи вовсе не соответствуют вооружению абордажных на военных судах партий, в чем я ныне, в бытность мою в Константинополе, имел случай еще более убедиться, посетив французский винтовой корвет «Chaptal», английский

[1] См. документ № 127.

винтовой корвет «Wasp», голландский фрегат «Доггербанк» и турецкие корабли. К этому я также должен прибавить, что форма саперных ножей вовсе не подходит к обучению матросов на эспадронах, ныне в черноморских экипажах столь развитому, причем имею честь представить на благоусмотрение вашего высокопревосходительства рисунки: а) саперного ножа, b) палаша, высочайше утвержденного в Балтийском флоте, доставленного в 1835 г. к бывшему главному командиру Черноморского флота и портов адмиралу Лазареву, с) французской абордажной сабли и d) английской абордажной сабли[1].

Начальник штаба контр-адмирал *Корнилов*

ЦГВМА, ф. ШЧФ, 1852, д. 6155, лл. 144—145. Отпуск.

№ 135

ОТНОШЕНИЕ В. А. КОРНИЛОВА КОМАНДИРУ СЕВАСТОПОЛЬСКОГО ПОРТА ВИЦЕ-АДМИРАЛУ М. Н. СТАНЮКОВИЧУ О ВВЕДЕНИИ НЕКОТОРЫХ УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЙ В ПОСТРОЙКЕ БАРКАЗОВ, ПРЕДНАЗНАЧЕННЫХ ДЛЯ ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА

3 мая 1853 г.

Прошлого года при посещении Черного моря государем императором, я имел счастие докладывать его величеству об удобстве иметь на линейных кораблях по два барказа штатных размеров на случай погрузки или выгрузки десанта.

Вследствие этого его величеству угодно было приказать привести это в исполнение на кораблях Черноморского флота. Теперь таковой второй комплект барказов находится в постройке в Николаевском адмиралтействе. Сообщая о сем вашему превосходительству, прошу покорно сделать известным командирам кораблей флота, дабы они имели в виду установление двух барказов на рострах, причем присовокупляю, что я с своей стороны полагал бы укладывать для сего ростры посредине и поставить по барказу по ту и другую сторону ростр, а полубарказы или катера вставлять в барказы, причем шкафуты не будут загромождены. Кроме того, при осмотре вчерашнего числа кораблей я хоть и нашел все в надлежащем порядке, но полагал бы не лишним обратить внимание, кого следует:

1) чтобы погонная и ретирадная артиллерия была приведена в самое действительное состояние, были бы, где надлежит, вбиты обухи и рымы и изготовлены, где требуются, особые платформы, подобно виденных мною на корабле «Гавриил»;

2) на старых кораблях, где бомбовые погреба в кормовой части, было бы сделано хоть временное навесное устройство для заряженных бомб и самого заряжения оных, прямо впереди грот-люка так,

[1] Рисунки в деле отсутствуют.

чтобы подача бомб происходила не через офицерский кубрик, предназначенный раненым, или через люк, в который подают картузы из задней крюйт-камеры;

3) на случай взятия шпринга и самого каната в ретирадные порты были бы устроены в них благонадежные подушки и по палубе были бы вколочены рымы для стопоров.

Начальник штаба генерал-адъютант *Корнилов*

ЦГВМА, ф. ШЧФ, 1853, д. 6155, лл. 178—179. Отпуск.

№ 136

ДОКЛАД В. А. КОРНИЛОВА М. Б. БЕРХУ О ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ ВВЕДЕНИЯ НЕКОТОРЫХ УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЙ И ИЗМЕНЕНИЙ В АРТИЛЛЕРИИ ЛИНЕЙНЫХ КОРАБЛЕЙ ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА

5 мая 1853 г.

По личному осмотру станков, приготовленных на корабль «Вел. кн. Константин» к бомбической артиллерии, устроенных с задними колесами, имею честь доложить, что за устройством таковых колес задние ганшпуги вовсе не нужны. Я решаюсь утвердительно сказать это потому, что, командуя 5 лет кораблем «Двенадцать апостолов», на котором бомбовая артиллерия была поставлена по моему предложению, я имею относительно ее достаточную опытность, равно как имею честь довести до сведения вашего высокопревосходительства, что по личному удостоверению в Севастополе я нахожу постановление ютовых коронад на линейные корабли лишним, ибо орудия сии ни в каком случае иначе, как перпендикулярно, стрелять не могут, расстроят расписание, потребовав людей, которых за больными и другими необходимыми расходами никогда полного комплекта быть не может, и самое важное — разность калибра с орудиями верхней батареи затруднит подачу картузов, производимую из кормовой крюйт-камеры через один люк, ибо другой дороги для ютовых картузов придумать нельзя. На основании вышеизложенного я покорнейше прошу распоряжения вашего высокопревосходительства постановление ютовых орудий предоставить только тем командирам кораблей, которые и за объявлением сего моего мнения признают артиллерию эту иметь полезным, но только с тем, чтобы порт для сего не делал им ни планширей новых, ни разрезных, ни станков, но ровно ничего по прежним и настоящим предположениям.

Генерал-адъютант *Корнилов*

ЦГВМА, ф. ШЧФ, 1853, д. 6155, лл. 180—181. Отпуск.

№ 137

ДОКЛАД В. А. КОРНИЛОВА М. Б. БЕРХУ ПО ВОПРОСУ СОДЕРЖАНИЯ ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА В ПРЕДУСМОТРЕННОМ ШТАТАМИ КОРАБЕЛЬНОМ КОМПЛЕКТЕ

6 мая 1853 г.

В Черноморском флоте предполагается иметь 18 экипажей. 18 экипажей могут комплектовать 18 линейных кораблей, что и составит две комплектных дивизии.

Имея в виду высочайше одобренную мысль заводить как можно более трехдечных кораблей, необходимо, однако, ограничить число их потребностью фрегатов, которых невозможно комплектовать из экипажей, имеющих трехдечные корабли, и так как фрегатов по штату назначено 8, то, следовательно, число трехдечных кораблей надлежит положить 10 — по пяти в каждой дивизии, затем остальные 8 кораблей иметь двухдечные, приписав к экипажам последних фрегаты, а к экипажам трехдечных кораблей — пароходы-шлюпы, подобные пароходам «Воин», «Витязь» и «Владимир», и мелкие суда.

Ныне в Черноморском флоте состоит готовых трехдечных кораблей 4, двухдечных 10, фрегатов 7, строится трехдечных 3, предназначается для тимберовки двухдечный 1.

Введение винтового двигателя на военном флоте Англии и Франции для всех вновь строящихся судов было доложено государю императору и его величеству угодно было объявить, чтобы других, как с винтовым двигателем, в России не закладывать; вследствие чего заложенные в Николаевском адмиралтействе три трехдечные корабля повелено строить винтовыми.

По спуске корабля «Императрица Мария» представляется вопрос, что заложить на ее стапеле, двухдечный ли с винтовым двигателем или фрегат большого размера, ибо трехдечного по мелководию реки против упраздняющегося элинга заложить нельзя.

Полагая доводить флот до вышеизложенной цифры, я бы не строил более двухдечных кораблей, а поддерживал имеемые, тимбируя их капитально в севастопольских доках и вставляя винтовые двигатели, ибо все двухдечные корабли лучших современных чертежей и те из них, которые не совершенно гнилы, могут легко быть переделаны в доках под винтовые; теперь же на стапеле корабля «Императрица Мария» заложил бы большой винтовой фрегат в размере английского фрегата «Imperieuse», который наиболее в Англии удался, к тому же, если на упраздняющемся стапеле строить двухдечный корабль, размеров ныне принятых для винтовых, то придется стапель удлинить и, следовательно, издержать деньги, которые с большею выгодою можно употребить на устройство другого трехдечного стапеля, возле имеемого на северной стороне Ингула и место которому назначено в утвержденном государем императором плане Николаевского адмиралтейства.

Кроме большого винтового фрегата, я бы полагал возможным теперь же заложить винтовой шлюп в величину «Воина» и «Витязя» и

две винтовых шкуны в величину шкуны «Аргонавт». Последние могут быть удобно устроены для перевозки десантных лошадей и потому необходимы при десантном отряде; в мирное же время они составят весьма полезные транспорты для перевозки легких грузов между Николаевом и Севастополем. На шлюп и шкуны я бы употребил крымский и дунайский лес, строил бы их не торопясь на имеемых крытых эллингах, а машины заказал бы заводчику Мальцову на предлагаемых им условиях, ибо пора поощрить своих предприимчивых людей и тем развязаться с необходимостью обращаться к англичанам и вообще к иностранцам [1].

Начальник штаба Черноморского флота и портов
генерал-адъютант *Корнилов*

ЦГВМА, ф. ШЧФ, 1853, д. 6451, лл. 2—4. Подлинник.

№ 138

ИНСТРУКЦИЯ В. А. КОРНИЛОВА КОМАНДИРАМ КОРАБЛЕЙ, НАЗНАЧАЕМЫХ В КРЕЙСЕРСТВО МЕЖДУ БОСФОРОМ И КРЫМОМ ПОСЛЕ РАЗРЫВА ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ С ТУРЦИЕЙ

18 мая 1853 г., Севастопольский рейд. Пароход «Громоносец»

Ваше высокоблагородие назначаетесь крейсировать по прилагаемой при сем программе с целью наблюдать, не появится ли военных иностранных судов, и в случае если таковое судно или суда заметите, то немедленно извещаете ближайших крейсеров; не надлежит, однако, подходить к турецким берегам на такое расстояние, чтобы с оных быть видимым, равно как останавливать купеческие суда для получения от них сведений, разве признаете это по обстоятельствам крайне необходимым, ибо состоявшийся разрыв есть дипломатический, а не коммерческий и формального объявления войны не было.

При крейсерстве имеете соблюдать всевозможные военные осторожности, оставлять пост для вышесказанной передачи сведений и в случае, если появление сильнейшего судна или отряда того потребует; при последнем случае начальство вполне надеется на ваше благоразумие и что при подобной встрече вы поддержите достоинство русского флага и вместе с тем прибегнете к крайним средствам в неизбежных только обстоятельствах, ибо вы должны помнить, что войны не объявлено и дела могут быть еще улажены желаемым (государем императором) миролюбивым образом.

[1] Доклад В. А. Корнилова был представлен на рассмотрение Николая I. 2 июня 1853 г. управляющий Морским министерством вел. кн. Константин в сообщении на имя начальника Главного морского штаба писал: «Проект генерал-адъютанта Корнилова о укомплектовании судами Черноморского флота е. и. в. изволил утвердить в общем его виде, но его величеству угодно на первый раз ограничить число стопушечных винтовых кораблей шестью, т. е. по одному кораблю на каждую бригаду Черноморского флота» (ЦГВМА, ф. ШЧФ, 1853, д. 6451, л. 9).

Следование судов из Константинополя может быть двоякое: или румелийским берегом, или анатолийским; при первом суда западной линии, извещая друг друга, присоединяются к фрегату, который, если сочтете нужным, посылает одно мелкое судно для извещения прочих крейсеров и указания им пункта соединения, а другое — в Одессу, сам же следует к 1-й практической эскадре по предварительном условии с начальником оной; во втором случае то же самое исполняют суда восточной линии, опираясь на фрегат; в последнем случае один из бригов должен быть отделен для извещения крейсера от отряда восточного берега, дабы тот дал знать своему отрядному командиру, имеющему предписание держать крейсера на высоте Синопа, дабы посредством его быть в сообщении с босфорским отрядом крейсеров.

Само собою разумеется, что вышеизъясненные распоряжения должны иметь место при появлении иностранных судов сильнейших крейсирующих, благовременное известие о коих важно или для города Одессы, или для флота; о появлении же военных судов в слабых силах командир фрегата извещает посредством мелкого судна № 3, не стягивая других крейсеров и тем не лишая себя средств дальнейшего наблюдения.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 3321, лл. 79—80. Копия.
Опубл. в кн. Жандр, ук. соч., стр. 42—43.

№ 139

ПРОГРАММА КРЕЙСЕРСТВА МЕЖДУ БОСФОРОМ И КРЫМОМ ДЛЯ УСТАНОВЛЕНИЯ НАБЛЮДЕНИЯ ЗА ДВИЖЕНИЕМ ИНОСТРАННЫХ ВОЕННЫХ СУДОВ ПО ЧЕРНОМУ МОРЮ[1]

Для крейсерства между Босфором и Севастополем назначить два фрегата и три мелкие судна, кои должны наблюдать за движением иностранных военных судов по Черному морю.

Бриг «Язон»

№ 1. Мелкое судно крейсирует от пересечения параллели 42°30′ с меридианом 1°40′ долготы к W[2] до пересечки параллели 41°30′ с меридианом 0°40′ долготы к W, или по параллели Бургаса до меридиана Хили[3] и южнее.

Бриг «Птоломей»

№ 2. Мелкое судно держится между пересечением параллели 42° с меридианом входа в Босфор и по параллели сей до долготы 0°20′ к O и несколько южнее.

Эти два судна стараются приходить на вид один другого на меридиане входа в Босфор, не приближаясь к берегам столько, чтобы могли быть с них виденными. Если одно из них откроет иностранное

---

[1] См. документ № 138.
[2] Считая долготы от Петербургского меридиана.
[3] Современное название Шиле.

военное судно или суда, то старается приблизиться и известить об них сигналами со всею подробностию 3-е мелкое судно.

Бриг «Эней»

№ 3. Мелкое судно, которое должно держаться в широте 42°30′ и долготе 0°30′ W, передает полученные сведения фрегатам по очереди, прежде тому, который ближе к направлению усмотренного судна или судов.

Фрегат «Коварна»

№ 4. Фрегат крейсирует около пересечения параллели 42°50′ с меридианом 1° к О.

Фрегат «Кулевчи»

№ 5. Фрегат — около пересечения параллели 43°30′ с меридианом 0°.

Фрегаты сообщают известия практической эскадре, а в отсутствие ее — крейсеру пред Севастополем или в Одессу, смотря по надобности, чрез мелкое судно № 3, а сами следят за дальнейшими движениями видимого судна или судов.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 3321, лл. 81—84. Копия.
Опубл. в кн. Жандр, ук. соч., стр. 41—42.

№ 140

ПИСЬМО НАЧАЛЬНИКА ЧЕРНОМОРСКОЙ БЕРЕГОВОЙ ЛИНИИ ВИЦЕ-АДМИРАЛА Л. М. СЕРЕБРЯКОВА В. А. КОРНИЛОВУ О ПРИНЯТИИ МЕР К УСИЛЕНИЮ ОХРАНЫ БЕРЕГОВОЙ ЛИНИИ НА СЛУЧАЙ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ С ТУРЦИЕЙ

19 мая 1853 г. Секретно

Милостивый государь Владимир Алексеевич!

Начальник Главного морского штаба г. генерал-адъютант князь Меншиков предписанием от 12 мая № 365 уведомил меня, что, невзирая на все усилия склонить Порту на условия, предложенные ей нашим кабинетом, турецкое правительство не согласилось принять их, а потому его светлость вынужден был прервать все дипломатические сношения и выехать из Константинополя 9/21 мая вместе с нашею миссиею.

По получении столь важного известия, я должен был немедленно принять меры, сообразные обстоятельствам, чтобы на случай открытия нами военных действий против Турции быть готовым к охранению береговой линии.

Оставаясь в неизвестности, каких неприятелей мы можем противу себя иметь, одних ли турок или вместе с ними других из морских держав, я нахожусь в таком положении, что должен рассчитывать в своих приготовлениях на самое большое, чтобы не быть застигнутым врасплох. Вашему превосходительству известно, что укре-

пления Черноморской береговой линии устроены только противу атак горцев без артиллерии, а не против внешняго неприятеля. Важнейшие пункты, как Новороссийск и Геленджик, даже не укреплены со стороны моря, а прочие в самое короткое время могут быть разрушены огнем морской артиллерии. Орудия в этих укреплениях, обращенные к морю, ни по числу, ни по калибру не в состоянии выдержать с успехом перестрелку даже с небольшими военными судами.

Всякое сильное повреждение в укреплениях неминуемо повлечет за собою упорные нападения на них горцев, а успех отражения смелых и предприимчивых племен, населяющих прибрежный край, зависит столько же от исправности укреплений, как и от испытанной храбрости малочисленных их гарнизонов. Сверх того, турки могут вредить береговой линии снабжением горцев артиллериею и присылкою сведущих в осаде укреплений, для чего могут быть употребляемы даже кочермы, которые в последнее время прорывались на берег, несмотря на деятельность крейсеров. В таком положении береговая линия может быть охраняема только флотом, если турки при помощи морских держав будут в состоянии показываться и держаться в Черном море.

Долгом считая уведомить о том ваше превосходительство для соображений ваших, я имею честь обратиться к вам с покорнейшею просьбою. Во время недавней бытности вашей в Турции ваше превосходительство без сомнения изволили обратить внимание на состояние турецкого флота. В приготовлениях моих считая одним из важнейших предметов вооружение кавказских пароходов и транспортов, чтобы первые могли, кроме содержания сообщений между укреплениями, содействовать военным судам нашим в прикрытии восточного берега, а последние заниматься доставкою грузов, которую прекратить невозможно даже и в военное время, я имею честь покорнейше просить ваше превосходительство уведомить меня о силе турецкого флота, а главное, в каком числе турки содержат пароходы, какой силы и как они вооружены. Доставлением этих сведений ваше превосходительство меня крайне обяжете.

В заключение имею честь покорнейше просить ваше превосходительство уведомить меня заблаговременно, если будет вам известно, о времени прибытия в Севастополь г. генерал-адъютанта князя Меншикова, дабы я мог прибыть туда к тому же времени для представления его светлости.

Примите уверения в совершенном моем почтении и преданности

вашего покорного слуги *Л. Серебрякова*

Резолюция вице-адмирала В. А. Корнилова: «Лейтенанту *Железнову*[1]. Изготовить ответ, к коему приложить о настоящем состоянии турецкого флота. В ответе же объяснить, что, покуда не будет решен план действий, Черноморский флот более ныне имеемых крейсеров для восточного берега уделить ничего не может».

ЦГВМА, ф. ИЛ, 1853, д. 33, лл. 7—9. Подлинник.

---

[1] Адъютант В. А. Корнилова.

№ 141

ДОКЛАД В. А. КОРНИЛОВА М. Б. БЕРХУ О НЕОБХОДИМОСТИ СНАБЖЕНИЯ АРТИЛЛЕРИИ КОРАБЛЕЙ ПОДКОЛЕСНЫМИ КЛИНЬЯМИ

25 мая 1853 г.

Начальник 4-й флотской дивизии[1] сообщает мне о необходимости подколесных клиньев для кораблей его дивизии.

Признавая и с своей стороны в настоящее время крайне важным снабдить все военные суда, вооруженные артиллериею на станках с колесами, подколесными клиньями по числу орудий на один борт по образцам, имеемым уже по распоряжению предместника вашего высокопревосходительства на два орудия в деке, я имею честь обстоятельство это представить на ваше усмотрение, докладывая притом, что потребность клиньев и преимущество образца, принятого на черноморских судах, против образца, присланного из Артиллерийского департамента, было предварительно доложено мною г. начальнику Главного морского штаба и его светлость разрешил для черноморских судов ввести клинья образца, одобренного адмиралом Лазаревым.

Генерал-адъютант *Корнилов*

ЦГВМА, ф. ШЧФ, 1853, д. 6155, л. 187. Отпуск.

№ 142

ОТНОШЕНИЕ В. А. КОРНИЛОВА Л. М. СЕРЕБРЯКОВУ С УВЕДОМЛЕНИЕМ О ПОДГОТОВКЕ В ПОРТАХ ТУРЦИИ СУДОВ ДЛЯ ПЕРЕВОЗКИ ПОРОХА ГОРЦАМ

8 июня 1853 г. Секретно

Из Константинополя получено известие, что в Требезонде и в других портах Анатолии изготовляются суда для перевозки пороха горцам.

По воле его светлости г. начальника Главного морского штаба, сообщая об этом вашему превосходительству для сведения, имею честь присовокупить, что я с своей стороны предупредил и начальников крейсирующих отрядов у восточных берегов Черного моря.

ЦГВМА, ф. ИЛ, 1853, д. 33, л. 10. Незаверенная копия.

---

[1] Контр-адмирал Ф. М. Новосильский.

№ 143

ОТНОШЕНИЕ В. А. КОРНИЛОВА М. Н. СТАНЮКОВИЧУ ОБ УСИЛЕНИИ КРЕЙСЕРСТВА У ВОСТОЧНОГО БЕРЕГА ЧЕРНОГО МОРЯ

8 июня 1853 г.

По воле г. начальника Главного морского штаба имею честь просить ваше превосходительство сделать следующее распоряжение:

1) Отряд из судов: фрегата «Месемврия», корвета «Калипсо», брига «Птоломей», шкун «Смелая» и «Дротик» и тендера «Скорый» под флагом контр-адмирала Синицына безотлагательно отправить в Сухум-Кале для усиления крейсерства у южной половины восточного берега; отряду сему принять название Южного отряда и иметь центром соединения Сухум-Кале, причем корвету «Калипсо» крейсировать на меридиане Синопа для связи с босфорскими крейсерами. Корвет сей направить прямо из Севастополя к пункту, для него назначенному, приказав по прибытии на место крейсера, высланного туда от контр-адмирала Новосильского, отослать [его] в Новороссийск для присоединения к своей эскадре.

2) Отряду, ныне содержащему крейсерство у восточного берега, иметь центром соединения Новороссийск, именоваться Северным отрядом и оберегать северную половину этого берега.

3) Для извещения вице-адмирала Серебрякова и контр-адмирала Новосильского о сих распоряжениях послать теперь же одно из судов отряда контр-адмирала Синицына, причем предписать контр-адмиралу Новосильскому, сдав отряд старшему по себе, самому прибыть в Севастополь на одном из судов Северного отряда, более нуждающемся в обновлении запасов.

4) Оба отряда подчиняются начальнику береговой линии, от которого и будет зависеть дать им подробные наставления и инструкции как о местах, более подлежащих обережению, так и о прочих предметах, равно как и о том, действовать ли отрядам независимо или быть обоим в распоряжении старшего флагмана.

5) Взять меры об обеспечении обоих отрядов продовольствием, сделав склад в Новороссийске и имея в виду, что мелкие крейсеры всегда могут получать провизию с фрегатов.

6) От эскадры вице-адмирала Юрьева отделять по очереди один корабль по усмотрению начальника эскадры на трое суток в плавание к Херсонесу для практических занятий. Кораблю этому держаться в виду Севастопольского порта.

Генерал-адъютант *Корнилов*

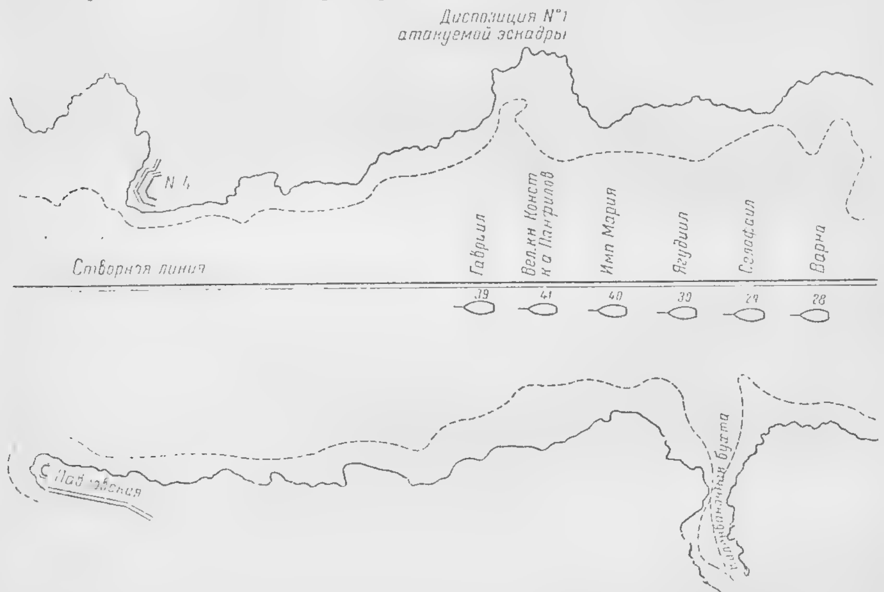
ЦГВМА, ф. ИЛ, 1853, д. 33, лл. 11—12. Незаверенная копия. Опубл. в кн. Жандр, ук. соч., стр. 46—47.

№ 144

ПРИКАЗ В. А. КОРНИЛОВА О ПРОВЕДЕНИИ МАНЕВРОВ АТАКИ СЕВАСТОПОЛЯ С МОРЯ

8 августа 1853 г., корабль «Двенадцать апостолов»,
на Севастопольском рейде

По окончании практического плавания с кораблями «Двенадцать апостолов», «Чесма», «Храбрый», «Уриил», «Три святителя», «Париж», «Ростислав» и «Святослав» я намерен, войдя на Севастопольский рейд, атаковать примерно оставленные там мною корабли

Диспозиция № 1 атакуемой эскадры на Севастопольском рейде

«Вел. кн. Константин», «Императрица Мария», «Варна», «Селафаил», «Ягудиил» и «Гавриил» под флагом контр-адмирала Панфилова, для чего и предписываю привести в исполнение в надлежащее время следующие мои распоряжения.

1) Эскадре контр-адмирала Панфилова занять позицию в одну линию по прилагаемой диспозиции № 1.

2) Командирам кораблей, отправляющимся в практическое плавание, иметь непременно с собой вторые барказы, несмотря на то, ежели они не имеют вооружения, не выкрашены начисто, но, конечно, должны иметь полный комплект весел.

3) Эскадру, атакующую рейд, предполагается вести в ордере похода 2 колонн, по диспозиции № 2.

4) Подходя к Севастопольскому рейду, если погода будет благоприятствовать, по сигналу будут спущены гребные суда с ростр, т. е. барказы и полубарказы, которые, не вооруженные артиллериею, с комплектом гребцов, тотчас по спуске должны быть расположены на выстрелах кораблей, внутри входящих на рейд колонн, или переданы на буксир пароходов.

5) По мере того, что колонны будут проходить батареи № 4 и Павловскую и приближаться к атакуемой эскадре контр-адмирала Панфилова, то, следуя адмиральскому кораблю, должно оставить свои спущенные гребные суда, которые, пропустив все корабли, гребут к ближайшему берегу: от правой колонны — под прикрытием парохода «Владимир», а от левой — под прикрытием парохода «Грозный».

32 Три Святителя к.а. Новосильский
38 12 Апостолов в.а Корнилов
35 Париж
31 Храбрый
36 Ростислав
33 Чесма
37 Святослав
Владимир
Уриил
Флора
Грозный
Кулевчи

Диспозиция № 2 атакующей эскадры при входе на Севастопольский рейд.

6) Подойдя к атакуемой эскадре, по сигналу «атаковать неприятеля, на якоре стоящего, поставив его в два огня» передовые корабли атакуют четвертый с моря корабль неприятеля, бросая якорь с кормы, следующие за ними корабли занимают соответствующий им корабль, бросая якорь также с кормы, к чему все корабли атакующей эскадры должны быть заблаговременно приготовлены.

7) Фрегаты «Флора» и «Кулевчи», следуя первый за левой колонной, а второй за правой и пройдя батареи № 4 и Павловскую, становятся на якорь, имея шпринг для действия по затыльным орудиям тех батарей.

Генерал-адъютант *Корнилов*

ЦГВМА, ф. ИЛ, 1853, д. 38, л. 1. Подлинник.
Опубл. в кн. Жандр, ук. соч., стр. 49—50.

№ 145

ПРИКАЗ В. А. КОРНИЛОВА О РЕЗУЛЬТАТАХ ПРОВЕДЕНИЯ МАНЕВРОВ И О РАСПРЕДЕЛЕНИИ КОРАБЛЕЙ ДЛЯ КРЕЙСИРОВАНИЯ

13 августа 1853 г., корабль «Двенадцать апостолов»,
на Севастопольском рейде

Оставляя флот, я вменяю себе в приятную обязанность выразить гг. командирам судов, бывшим в море и на рейде в кратковременное мое пребывание на корабле «Двенадцать апостолов», совершенное мое сознание в том, что корабельные работы и артиллерия найдены

мною в самом удовлетворительном состоянии и что о таковой готовности на всякое военное дело флота я буду иметь счастие донести государю императору.

Выразив мое мнение о работах и действии артиллериею на судах, я не могу сказать совершенно то же о построениях: некоторые командиры слишком точно следовали за своими мателотами и это было причиною, что построения не всегда производились с той быстротой, которая в сих случаях требуется. Конечно, таковые отступления от коренных законов морских эволюций: «ближайший и скорейший путь к месту своему — есть всегда лучший путь», встречались редко, но желательно, чтобы они вовсе не случались.

В отсутствие мое командование стоящими на рейде судами поручается впредь до повеления начальнику 4-й флотской дивизии контр-адмиралу Новосильскому, и как суда оставляются на рейде с тою целью, чтобы быть в готовности по первому востребованию выйти в море и в том самом порядке, каковой ныне найден мною, то для поддержания его полагаю предоставить гг. командирам судов учения на кораблях делать по их усмотрению, производя один только раз в неделю общие учения флотом, тем более, что во все это время понадобится значительный наряд нижних чинов для портовых работ.

Признавая полезным новым кораблям «Вел. кн. Константин» и «Императрица Мария» для приведения в порядок расписаний и всего, что относится до корабельных работ и артиллерии, выйти на некоторое время в море, я предоставляю г. контр-адмиралу Панфилову крейсировать у Херсонесского маяка в продолжение двух недель, входя на Севастопольский рейд для взятия свежей провизии по своему усмотрению.

Фрегату «Кулевчи» 15-го числа сего месяца отправиться на смену фрегата «Сизополь» и находиться там для известного ему предмета.

Корвету «Пилад», забрав офицеров, имеющих отправиться по делам службы к восточному берегу, следовать под командою лейтенанта Андреева к контр-адмиралу Синицыну с тем, чтобы там сменить вновь назначенных командиров и поступить в отряд вместо корвета «Калипсо», имеющего возвратиться в Севастополь.

О каковых распоряжениях сообщено мною и командиру Севастопольского порта.

Генерал-адъютант *Корнилов*

ЦГВМА, ф. ШЧФ, 1853, д. 6358, лл. 202 — 203.
Копия. Опубл. в кн. Жандр, ук. соч., стр. 54—55.

№ 146

ЗАПИСКА В. А. КОРНИЛОВА А. С. МЕНШИКОВУ О МАНЕВРАХ СУДОВ ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА ВО ВРЕМЯ ПРАКТИЧЕСКОГО ПЛАВАНИЯ

15 августа 1853 г.

7 августа прибыл на Севастопольский рейд. Флот из 14 кораблей, 3 фрегатов и корвета стоял в самом точном порядке соответственно данной диспозиции, снабженный по военному положению и готовый на всякое предприятие.

8 [августа] флаг на корабле «Двенадцать апостолов»; весь этот день был дан кораблям для установления второго комплекта барказов в рострах, недавно только оконченных постройкою при Николаевском адмиралтействе, и для других изготовлений к предполагаемым маневрам.

Флора
38 12 Апостолов в.а. Корнилов
Владимир
41 Вел. кн. Конст. к.а. Панфилов
32 Три Святителя к.а. Новосильский
31 Храбрый
35 Париж
33 Чесма
36 Ростислав
34 Уриил
37 Святослав
Коварна
40 Имп. Мария
Кулевчи

Походный строй эскадры в двух колоннах

Флора
Владимир
38 12 Апостолов в.а. Корнилов
41 Вел. кн. Конст. к.а. Панфилов
31 Храбрый
33 Чесма
34 Уриил
Коварна
32 Три Святителя к.а. Новосильский
37 Святослав
40 Имп. Мария
Кулевчи

Боевой строй эскадры в кильватерной колонне

9 [августа] осматривал установление в рострах вторых барказов с помещением полубарказов внутри их. Таким образом в настоящее время на кораблях имеются средства высадить в один рейс до 500 человек в полном вооружении. Осматривал также задние битенги и вообще устройство для бросания якорей с кормы.

10 [августа] в 4 часа утра эскадра под моим флагом с присоединением для испытания морских качеств новых кораблей — «Вел. кн. Константин» и «Императрица Мария» — снялась с якоря. До 2 часов пополудни было маловетрие, и потому построения начались после 2 ча-

сов, когда задул легкий морской ветер; суда по сигналу построились в боевой строй на правый галс; потом велено было поворотить через фордевинд последовательно и править по перпендикуляру ветра, держась на выпущенных буйках; когда же все составили одну стройную линию, то был сделан сигнал «привести в бейдевинд всем вдруг» и вслед за ним другой — «гнать к ветру», тем началась гонка.

Схема гонки кораблей Черноморского флота 10 августа 1853 г.

Прилагаемая карта представляет взаимное положение судов при окончании ее и, следовательно, разницу хода их.

11 [августа] утром штиль, и потому опять никаких маневров; надлежало ограничиться общим учением у пушек, причем пробовалась быстрота пальбы из 68-фунтовых орудий, коими вооружен нижний дек корабля «Двенадцать апостолов», и оказалось, что два орудия, избранные наудачу, выпалили менее чем в 3 минуты 6 ядер; также пробовано было достягание ядра 36-фунтовых пушко-коронад, составляющих вооружение верхнего дека трехдечных кораблей; ядро при возвышении 8° упало в воду на расстоянии далее 1000 сажен. В 2 часа после полдня задул морской ветерок; эскадра построилась в две колонны на левый галс, судам велено было дер-

жаться на буйках в расстоянии кабельтова, что продолжалось около двух часов; корабль «Вел. кн. Константин» был за кормою у корабля «Двенадцать апостолов» и постоянно имел менее парусов; корабль «Три святителя» шел лучше всех; корабль «Париж», находившийся за кораблем «Три святителя», шел хуже своего передового и корабля «Вел. кн. Константин», но лучше корабля «Двенадцать апостолов»; не менее того нельзя было довольно налюбоваться группою четырех красивых трехдечных кораблей, которые, мало уступая друг другу своим ходом, ставили в затруднение двухдечные корабли и фрегаты, составлявшие хвост колонн. Уравняв интервалы и удостоверившись в сравнительных качествах новых кораблей, был сделан сигнал «построиться в боевой строй по наветренной колонне», что учинено с надлежащей быстротой.

Перед захождением солнца корабли «Вел. кн. Константин», «Императрица Мария» и фрегат «Коварна» по сигналу «итти по назначению» отделились от флота и пошли первые два в Севастополь, а последний к Константинопольскому проливу.

12 [августа] с утра был штиль; время это употреблено на обнесение канатов с кормы к запасным якорям, но вскоре сделался довольно свежий ветер от NO; в полдень, находясь от Севастопольского рейда к SW в 13 ½ милях, эскадра взяла курс к северу с тем, чтобы приблизиться к Севастополю и в случае, если ветр пойдет к северу и потом к западу, взойти и произвести атаку. Ветр вскоре отошел к северу, тогда было велено подветренной колонне быть на ветре, так как по диспозиции ей следовало атаковать корабли севастопольского отряда с левой стороны, а яхта «Орианда» была послана к командиру Севастопольского порта предупредить его, что атакующая эскадра располагает войти на рейд, если только произойдет ожидаемая благоприятная перемена ветра. В 2 часа ветр вдруг переменился и с тою же свежестью задул от SW. Сохраняя диспозицию к атаке, эскадра легла правым галсом ниже маяка, а открыв корабли на рейде, по сигналу с пушкою, легла в дрейф для спуска гребных судов с ростр и утверждению на внутренних ундерлисель-выстрелах [1]. Менее чем в 20 (мин.) суда в числе двух барказов и двух полубарказов были спущены с каждого корабля, и тогда сделаны один за другим сигналы: «сняться с дрейфа», «поставить все паруса, какие можно нести, не вредя рангоуту», «атаковать неприятеля», «сделать по три выстрела из орудий, начиная по второй пушке адмиральского корабля». При входе колонны и корабли были между собой в расстоянии 100 сажен, ведя шлюпки с полным числом гребцов на внутренних ундер-лисель-выстрелах; у входа ветр начал стихать, и потому на корабле «Двенадцать апостолов» стояли лисели и вообще все те паруса, которые могли приносить пользу. Вскоре батареи начали палить. По распоряжению артиллерийского начальства при пушках в укреплениях не только был

---

[1] Т. е. спущенные на воду гребные суда буксировались затем на концах, поданных на откинутые выстрела.

гарнизон, но и все береговые команды морского ведомства по расписаниям, составленным для обороны порта; на каждую батарею отпущено по 5 картузов и, кроме того, комендорам орудий предоставлено было палить вспышками. Пройдя Павловскую и № 4 батареи, были отданы гребные суда, которые и погребли к берегу от правой колонны под прикрытием парохода «Владимир», от левой — парохода «Грозный», в то же время был поднят сигнал «поставить неприятеля в два огня». Корабль «Двенадцать апостолов», пройдя третий корабль отряда контр-адмирала Панфилова, бросил с кормы якорь и, остановясь против четвертого в расстоянии пистолетного выстрела, открыл огонь, что было сигналом общей атаки. Прочие из атакующих кораблей, каждый приходя на свою позицию, бросали также якорь с кормы и останавливались против своих противников, стараясь вместе с тем, сколько можно, не подвергаться выстрелам кораблей своего отряда, а фрегаты заняли свои позиции против затыльных орудий Павловской и № 4 батарей. Во время пальбы корабли «Варна» и «Селафаил» отряда контр-адмирала Панфилова, не занятые атакующими, поворотились своими батареями поперек бухты, один против правой колонны, другой против левой, и тем довершили маневр.

Спуск гребных судов с ростр пред входом и потом проводка их между крепостей внутри колонн и, следовательно, прикрытыми от крепостных выстрелов и, наконец, установление кораблей на позицию, бросая якорь с кормы, составляли главный предмет предпринятого маневра. Я теперь вполне убедился, что корабли и в этом новом для них случае не затруднятся, когда потребуется.

Новые корабли — «Вел. кн. Константин» и «Императрица Мария», как видно из прилагаемой карты гонки[1] и потом из наблюдений, сделанных на другой день, когда ветр был ровный, оказали самые удовлетворительные качества.

Несмотря на необходимые недостатки новых судов, коих ни командиры, ни офицеры, ни команда не успели осмотреться, корабли выказывали преимущество в ходу, надлежащую поворотливость и достаточную остойчивость.

Пароходо-фрегат «Владимир», бывший при эскадре, так хорошо держался под парусами без всякого пособия паров, что я счел возможным назначить его репетичным.

Окончив маневры, я на другой же день оставил Севастополь и сдал флот в ведение старшего на рейде флагмана контр-адмирала Новосильского; новым же кораблям «Вел. кн. Константин» и «Императрица Мария» приказал выйти в крейсерство к Херсонесскому маяку под флагом контр-адмирала Панфилова для практического плавания...[2]

Генерал-адъютант *Корнилов*

ЦГВМА, ф. ИДММ, 1853, д. 302, лл. 1—7. Подлинник. Частично опубл. в кн. Жандр, ук. соч., стр. 52—54.

---

[1] См. схему на стр. 188.

[2] Опущен абзац с перечислением приложенных схем 11, 12, 13.

№ 147

ДОНЕСЕНИЕ В. А. КОРНИЛОВА А. С. МЕНШИКОВУ ОБ АРТИЛЛЕРИЙСКОЙ ПОДГОТОВКЕ НЕСТРОЕВЫХ МОРСКИХ КОМАНД

Сентябрь 1853 г.

Сего 4-го сентября с батареи № 8 в присутствии моем была произведена пальба ядрами севастопольскими нестроевыми морскими командами, обучавшимися действовать из крепостных орудий.

Каждый комендор выпустил по одному ядру в мишень установленной величины, приготовленную по распоряжению начальника артиллерийских гарнизонов Южного округа.

Мишень была поставлена на расстоянии 720 саж. от орудий и состояла из парусинного квадрата в 3 саж. и боковых сеток такой же величины. Снаряды были употреблены, также по назначению генерал-майора Пихельштейна, из ядер 2-го разряда, т. е. не годных для действительной надобности. Ветр был крепкий с левой стороны, волнение значительное.

Пальба производилась из 40 орудий: пушек 24- 36-фунтового калибра и единорогов однопудовых; прислуга стреляла по очереди номеров на 6 отделений под наблюдением своих дивизионных начальников.

Осмеливаюсь думать, что пальба была удовлетворительна, особенно если принять в соображение, что она производилась людьми из разного рода нестроевых команд, с поступления на службу упражнявшихся в работах, не имеющих никакой связи с военным делом, что их учили у пушек всего два месяца по одному разу в неделю и что стреляли ядрами, совершенно утратившими правильность и до того старыми, что некоторые лопались по вылете; к тому же расстояние было значительное, ветр свежий боковой и волнение колебало мишень, как маятник.

Желая довершить курс ученья новых артиллеристов, 7 сентября было произведено в присутствии моем ученье калеными ядрами, причем ядра накаливали нижние чины тех же нестроевых морских команд по указанию сухопутных артиллеристов; прислуга же у орудий состояла из комендоров и заряжающих номеров, дабы малым числом снарядов ознакомить с этим действием главных действователей при орудиях; таким образом было выпущено 32 ядра.

Пальба эта была также произведена с успехом, так что все присутствовавшие зрители и в том числе артиллеристы удивлялись понятливости новонабранного гарнизона.

Приписываю весь успех этого важного дела обучения в такое короткое время портовых команд действию крепостною артиллериею неутомимой деятельности и благоразумным рапоряжениям начальника морской артиллерии в Севастополе подполковника Столбина, имеющего, кроме того, на руках снабжение флота всем к корабельной артиллерии относящимся, и также усердию и знанию своего дела учи-

телей со флота морской артиллерии: капитанов Морозова, Евдокимова; подпоручиков Иванова, Заникова и прапорщиков Кузнецова и Иванова.

По докладе сего донесения государю императору его императорское величество повелеть соизволил: всем командующим и обучающим офицерам объявить в приказе монаршее благоволение; начальнику морской артиллерии в Севастополе подполковнику Столбину всемилостивейше пожаловать годовой оклад жалования, а нижним чинам, в стрельбе участвовавшим, по одному рублю серебром на человека [1].

«Морской сборник», 1853, № 9, часть оф., стр. 9—10.

№ 148

ПИСЬМО В. А. КОРНИЛОВА ЖЕНЕ ЕЛИЗАВЕТЕ ВАСИЛЬЕВНЕ О ПЕРЕВОЗКЕ ВОЙСК И БОЕВОГО СНАРЯЖЕНИЯ ИЗ СЕВАСТОПОЛЯ В СУХУМИ [2]

18—19 сентября 1853 г. [3], в море, пароход «Владимир»

Вчера мы оставили Севастополь. Все, что только способно плавать, кроме парохода «Громоносец» и брантвахты, поплыло. Я на «Владимире» вышел последним и вскоре нагнал армаду. Дай бог, чтобы не произошло с нею того, что было с армадой Филиппа [4]. У маяка мы разделились: двенадцать кораблей и два фрегата с Нахимовым пошли отдельно в Сухум, два корабля и фрегат «Флора» с Варницким в Одессу, а я с пароходами буксирую транспорты и транспорты; кто во что горазд, также в Сухум. Флот поднял целую дивизию солдат, т. е. 16 000 человек, и при них артиллерия, обозы и 825 лошадей — неслыханное дело на Черном море — и, кроме того, два корабля и фрегат пошли в Одессу за полком другой дивизии. У меня на «Владимире» 1000 солдат, так что по палубе пройти трудно и наше спасение и прогулки на мостике. Я вел на буксире транспорт «Рион», наполненный лошадьми, впрочем, до сих

---

[1] Последний абзац напечатан в «Морском сборнике» без выделения. Но очевидно он представляет собой не текст донесения В. А. Корнилова, а резолюцию А. С. Меншикова после доклада донесения Николаю I.

[2] Документы В. А. Корнилова, относящиеся к перевозке 13-й пехотной дивизии из Севастополя на Кавказ, помещены в сборнике документов «Адмирал Нахимов», изданном Военмориздатом в 1945 г. (см. документы № 55, 56, 57, 60).

[3] Первая часть письма написана 18 сентября на пароходе «Владимир», последний абзац — 19 сентября, после прихода парохода в Сухуми.

[4] Имеется в виду испанский флот с большой десантной армией Филиппа II, посланный им в 1588 г. против Англии. Значительная часть флота погибла от штормов. Часть судов была уничтожена англичанами. С уничтожением флота кончилось могущество Испании.

пор все благополучно, ветер попутный, так что, я полагаю, и парусные суда мало отстали. Завтра утром надеемся быть на месте в Сухуме. Пойдут новые хлопоты, надо будет все сгружать с пароходов и транспортов по мере их прихода. Мне же, устроив выгрузку, надо будет итти навстречу Нахимову пособить ему свезти солдат поблизости Сухума и потом благословить его на возвратный путь, опять зайти в Сухум и катить в Севастополь, где должен князь Меншиков ожидать результата экспедиции. Вот сколько предстоит работы, а когда она кончится — бог весть! Все будет зависеть от погоды, если благоприятная, то в несколько дней, а если нет, то и неделю придется ждать. Между тем, пройдя маяк, «Владимир» встретил «Орианду», которая, не знаю как, очутилась по южную сторону Крыма.

Ильинский прислал мне твое письмо, любимый дружок, наполненное самыми обидными упреками. Бог с тобою, лучше бы ты мне сказала что-нибудь о вашем житье-бытье и о детях. Ведь если ты досадуешь на меня, зачем я отправил экстренно курьера с депешами, большей частью написанными мною собственной рукой, не напрягая утомленной головы моей и усталых рук, чтобы намарать тебе подробности событий одних суток и какие — самые обыкновенные и для тебя и вовсе не занимательные, то, конечно, на моей стороне было более прав заметить тебе, что письмо твое не сказало мне почти ничего ни о тебе, ни о детях, да я в сомнении, что мог тебе написать 12-го числа. Оставил Николаев 11-го, — ровно ничего, — тогда как мне был дорог всякий час. В тот день я поутру в 10 часов прибыл в Севастополь. До 12 часов меня мучили визиты и представления. В 12 я на полчаса ездил к Станюковичу. По возвращении моем ждали генерала Обручева, начальников дивизий, солдат и Нахимова, чтобы решить об амбаркации войск. Потом я сел писать к Воронцову, к Барятинскому, куда отправил Краббе[1] курьером, потом к Серебрякову отправил другого курьера, тоже с письмом от меня, потом по бумаге Станюковичу, Обручеву и Нахимову и, наконец, пообедал в клубе по-солдатски. Сел писать отчет Меншикову и тут еще написал тебе несколько слов — и за это только упреки. Если бы видела, как я устал, то, конечно, не приказала бы писать и тех строк, которые послала. Впрочем, прощай, все-таки миллион раз целую твои ручки и вас всех благословляю. Если желаете меня скоро видеть, то молитесь.

Во 2 часу утра пришел в Сухум, откуда посылаю письмо. Погода покуда хороша. Завтра пойду навстречу флоту.

ЦГАДА, ф. Рукописного собрания биб-ки Зимнего дворца, д. 2156, лл. 231—232. Автограф.

---

[1] Н. К. Краббе, капитан 1 ранга, штаб-офицер для особых поручений при адмирале А. С. Меншикове. Впоследствии адмирал, управляющий Морским министерством (1860—1874).

№ 149

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА В. А. КОРНИЛОВА А. С. МЕНШИКОВУ О НЕОБХОДИМОСТИ ЗАНЯТИЯ РУССКИМ ФЛОТОМ СИНОПА И СИЗОПОЛЯ

1 октября 1853 г., Севастополь

Всякое крейсерство на Черном море в осеннее и зимнее время, т. е. от начала ноября до апреля, весьма затруднительно, а в юго-западной части и у Босфора опасно, к тому же зимнее крейсерство ни в каком случае не может быть действительно, ибо суда не могут держаться вблизи берегов, следовательно, наблюдать за неприятелем, особенно за его пароходами, смело плавающими под самым берегом. Итак, надлежит придумать средство мешать навигации турок каким-нибудь другим способом; этот способ натурально должен состоять в занятии как на европейском, так и на азиатском берегах рейдов, на коих отряды военных судов, имея при себе сильные пароходы, могли бы в безопасности учредить свои наблюдательные посты. Такие пункты суть Сизополь и Синоп: и тот и другой на пути подвозов тех частей Турции, в коих откроются военные действия; тот и другой одинаково удобны к удержанию малыми силами от покушений с сухого пути; и тот и другой одинаково способны вместить на зиму флоты и гораздо больше отрядов, потребных для наблюдения за движениями турецких военных судов.

Отряды полагаю достаточным составить из 3 кораблей, 2 фрегатов, 2 пароходо-фрегатов и 2 мелких судов и для гарнизона одного пехотного полка при одной батарее.

Сизополь с таким гарнизоном, имея при себе корабли, отразит какую угодно турецкую армию, равно как и Синоп. В последнем высаженное войско может укрепиться на полуострове, и тогда оно при господстве на море вне всяких покушений.

Занятия Сизополя и Синопа могут быть учинены вслед за объявлением войны, одно за другим и без всякой огласки. Я бы полагал начать с Синопа: он и ближе (180 италианских миль) от Севастополя и в связи с затеями турок, а потом можно, готовя экспедицию в Батум, попасть в Синоп неожиданно. Вслед за Синопом может быть также занят и Сизополь.

Для покорения сказанных мест полагал бы употребить четыре трехдечных корабля, два двухдечных и шесть больших пароходов, выслав вместе четыре двухдечных и фрегат в крейсерство к Босфору, и затем четыре двухдечных корабля самые старые, которые надлежит поберегать, могут быть в Севастополе.

Десантная эскадра легко посадит полк для Синопа из Севастополя и потом из Одессы для Сизополя, приготовляя первый десант в Батум, а второй в Синоп.

Оба города весьма важны и как коммерческие порты, а Синоп по адмиралтейству своему и находящимся там складам для кораблестроения [1].

Опубл. в кн. Жандр, ук. соч., стр. 67—68.

№ 150

СТАТЬЯ А. П. СОКОЛОВА О ВЫСАДКЕ ВОЙСК НА ВОСТОЧНЫЙ БЕРЕГ ЧЕРНОГО МОРЯ И ПЕРЕВОЗКЕ ИХ ИЗ ОДЕССЫ В СЕВАСТОПОЛЬ

3 октября 1853 г., г. Николаев

Славный совершили подвиг наши черноморские моряки! 16 000 войска с двумя при них батареями и всеми принадлежащими им снарядами, с 827 лошадьми, в полной походной аммуниции, с 10-дневным при себе продовольствием и с запасами провианта еще на двадцать дней в течение одной недели (17—24 сентября) переведены и высажены из Севастополя на восточный берег Черного моря с полным успехом, без всяких потерь и без малейших помешательств. В это же самое время, с продолжением по 2-е октября, в два рейса совершена столь же успешная перевозка 8000 войск из Одессы к Севастополю.

Черноморским флотом командовал вице-адмирал Нахимов, имевший свой флаг на корабле «Великий князь Константин». Флот этот, стоявший на Севастопольском рейде, состоял из следующих судов: 14 кораблей (120-пуш. «Двенадцать апостолов», «Великий князь Константин», «Париж», «Три Святителя»; 84-пуш. «Императрица Мария», «Храбрый», «Чесма», «Святослав», «Ростислав», «Ягудиил», «Варна», «Гавриил», «Селафаил» и «Уриил»), 4 фрегата (54-пуш. «Сизополь» и «Кулевчи»; 44-пуш. «Кагул» и «Флора»), 2 корвета («Андромаха» и «Калипсо»), 7 пароходов (400 сил «Владимир»; 260 сил «Одесса», «Эльборус», «Бессарабия»; 120 сил «Грозный» и «Молодец»; 44 сил «Аргонавт») и 11 транспортов (в 750 тонн «Березань»; в 650 тонн «Днепр», «Балаклава», «Днестр», «Дунай» и «Рион»; в 350 тонн «Гагра», «Прут» и «Килия»; в 250 тонн «Буг» и «Цемес»).

Высочайшее повеление об отправлении на кавказский берег 13-й пехотной дивизии с двумя легкими батареями 13-й артиллерийской бригады получено в Севастополе 13 сентября. В следующее же утро, 14-го, был нагружен обоз на суда, а с вечера 15-го и утром 16-го посажены между тем подходившие войска, размещены артиллерия

---

[1] На основе предложения В. А. Корнилова по приказанию А. С. Меншикова М. Б. Берх 5 октября предписал командующему 5-й флотской дивизией вице-адмиралу П. С. Нахимову отправиться с эскадрой для крейсерства между Крымом и берегами Анатолии. 18 ноября 1853 г. русский флот под командованием П. С. Нахимова уничтожил турецкую эскадру в Синопе. Несмотря на это, Синоп и Сизополь не были заняты, так как это не входило в планы русского командования.

и лошади. Все это поставлено на 12 кораблей, 2 фрегата, 2 корвета, 7 пароходов и 11 транспортов; остальные два корабля («Селафаил» и «Уриил») и два фрегата («Флора» и «Кулевчи») должны были итти в Одессу за войсками, определенными к перевозу в Севастополь. Утром 17-го было назначено отправление флота.

Вся посадка войск и нагрузка тяжестей производилась в присутствии его светлости князя А. С. Меншикова. Избрание места высадки и передачи везенных войск Кавказскому корпусу было вверено генерал-адъютанту В. А. Корнилову, имевшему присутствие на пароходе «Владимир». Начальник 13-й пехотной дивизии генерал-лейтенант А. А. Обручев, находился на пароходе «Молодец».

С вечера 16-го установился свежий противный юго-западный ветер; погода была мрачная: шел дождь и гремел гром. Нетерпеливо, с сомнением и надеждою ожидали наступающего утра посаженные на суда войска и принявшие их моряки.

С рассветом 17-го небо очистилось и ветер переменился в способный, северный, но было еще очень свежо. Первыми снялись и пошли в море транспорты, буксируемые пароходами, отряд, состоявший под флагом контр-адмирала Н. Г. Вульфа. За ними последовал и весь корабельный флот, назначенный к кавказскому берегу и в Одессу.

Встреченные при выходе довольно сильною зыбью с юго-запада и имея довольно свежий ветер, заставивший корабли взять по одному рифу у марселей, оба отряда Кавказской эскадры, пароходно-парусный и корабельный, следовали в некотором отдалении один от другого. Около полудни стало стихать, и к вечеру отряды совсем разлучились.

Местом высадки был избран Сухум-Кале, удобнейший по некоторой его закрытости для стояния мелких судов, не представляющий, однако же, тех же выгод, для судов больших рангов; поэтому по прибытии сюда, в Сухум-Кале, генерал-адъютанта Корнилова, решено им, произведя выгрузку в Сухуме всего, привезенного пароходами и транспортами, немедленно послать пароходы навстречу идущего парусного флота для вспомоществования ему к следованию в другое избранное место высадки, Анакрию, лежащую близко Редут-Кале.

Анакрия, как и весь этот берег между Сухума и Редута (признаваемого также неудобным для высадки по быстроте течения реки Хопи и засыпям лежащего пред устьями ее бара), совершенно открыта всему волнению и силе восточной половины ветров Черного моря, но имеет глубину, умеренную для больших судов, близко берега, хотя и обрывистую, с хорошим илистым грунтом. Близость ее к Редуту, с которого идет дорога в г. Тифлис; великое неудобство переправ по всему протяжению моря сюда от Сухума; наконец, решительный недостаток других, способнейших пристаней по всему этому протяжению (лучшие, повидимому, река Кодор имеет большие разливы, а мыс Искурия густо оброс кругом лесом) обусловили необходимость предпочтения настоящего места для высадки пред всеми

другими, предполагавшимися прежде. Для успеха нужны были благоприятная погода и быстрота.

Во время плавания пароходо-фрегатов 18-го был умеренный ветер, а ночью на 19-е и 19-го тихий. В час пополудни 19-го пароход «Владимир», имевший на буксире транспорт «Рион», бросил якорь на Сухумском рейде и немедленно приступил к выгрузке. В то же время стали подходить другие пароходы и транспорты, также немедленно по прибытии производившие выгрузку, которая и была совершенно окончена к утру 21-го. Высажено всего привезенного 562 лошади с находящимися при них 1500 людей. Транспорты по мере выгрузки с них были немедленно отправляемы обратно в Севастополь. Два мелкие судна (бриг «Птоломей» и тендер «Скорый») посланы вдоль Абхазского берега для предупреждения вице-адмирала Нахимова о месте, назначенном для высадки, а на другой день 22-го отправился навстречу флота генерал-адъютант Корнилов с пароходами «Владимир», «Бессарабия» и «Одесса».

Вся эта выгрузка производилась только при помощи пароходных лодок.

Корабельный флот, замедленный тихим ветром, был встречен вышедшими к нему пароходами на высоте Пицунды, и немедленно взятые на буксир им три корабля, в следующее же утро, 23-го, приведены к месту высадки, Анакрии, и возвратившись опять к флоту с присоединением еще парохода «Эльборус». Между тем попутный ветер способствовал хорошим ходокам подходить к якорному месту помощию парусов, и на рассвете 24-го весь парусный флот был на рейде и к 4 часам пополудни совершена вся высадка. Высажено всего привезенного на этом отряде 16 000 войска с двумя батареями, колесными обозами и 262 лошадьми. Освободившийся от своего груза флот немедленно возвратился в Севастополь. В Севастополе он встретил суда, пришедшие из Одессы с частию перевозимых ими войск и отправлявшиеся за остальными. Вся эта операция окончена 2 октября.

Летопись всех флотов новейшего времени не представляет ни одного, столько обширного, особенно принимая в соображение большое число лошадей, столько совершенного во всех подробностях, сопряженного с такими опасностями, так хорошо удавшегося примера высадки. Всякий, хоть сколько-нибудь знакомый с делом, поймет и оценит по достоинству этот прекрасный подвиг наших моряков, это торжество морского искусства, свидетельствующее распорядительность, подчиненность, рвение, силу и мужество — дающее верное ручательство за будущие успехи в так называемых действительных делах, в сущности столько же действительных, как и настоящий подвиг, по совести говоря, стоящий доброй победы!

Счастие! — скажут наши приятели-враги. Счастие! — повторяем и мы с христианским смирением, припоминая, однако ж, известное выражение Суворова: «Сегодня счастие, завтра счастие, помилуй бог, надобно ж сколько-нибудь и ума».

Морской сборник, 1853, № 10, часть оф., стр. 44—45.

№ 151

ОТНОШЕНИЕ В. А. КОРНИЛОВА М. Н. СТАНЮКОВИЧУ О ПРИНЯТИИ МЕР ПО УСИЛЕНИЮ ОБОРОНЫ СЕВАСТОПОЛЯ

16 октября 1853 г. Секретно

По воле его светлости г. начальника Главного морского штаба имею честь просить ваше превосходительство взять все меры к изготовлению Севастополя против всякого рода случайностей, храня возможную тайну, причем полагал бы:

1) Оставшийся на рейде флот разделить на две эскадры: одну составить из всех стопушечных кораблей и двухдечных «Ростислава» и «Святослава» под флагом контр-адмирала Новосильского. Контр-адмирал Панфилов может иметь флаг свой на корабле «Двенадцать апостолов», покуда пароходная эскадра ему не приготовится. Другой эскадре состоять из кораблей «Гавриил», «Варна», «Уриил» и «Селафаил» под флагом контр-адмирала Вульфа, которому поднять его на корабле «Гавриил».

При первой эскадре состоять фрегатам «Кулевчи» и «Мидия», корвету «Калипсо» и отдыхающим фрегату и бригу эскадры вице-адмирала Нахимова во время их отдыха. Корвет «Калипсо» займет пост в Одессе не прежде готовности пароходного отряда.

2) В случае выхода эскадры контр-адмирала Новосильского эскадру контр-адмирала Вульфа расположить внутри бухты самым выгодным образом для защиты ее, именно: эшелонами, так чтобы батареи каждого корабля могли встретить прорвавшегося с моря неприятеля, равно как корабль «Силистрия» расположить в гавани так, чтобы он мог наносить вред проходящему рейд неприятелю и защищать Южную бухту.

3) Усугубить приобучение морских команд (однако, не выходя из субботы) на батареях, присоединив к ним всех флотских нижних чинов и офицеров, равно как артиллерийских и штурманских, которые по какому-либо обстоятельству останутся при береге и не заняты особыми должностями; при этом можно будет тем штаб-офицерам, которые наиболее способны, поручить отдельные батареи, но все это должно сделать, сохранив заведывание всеми подполковнику Столбину[1] и по согласовании с артиллерийским начальством.

4) Устроить, кроме телеграфа, на Северной стороне имеющегося, еще на других самых возвышенных местах телеграфы, через которые бы вашему превосходительству и адмиралу на рейде всегда было бы известно о видимых на горизонте судах.

ЦГВМА, ф. ИЛ, 1853, д. 38, лл. 6—7. Черновик; написан карандашом рукой В. А. Корнилова. Опубл. в кн. Жандр, ук. соч., стр. 72—73.

---

[1] Начальник морской артиллерии в Севастополе.

№ 152

ПРИКАЗ В. А. КОРНИЛОВА О ПОВЫШЕНИИ БОЕВОЙ ГОТОВНОСТИ КОРАБЛЕЙ ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА

16 октября 1853 г.

Сего 11 октября произошла битва между нашею флотилией и турецкими укреплениями, воздвигнутыми турками противу Сатуновской плотины. Турки вздумали остановить ядрами отряд канонирских лодок, буксируемых пароходами под нашим берегом к нашему же селению Рени. Такая дерзость соседей наших дает повод думать, что они и на других пунктах будут действовать неприязненно, и потому хотя не последовало еще высочайшего манифеста о войне, но не менее того все должно быть в совершенной готовности по первому сигналу к военным действиям, и потому считаю обязанностью предупредить флагманов, командиров кораблей и других военных судов, что, несмотря на мирную стоянку на Севастопольском рейде, суда должны быть всякую минуту готовы к выходу в море для поражения неприятеля, и для того полагаю завести на рейде самый строгий военный порядок, именно:

1) Ежедневно поутру делать общее учение по пушкам, обращая особенное внимание на действие отделяемых к парусам, на снабжение картузами, заряжание бомбами и другими зажигательными снарядами, на прицеливание из орудий, на вызов и действие абордажных партий, на средство исправления перебитых снастей и рангоута, на средство потушения пожара, на судовые помпы и особенно на очищение деков под раненых и на приспособление для делания операции сим последним и успокоение их.

2) Ежедневно перед захождением солнца делать перекличку, поднимать гребные суда и все приготовлять к снятию с якоря и выходу в море, ибо сие может потребоваться совершенно неожиданно ночью по сигналу с какого-нибудь из крейсеров.

3) Абордажное оружие отпустить, бомбы начинить порохом, сколько удобно будет поместить в бомбических погребах при требуемых для заряженных бомб предосторожностях.

4) Пароходам, имеющим артиллерию, усугубить заботливость об усовершенствовании тревоги; особенно стараться усилить носовую и кормовую артиллерию и приучить прислугу к верному и быстрому прицеливанию и точному действию бомбами. Пароходным командирам надлежит также иметь под руками всевозможные средства исправления повреждений в машине, в котлах, паровиках и трубах, равно как на счет уборки шлюпок на боканцах, ибо шлюпки эти на всех почти более или менее мешают действию артиллерии. Пароходные командиры должны также обдумать меры, дабы всегда предупредить замешательство, могущее произойти от перебитого штур-троса, ибо руль на пароходе еще важнее, чем на парусном судне, по неимению на пароходе правильной парусности, заменяющей иногда руль.

Известная всем исправность судов Черноморского флота, не раз заслужившая высочайшее одобрение, дает полную надежду, что флот этот, быв вызван на бой врагами России, докажет свету справедливость доброй славы, им приобретенной.

Генерал-адъютант *Корнилов*

Жандр., ук. соч., стр. 71—72.

№ 153

ОТНОШЕНИЕ В. А. КОРНИЛОВА М. Н. СТАНЮКОВИЧУ О ДИСЛОКАЦИИ СОЕДИНЕНИЙ И КОРАБЛЕЙ ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА ПО БОЕВОМУ РАСПИСАНИЮ НА СЛУЧАЙ НАЧАЛА ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

28 октября 1853 г.

По приказанию г. начальника Главного морского штаба имею честь просить ваше превосходительство сделать следующие распоряжения.

Эскадра контр-адмирала Новосильского поступит в мое командование с присоединением пароходо-фрегатов «Владимир» и «Одесса» и брига «Эней».

Эскадра эта сего числа ночью или завтра утром снимется, кроме пароходов, которые по изготовлению должны присоединиться на отмеченном в особом для их повелении рандеву.

Эскадре контр-адмирала Вульфа остаться в Севастополе и состоять в совершенной готовности к выходу в море. Корвет «Калипсо» и пароход «Грозный» присоединить к ней. Фрегат «Коварна» отправить к эскадре вице-адмирала Нахимова [1]. Фрегат «Флора» и пароходо-фрегат «Херсонес» под флагом контр-адмирала Вукотича 1-го изготовить с всемерной поспешностью к отплытию в Сухум-Кале на подкрепление отряда контр-адмирала Синицына. Контр-адмирал Вукотич посылается на смену контр-адмиралу Синицыну, которому возвратиться в Севастополь на одном из мелких судов отряда. На пароходо-фрегат «Одессу» назначить командиром капитан-лейтенанта Керна, на корвет «Калипсо» — капитан-лейтенанта Исакова, капитан-лейтенанта Лукьянова — на пароход «Колхиду» и последнее не благоугодно ли будет сообщить начальнику Черноморской береговой линии с отходящим пароходом «Херсонес».

Фрегат «Кулевчи» по изготовлении отправить к эскадре вице-адмирала Нахимова. Фрегат «Мидия» — в Сухум-Кале с присоединением к эскадре контр-адмирала Вукотича.

ЦГВМА, ф. ИЛ, 1853, л. 10. Автограф. Черновик.

---

[1] П. С. Нахимов с эскадрой с 11 октября находился в крейсерстве между Крымом и Анатолией.

№ 154

ДОНЕСЕНИЕ В. А. КОРНИЛОВА А. С. МЕНШИКОВУ О РЕЗУЛЬТАТАХ РАЗВЕДКИ ПОБЕРЕЖЬЯ ТУРЦИИ

28 октября 1853 г., пароход «Владимир», на Севастопольском рейде

23 октября в 10 часов утра с пароходо-фрегатами «Владимир», «Громоносец», «Одесса» и «Херсонес» отплыл в Сулин. Пароходы шли в линии, находясь в кильватере у передового парохода «Владимир», на котором я для отличия поднял брейд-вымпел 1-й дивизии; для будущих же построений пароходов была составлена программа и особые отдаленные сигналы.

24 октября в 6 часов утра все четыре парохода бросили якорь на Сулинском рейде; я съехал осмотреть воздвигаемое укрепление, которое приводилось к концу. Морской артиллерии поручик Пестич, командированный вашею светлостью с 7 орудиями 18-фунтового калибра на корабельных станках, ездил по приказанию генерала Лидерса в Измаил и получил все, что требовалось в отношении к снарядам. Гарнизон состоит из роты бессрочных 15-й дивизии, 21-й береговой стражи; эти нижние чины будут приобучены у орудий, которые расположены за насыпным бруствером; 3 орудия к стороне входа с моря и дороги, служащей сообщением с Вилковым, 3 — к стороне реки и одно — для защиты городской пристани и маяка. Вскоре предполагается перевести на Практическую сторону капитана над портом и все Сулинское управление, равно как брандвахту, и установить канонирские лодки: одну при входе в реку, другую внутри реки для действия вдоль ее по судам, спускающимся по течению.

В настоящее время в Сулине все благополучно; слухи, приходящие с Дуная, самые миролюбивые: что дело под Исакчи турецким правительством не одобрено, что начальник Исакчи сменен, а Омерпаша получил выговор.

Вскоре по приходе пароходов прибыл очередной австрийский пароход из Константинополя для передачи груза в Галац; по сведениям, с него полученным, в Константинополе все покойно; английские и французские корабли начинают занимать свою позицию в Бейкосе, и слухи носятся, что часть их останется в Галлиполи; турецкий флот также не покидает Буюкдере, но собирается эскадра для Батума.

Несмотря на эти известия, полученные от шкипера, я в полдень снялся и пошел в ордере фронта вдоль берега к Георгиевскому рукаву с тем, чтобы продолжать во время ночи до Калиакры. Пред захождением солнца было сделано ученье из носовых и кормовых орудий бомбами.

25 октября со светом в виду Калиакры построился в ордер похода на линии курса и вместе с тем приказано было увеличить расстояние между пароходов на расстояние отдаленного сигнала, переменить курс налево на 8 румбов. Этим построением пароход «Владимир» поворотил почти у Коварны и там пошел вдоль берега к мы-

су Эмине, имея пароходы в таком расстоянии, что был виден рангоут только ближайшего парохода «Громоносец». Проходя вдоль берега, осмотрены были на пути Коварна, Балчик и Варна; во всех этих портах стояли только купеческие суда и почтовый маленький пароход под турецким флагом в Варне. К Варне пароход «Владимир» подошел довольно близко; можно было считать орудия на бастионах, даже отдаленных, и видеть происходивший смотр войскам, состоявшим из 4 батальонов, выстроенных в одну шеренгу.

Укрепление Варны с морской стороны грозной батареи не представляет; всего к стороне моря обращено 21 орудие, если считать, что орудия поставлены во всех амбразурах, в чем, однако, увериться было нельзя. Подробное замечание вообще об укреплениях Варны буду иметь честь представить впоследствии.

На мысе Галата также поставлена батарея; на нем замечены 1 полевое и 4 чугунных орудия. Эту батарею проходили внутри пушечного выстрела, но так как ни на ней, ни на крепости флаг не был поднят, то пароход и прошел, не показывая своего.

Пройдя мыс Эмине, пароход «Владимир» заворотил вправо, между тем как другие продолжали данный им курс; пароходу этому легко было по преимущественному ходу своему делать отклонение; антрацитное же топливо, не давая никакого дыма, при поставленных парусах, изобличало его приближение на самом близком расстоянии.

До захождения солнца удалось осмотреть Месемврию, Ахиолло, Сизополь, Бургас и пробежать вдоль роскошного рейда Чингине — Искелеси; во всех этих рейдах не замечено ни одного военного судна и не видать никаких укреплений. По выходе из Бургасского залива пароход «Владимир» подошел к своей эскадре, которая по предварительно сделанному отдаленному сигналу «держаться соединенно» следовала в ордере линии курса. Миновав Агатополь и Василько, ночным сигналом велено было прекратить пары и держаться под парусами в дрейфе. Ночью погода, которая во все плавание была тихая, при легком береговом ветре, испортилась, и утро 26-го октября нас встретило северо-западным ветром с дождем. Осмотрев Инаду и подойдя к Босфору на 30 миль и видя, что нам придется бороться с бурным северо-восточным ветром, которым грозил и барометр и облака, причем не предстояло уже никакой надежды встретить другие военные турецкие суда, кроме обыкновенных крейсеров, содержимых у самого пролива, я отправил пароход «Громоносец» в Одессу к вашей светлости, а пароходу «Херсонес» приказал итти в Севастополь; сам же продолжал плавание к проливу. В 4 часу можно было различить маяки и суда, плавающие между их, и вскоре открыл между множеством купеческих судов, толпившихся в пролив, эскадру крейсеров, состоящую из 5 фрегатов, 1 корвета и 1 парохода, имея пароход «Одесса» в расстоянии 5 миль, дабы как можно далее турки не заметили парохода «Владимир»; мы подошли к ним почти на пушечный выстрел; тут вдруг нашел шквал от NO и начало темнеть; желая до наступления ночи переговорить с пароходом

«Одесса», мы взяли курс к нему, оставив турецких крейсеров в большой суете и недоумении, ибо они, наконец, рассмотрели пароход; маленький их пароход несколько раз направлял курс к нам и переменял его, фрегат также, иные лежали к нам, убирая брамсели, и брали рифы, другие лежали к берегу. Тут я видел, какое преимущество имеют сильные пароходы, и скорбел о нашем в этом отношении недостатке; к ночи NO засвежел и все предвещало бурную погоду. Опасаясь не иметь достаточно топлива до Севастополя, я решился не заходить к эскадре вице-адмирала Нахимова, тем более, что не имел ничего ему сообщить любопытного, и взял курс в Севастополь, приказав пароходу «Одесса» следовать туда же.

Генерал-адъютант *Корнилов*

ЦГВМА, ф. ШЧФ, 1853, д. 6380, лл. 2—5. Копия, заверенная В. А. Корниловым. Частично опубл. в кн. Жандр, ук. соч., стр. 83—85.

№ 155

ПРИКАЗ В. А. КОРНИЛОВА О СЛЕДОВАНИИ ЭСКАДРЫ К БЕРЕГАМ ТУРЦИИ ДЛЯ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ ПРОТИВ ТУРЕЦКОГО ФЛОТА

28 октября 1853 г.

Получив приказание г. начальника Главного морского штаба вступить в командование эскадрой, бывшею под флагом г. контр-адмирала Новосильского, с присоединением пароходов «Владимир», «Одесса» и брига «Эней» и следовать немедленно для открытия и истребления турецкого флота, вышедшего из Босфора, буде оный перешел параллель Инады, я объявляю об этом для сведения кому следует, причем присовокупляю, что флаг мой будет поднят на корабле «Вел. кн. Константин» и что сего числа ночью или с рассветом я намерен сняться, надеясь, что если бы счастие нам благоприятствовало и мы бы встретили неприятеля, то с помощью божиею офицеры и команды судов, со мной отплывающих, вполне воспользуются случаем увеличить наш флот новыми кораблями.

Так как манифеста о войне нет, то судам нашим разрешено брать и истреблять одни только турецкие военные суда, купеческие же осматривать и в таком только случае не отпускать, если они будут иметь войска или груз, турецкому правительству принадлежащий. А что касается до судов военных или купеческих других наций, то все остается в старом порядке и их не должно ни под каким предлогом останавливать.

При могущем встретиться бое я не считаю нужным излагать какие-либо наставления: действовать соединенно, помогая друг другу, и на самое близкое расстояние — по-моему, лучшая тактика.

ЦГВМА. Шханечные журналы, 1853, Черноморский флот, корабль «Три святителя», кн. 2, л. 44. Копия. Опубл. в кн. Жандр, ук. соч., стр. 87.

№ 156

ИЗ ШХАНЕЧНОГО ЖУРНАЛА КОРАБЛЯ «ТРИ СВЯТИТЕЛЯ»

5 ноября 1853 г., 5 часов пополудни

Ветр бом-брамсельный тихий, облачно. В начале часа пароход «Владимир», приближаясь к нам, сделал сигнал «имею надобность говорить с адмиралом», почему мы легли в дрейф на правый галс. Около ¼ часа сигналом с парохода «Владимир» требовал начальник штаба Черноморского флота г. начальника 4-й флотской дивизии, почему спустили шлюпку и г. контр-адмирал Новосильский отправился на пароход «Владимир». В это время пароход «Владимир» сравнялся с нашим кораблем и начальник штаба Черноморского флота г. вице-адмирал Корнилов объявил, что пароход «Владимир» на меридиане мыса Баба взял в приз турецкий пароход, виденный нами; люди с турецкого парохода посажены на пароход «Владимир». Поздравил команду с призом, для чего у нас кричали «ура» и на пароходе «Владимир» отвечали криком «ура».

В ¾ часа контр-адмирал Новосильский воротился на корабль с словесным повелением от начальника штаба следовать к эскадре вице-адмирала Нахимова для перемены его кораблей другими кораблями, если нужно, и потом отправиться в Севастополь. В исходе часа пароход «Владимир», взяв на буксир турецкий пароход, взятый в приз, следовал с оным в Севастополь. Корабли же наши, по сигналу от нас, следовали по R OSO к мысу Керемпе. В 5 часов был сделан телеграф с нашего корабля: начальник штаба Черноморского флота и портов взял с бою турецкий пароход.

ЦГВМА, Шханечные журналы, 1853, Черноморский флот, корабль «Три святителя», кн. III, л. 6. Подлинник.

№ 157

ПИСЬМО В. А. КОРНИЛОВА БРАТУ АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ О БОЕ ПАРОХОДО-ФРЕГАТА «ВЛАДИМИР» С ТУРЕЦКО-ЕГИПЕТСКИМ ПАРОХОДОМ «ПЕРВАЗ-БАХРИ»

6 ноября 1853 г., пароход «Владимир», в море

Пишу тебе на пути в Севастополь с призом — египетским пароходом, который, однако, достался нам не даром. Бой продолжался более 3 часов, покуда не убили капитана. Нам он сделал мало вреда в отношении к корпусу парохода «Владимир», и если бы не потеря моего славного Железнова, который был мне и помощником и другом незаменимым, то я бы сожалел только о несчастных турках. Неприятельский пароход, можно сказать, разрушен, без руля, одна только машина уцелела, и теперь не знаю, доведем ли, несмотря на самую благоприятную погоду.

Более трети команды перебито и переранено. Не знаю, чем бы кончилось, если бы упрямого капитана не убили. На «Владимире»

убит Железнов и горнист, ранено трое. Вот, любезный друг, пришлось начинать самому войну. Я только что оставил эскадру, с которой ходил пугать турок по румелийскому берегу, и, не найдя там никого, только что пересел на пароход, чтобы прибыть, не теряя времени, в Севастополь, как наткнулся на неприятеля, хотя и слабейшего, но который мог бы выключить из списков твоего единородного. Все к лучшему, в списках состою, а между тем имею теперь полное понятие о сражении пароходов между собою, об особой тактике, которой они должны наблюдать, и о несовершенствах вооружения собственно наших пароходов. Уведомляю тебя о происшествии со мною в предупреждение всегдашних преувеличений.

Прошу передать прилагаемое письмо и портфель отцу покойного Железнова. Узнай об этом почтенном семействе и исполни за меня этот скорбный долг с надлежащею осторожностию. Прощай, будь здоров. Благодарю, много благодарю и тебя и Sophie за Алешу[1], но до сих пор не знаю, как он отправился. Кроме записки Головина, ничего не имею. Екатерина Александровна....[2] знала Железнова и знала также Н...[3]. Сегодня 7-го утром мы вошли в Севастополь, где я получил твои два письма. Благодарю еще раз вас обоих за Алешу. Благодарю также за звезду. Насчет Матюшкина постараюсь похлопотать, и администрация идет без меня. О...[4] также узнать надо, знать, что за человек этот брат: совершенно идиот и поминутно с просьбами. Теперь надоедает, чтобы я его произвел, а за что?

Прилагаемый портфель принадлежал покойному Железнову и был найден в его кармане. В нем, кроме письма и записок, 100 рублей серебром. Отец в хранении не желал иметь. Запечатай письмо черным сургучом.

Весь ваш *В. Корнилов*

ЦГАДА, ф. Рукописного собрания биб-ки Зимнего дворца, д. 2156, лл. 248—249. Автограф.

---

[1] В. А. Корнилов благодарит брата и его жену Софью Дмитриевну за хлопоты, связанные с отправкой его старшего сына Алексея в кругосветное плавание на фрегате «Диана» под командованием капитан-лейтенанта С. С. Лесовского.

19 августа 1853 г. В. А. Корнилов обратился с неофициальной запиской к управляющему Морским министерством вел. кн. Константину Николаевичу с просьбой о зачислении в юнкера старшего своего сына Алексея, «вступившего в тот возраст, с которого дед его и отец начали императорскую службу». «Предназначая его во флот, — писал В. А. Корнилов, — и желая, чтобы он с ранних лет свыкся с морем, я счел бы за особое счастье, если бы мальчик начал свое морское поприще на фрегате «Диана» под командою капитан-лейтенанта Лесовского, офицера, мне лично известного своей преданностью службе государя императора и своей заботливостью о том, чтобы подчиненные ему не только исполняли свои обязанности безукоризненно, но несли бы их с любовью к своей профессии».

По этому письму и ходатайству А. С. Меншикова вел. кн. Константин Николаевич сообщил последнему: «Высочайше разрешено сыну Корнилова итти на «Диане», но не юнкером, а волонтером, не в военном мундире, с тем, чтобы по достижении 16-летнего возраста он был зачислен юнкером на действительную службу во время бытности на фрегате» (ЦГВМА, 1-й отд., ф. ИДММ, 1-й стол, 1853, д. 504, лл. 1—4).

[2] Одно слово не поддается прочтению.

[3] Фамилия не поддается прочтению.

[4] Фамилия не поддается прочтению.

№ 158

ПИСЬМО В. А. КОРНИЛОВА ЖЕНЕ ЕЛИЗАВЕТЕ ВАСИЛЬЕВНЕ О ПОХОДЕ К БЕРЕГАМ ТУРЦИИ И СРАЖЕНИИ С ТУРЕЦКИМ ПАРОХОДОМ «ПЕРВАЗ-БАХРИ»

6 ноября 1853 г., пароход «Владимир», в море

Готовлю заранее тебе весточку, любезный друг, в опасении, что стоустная молва напугает тебя какими-либо пустяками. 29 октября я отплыл из Севастополя с кораблями погрозить европейским берегам Турции и потом, повидавшись с Нахимовым, возвратиться в

Взятие в плен пароходо-фрегатом «Владимир» под флагом вице-адмирала В. А. Корнилова турецко-египетского парохода «Перваз-Бахри» 5 ноября 1853 г.
(С карт. художника А. П. Боголюбова)

Севастополь. Начало моего путешествия было самое бурное. Жестокие ветры, сначала южные, потом северные, качали наши корабли, как будто пароход «Дунай». Одно только 31 октября, должно полагать, ради твоих молитв, нам дало отдых. 4 ноября, окончив ронду, т. е. удостоверясь, что нет турецкого флота ни в Варне, ни в Сизополе, я оставил корабль «Вел. кн. Константин» и, пересев на «Владимир», покатил к Нахимову, предпочитая скорость и верность пароходного плавания корабельному комфорту. Вчера, 5-го, Нахимова не видал, потому что преследовал египетский пароход «Перваз-

Бахри». Около 9 утра нагнал и в один час пополудни взял после трехчасового боя, в котором турки или египтяне нам вреда никакого не сделали, а нас своим упорством заставили пароход разбить до того, что насилу могли забить пробоины и исправить необходимые для плавания в Севастополь повреждения. Нам они вреда не сделали в отношении к пароходу, но одна сумасшедшая картечь убила наповал нашего достойного Железнова, так что взятие парохода, доставшегося с такого отчаянного боя, не принесло мне никакого удовольствия, а напротив, на всяком шагу напоминает, что флот наш лишился офицера, много, много ему обещавшего, а я помощника и друга, каких встречаем только раз в жизни. И надо же было выбрать его, когда убитых всего он да еще матрос и раненых трое.

Бутаков и молодежь моя — Барятинский, Добровольский и Ильинский — вели себя молодцами и, слава богу, здоровы и невредимы. Меня хранит бог и твои молитвы, на которые я впредь уповаю.

Сегодня (7 ноября) утром «Владимир» вошел торжественно, ведя приз за усы и еще другой турецкий же пароход, взятый «Бессарабией». Последний почтовый сдали без боя, и все трое установились против Екатерининской пристани. Целый день ходили шлюпки с любопытными.

После полдня меня с моим штабом выпустили из карантина и отдали пакет с письмами. Тут я нашел два от тебя и два от брата Александра. Твои меня очень тронули. Я не решился тебе писать, что шел на бой. Теперь я переехал на «Дунай» и собираюсь, если что не помешает, прикатить к вам на денек. Потом, кажется, придется перевести тебя с семьей в Севастополь. Воображаю, как Наташа на ногах. Итак, прощайте, дорогие друзья. Благословляю вас всех и желаю здоровья, о чем молюсь. Весь твой

В. Корнилов

[P. S.] Ильинского князь отправляет в Петербург с донесением о взятии пароходов.

ЦГАДА, ф. Рукописного собрания, биб-ки Зимнего дворца, д. 2856, лл. 250—251. Автограф.

№ 159

ДОНЕСЕНИЕ В. А. КОРНИЛОВА А. С. МЕНШИКОВУ О КРЕЙСЕРСТВЕ ЭСКАДРЫ У ТУРЕЦКИХ БЕРЕГОВ И БОЕ ПАРОХОДО-ФРЕГАТА «ВЛАДИМИР» С ТУРЕЦКИМ ПАРОХОДОМ «ПЕРВАЗ-БАХРИ» [1]

7 ноября 1853 г., пароход «Владимир», на Севастопольском рейде

28 октября, возвратясь с отрядом пароходов из рекогносцировки турецких берегов до самого Босфора, причем один из пароходов видел 4 турецких корабля и бриг по направлению к Сизополю, я

[1] Рапорт В. А. Корнилова М. Б. Берху о прибытии его на пароходо-фрегате «Владимир» со взятым в бою турецко-египетским пароходом «Перваз-Бахри» в Севастополь помещен в сборнике документов «Адмирал Нахимов». М.—Л, 1945 (см. документ № 71).

поднял флаг свой на 120-пуш. корабле «Вел. кн. Константин» и с рассветом 29-го снялся с Севастопольского рейда в сопровождении 120-пуш. кораблей: «Три святителя», под флагом контр-адмирала Новосильского, «Париж», «Двенадцать апостолов», под флагом контр-адмирала Панфилова, 84-пуш. «Ростислав» и «Святослав» для отыскания и истребления виденного флота, буде он расположился в одном из трех портов: Сизополе, Варне или Балчике. Пароходо-фрегаты «Владимир» и «Одесса» должны были присоединиться вслед за выходом эскадры.

Пройдя Херсонесский маяк с попутным утренним ветром, эскадра встретила крепкий юго-восточный ветер, принудивший ее взять все рифы и спустить брам-реи на низ. От начала ветра до захождения солнца пройдено было до 70 миль, после чего ветер зашел к юго-западу и обратился в противный шторм с большим неправильным волнением и дождевыми шквалами.

30-го к вечеру ветр смягчился, волнение также, присоединился пароходо-фрегат «Владимир». На кораблях «Три святителя» и «Двенадцать апостолов», которые наиболее меня тревожили, ибо качка была самая разрушительная, все обстояло благополучно.

31-го с утра утихшие и ветр и волнение позволили поставить все паруса и эскадра начала лавировать, сохраняя по возможности близость к условленной в Севастополе линии. Не присоединившийся пароходо-фрегат «Одесса» меня крайне заботил.

1 ноября с полночи нашел внезапно жестокий шквал от северо-запада. Эскадра несла большие паруса, которые убрала щегольски, несмотря на ночное время; пришлось взять опять все рифы и потом оставить один грот-марсель и трисели; волнение не замедлило разыграться и начало трехдечные корабли бросать, как тендер; с сим вместе барометр поднялся, сделалось очень холодно и все предвещало известный своею силою и упорством северо-восточный ветер. Желая быть на ветре мыса Калиакрия, я поворотил к северу.

2 ноября ветр продолжался с сильными порывами, с дождем и градом, но к вечеру погода смягчилась, равно как и волнение.

3 ноября утром ветр стих и перешел к югу; эскадра направилась к мысу Калиакрия; после полдня я послал г. адъютанта своего лейтенанта Железнова на пароходо-фрегате «Владимир» осмотреть Балчик, Варну и Сизополь, а сам занялся распоряжениями к атаке турецких кораблей, буде они расположены в каком из сих портов.

Ночь была светлая, ветр южный умеренный, без волнения, и эскадра в стройном порядке лавировала на высоте Варны, дабы быть готовою спуститься и в Варну, и в Балчик по первому сигналу с парохода. В полночь с 3-го на 4-е число пароход известил, что ни в том, ни в другом портах судов военных нет, и по условленному сигналу без потери времени пустился в Сизополь и Бургас.

4 ноября продолжали лавировать к югу при ровном южном ветре в 20 милях от берега; в полдень присоединился пароход «Владимир» и вторично опечалили нас сигналом, что в Сизополе и Бурга-

се военных судов нет; между тем были опрошены и эскадрою некоторые купеческие суда, плывшие из Константинополя, и из их показаний оказалось, что турецко-египетский флот стоит в Буюкдере,

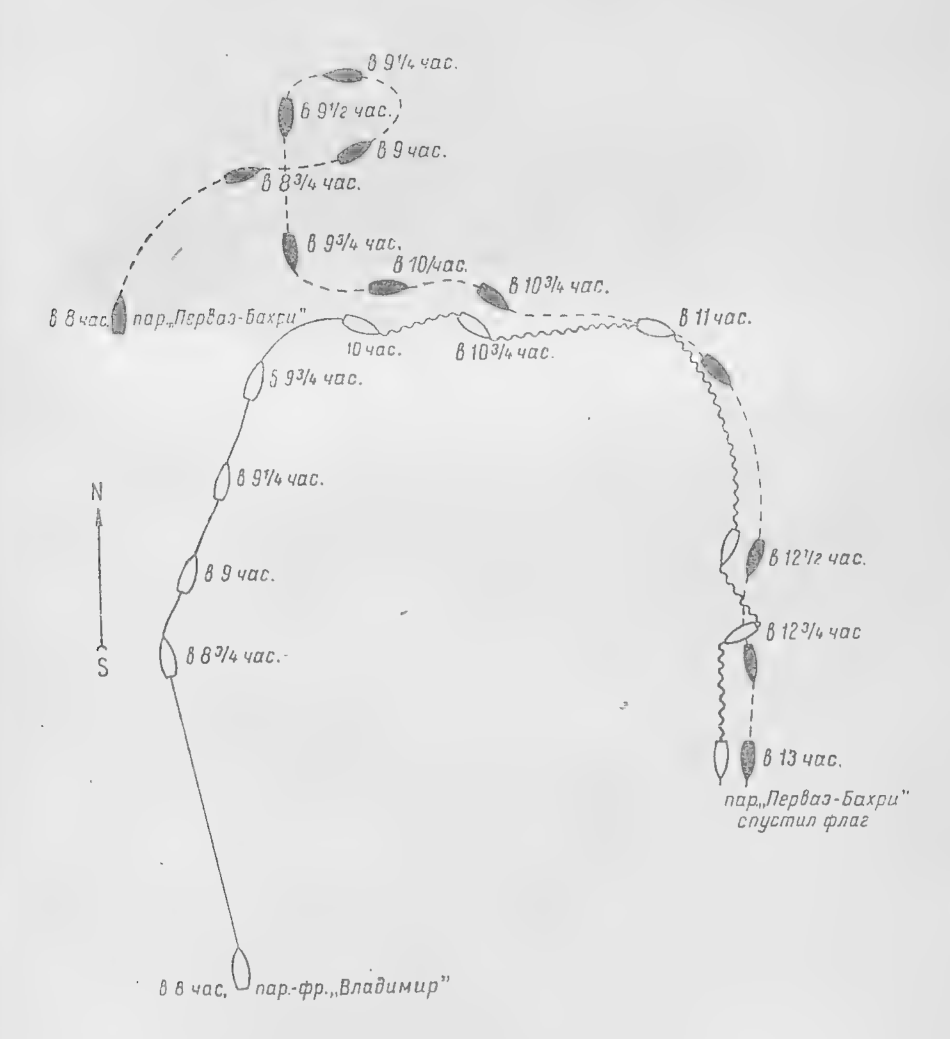

Схема боя пароходо-фрегата «Владимир» с турецко-египетским пароходом «Перваз-Бахри» 5 ноября 1853 г.

имея попрежнему фрегаты и мелкие суда в крейсерстве у самого пролива, а английские и французские линейные корабли в числе четырех каждой нации при соответственном числе пароходов стояли на якоре у азиатского берега против мыса Сельве-Бурну (на том самом

месте, где в 1833 г. был расположен наш лагерь), три турецкие же парохода пять дней тому назад (следовательно, 31 октября) отправлены в Требезонд.

Полагая, что эскадра может продолжать предназначенное ей плавание к эскадре вице-адмирала Нахимова под командою контр-адмирала Новосильского и что необходимо как можно поспешнее известить о турецких пароходах первого, а пароходу «Владимир» быть в Севастополе, дабы запастись углем и опять состоять наготове, я безотлагательно переехал на пароход этот и, отдав контр-адмиралу Новосильскому приказание следовать сначала на соединение с вице-адмиралом Нахимовым, а потом в Севастополь, оставив, буде потребуется, двухдечные корабли «Ростислав» и «Святослав» вице-адмиралу Нахимову, сам направился к порту Амастро.

5-го, в 6¾ часа утра на румб NtW увидели дым парохода и в одно время на WSW эскадру, состоящую из 6 судов, которую по числу их мы приняли за эскадру вице-адмирала Нахимова. Ветр был от SW, тихий, без зыби.

Мы легли на пароход, и в 8 час. можно было видеть его две мачты и трубу. Вскоре сделалось достоверным, что он правил на NtO.

В 8¾ часа заметили, что гонимый пароход вдруг переменил курс вправо и стал править поперек нашего курса; мы легли на NNO ¼ O, на пересечку его пути, и начали быстро к нему приближаться. Через ¼ часа пароход поворотил вдруг влево, опять поперек нас, а мы легли на N½ W.

В 9½ часа он положил право и стал править прямо на нас.

В 9¾ часа мы подняли флаг, на что он немедленно отвечал поднятием турецко-египетского флага, положил право и стал править поперек нашего курса, поставив фор-трисель и кливер.

В 10 час., подошедши к нему на пушечный выстрел, мы пустили первое ядро перед носом его и видя, что он не спускает флага, пустили другое, на которое он отвечал выстрелами из орудий правого борта; после этого, сблизившись, мы стали действовать всеми орудиями левого борта. По третьему выстрелу сбили ему флаг с флагштоком, он же немедленно поднял другой на гафеле и отвечал всеми орудиями правого борта. Все почти ядра его перелетали через нас в начале сражения.

В 10¼ часа, входя ему в кильватер, мы действовали попеременно правым бортовым и носовым бомбическими орудиями, направленными по килю парохода [1]; когда же неприятель из линии кильватера приводил поперек нас, чтобы стрелять орудиями правого борта, мы тоже приводили в параллель ему, действовали ядрами и бомбами, а когда расстояние позволяло, то и картечью, всем левым бортом, на который, кроме настоящих орудий, было перевезено кормовое правое бомбическое.

---

[1] Впоследствии оказалось, что турками были устроены баррикады из угольных мешков между орудиями и поперек судна. Примечание журнала «Морской сборник».

В 11 час. все шлюпки турецкого парохода были сбиты, по всему борту были видны пробоины, рангоут был весьма избит, а дымовая труба прострелена во многих местах.

В 12 час. командир неприятельского парохода, стоявший во все время боя на площадке, был сбит ядром и вслед за тем вся площадка снесена.

В 12½ часа, лежа параллельно пароходу, во время батального огня с обеих сражающихся сторон были убиты у нас картечью лейтенант Железнов, стоявший на правом кожухе, и горнист, стоявший на палубе у правого кожуха; в одно почти время были тяжело ранены комендор левой коронады и один из прислуги кормового бомбического орудия. Турецкий пароход в последние два часа старался держать прямо на азиатский берег, на SO.

В 12¾ часа мы были уже от него на расстоянии не более кабельтова и действовали несколько минут носовыми орудиями, — все наши ядра ложились в корпус парохода, — потом, положив вдруг лево, легли в параллель ему на пистолетный выстрел и сделали залп, причем он спустил флаг и остановил машину, что было сделано в 1 час пополудни, а мы пробили дробь.

Лейтенант Ильинский был немедленно послан на шестерке с комплектом вооруженных гребцов, чтобы завладеть призом и поднять русский флаг.

Вслед за тем на одной из кожуховых лодок боцман, 3 унтер-офицера, подшкипер, 20 человек ружейных, 2 сигнальщика, 2 рулевых, 2 машиниста, 4 кочегара и с ними машинный кондуктор, 2 плотника, 1 конопатчик, 1 слесарь, все вооруженные абордажным оружием, были отправлены на взятый пароход под командою старшего офицера с парохода «Владимир» лейтенанта Попандопуло, который и назначен временным командиром приза.

Другая кожуховая лодка была послана, чтобы забрать пленных, к ней вскоре присоединилась первая, высадив наших людей на пароход, и обе привезли в два рейса пленных офицеров и команду с их багажом.

Неприятельский пароход оказался в 220 сил, 10 пуш. «Перваз-Бахри», отвозил письма в Синоп и возвращался в Пендераклию, где назначено было ожидать флот фрегатов.

Из собранных сведений на пароходе всех чинов в полном составе до сражения состояло:

Командир[1]	1
Лейтенантов	3
Машинист англичанин	1
Машинист араб	1
Мичманов	3
Доктор	1

[1] Из черкесов мамелюк Саид-паши, адмирала египетского флота. Примечание В. А. Корнилова.

Комиссар	1
Мулла	1
Лоцман	1
Юнкеров	10
Унтер-офицеров	5
Матросов	121
Прислуги	2
Итого	151

После боя привезено на пароход «Владимир»:

Офицеров	9
Нижних чинов	84
	93

Убитых у неприятеля:

Капитан[1]	1
Офицеров	2
Матросов	16
Смертельно раненых и уже умерших	3
Раненых не смертельно	18

Верных сведений о числе убитых на турецком пароходе собрать от пленных было невозможно, и потому можно полагать, что ими самими было выброшено за борт до конца еще сражения несколько человек.

Незначительные повреждения на пароходе «Владимир», претерпенные им во время боя, следующие.

По корпусу:

1. Верхний планцырь борта с правой стороны пробит ядром.
2. В левой кожуховой каюте пробита насквозь переборка картечью.
3. В обеих дымовых трубах сквозные дыры.
4. В правой кожуховой каюте в переборке пробоина картечью.
5. С левой стороны у коронады полубортик пробит картечью, а другой оторван ядром.
6. В лодке № 2 ниже планцыря пробито картечью и поврежден киль.

По рангоуту и такелажу:

1. Перебит цепной гротовой гардель ядром.
2. Перебиты утлегарь-бакштаги, мартын-бакштаги и еще несколько бегучего такелажа.

На взятом пароходе машина уцелела, кроме пробоин в паровиках и трубе, но корпус избит до разрушения, в кормовой части целые доски вырваны, рулевая голова сбита, компасы уничтожены, внутри переборки от взрывавшихся бомб совершенно разрушены, — вообще повреждения были многочисленны, так что для приведения его в состояние держаться на воде мы были заняты до 4 час. В это время усмотрели две приближающиеся с разных сторон эскадры: одну

[1] Из черкесов мамелюк Саид-паши, адмирала египетского флота. Примечание В. А. Корнилова.

прямо на ветре к югу я считал эскадрою вице-адмирала Нахимова, другая же от запада могла быть эскадра турецких фрегатов. Я пустил приз плыть, как мог, по румбу в Севастополь, сам же решился держать на сомнительную эскадру; вскоре оказалось, что это эскадра контр-адмирала Новосильского. Боясь потерять приз с разбитою трубою и без руля и потому не имея времени видеться с вице-адмиралом Нахимовым, я передал все, что для него могло быть нужно, контр-адмиралу Новосильскому и, кроме того, велел сему последнему, буде вице-адмирал Нахимов найдет нужным усилить отряд свой еще двумя двухдечными кораблями, то оставить их, а самому с стопушечными отправиться в Севастополь.

Опасение мое насчет приза было справедливо, нам пришлось с ним возиться всю ночь и другой день; наконец, приведен он в порт благополучно.

Капитан, офицеры и команда парохода «Владимир» вели себя самым достойным образом. Капитан-лейтенант Бутаков распоряжался, как на маневрах; действия артиллерию были и быстры, и метки, чему лучшим доказательством служит разрушение, ими произведенное на неприятельском судне. Состоявшие при мне флаг-офицеры: лейтенанты князь Барятинский, Железнов, Добровольский и Ильинский, не имея у себя дела по флагманской части, поощряли команду своим примером и указаниями. Лейтенант Железнов, офицер, подававший большую надежду, был убит картечью на кожуховой лодке, откуда замечал действия наших ядер.

Смею надеяться, что первое пароходное дело в истории флотов удостоится высочайшего внимания и не отказано будет вознаградить отличившихся офицеров, в особом списке поименованных, наградами, к коим представляются.

Причем долгом считаю обратить также внимание вашей светлости на эскадру стопушечных кораблей, которая, выдержав два шторма, едва стих ветер, уже лавировала в стройном порядка для атаки неприятеля. К таким кораблям, конечно, можно иметь полное доверие, и так как это может только существовать при отличном их содержании и совершенном знании морского дела флагманов и капитанов, то я считал бы справедливым исходатайствовать им высочайшее одобрение, а начальнику 4-й дивизии контр-адмиралу Новосильскому, офицеру, постоянно отличающемуся безграничным усердием к службе, особую награду.

Представляя при сем подробное описание сражения с пояснительною диаграммою, имею честь испрашивать разрешения, как поступить с приобретенным пароходом и военнопленными, состоящими из чинов, в прилагаемом списке поименованных [1].

Генерал-адъютант *Корнилов*

Морской сборник, 1853, № X, часть оф., стр. 101—109.

---

[1] Последние три абзаца взяты из копии документа, хранящегося в ЦГВМА, ф. 1853, д. 6357, лл. 2—7. Упоминаемый список в делах отсутствует.

№ 160

ДОКЛАД В. А. КОРНИЛОВА М. Б. БЕРХУ О ЗАЧИСЛЕНИИ ЗАХВАЧЕННОГО НЕПРИЯТЕЛЬСКОГО ПАРОХОДА «ПЕРВАЗ-БАХРИ» В СОСТАВ ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА

7 ноября 1853 г.

Имею честь представить вашему высокопревосходительству копию с донесения моего г. начальнику Главного морского штаба [1] о результате экспедиции, мне порученной; из него вы усмотреть изволите, что пароход «Владимир» взял после трехчасового боя турецко-египетский пароход в 220 сил «Перваз-Бахри», о 10 пушках и что эскадра, бывшая под моею командою, передана была в ведение старшего по мне контр-адмирала Новосильского и должна вскоре прибыть на Севастопольский рейд.

Пароход «Владимир» не потерпел почти никаких повреждений, несколько перебито снастей, часть планширя, но артиллерия его при действии оказалась слабою на штырах и в скобах для брюков, которые не выдерживают отдачи орудия, что в более равном бою могло бы быть сопряжено с гибельными последствиями; штыры выскакивали из гнезд, и тогда, когда важен был момент для пальбы, орудие не было готово. Подробную ведомость об убитых, раненых, равно как об истраченных снарядах, материалах и повреждениях я приказал представить командиру парохода по установленному порядку.

Взятый пароход мною временно поручен в командование старшему офицеру парохода «Владимир» лейтенанту Попандопуло, об утверждении которого имею честь испрашивать согласия вашего высокопревосходительства. Я между тем приказал ему также представить опись всему казенному имуществу, на пароходе найденному, равно как и повреждениям по корпусу, вооружению и артиллерии и машине.

Пароход новый, хорошей конструкции, машина исправная, но надводная часть до того избита, что потребует капитальных исправлений, кроме того, необходимо будет поставить на него носовые и кормовые орудия, коих не было, что и дало пароходу «Владимир» безнаказанно его обивать. Орудия сии полагаю назначить бомбические 68-фун., легковесные, именно такие, какими вооружены нижние деки новых трехдечных кораблей.

Для комплектования я приписал пароход к 42-му флотскому экипажу; насчет сего также испрашиваю утверждения вашего высокопревосходительства.

На счет помещения в карантине военнопленных турок и потом в городе и о их довольствии согласно установленного порядка я

---

[1] См. примечание к документу № 159.

теперь же прошу командира порта и о распоряжении, какое будет сделано вице-адмиралом Станюковичем, он, вероятно, донесет вашему высокопревосходительству.

Генерал-адъютант *Корнилов*

ЦГВМА, ф. ШЧФ, 1853, 6357, лл. 1—8. Подлинник.

№ 161

ПИСЬМО В. А. КОРНИЛОВА ЖЕНЕ ЕЛИЗАВЕТЕ ВАСИЛЬЕВНЕ ОБ УНИЧТОЖЕНИИ ТУРЕЦКОЙ ЭСКАДРЫ В СИНОПСКОМ СРАЖЕНИИ

22 ноября 1853 г., Севастополь

Имею времени только тебе сказать, что 18 ноября произошло сражение в Синопе. Нахимов с своей эскадрою уничтожил турецкую и взял пашу в плен. Синоп город теперь развалина, ибо дело происходило под его стенами и турки с судами бросались на берег и зажгли их. Битва славная, выше Чесмы и Наварина, и обошлась не особенно дорого: 37 убитых и 230 раненых. Офицеры все живы и здоровы, ранены только один мичман и два штурманских офицера и штурман убит. Я с отрядом пароходов пришел вначале и потому был свидетелем великого подвига Черноморского флота. Ура, Нахимов! М. П. Лазарев радуется своему ученику! Я возвратился сегодня ночью, и один корабль на буксире у парохода показался[1]. Подробности обо мне узнаешь с «Громоносца». Князь так любезен, что приказал ему взять тебя или в Николаеве или в Одессе, буде в первом обледенело, только в последнем случае тебе надо скорей доехать до Одессы. Прощай. Саша[2] меня угощал. Я уже перебрался. Благословляю вас всех.

В. Корнилов

ЦГАДА, ф. Рукописного собрания биб-ки Зимнего дворца, д. 2156, лл. 254—255. Автограф.

№ 162

ПРИКАЗ УПРАВЛЯЮЩЕГО МОРСКИМ МИНИСТЕРСТВОМ О ПЕРЕИМЕНОВАНИИ ПАРОХОДА «ПЕРВАЗ-БАХРИ» В «КОРНИЛОВ»

22 ноября 1853 г.

Государь император высочайше повелеть соизволил:

1) Взятый пароходом «Владимир» с боя 5 сего ноября 10-пушечный турецко-египетский пароход в 220 сил «Перваз-Бахри» наименовать «Корнилов» и приписать к 42-му флотскому экипажу.

2) Взятый 4 сего ноября пароходом «Бессарабия» турецкий

---

[1] Так в подлиннике.
[2] Второй сын В. А. Корнилова.

транспортный пароход в 200 сил «Меджари-Теджарет» наименовать «Турок» с причислением к 4-му ластовому экипажу.

О высочайшей воле сей объявляю по Морскому ведомству для надлежащего сведения.

Управляющий Морским министерством *Константин*

ЦГВМА. ф. ИДММ, 1853, д. 383, л. 7. Копия.

№ 163

ПИСЬМО В. А. КОРНИЛОВА БРАТУ АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ О СИНОПСКОМ СРАЖЕНИИ

26 ноября 1853 г., Севастополь

Не знаю, что успею сказать тебе, любезный друг. Времени мало и поминутно отрываюсь. Нахимов 18 ноября задал нам собственное Наваринское сражение. Цвет турецких фрегатов и корветов (7 фрегатов и 3 корвета) и еще пароход на Синопском рейде сожжены до тла. Батареи в числе 4 срыты под корешок. Город, к большому сожалению, сожжен, и за все это мы — за повреждениями в мачтах и реях[1]. Мне удалось подоспеть к битве с эскадрой пароходов и выбуксировать героев наших, так что теперь, несмотря на шторм, они все здесь и готовятся на новые подвиги. Было и пароходное дело, но, по несчастию, «Владимир» поврежден в машине и потом я сидел на другом, с которого не мог догнать турку. Тот шел 10 узлов, а мы 8½. На эскадре убит один офицер, и то штурманский, и ранен один мичман, но между нижними чинами до 40 убитых и 230 ранено, из последних много трудных. Теперь я устраиваюсь в Севастополе и выписываю жену. Завтра ее ожидаю, если не будет мира, то придется проститься с Николаевым, чему я очень рад по всегдашней моей привязанности к Севастополю, но очень горюю в финансовом отношении. Там все было устроено, а здесь надо и квартиру нанимать, и все на зиму готовить — и все дороже. Впрочем, бог поможет; во всяком случае, напиши к ...[2] выслать мой годовой доход, а то приходится сдерживаться. Прощай, любезный друг! Целую ручку Sophie. Молитесь богу за меня грешного, час не ровен, если что случится, вся надежда на вас за остающуюся семью.

В. Корнилов

ЦГАДА. ф. Рукописного собрания биб-ки Зимнего дворца, д. 2156, лл. 256—257. Автограф.

---

[1] Так в подлиннике.

[2] Несколько слов не поддаются прочтению.

№ 164

ГРАМОТА О НАГРАЖДЕНИИ В. А. КОРНИЛОВА ОРДЕНОМ ВЛАДИМИРА 2-й СТЕПЕНИ[1]

28 ноября 1853 г.

Нашему генерал-адъютанту начальнику штаба Черноморского флота и портов вице-адмиралу Корнилову.

В ознаменование монаршего благоволения нашего за отличные распоряжения ваши при военных действиях Черноморского флота всемилостивейше жалуем вас кавалером ордена святого равноапостольного князя Владимира второй степени, коего знаки, при сем препровождая, повелеваем возложить на себя и носить по установлению.

Пребываем к вам императорскою нашею милостью благосклонный

Николай

ЦГВМА, ф. ИДММ, 1853, д. 602, л. 3. Копия.

№ 165

ИЗ ПИСЬМА В. А. КОРНИЛОВА БРАТУ АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ О ПОЛОЖЕНИИ В СЕВАСТОПОЛЕ И НА ЧЕРНОМОРСКОМ ФЛОТЕ

3 января 1854 г., Севастополь

...Наша севастопольская жизнь в настоящее время неотрадна. Флот весь в сборе и даже в новый год нас порадовало прибытие отряда с восточного берега, где осталось теперь два фрегата и два корвета под командой лихого черногорца адмирала Вукотича, который даром не отдастся хоть какой силе. Укрепления приводятся в порядок, так что если какой-нибудь сумасшедший вздумает покуситься разорить наш Черноморский притон, то вряд ли выйдет с барышом, но все-таки как-то неловко находиться в осадном положении, разыгрывать роль генерала Шале не по русскому характеру, а нельзя и думать о другой роли в случае выхода соединенных эскадр. Корабли наши покуда не в полной готовности. Герои Синопа потребовали мачт новых и других важных рангоутных дерев, а старики надорваны усиленным крейсерством в глубокую осень и нуждаются в капитальных исправлениях; меры берем, но нелегко исправить без адмиралтейства и без запасов...

ЦГАДА, Рукописное собрание биб-ки Зимнего дворца, д. 2156, лл. 366—367. Автограф.

---

[1] Это награждение В. А. Корнилова состоялось по представлению П. С. Нахимова, отметившего в своем рапорте о Синопском бое и приказе по эскадре значение содействия В. А. Корнилова и прибывших с ним пароходов в заключительной фазе боя (см. приказ в сборнике документов «Адмирал Нахимов», документ № 82).

№ 166

БОЕВОЕ РАСПИСАНИЕ КОРАБЕЛЬНЫХ КОМАНД И МОРСКИХ БЕРЕГОВЫХ ЧАСТЕЙ НА СЛУЧАЙ ТРЕВОГИ ПО ОБОРОНЕ СЕВАСТОПОЛЯ С СУШИ, СОСТАВЛЕННОЕ В. А. КОРНИЛОВЫМ[1]

22 января 1854 г.

36-й экипаж: — корабль «Ростислав», оставив необходимый караул на корабле, собираться на площади против 3-этажной казармы 1-й бригады 5-й флотской дивизии, в виде прикрытия к десантным единорогам, приписанным к 34-му экипажу, с которыми следовать на Театральную площадь, где ожидать дальнейших приказаний.

40-й экипаж: — корабль «Императрица Мария», собираться на корабле «Императрица Мария» и иметь в своем заведывании барказы со всех кораблей, в гавани стоящих, без вооружения, с брандспойтами для потушения пожара, и катера с буксирами для отбуксирования чего потребуется; гребцам на сих судах быть настоящих их экипажей. Люди 40-го экипажа должны состоять в полной амуниции, в баталионном расчете, так, чтобы стройно двинуться в случае требования в виде десанта.

42-й экипаж: — корабль «Трех Иерархов» комплектует корабль «Силистрия», имея все с собою для действия на берегу в виде десанта.

45-й экипаж: — корабль «Варна», оставив необходимый караул на корабле «Варна», собираться на Театральной площади для соединения с 36-м экипажем и орудиями 34-го экипажа.

Отрядами на Театральной площади заведывать контр-адмиралу Цебрикову.

Части 4-го ластового экипажа, находящейся на сухарном заводе, иметь там при себе ружья и с командиром экипажа, майором Хартуляри, являться в распоряжение командира 29-го экипажа: корабль «Селафаил», заведывающего батареями Двенадцати-апостольскою и Парижскою, в виде резерва; собираться в саду Голландии.

Госпитальной роте принять оружие и под командою смотрителя майора Комаровского собираться на госпитальном дворе.

Музыкантской команде и писарям всех ведомств дать ружья и составить отряд под командою старшего адъютанта лейтенанта Обезьянинова; собираться на Театральной площади при отряде контр-адмирала Цебрикова.

Всем кадрам 4-й дивизии, остающимся от мелких военных судов, и всем транспортным командам, в гаванном составе, за отделением часовых на своих судах, соединиться в полном вооружении в Лазарева адмиралтействе для употребления на транспортах, поперек гавани стоящих, в виде абордажных партий; при них быть офицерам

---

[1] Расписание было одобрено А. С. Меншиковым и передано 22 января 1854 г. для практического осуществления командиру Севастопольского порта М. Н. Станюковичу.

и транспортным командирам, не имеющим особых назначений, и всем состоять в распоряжении контр-адмирала Кузнецова, которому предоставляется охранение прохода в внутреннюю гавань. Бригам «Птоломей» и «Тезей» находиться в его распоряжении.

Шкунам «Смелая», «Ласточка» и «Забияка», поставленным для охранения арсенала, глубины гавани и блокшифов, там стоящих, состоять в распоряжении контр-адмирала Юхарина, которому и предоставляется начальство над всеми, что за линией, порученной контр-адмиралу Кузнецову. В его, г. Юхарина, распоряжении должны находиться все кадры 5-й дивизии, состоящие на берегу и не имеющие никакого особого назначения, все портовые ластовые роты, арсенальная, лабораторная и военно-рабочая, также особого назначения не имеющие; командам сим собираться у арсенала и начальникам их являться к контр-адмиралу Юхарину для получения соответствующих приказаний. Причем контр-адмиралу Юхарину озаботиться, чтобы не имеющие оружия были вооружены по способности из оружия, имеющегося при арсенале.

Охранение провиантских магазинов поручается контр-адмиралу Вульфу, равно как Доковой бухты и вообще берега до Ушаковой балки поручается ему же, г. контр-адмиралу Вульфу, которому для сего и отделяется фрегат «Кагул», 19-й рабочий экипаж, за исключением людей, на батареи назначенных, и до отправления по назначению запасные роты бессрочно отпускных и кадра ефрейторов, для обучения рекрут сформированная.

Главное начальство по охранению доков и обоих адмиралтейств поручается капитану над портом — капитану 1 ранга Ключникову, которому и разделить их по своим помощникам. На портовых барказах состоять такелажмейстеру и офицерам рабочих экипажей по назначению капитана над портом.

Остающиеся рабочие команды от батарей, за исключением 19-го рабочего экипажа, следуют расписанию капитана над портом, с тем, чтобы он отделил на портовые барказы, на которых иметь кабельтовы и верпы, и держать сии последние при старом адмиралтействе, где удобнее.

Жандр, ук. соч., стр. 122—124.

№ 167

ПРИКАЗ В. А. КОРНИЛОВА С ОБЪЯВЛЕНИЕМ БОЕВОГО РАСПИСАНИЯ ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА ДЛЯ ОБОРОНЫ СЕВАСТОПОЛЯ В СЛУЧАЕ НАПАДЕНИЯ ПРОТИВНИКА С МОРЯ

17 февраля 1854 г.

№ 780

Эскадре для защиты рейда состоять из кораблей «Двенадцать апостолов», «Париж», «Храбрый», «Святослав», «Чесма», «Императрица Мария», «Варна», «Ростислав»[1]; фрегатов «Коварна», «Ку-

---

[1] Корабли «Варна» и «Ростислав» будут выведены на рейд по особому распоряжению. **Примечание В. А. Корнилова.**

левчи», «Флора», «Кагул»; корвета «Калипсо»; бригов «Язон», «Эней»; пароходов «Владимир», «Громоносец», «Одесса», «Херсонес», «Крым».

Эскадре для защиты гавани состоять из кораблей «Вел. кн. Константин», «Три святителя», «Ягудиил», «Силистрия», «Селафаил»; фрегата «Мидия»; пароходов «Тамань», «Дунай», «Бердянск», «Таганрог».

Кораблям 1-й эскадры стоять фертоинг со швартовами на позиции, ныне занимаемой; вместо фрегатов занять места: место «Флоры» кораблем «Варна», а «Коварны» и «Кулевчи» — кораблями «Императрица Мария» и «Ростислав».

Эскадре этой взять все меры против неприятельских брандеров, быть в полной готовности принять атаку, равно как сняться с якоря и выйти в море.

Фрегатам [1] стоять на одном якоре в совершенной готовности сняться с якоря и занять назначенные им позиции или выйти в море.

Пароходо-фрегатам стоять на одном якоре на назначенной позиции, имея носовые бомбические орудия направленными вдоль рейда; на них все должно состоять в совершенной готовности ко вступлению под пары; их дело — затопление брандеров; они в случае атаки флотом удаляются за линию кораблей; два — «Владимир» и «Громоносец» — в Корабельную бухту, и три — «Одесса», «Херсонес» и «Крым» — в Инкерман.

Брандвахте стоять вне бона, а бригам по его оконечностям и в случае тревоги действовать по способностям, не мешая огню больших судов и батарей.

На пароходах и на мелких судах абордажные партии должны быть исправно приготовлены; с сильнейшим неприятелем — это лучшее средство.

В случае брандерного нападения при боковом ветре парусные фрегаты и мелкие суда должны вступить под паруса и стараться быть под наветренным берегом, употребляя все зависящие от них меры не допускать брандеры к кораблям.

Кораблям 2-й эскадры стоять фертоинг со швартовами, на позиции, ныне занимаемой; ее назначение — защита гавани.

Фрегат «Мидия» заменит фрегат «Кагул» для охранения бухты и магазинов. Он может стоять так, чтобы действовать в интервал между Павловской батареей и кораблем «Три святителя».

Как корабли, так и фрегат должны быть в совершенной готовности вступить под паруса и к выходу в море; на них все должно быть подготовлено к потушению пожара, залитию крюйт-камеры и отражению брандеров.

Малые пароходы стоят по диспозиции, им определенной; на них должно все иметь в совершенной готовности к сколь можно поспеш-

---

[1] Фрегату «Флора» до выхода на рейд корабля «Варна» оставаться на настоящем месте. Примечание В. А. Корнилова.

ному вступлению под пары. Их главное назначение: отбуксирование неприятельских брандеров, буксирование гребных судов с десантными партиями и буксирование барказов с верпами и кабельтовами; для внезапного взятия на буксир им иметь в готовности с ноков реев и с кормы легкие дреки с буксирами.

Гребные суда с флота должны состоять из второго комплекта барказов со всех линейных кораблей, полубарказов и легких катеров кораблей, гавань защищающих, и катеров, служащих барказами на всех мелких судах, что составит:

барказов корабельных	15
полубарказов	8
катеров	20

Все суда эти должны быть при расторопных офицерах, юнкерах или унтер-офицерах, с настоящими своими гребцами, вооруженными холодным оружием [1] без артиллерии: барказы — с брандспойтами, а катера для зацепления и взятия брандеров — с дреками на обоих концах дректовов; всем собираться у набережной новых провиантских магазинов.

Брандеры стараться направлять к таким местам, у которых взрыв их нисколько не сделал бы вреда кораблям и городу. Конечно, выгодно их обращать обратно, но еще выгоднее их топить или тушить, буде есть средства, и становить на отмель или на берег, так, чтобы после оставить для себя.

Купеческие суда, зимующие в Куриной балке, перевести к сухарному заводу; вообще на рейде, за боном, купеческим судам стоять не дозволять иначе, как у сухарного завода или, по особому разрешению, в Южной бухте.

Портовым барказам с верпами и кабельтовами находиться у старого адмиралтейства, а ботам собираться за кораблем «Селафаил» по берегу.

Малым пароходам и гребным судам иметь также привязанными к концам дректовов буйки или связанный рангоут, дабы бросать дреки с буйками на фарватер неприятельских пароходов.

Эскадре пароходо-фрегатов состоять в ведении контр-адмирала Панфилова, вместо которого для командования 2-й гаванной линией назначается капитан 1 ранга Ключников.

Изготовление отряда малых пароходов поручается капитан-лейтенанту Попову. Гребные суда, имеющие собираться у набережной новых магазинов, должны быть под главным начальством контр-адмирала Вульфа и разделяться на три отряда, имея в каждом из них под начальством особых офицеров барказы, полубарказы и легкие

---

[1] 16 марта Владимир Алексеевич отдал приказ № 25 о том, чтобы гребцы, высылаемые в отряд контр-адмирала Вульфа, имели то оружие, какое им по общему расписанию назначено, т. е. половина была бы с ружьями, а половина с легким абордажным оружием. **Примечание А. Жандра.**

катера[1]; отряды эти подчинить: первый — капитан-лейтенанту Степанову 3-му, второй — капитан-лейтенанту Кондогури и третий — лейтенанту Сенявину.

Жандр, ук. соч., стр. 127—130.

№ 168

ПИСЬМО В. А. КОРНИЛОВА Н. Ф. МЕТЛИНУ О ПРОДОВОЛЬСТВЕННОМ И БОЕВОМ СНАБЖЕНИИ ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА

17 февраля 1854 г., Севастополь

Или вы не так поняли, или я не умел выразиться, но я нисколько не думал осуждать заботливость вашу о провизии и сухарях, а напротив, тотчас же принялся за это дело и надеюсь вам вскоре доставить отчет... На уменьшение морских порций трудно в настоящее время надеяться; линейный флот, т. е. корабли и фрегаты, придется держать в полном составе постоянно, равно как и пароходы, и, кроме того, теперь снаряжаем транспорты, чтобы послать к вам и мелкие в Азовское море; ведь на них, хоть и в ограниченном количестве, но придется дать провизию.

Какие распоряжения сделаны на счет действий донского начальства, вы прочтете в прилагаемой копии с отношения князя к генералу Хомутову.

Если вы находите полезным употребить Швенднера, то препятствий быть не может. Конечно, дело доставки антрацита для нас теперь одно из самых важных.

Конечно, на снаряды следует также обратить самые деятельные меры. Прилагаю вам сведение, составленное здесь о снарядах, имеемых в Севастополе; цифра 36 ф. ядер весьма незначительна. Князь Меншиков приказал написать, чтобы на счет устройства сухопутных транспортов и найма фурщиков было сделано немедленно решительное распоряжение, что я и пишу главному командиру[2].

Для ускорения приема штуцеров и доставки в Севастополь не пошлете ли вы особого офицера? При нашем недостатке в абордажном оружии эти штуцера были бы весьма полезны.

Я думаю так же, как и вы, что при настоящем недостатке обшивочной меди канонерские лодки обшивать не следует.

Преданный вам *В. Корнилов*

---

[1] К этому было приложено подробное расписание гребных судов по отрядам, которое 19 марта заменено следующим: 1-й отряд — вторые барказы 14 кораблей и фрегата «Мидия»; 2-й отряд — 4 полубарказа («Вел. кн. Константина», «Трех святителей», «Ягудиила», «Мидии») и 8 катеров (по два с «Вел. кн. Константина», «Трех святителей» и «Гавриила» и по одному с «Тезея» и «Птоломея»); 3-й отряд — 4 полубарказа («Гавриила», «Уриила», «Селафаила» и «Андромахи») и 8 катеров (по два с «Уриила», «Ягудиила» и «Селафаила» и по одному с «Неарка» и «Эндимиона»). **Примечание А. Жандра.**

[2] Пишется от самого князя. **Примечание журнала «Русская старина».**

Исправление судов покуда идет благополучно; с Кавказа возвратился корвет «Андромаха»; некоторые из стопушечных мачт имеют годные штуки.

Пароход «Инкерман» можно готовить в Таганрог; в командиры надо приискать заботливого офицера; если вы кого знаете, то напишите — тотчас назначу. Может быть, Д а н д р и, бывший командир «Еникале», к этому годен; ему надо заслуживать, а его новороссийское ведомство представляло за особую деятельность.

«Русская старина», т. XLVIII, кн. XI, Спб., 1885, стр. 365—366.

№ 169

ПИСЬМО В. А. КОРНИЛОВА Н. Ф. МЕТЛИНУ О ПОДГОТОВКЕ ЭСКАДРЫ К ПРЕДСТОЯЩИМ БОЕВЫМ ДЕЙСТВИЯМ И УСИЛЕНИИ ОБОРОНЫ г. СЕВАСТОПОЛЯ

24 февраля 1854 г., Севастополь

Вчера с Загорянским не успел писать к вам. Надо было отправить длинное [письмо] Морицу Борисовичу на вопрос его, высылать ли «Бессарабию» и транспорты; тут же надо было сказать и о Дунайской флотилии. Он, вероятно, даст вам читать это письмо, ибо я просил его мое писание никому, кроме вас, до времени не сообщать. Мне кажется, до вскрытия рек надо негласно готовиться, а потом, вдруг избрав удобное время, пустить и Николаевский, и Дунайский отряды; мы так намерены устроить с здешними транспортами. На-днях отправляем в Керчь «Арагву», «Буг», «Аккерман», «Лиман» и Р...[1] с тем, чтобы они оставались на все лето в Азовском море. «Сухум-Кале» и «Кишинев» не исправны; «Ингул» и «Кинбурн» готовим брандерами для угощения друзей в случае, если нами займутся или где выгодно расположатся. Де-Антуани [?] требует материалов и провизии — я провизии не даю и на транспорты велел на две недели, они там в Керчи найдут[2]. Напишите, пожалуйста, какие еще транспорты вы полагаете прибавить для Азовского моря и не послать ли туда пароходы новороссийского ведомства: «Бердянск» и «Таганрог»; они могут там с пользою быть и для нашего ведомства. В письме к Морицу Борисовичу я написал: для буксирования флотилии можно употребить пароходы «Турок» и «Инкерман», но если последний вы не найдете удобным для сего назначить, то нельзя ли вытребовать «Сулин» или какой-нибудь из новороссийских. Мы также готовим экспедицию больших транспортов под прикрытием пароходов, пустим ее по первому от вас сигналу, т. е. по прибытии «Бессарабии» или приезде курьера с известием, что Лиман и Буг очистились. Провизия, антрацит и тяжести, кажется, настроены. Проект

[1] Не разобрано слово. **Примечание журнала «Русская старина».**
[2] Так в документе.

контрактов взял читать князь; по моему, можно надеяться на успех; конечно, наемные транспорты выгоднее и бог да поможет нам обойтиться без казенных, это будет и разорение и вряд ли вернее. Посылается к вам Пестич с проектом укреплений Буга; прошу принять это дело под ваше покровительство, без этого вряд ли что устроится, а я опасаюсь за Николаев; надо будет взять все меры, чтобы не допустить экспедицию пароходов к Поповой балке, а если нельзя, то далее ее уже никак [?], даже можно в узком месте за Керенной [?] затопить суда. Стоит прочесть историю речных подвигов англичан в Америке в 1812 г., когда не было у них пароходов. Мы здесь по возможности укрепились и если бы подошли войска, то можно бы смело ожидать какого угодно врага; вооружили все команды, очистили арсенал, из писарей составили стрелковую команду и оказалась очень хороша. По мнению князя Меншикова, пороху в Измаил можно и не посылать; нам здесь дают 5 тыс.

Князь велел о «Соче» (транспорте) возобновить представления.

Преданный вам *В. Корнилов.*

«Русская старина», т. XLVIII, кн. XI, Спб., 1885, стр. 366—367.

№ 170

ОТНОШЕНИЕ В. А. КОРНИЛОВА М. Н. СТАНЮКОВИЧУ ОБ УСТРАНЕНИИ НЕДОСТАТКОВ, ВЫЯВЛЕННЫХ ПРИ ОСМОТРЕ ДЕСАНТНЫХ СТРЕЛКОВЫХ ПАРТИЙ С ОТРЯДА ГРЕБНЫХ СУДОВ КОНТР-АДМИРАЛА ВУЛЬФА

8 марта 1854 г.

При осмотре сего числа стрелковых партий отряда гребных судов контр-адмирала Вульфа, собравшихся с кораблей, я вынужденным нахожусь просить ваше превосходительство сделать кому следует известным:

1) При сборе стрелковых партий барказ с корабля «Варна» пришел под одним фоком с бизань-мачтою, подвязанною у борта, и от этого, не имея чем привести к ветру, пристал дурно. Такое управление шлюпкою доказывает совершенное отсутствие морских познаний и случается на судах, на коих командиры не наблюдают за подчиненными и не делают им надлежащих наставлений.

2) Некоторые шлюпки на возвратном пути выгребали на ветер с поставленными мачтами. Это также доказывает отсутствие сноровки.

3) На многих гребных судах офицеры сидели закутанными в шубах, вероятно, полагая, что, быв назначены в партии для береговых действий, управление шлюпкою до них не касалось. Прошу командиров: офицеров с такими жалкими понятиями о службе посылать на шлюпках не иначе, как для черных работ, где их взгляд на свои обязанности вреда делу причинить не может, ибо офицер, который во время поручения, налагающего на него обязанность распоряжения и примера подчиненным своим, одевается так, что трудно двигаться и

что-нибудь видеть, конечно, не имеет чувства своего достоинства и, следовательно, понятие его о служебных его обязанностях — жалкое.

4) Гребные суда отряда контр-адмирала Вульфа, к сожалению моему, за исключением со стопушечных кораблей и затем некоторых, весьма немногих исключений, вообще не в том порядке, в каком бывают на исправных военных судах; некоторые имеют признаки долгого оставления на воде, другие избиты и похожи на расхожие портовые, иные без дреков и сходень, необходимых при высадке десанта. К тому по отзыву контр-адмирала Вульфа не все команды и офицеры постоянные и потому не знают сборных пунктов.

К сему позвольте присовокупить просьбу: прикажите объявить также тем, до кого касаться будет, что постоянный подъем или вытаскивание на берег и осматривание и поддержание материальной части гребных судов, в моих глазах, всегда во власти командиров и что, найдя, что на многих шлюпках флаги не соответствуют размерами своему назначению и флагштоки, которые сделаны самым топорным образом, дурно пригнаны, я приказал контр-адмиралу Вульфу таким судам воспретить поднимать флаги.

ЦГВМА, 39-й флотский экипаж, 1854, д. 6, лл. 36—37. Копия. Опубл. в кн. Жандр, ук. соч., стр. 132—133.

№ 171

ПИСЬМО В. А. КОРНИЛОВА Н. Ф. МЕТЛИНУ ПО ВОПРОСАМ ОБОРОНЫ ЧЕРНОМОРСКИХ ПОРТОВ И СНАБЖЕНИЯ ИХ БОЕПРИПАСАМИ

11 марта 1854 г., Севастополь

Вчера почта привезла представление ваше адмиралу Берху об отмене торгов на доставку снарядов. Князь, по рассмотрении ведомости о имеющихся в Севастополе, нашел, что этого добра у нас на настоящий случай достаточно и потому решил, чтобы поступить и с снарядами подобно как общее присутствие положило поступить с железом, т. е. обождать результата торгов.

Транспорты, назначаемые в Азовское море, согласно вашего мнения остановлены, отправились только два: «Арагва» и «Инкерман», и то потому, что надо было на них послать артиллерию для укрепления Керчи и Феодосии. Насчет обороны Николаева я совершенно разделяю ваше мнение, что нужно при воздвигаемых укреплениях начальство самостоятельное; я представлял это князю еще до отправления Пестича и теперь опять говорил; надеюсь, что что-нибудь будет сделано. Конечно, мне ехать невозможно, да и к чему это будет без того, чтобы там остаться.

О недостатке у вас пороху я также представлял вновь, и князь полагает взять его из Херсона, на что и обещал написать Пихельштейну.

«Русская старина», т. XLVIII, кн. XI, Спб., 1885, стр. 368.

№ 172

ИНСТРУКЦИЯ В. А. КОРНИЛОВА КОМАНДИРАМ КОРАБЛЕЙ, СТОЯЩИХ НА РЕЙДЕ, БЕРЕГОВЫХ БАТАРЕЙ И НАЧАЛЬНИКАМ ГРЕБНЫХ ДЕСАНТНЫХ ОТРЯДОВ О ДЕЙСТВИЯХ ПРОТИВ НЕПРИЯТЕЛЬСКОГО ФЛОТА И ЕГО ДЕСАНТА В СЛУЧАЕ НАПАДЕНИЯ НА СЕВАСТОПОЛЬ С МОРЯ

18 марта 1854 г.

Манифест 9 февраля объявил России возможность войны с Англией и Францией.

Предприимчивый и притом сильный на море неприятель может против Севастопольского порта предпринять следующие действия:

a) правильную атаку десантом и флотом самого порта и флота, в нем стоящего;

b) внезапную атаку внешних укреплений,

c) истребление стоящих в порте судов брандерами и

d) бомбардирование с внешних рейдов.

Атака одним флотом, который необходимо должен быть соразмерен вместительности рейда, признана невозможной. Неприятелю предстоит преодолеть: плавание длинною, узкою, окраенною каменными рифами бухтою; 40 000 народонаселение, составленного из военных людей разных войск и притом людей русских, не привычных к уступкам; более 700 береговых большого калибра орудий и 13 сильных кораблей, занимающих позиции, не доступные атаке иначе, как равными силами. Я не упоминаю уже о 5 больших фрегатах, пароходах и других судах, которые в русских руках, конечно, не останутся праздными зрителями в побоище за их родные домы.

Для правильной атаки десантом и флотом ближайшие пункты для своза первого: на Северной стороне — в Бельбекской долине, и на городовой — в Стрелецкой или других бухтах Херсонесского полуострова.

Северную сторону неприятель может предпочесть за прибрежье, способное для своза лошадей, артиллерии, снарядов и вообще тяжестей, равно как и для того, чтобы развернуть значительные войска, каковые необходимы для нападения на имеемые здесь в Севастополе и те, которые не замедлят приступить из Бахчисарая и других окрестных мест; к тому же овладение Северным укреплением и береговыми батареями: Константиновскою, Михайловскою и № 4, при самых обыкновенных с нашей стороны воинских предосторожностях, потребует не одной пехоты и полевой артиллерии, но и осадной, и, кроме того, флот не во всяких обстоятельствах может держаться на Бельбекском рейде, совершенно открытом и не всегда безопасном; следовательно, на случай его удаления, высаженные войска придется снабдить и продовольствием.

Нужны заклепки и предварительные распоряжения[1]

Объявлено приказом

Цель десанта в Бельбеке может быть овладение укреплениями Северной стороны, дабы, противопоставив их южным батареям и кораблям, Южную бухту защищающим, и, действуя бомбами по самому городу, предать все разрушению и таким образом облегчить вход своему флоту для атаки кораблей, в глубине бухты стоящих: но если гарнизоны, в крайности, не забудут заклепать орудия и мортиры, то завоевание это далеко еще не решит дела и победитель очутится под выстрелами противного берега и нашего флота.

Распоряжение зависит от обстоятельств

При высадке неприятеля на Северную сторону флоту нашему предстоит перевозить подкрепления с Южной стороны, отделять с судов вооруженные партии, не могущие, однако, ослабить защиту самих кораблей, и действовать артиллериею с фрегатов мелких судов и пароходов по неприятелю, при штурмовании им укреплений; линейным же кораблям ни в каком случае не следует оставлять своих позиций, ибо атака неприятельским флотом нашего должна быть непрерывно в виду.

Распоряжение зависит от обстоятельств

Объявлено приказом

Высадка на Южную или городовую сторону дает преимущество прямого нападения на город, гавань и все портовые заведения, но имеет и свои невыгоды:

1) суда должны стоять на дурном грунте в виду Севастополя и в опасности быть застигнутым NW ветром, иногда являющимся внезапно с силой и волнением;

2) берега для выгрузки не удобны, состоя из плиты и остроконечных камней, с трудными, скалистыми подъемами, и

3) самый полуостров изрезан балками при крутых обрывах, следовательно, предстоит цепь позиций, способных к защите малым числом войск.

При втором случае, т. е. высадке на городовую сторону, роль флота нашего должна ограничиться тем же, чем и в первом, т. е. перевозом войск на гребных судах, секурсом с кораблей и выжиданием решительного нападения с стороны неприятельского флота.

Наконец, может быть, неприятель при огромных его морских силах и решится высадить войска на обе стороны вдруг; тогда сухопутным войскам нашим достанется тяжелая работа, но флоту та

[1] Замечания на полях принадлежат В. А. Корнилову.

же роль — вспомогательная и выжидательная, разве какие-нибудь дерзкие покушения отдельных неприятельских кораблей на наружные укрепления представляет нам выгодный случай атаки с нашей стороны, к чему корабли должны быть заранее приготовлены.

Вообще, мне кажется, завладение Севастополем посредством десанта и флота не может быть предпринято иначе, как с большими средствами, с большими приуготовлениями и с большою обдуманностью.

Теперь следует завладение наружными укреплениями посредством внезапного десанта.

Объявлено приказом

Распоряжение зависит от обстоятельств, но о готовности кораблей предварительно должно быть внушено командирам

Такое покушение будет совершенно в духе бывалых подвигов английского флота и может быть предпринято с двоякою целью: во-первых, для обессиления обороны входа в порт и потом просто для того, чтобы что-нибудь сделать над батареями нашего сильного крымского пункта.

Внезапное нападение на наружные укрепления, конечно, будет посредством пароходов в темную ночь. Дивизионы гребных судов могут быть направлены на № 10, Константиновскую и даже для завладения брандвахтою, быв сформированы при пароходах в расстояние, в котором никакой глаз пароходов не заметит, и эти последние являются только тогда, когда десант приступит к своему делу.

Лучшее средство против такого рода покушения: заранее условленные меры отражения; бдительность телеграфов и наружных постов и готовность самих укреплений, корвета «Орест» и брандвахты при сомнительных обстоятельствах к безотлагательному и быстрому действию артиллериею, стреляя не наобум, а в видимую цель, а при близком расстоянии картечью, равно как и готовность к отпору самого приступа [1].

Предварительные же условия полагаю должны состоять в следующем:

а) По сигналу с телеграфов № 22 (неприятельские гребные суда идут к берегу) на батареях бьют тревогу, на наружных — тушат огни, кроме необходимых, имея и сии последние в по-

[1] При сем надлежит помнить, что батареи не атакованные должны действовать по неприятельским гребным судам только до тех пор, покуда они не пристанут к берегу и покуда наши мелкие суда и пароходы не явятся под выстрелами батарей, и потом, буде наши суда отретируются, преследуемые сильным неприятелем. **Примечание В. А. Корнилова.**

тайных фонарях, на всех готовят орудия для действия по востребованию и оружие для отражения приступа; корвет «Орест» бьет тревогу, тушит огни, изготовляется действовать орудиями и отразить абордаж; на случай последнего комендоры обязаны иметь в готовности заклепки, дабы заклепать пушки, если неприятель осилит; брандвахта бьет тревогу, готовится к бою, тушит огни, поворачивается на шпринг и поднимает абордажные сетки, но не палит ранее картечного выстрела. Если ветер ровный и можно надеяться успеть сняться с якоря, то под парусами боевому корвету или бригу легко управиться с нападающими гребными судами, при этом, однако, надлежит не увлекаться, ибо сильные пароходы не преминут явиться на поддержание своих десантов и, кроме того, можно попасть под выстрелы своих батарей.

Дивизионы эскадры П. С. Нахимова к. л. Макухину и гр. Рачинскому. Обоими же дивизионами командовать к. л. гр. Рачинскому. Дивизион эскадры, защищающей гавань—кап. 2 р. Перелешину 1. Будет сделан сигнал № 4.

b) Внутренним батареям, т. е. № 8, Николаевской, Павловской, № 4 и Михайловской, имея людей по пушкам и вооруженными, не открывать огня без особого приказания.

c) Бригам, изготовясь к бою, подобно корвету оставаться на своих позициях или, буде ветр позволит, сняться с якоря. Они могут принять участие в отражении неприятельских гребных судов, но имея в виду не мешать действию своих батарей и также то, что, удаляясь от них в море, можно быть отрезанными неприятельскими пароходами.

d) По тому же сигналу с телеграфов № 22 линейным кораблям обеих эскадр изготовить гребные суда: барказ и полубарказ, вооруженные артиллериею с стрелковыми абордажными партиями [1], а по сигналу с корабля «Вел. кн. Константин» и по открытии канонады гребные суда отправить к бону, где и ожидать дальнейших приказаний. Гребные суда должны быть под управлением исправных офицеров и, кроме вооружения артиллериею и десантными партиями, иметь дреки с дректовами, фалини для подания буксира, но мачт и парусов не брать. Назначение гребных судов с десантом есть помощь атакованным и нападение на неприятельские гребные суда.

Гребные суда, в таком случае требующиеся, предварительно разделить на три дивизиона и подчинить

[1] Я не разумею барказов второго комплекта, принадлежащих особому отряду контр-адмирала Вульфа, которые должны также явиться в свое место, но без десанта. Их назначение в этом случае, может быть, создать перевоз с одной стороны на другую. **Примечание В. А. Корнилова.**

каждый штаб-офицеру; два дивизиона будут с эскадры вице-адмирала Нахимова и один с эскадры вице-адмирала Корнилова.

По тому же сигналу с телеграфов № 22 все пароходы должны изготовиться, развести пары, но разводить их не иначе, как по сигналу с корабля «Вел. кн. Константин»; действия пароходов должны состоять в прикрытии наших гребных судов, в нанесении вреда неприятельским гребным судам и в отражении неприятельских пароходов; для движения их должны ожидать приказания или сигнала с корабля «Вел. кн. Константин».

Фрегаты должны состоять в совершенной готовности к снятию с якоря и к вступлению в бой; однако это будет также зависеть от распоряжения главного начальства, ибо имеет связь с разведением бона, который нельзя разводить, покуда не приведется в ясность цель и размер неприятельской атаки [1].

Быстрота, с которой пароходы могут переноситься с места на место, и определительность их плавания особенно благоприятствуют внезапным атакам, и потому, кроме исчисленных распоряжений, из коих некоторые требуют самостоятельного и непосредственного действия от частных начальников, в ночное время необходимо высылать к крейсерство на высоту Песочной балки опросный катер, в Карантинной бухте содержащийся, дабы в случае появления неприятельских пароходов или гребных судов извещал условным сигналом с отряда же гребных судов контр-адмирала Вульфа, собирающегося у новых магазинов иметь ежедневно по одному очередному дивизиону в ночном дежурстве при Старом Адмиралтействе. Дивизион этот должен изготовляться совершенно так, как приказано ему выезжать в случае тревоги, за исключением брандспойтов, которые могут быть оставлены на набережной против магазинов или в Старом Адмиралтействе; командам с дежурного дивизиона можно помещаться на корабле «Силистрия». Всегда готовый в ночное время дивизион этот обеспечит передвижение войск и защиту брандвахты; с него следует высылать через каждые два часа тоже исправный катер, снабженный всем нужным для крейсерства, совместно с оп-

[1] Ибо может, наконец, случиться, что атака на наружные укрепления будет соединена с атакой брандерами рейда. **Примечание В. А. Корнилова.**

росным катером между Песочной бухтой и Константиновской батареей [1].

Теперь перейдем к третьему случаю, т. е. истреблению стоящих в порте судов брандерами. Такие действия хотя в истории флотов мало имеют примеров удач, но требуют готовности. Положение французской эскадры адмирала Лалемана в 1809 г. на Баскском рейде при атаке брандерами представляет разительное сходство с нашим нынешним положением [2]. Конечно, главная вина бедствий французов была не брандеры английские, а беспорядок и следствие оного панический страх, от которого суда разбросались по отмелям: в этом деле один брандер взорвало в полукабельтове от одного из французских фрегатов и ему ничего не сделалось. В Абукирском сражении взрыв трехдечного «Ориан» не истребил ни одного соседа, а были очень близкие; в Наваринском сражении было 5 брандеров, зажженных без последствий; к ним отряжены были английские фрегат и бриги, их отводили гребными судами, а два, которых отвести не удалось и они насели — один на французский корабль «Сципион», а другой на русский корабль «Иезекииль», были потоплены артиллериею этих кораблей. В Синопском сражении, если турецкие суда зажигали друг друга и зажгли город, то это потому, что не гасили пожаров.

Атака брандерами может быть предпринята не иначе, как при свежем совершенно попутном ветре, т. е. при одном из западных ветров. Брандеров, вероятно, будет несколько: если не все страшные по своему приготовлению, то пущенные собственно для того, чтобы произвести замешательство. При появлении брандеров или по сигналу дневному № 25 и ночному № 2 («неприятельские брандеры идут на рейд»):

а) батареям по мере досягания их ядер открыть меткий огонь, обращая наиболее внимания на верность прицеливания и действуя настильными выстрелами в подводную часть судов;

b) брандвахте и другим мелким судам вступить под паруса, выпуская канат, и итти в Артиллерийскую бухту или туда, где не будут под выстрелами

[1] При свежем морском ветре, когда шлюпкам держаться трудно, в море их не высылать, ибо тогда нельзя ожидать и десанта со стороны неприятеля; в таком случае предполагается иметь пароход в крейсерстве. **Примечание В. А. Корнилова.**

[2] См. Историю английского флота, перевод Шестакова, т. 5, стр. 103. **Примечание В. А. Корнилова.**

как береговых батарей, так и линии кораблей, гавань защищающих, и больших пароходов;

c) пароходам развести пары, и когда готовы, то сниматься с якоря для действия против брандеров. Пароходо-фрегатам действовать, покуда удобно, по прорывающимся — артиллериею, а снявшись с якоря, держаться по способности для подания, кому потребуется, буксиров, стараясь вместе с тем не мешать действию шлюпок, отряженных для отвода брандеров;

d) фрегатам примыкать к позициям, назначенным им на случай атаки рейда флотом, и действовать артиллерией по способности;

e) шлюпкам быть при своих судах, кроме легких катеров отряда контр-адмирала Вульфа и с мелких судов. Катерам сим стараться, смотря по обстоятельствам, абордировывать, тушить и отводить брандеры, для чего и собираться под южным берегом у Павловской батареи, ибо действие их должно начаться, когда брандеры минуют огонь кораблей, гавань защищающих;

f) барказы отряда контр-адмирала Вульфа и портовые должны быть с брандспойтами и пожарными командами за линией кораблей, поставленной для защиты гавани;

g) на шлюпках, высланных для абордирования и отвода брандеров, иметь, кроме гребцов, по 6 человек абордажных; и те и другие должны быть самые ловкие люди, хорошо знающие свое дело, которое каждому заблаговременно должно быть определено, ибо от неуменья пристать к судну на ходу, т. е. от неловкости рулевого и баковых, долженствующих зацепиться, шлюпка вместо того, чтобы пристать, может быть опрокинута, да и если зацепится, а рулевой не будет знать править, то людям нельзя будет вскочить на борт.

Эти шлюпки должны быть без артиллерии и парусов, гребцы вооружены и одеты самым легким образом, на баке иметь два коротких отпорных крюка, привязанных к концам, дабы с ними зацепляться за фор-руслень или где удастся; буйки с дреками или кошкою и мокрые швабры и брезенты. В наставлении абордажным должно быть объяснено обыкновенное устройство брандера и из абордирующих один должен быть отряжен к рулю, два к якорям, а остальные искать стопины.

Трудно сначала определительно разъяснить подробности действий каждого, — это будет зависеть

от обстоятельств, к коим заботливые офицеры должны готовиться, читая примеры и обдумывая разные случаи. Тут в заключение подлежит только сказать, что цель брандеров, конечно, будет, прорвавши бон, сжечь корабли; что главное действие против них должно быть старание их топить огнем с батарей и с судов первой позиции и потом то же самое с батарей и кораблей второй позиции и потому действие против брандеров гребных судов, как средство второстепенное, отнюдь не должно мешать первым двум и, следовательно, ограничиться действием между черты Павловского мыса и батареи № 4 и другой черты между Ушаковой и Панайотовой балками, от коей начинается действительность ядер батареи и кораблей 2-й позиции, ибо тут только они могут быть предприняты без опасения потерпеть от своих ядер. Конечно, самое верное средство против этого варварского способа войны суть хладнокровные распоряжения или даже выжидание, ибо торопливость необходимо породит беспорядок, а беспорядок — гибель.

Распоряжение будет сообразно обстоятельств

Четвертый случай, т. е. бомбардирование с внешних рейдов, потребует от флота:

a) удаления кораблей с тех позиций, куда бомбы будут досягать, на другие, более безопасные;

b) готовность пароходов отбуксировать суда и

c) гребные суда с пожарными партиями и брандспойтами, чтоб гасить по распоряжению начальства пожары. На все это будет сигнал или приказание от главного начальства.

При обоих последних случаях на всех судах должны быть взяты всевозможные предосторожности от огня и команды расставлены по пожарному расписанию.

ЦГВИА, ф. 3, д. 34, оп. I, лл. 9664—9675. Опубл. в кн. Жандр, ук. соч., стр. 136—143. Копия.

№ 173

ПИСЬМО В. А. КОРНИЛОВА Н. Ф. МЕТЛИНУ С ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕМ О ВОЗМОЖНОМ НАПАДЕНИИ АНГЛО-ФРАНЦУЗСКОГО ФЛОТА

18 марта 1854 г., Севастополь

Спешу написать вам несколько строк по курьерской. Князь беспокоится, что если «Бессарабия» зайдет в Николаев, то опоздает сюда, ибо надо ожидать, что по случаю перехода наших за Дунай союзники что-нибудь предпримут против наших берегов, например, всем флотом явятся пред Севастополем, и потому поручил просить вас

«Бессарабию» и «Эльборус» пустить как только освободятся от льда, предписав им наблюдать всевозможную осторожность; транспорт мы готовим, но также пошлем, если это будет по силам.

Радуюсь успеху ваших укреплений, за войсками дело не станет. Кажется, к вам марширует вся 16 дивизия или, по крайней мере, Николаев будет центральным депо резервных войск.

Сегодня отправлена «Тамань» в Одессу с пленными турками, надеемся, что дойдет и возвратится. Насчет союзников слухи разноречивы, но самое достоверное, что не так легко действовать, как писать.

Уважающий и преданный вам *В. Корнилов*

«Русская старина», т. XLVIII, кн. XI, Спб., 1885, стр. 368.

№ 174

ПИСЬМО В. А. КОРНИЛОВА Н. Ф. МЕТЛИНУ О СОСТОЯНИИ ОБОРОНЫ СЕВАСТОПОЛЯ

22 марта 1854 г., Севастополь

Много благодарен за подробное письмо ваше от 13 марта; скоро придется нам завидовать вам — до того вы обезопасите Николаев. Наш же Севастополь трудится, но все еще, покуда не подойдут войска, нельзя назвать его с береговой стороны вне опасности от значительного десанта, которым грозят союзники; вся надежда на неспособное для десантов время и на то, что силы англо-французо-турок более на бумаге, чем в действительности, к тому еще им и, кроме Крыма, много забот.

Плотовой бон, кажется, будет непроходим для пароходов или, по крайней мере, потребует жертв. Прокофьев мне говорил, что его ставят углом; это хорошо; я где-то читал, что самые действительные боны, которые французы противопоставляли английским судам, были те, которые ставились наискось, чтобы суда скользили. Батареи стоят далеконько, да что же делать — местность такая; река широка, впрочем, надо надеяться, что неприятель не решится итти близко к отмелям.

Об отпуске вам пороху писано в Херсон. Кажется, 900 пудов, с тем, чтобы в Измаил ни фунта. Князь приказал написать адмиралу Берху, чтобы не посылал до времени в Измаил ни казацких баркасов, ни лодок, по случаю перехода нашими Дуная, что я и исполнил; вот вам и эту флотилию можно употребить в дело. «Перуна» выводить не для чего. Шкуну можно, когда справитесь с рабочими; я об этом пишу адмиралу Берху. Завтра или послезавтра отправляем к вам пароход «Грозный» и 5 транспортов. Бог да благословит их плавание. Если дойдут благополучно, то можно нагрузить и ожидать благоприятного случая; по последнему известию англичане объявили нам войну.

С нетерпением ожидаем «Бессарабию» и «Эльборус»; если «Эльборус» исправен, то он будет весьма полезен своим превосходным ходом.

Ключников об остальном вам пишет, а я и болен, и устал.

Преданный вам *В. Корнилов.*

[P. S.] Бедного Столбина здесь совершенно затормошили; потешьте его, велите Ильину пособить ему мастеровыми. Он мне сказал, что вы позволили ему подать именной список, который и прилагаю. Прикажите Ильину или Иванову отрядить к нам хорошаго чертильщика станков с курьером. Князь нас заганивает с разными этого рода задачами.

«Русская старина», т. XLVIII, кн. XI, Спб., 1885, стр. 369

№ 175

ПИСЬМО В. А. КОРНИЛОВА Н. Ф. МЕТЛИНУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ТРАНСПОРТОВ ДЛЯ МОРСКИХ ПЕРЕВОЗОК И О ПОПЫТКЕ АНГЛИЙСКОГО ПАРОХОДА ЗАХВАТИТЬ У СЕВАСТОПОЛЯ РУССКОЕ КАБОТАЖНОЕ СУДНО

2 апреля 1854 г., Севастополь

Спешу отправить курьера с журналами общего присутствия о сухопутных транспортах и перевозке тяжестей и с резолюциями на них князя Меншикова. При сем посылаю и письмо это в ответ на ваше от 29 марта. Конечно, лучше транспорты с подряда и сведения Коландса и других посланцов могут быть приняты к сведению. Транспортов, кроме уже отправленных «Акермана» и «Арагвы», мы более не пошлем, а те там останутся и можете ими располагать, как заблагорассудите.

Радуюсь, что работы на батареях подвигаются, по крайней мере, будете обеспечены от флибустьерского набега.

Сегодня вечером взошел «Прут»; «Феодосия» попала на камень; желательно, чтобы она воспользовалась северным ветром, ныне дующим, равно как «Эльборус», которого ждем с нетерпением. Возвратные надлежит пускать с осторожностью и лучше все пять вместе, уведомив заранее об их готовности с курьером; может быть, вышлем конвой, если к тому времени появятся неприятельские крейсеры. Нельзя ли те из транспортов, которые без артиллерии, вооружить, хоть взять с «Ахиллеса» или «Меркурия». Тогда они могут бороться с пароходами, разумею, при ветре и волнении. Третьего дня к нам подкрался на рассвете английский пароход под австрийским флагом и в виду хотел похитить каботажное русское судно, но мы выслали два фрегата и бриг; пароходы не имели паров, и неприятель, отрубив буксир взятого судна, едва спасся от наших молодцов, однако успел с судна снять шкипера и 4 работников, пятый спрятался в трюм и тем спасся; если бы ветер не стих, то, может быть, теперь бы мы

хвалились другим «Владимиром». Фрегат был близко, он пустил 5 бомб, упавших возле фрегатов; наши пароходы были тоже на ходу.

Вы меня не вините, что хозяйственные бумаги иногда задерживаются. Князь оставляет их у себя, чтобы вникнуть.

Хорошо бы, если бы «Инкерман» прокрался с надлежащею осторожностью, покуда светлые ночи, в Керчь; он может итти под берегом и скрываться и под Тендру и в Ак-Мечеть и так далее.

«Русская старина», т. XLVIII, кн. XI, Спб., 1885, стр. 370.

№ 176

ПИСЬМО В. А. КОРНИЛОВА Н. Ф. МЕТЛИНУ О ЗАХВАТЕ ПРОТИВНИКОМ КАБОТАЖНЫХ СУДОВ, АРЕСТЕ АНГЛИЙСКИХ ТОРГОВЫХ СУДОВ В ОДЕССЕ И ОРГАНИЗАЦИИ ТРАНСПОРТНЫХ ПЕРЕВОЗОК МОРЕМ ИЗ НИКОЛАЕВА В СЕВАСТОПОЛЬ

5 апреля 1854 г., Севастополь

Вот до чего мы дошли — нечестивый союз, пользуясь превосходством паровых судов своих, начал пиратскую войну против нашего бедного каботажа; удивляюсь, что Сакен не послал им сказать, что за взятые ими 11 херсонских лодок он арестовал 25 купеческих английских судов, находящихся в одесском карантине. К нам после угощения, сделанного 31-го, никто из этих молодцов не появляется; вероятно, собираются с силами.

Кажется, я известил вас о прибытии сюда 2 апреля транспорта «Прут»; если бы «Феодосия» не села бы на мель, то и она была бы дома. Теперь обстоятельства переменились, и князь Меншиков утвердил следующий план, который также, может быть, изменится другими обстоятельствами, но без подвозу такелажа и парусины для парусов и коек мы пропадем. «Гавриил» и «Уриил» в начале мая будут готовы, но нет им вант и других необходимых снастей. На флот требуется 6 тыс. коек и нет ни клочка парусины; конечно, этому виноваты не мы; всякому известно, с какими ничтожными средствами и как, можно сказать, славно Черноморское управление заключило прошлый год и даже на новую кампанию, выставив почти весь флот к новым действиям. План касательно транспортов составлен такой.

Пароход «Эльборус», испробовав нагрузить самым необходимым, т. е. такелажем и парусиной, отправить на прорыв; если он только минует Очаков, то я уверен, что прилетит в Севастополь благополучно; для привода его завтра отправляется к.-л. Попов. Транспорты нагрузить и содержать в совершенной [готовности] за боном на Поповой балке; для взятия их, если обстоятельства позволят, прислать пароходы, но как только изготовите, уведомьте чрез курьера.

В. Корнилов.

[P. S.] Насчет сухопутных транспортов князю показались некоторые места неясны; мысли его, как поступить с этим торгом, посланы адмиралу Берху. Князь недоволен остался крючком Иванова в поста...[1] о доставке 750 тыс. антрацита; он разрешил покупку 600 тыс., полагая в 150 тыс. отказать.

«Русская старина», т. XLVIII, кн. XI, Спб., 1885, стр. 371.

№ 177

ПИСЬМО В. А. КОРНИЛОВА Н. Ф. МЕТЛИНУ ОБ ОБОРОНЕ г. НИКОЛАЕВА И НЕОБХОДИМОСТИ ЗАТРУДНИТЬ НЕПРИЯТЕЛЬСКИМ КОРАБЛЯМ ВХОД В ДНЕПРОВСКО-БУГСКИЙ ЛИМАН

8 апреля 1854 г., Севастополь

Душевно порадовался решению князя на вас возложить должность официальнаго помощника адмирала Берха. Теперь считаю Николаев в безопасности.

Узнав о батареях и готовом угощении, союзники не пойдут к вам, это не с херсонскими лодками; я даже уверен, что присутствие канонерских лодок при пароходах в Кинбурне им не понравится. Насчет снятия знаков при входе в Лиман я отвечал Кумани (начальнику Гидрографического отделения), так как он меня об этом секретно спрашивает. Конечно, надлежит все сделать, чтобы затруднить плавание в наших водах, ведь самым входом в Лиман они нам наделают вред, ибо прервут водное сообщение с Херсоном, доставку лесов и прочее.

Не знаю, по какому случаю вы считаете «Арагву» и «Акерман» на пути в Николаев; они были отправлены в Керчь и туда уже давно доплыли; их оставляем для Азовского моря, там вы можете ими располагать.

Если «Инкерман» не считаете особенно необходимым в Таганроге, то, конечно, лучше не посылать.

Транспорты пускай стоят готовые за боном у Поповой балки; обстоятельства укажут, что можно с ними сделать; впрочем, в случае ожидания набега так, может быть, будет вернее их держать в списке.

Доклад о водочных подрядчиках здесь не являлся; на всякую беду я предупредил князя Меншикова[2].

Кажется, все вам написал; флибустьеры к нам не являются, а мы готовы встретить и Дундаса, и Гамелина, и Канробера, и Раглана. «Гавриил» и «Уриил» также подвигаются, нужен только будет такелаж и койки, на этих двух кораблях ни одной не осталось.

Преданный вам *В. Корнилов*

«Русская старина», т. XLVIII, кн. XI, Спб., 1885, стр. 372—373.

---

[1] Окончание слова не разобрано. **Примечание журнала «Русская старина».**
[2] Так в документе.

№ 178

ПИСЬМО В. А. КОРНИЛОВА БРАТУ АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ О ДЕЙСТВИЯХ НЕПРИЯТЕЛЬСКИХ ПАРОХОДОВ В ЧЕРНОМ МОРЕ

8 апреля 1854 г., Севастополь

Итак, мы в действительной войне с так называемыми великими высокопросвещенными морскими нациями. 31 марта по утру на заре явился анг[лийский] пароход у самого входа в Севастополь под австрийским флагом и вздумал напасть на каботажную лодку; высланные бриги и фрегаты отбили лодку и чуть его не поймали. С 1 по 4 апреля три больших союзника расположились брать и разорять каботаж и таким образом схватили 11 требак или херсонских лодок с разною дрянью, в том числе одну с нашими шубами и юбками нашей англичанки и горничной, которые отправлялись из Одессы в Николаев, прибыв в Одессу на пароходе. Посмотрим, что предпримут далее цивилизованные флибустьеры; мы готовы угостить на славу какую угодно экспедицию, с какими бы машинами они ни были. Стесняет нас только недостаток пароходов, приходится или терпеть подобно одесскому оскорблению, или ставить на карту последние ресурсы. Сердце раздирается, а пособить нечем. Жаль, что не подождали годика три, тогда бы мы не так их бы приняли, но бог за правое дело, не все же эти друзья будут вместе, а порознь мы померяемся. Теперь надо ожидать вестей с Дуная. Да благословит господь наших молодцов. Семейство мое покуда со мной здесь, хотя я сам и живу на корабле. Жду, чтобы война обозначилась, и тогда отправлю куда безопаснее; я все не могу поверить, чтоб дошло до русской земли. Действовать не то, что писать статьи в газетах.

Меня очень беспокоит Алеша. Здесь давно получили письма от офицеров «Дианы» из Рио-Жанейро, а от него ни слова. Не можешь ли ты что-нибудь узнать?

Затем прощай, будь здоров. Пиши почаще. Форпостная служба невеселое дело, особенно оставаясь на одном месте.

Целую ручки Sophie и обоих вас поздравляю с праздником.

Душевно преданный *В. Корнилов*

ЦГАДА, Рукописное собрание биб-ки Зимнего дворца, д. 2156, лл. 370—371. Автограф.

№ 179

ПИСЬМО В. А. КОРНИЛОВА Н. Ф. МЕТЛИНУ О ПОЯВЛЕНИИ СОЮЗНОГО ФЛОТА У ОДЕССЫ И ПРИНЯТИИ МЕР ПО ОБОРОНЕ НИКОЛАЕВА И КИНБУРНА

10 апреля 1854 г., Севастополь

Сейчас получил письмо ваше от 8 апреля с лейтенантом Сталь. Спешу отвечать: привезенная тем же Сталь весть о появлении союз-

ного флота у Одессы вам, конечно, была известна, и вы, вероятно, берете меры на счет Николаева. Дай бог, чтобы эта туча не разразилась чем-нибудь серьезно важным; впрочем, надо было ожидать, что враги наши, наконец, что-нибудь предпримут. О транспортах до лучших времен нечего и думать; по моему мнению, пускай стоят готовые, где найдете удобным. Попов мне пишет, что проба «Эльборуса» была неудачна, но что он имеет надежду выйти в воскресенье, т. е. завтра. Жаль, если он пустится, не наладив всего; и во всяком случае надлежит помнить, что неприятель не останется против Одессы без крейсеров у Севастополя и, может, и [у] Кинбурна, между же их пароходов могут случиться и ходоки, которые «Эльборус», при обросшем его дне и не совершенно исправной машине, и настигнут.

Понимаю вполне, как вам тяжелы переходы бумаг нашего несчастнаго управления, но что же делать, я в этом не причиной и также на всяком шагу твержу себе, что теперь не время сетовать.

Насчет вторичнаго оборота транспортов помолчим до лучших времен и, конечно, поступим согласно ваших указаний. Особенно имею [?] сухопутную доставку, о которой решение теперь посылают.

Касательно посланных наставлений относительно обороны Кинбурнскаго рейда лодками при пароходах теперь это будет зависеть от вас, вам ближе обсудить, какие меры приличны и доступны.

Мастеровых, парусников, шлюпников и лабораторную и арсенальную роты князь разрешил прислать сюда, если не удастся морем, то сухим путем.

Затем прощайте, желаю счастия и благополучия. Теперь 9 час., через три часа начнется праздникам праздник. Ночь темная, боюсь, чтобы флибустьеры не вздумали наделать тревоги. Еду брать возможные предосторожности; того и смотри, что польские руководители им не натвердили, что в праздник здесь все пьяно и в разброде.

Преданный вам *В. Корнилов.*

«Русская старина», т. XLVIII, кн. XI, Спб., 1885, стр. 373—374.

№ 180

ПИСЬМО В. А. КОРНИЛОВА Н. Ф. МЕТЛИНУ С СООБЩЕНИЕМ СВЕДЕНИЙ РАЗВЕДКИ О НЕПРИЯТЕЛЬСКОМ ФЛОТЕ

16 апреля 1854 г., Севастополь

Спешу отправить вам извещение, что вчера вышедший от нас пароход «Владимир» дал знать, что против Евпатории увидел неприятельский флот (18 кораблей, 7 пароходов); во весь день мы видели только дым одного парохода, вероятно, гнавшегося за «Владимиром», который к вечеру исчез. Сегодня поутру дано знать чрез казака, что неприятель стоял в Козлове [1], а теперь он у нас в виду: по манев-

[1] Евпаторию местные жители зовут Козлов.

рам его надо полагать, что он желает пробыть некоторое время у наших берегов, и потому если «Эльборус» не отправился, то лучше обождать. Приятели, конечно, походят да и удалятся, малых же крейсеров оставить не решатся. Затем прощайте, мы целые часы проводим на телеграфах, еще не привыкши к зрелищу чужих кораблей у входа в Севастополь; с нетерпением ждем [известий] о действиях союзников в Одессе; не понимаю, отчего так долго никого нет.

Преданный вам *В. Корнилов*

«Русская старина», т. XLVIII, кн. XII, Спб., 1885, стр. 687.

№ 181

ПРИКАЗ В. А. КОРНИЛОВА ПО ЭСКАДРЕ ОБ УСИЛЕНИИ БДИТЕЛЬНОСТИ И О ГОТОВНОСТИ КОРАБЛЕЙ НА СЛУЧАЙ НЕОБХОДИМОСТИ ВЫЙТИ В МОРЕ ДЛЯ АТАКИ ПРОТИВНИКА

18 апреля 1854 г.

«Появление англо-французской эскадры у самого входа в Севастополь и близкий подход винтового английского корабля «Агамемнон» под флагом контр-адмирала Лайонса к бухте с намерением остаться на ночь под нашим берегом требует со стороны судов флота особой бдительности и совершенной готовности в самое короткое время сняться с якоря и следовать для атаки неприятеля. Нет надобности после сего объяснять командирам, как важно, чтобы на судах, им вверенных, от захождения до восхождения солнца все без исключения были в сборе, и, конечно, они давно уже завели порядок, на каждом военном судне в военное время наблюдаемый, перед вечернею зарею делать перекличку по пушкам и раскладывать все принадлежности к бою, но к этому я считал бы полезным присовокупить, что командирам необходимо, покуда неприятель в виду, после переклички завести осмотр, все ли готово: 1) к внезапной съемке с якоря; 2) к быстрой высылке стрелковых абордажных партий, для которых предварительно изготовлять патроны; 3) пароходам — чтобы развести пары с возможною поспешностию и потом буксировать корабли и 4) брандвахте — к разводу бона».

Жандр, ук. соч., стр. 153.

№ 182

ПИСЬМО В. А. КОРНИЛОВА Н. Ф. МЕТЛИНУ О ДЕЙСТВИЯХ НЕПРИЯТЕЛЬСКОГО ФЛОТА ПОД СЕВАСТОПОЛЕМ

19 апреля 1854 г., Севастополь

Теперь только удосужился отвечать вам на письмо ваше от 14 апреля. Начну с того, что эти дни меня наиболее тревожило; как счастлив, что «Эльборус» неисправен; вот 4-й день, что армада Фи-

линна II нас не покидает, хотя вреда не делает, напротив, доставляет удовольствие любопытным и обильную пищу бульварным критикам, но все-таки приходилось быть на *qui vive* [1]. Вчера «Владимир» расстроил общее спокойствие, т. е. и союзников, и наше, быв послан для приведения в известность числа удалявшихся судов, — так подошел близко, что навлек погоню, и так как ему показалось, что может с преследователями шутить, то и пошел к Лукулу, так что когда поворотил в Севастополь, то англо-французские пароходы, гнавшиеся из-за Херсонеса, его отрезывали: надо было нашим затопить печи; эта мера не замедлила привести все в порядок, союзники тотчас привели к ветру. Сегодня опять повторилось при высылке «Одессы», но «Одесса» не ввела нас в расход угля, а у них 4-х заставила поднять пары. Теперь вся армада удаляется к W, вероятно, набрали материалов для газет. Впрочем, 17-го они очень близко подходили и особенно винтовой пароход, корабль «Агамемнон» под флагом известного Лайонса, всего было в виду 19 кораблей, фрегатов и 9 пароходов пред Севастополем; они заглядывали в Евпаторию, откуда похитили пьянаго таможенного чиновника, выехавшего их осмотреть, и три каботажных судна. Об «Одессе» вы, конечно, все подробно знаете; хорошо бы было с этим же курьером, которому князь велел отправить порученную ему бумагу к генералу Сакену, выписать чрез Рыкачева английские ракеты и бомбы, по одной штуке разных калибров, для осмотра в лаборатории. Криднер уверял, что они бросили много разрывных от удара, но что они не разрывались.

Также любопытно бы было осмотреть, не потонуло ли каких снарядов, с затопленными на пересылке двумя ракетными барказами; это мог бы сделать Фролов.

Я надеюсь, что вы получили письмо мое с лейтенантом фан-дер-Флитом во-время, чтобы задержать «Эльборус». Пускай поочистится горизонт, тогда мы известим вас с нарочным, равно как и о транспортах. Накажите Попову, чтобы в случае встречи неприятельских купцов, вышедших из наших портов, не трогать, на это есть объявление Министерства финансов.

Я очень доволен буду, если вы употребите Берлинского для провода судов, тогда можно прогнать настоящих лоцмейстеров.

Совершенно согласен, что «Турок» для эскадры у Кинбурна не годится; я не полагал, что он так глубоко сидит. Неудачная проба «Эльборуса» меня не удивляет; это было причиною, что я боялся к вам послать «Владимира», надо своих механиков. Грешно, а подумаешь, что наемные делают нарочно.

О передаче провизии береговой линии князь, кажется, хочет чтобы ее приняли; находит, что надо поберечь царские деньги. Я передал бумагу полковнику Вуншу, который у его светлости этими делами занимается.

Сигналов между николаевских батарей не получал и потому ничего сказать не могу. Знаю только, что у вас не струсят при тепе-

[1] Настороже.

решнем начальнике и потому не только за одни мачтовые суда, но и за весь Николаев совершенно спокоен. Порядок, принятый по штабу, совершенно одобряю.

Преданный вам *В. Корнилов*

«Русская старина», т. XLVIII, кн. XII, Спб., 1885, стр. 688.

№ 183

ПИСЬМО В. А. КОРНИЛОВА Н. Ф. МЕТЛИНУ О БЛОКАДЕ НЕПРИЯТЕЛЬСКИМ ФЛОТОМ СЕВАСТОПОЛЯ И ВООРУЖЕНИИ КОРАБЛЕЙ «ГАВРИИЛА» и «УРИИЛА» ДЛЯ БОРЬБЫ С ПРОТИВНИКОМ

22 апреля 1854 г., Севастополь

Вчера получил письмецо ваше от 19-го и также от Попова, который сильно порывается прорезать англо-французскую блокаду, но, мне кажется, благоразумие требует переждать. Какой-нибудь случай с «Эльборусом» (ведь Попов не бессмертен), и неприятель доставит возможность заглушить бесславие, лежащее теперь на Дундасе и Гамлене за Одессу, а нам «Эльборус» не необходим, мы даже нашли возможность вооружить «Гавриила» и «Уриила» без подвоза, разумеется, старьем, но можно будет стоять в Севастополе и грозить союзной армаде; армада эта не перестает блокировать нас. Одно время я думал, что они пустились вдоль южного берега, но вчера опять в полном числе появились от W, а три больших парохода составляют цепь до Евпатории. Сегодня продолжают быть в виду, но в отдалении.

Транспортам ничего не остается, как ожидать благоприятных обстоятельств. Очень рад, что по обороне все у вас приведено в такой [порядок?]; видно, что вряд (ли) будет покушение от неприятеля, который, кажется, бережет свои силы.

Рабочие команды, вами предназначенные в Севастополь, отправьте, как признаете удобнее. Мартына князь [Меншиков] не желает сюда.

Бомб Лехнера более того числа, которое уже у вас заготовлено, нам не понадобится; вчера мы пробовали присланные из Петербурга, которые не менее удачны, чем Лехнера, но не требуют никаких приспособлений, а дело все заключается в изготовлении деревянной трубки по самому простому плану. Насчет ружей я не знаю, что будем делать; за что мы Штофрегена наградим такими огромными деньгами. Нельзя ли поторопить дело по заготовке машин у Мальцова. Желательно бы было попытаться. Если Попову нечего делать в Николаеве, то можно прислать сюда; впрочем, я надеюсь, что союзники скоро утомятся блокадой.

«Русская старина», т. XLVIII, кн. XII, Спб., 1885, стр. 689—690.

№ 184

ПРИКАЗ В. А. КОРНИЛОВА О СОБЛЮДЕНИИ МАТРОСАМИ САНИТАРНОГО РЕЖИМА

24 апреля 1854 г.

Во всех военных флотах, не исключая турецкого, принято, чтобы нижние чины на судах спали в подвешенных известной формы койках, и к особенной заботливости капитанов отнесено наблюдать, чтобы подвешивание непременно исполнялось.

В русском военном флоте койки введены с его основания и по штату всегда полагались, равно как шкентросы и прочие их принадлежности. Штатом же 1840 г. постановлено отпускать на каждого человека по две койки из парусины, собственно для коек отделываемой, дабы во время мытья одного комплекта на другом спали.

Полагаю, что во время управления Черноморским флотом адмирала Грейга требовался этот с незапамятных времен заведенный на военных судах порядок.

Всякий из нас помнит, как настоятельно он требовался покойным адмиралом Лазаревым; опытный адмирал отдавал много приказов и подробных инструкций о подвешивании коек и обращении с ними, видя в сей принадлежности морской жизни матроса предмет, наиболее способствующий к сохранению его здоровья, ибо адмиралу Лазареву, как много плававшему, известно было лучше, чем кому-либо: 1) что в койке только матрос может заснуть сухо; 2) что в койке только матрос непременно разденется, ибо иначе в нее трудно лечь, и 3) в койке только он будет спать на месте, ему определенном, что всегда важно для судового порядка.

Непомерное умножение больных в некоторых экипажах флота и особенно появление скорбута и вообще худосочия, к развитию коего ничто столько не содействует, как ненатуральный сон и притом на сырой палубе, наводит меня на мысль, что не на всех судах строго наблюдают, чтобы нижние чины непременно спали в подвешенных койках и раздевшись, а потому я вынужденным нахожусь напомнить командирам судов, что такое несоблюдение правил морской жизни, заведенных с давних времен всеми нациями, с пожертвованием значительных денег, отнесено будет начальством к неспособности к командованию, ибо нераспорядительность или беспечность в отношении к сохранению здоровья команды не должна быть ничем извиняема.

Жандр, ук. соч., стр. 155—156.

№ 185

ПИСЬМО В. А. КОРНИЛОВА Н. Ф. МЕТЛИНУ ОБ УЛУЧШЕНИИ ОБОРОНЫ СЕВАСТОПОЛЯ И ПОДГОТОВКЕ ФЛОТА И КОМАНДЫ К БОЕВЫМ ДЕЙСТВИЯМ

25 апреля 1854 г., Севастополь

Пишу вам несколько слов, во-первых, чтобы известить вас, что союзные флоты не покидают севастопольских вод; вчера пароходы подходили к Балаклаве и мы принуждены были туда прокатиться; между тем они ушли, напугав греческий баталион. Князь покуда не разрешает выхода «Эльборуса». Надеюсь, что тесная блокада скоро ослабится. Оборона наша приводится в самое удовлетворительное положение; завтра будет освящение 8 пушек. Башни выстроены Волоховым на Северной стороне. Херсонский полуостров набит войском.

Бельбекская коса занята также целой армейской бригадой, остается желать изготовления 2-х кораблей и тогда с 14 кораблями и 7 фрегатами можно будет отважиться на что-нибудь. За матросами дело не станет; сегодня пришло до 400 человек, и до 15-го мая соберется до 2 тыс. вольных матросов, которые смотрят весьма развязно и обещают дополнить команды с излишком; хлопочите только о провизии. Двягин мне говорил, что водки очень мало, всего на 10 дней; надо будет обратиться к откупу, буде подрядчик не подвезет. Не пришлете ли юнкеров сухим путем, им бы приличнее было быть на кораблях. Попов, если не уехал, пускай еще подождет; я все надеюсь, что скоро ему разрешат итти морем.

Преданный вам *В. Корнилов*

[P. S.] Насчет недостатка пороха в Николаеве я хорошенько не понял. Ведь херсонскому артиллерийскому начальству велено отпустить 900 пуд., — или этого мало? Я писал капитану 1 ранга Чигирь [1], чтобы не задерживать вольных матросов в Николаеве в [числе] 430; они все должны итти сюда 430, и без того бездна рекрут.

Князь поручил просить вас приказать попытаться сделать в николаевской лаборатории несколько ракет по образцу английских и испытать их на станке, Аркасом затеянном; задайте-ка эту задачу какому-нибудь Иванову или другому лаборатористу. Мальцово дело возвращено с надписью князя, которою оно, к большому моему сожалению, опять отсрочено. Но что же делать, такова, вероятно, судьба развития этой, по-моему, важной для России промышленности. Здесь вообще оказываются весьма неудовлетворительными выпускные ватершланги корабельных брандспойтов: сочатся, как решето, между тем мы на случай брандеров и зажиганий ставим на ногу корабельные пожарные команды. Я велел Авдееву представить, что найдет нужным, и, вероятно, Ключников вам об этом пишет; не сочтете ли нужным спросить Витворта.

---

[1] Дежурный офицер штаба в Николаеве.

У нас строят в госпитале баню; для нее делают разные вещи в Николаевском адмиралтействе; баня — предмет для больных важный, и хотелось бы кончить; справьтесь и напишите мне, что вы находите возможным сделать и переслать и что лучше сделать здесь; для последнего надлежит переслать чертежи, ибо здесь копий не оставлено. Сейчас получил письмо ваше от 26-го с Воеводским; о наряде для парусов не успел еще сказать Ключникову и сейчас пошлю; на резервную артиллерийскую бригаду не располагайте; князь часть берет сюда. Не назначите ли вы на батареи наших рекрут. Это для них полезнее гусиного шага. Бумага Горчакова об угле передана вам с тем, чтобы вы написали представление о невозможности черноморскому интендантству принять на себя дунайские угольные расходы. Насчет других статей я бы полагал вам написать докладную записку князю Меншикову. Затем прощайте, писать более некогда.

Преданный вам *В. Корнилов*

«Русская старина», т. XLVIII, кн. XII, Спб., 1885, стр. 690—691.

№ 186

ПИСЬМО В. А. КОРНИЛОВА Н. Ф. МЕТЛИНУ О МЕРОПРИЯТИЯХ ПО ОБОРОНЕ НИКОЛАЕВА

29 апреля 1854 г., Севастополь

Князь разрешил отправить Попова на «Эльборусе» в неизвестную экспедицию, о которой мы с ним условились и о которой он вам расскажет лично. Дай бог, в добрый час!

Опасение херсонского губернатора главнокомандующий не разделяет и весьма был удивлен покушению на днепровские гирла. С Поповым отправляется бумага к Ильинскому, чтобы он не заваливал этот источник днепровской жизни, причем, кажется, ему разрешится укреплять берега, как пожелает, но только не портя навигации по реке.

Вообще у нас как будто ударились в другую крайность: до сих пор всюду царствовала непонятная беспечность, а теперь все пустились на самые сумасбродные планы; вообразите, что поперек наружного керченского фарватера, против Павловской батареи, топят 34 судна, в том числе кавказские транспорты; удивляюсь, что оставляют пароходы, а то и их бы следовало на фарватере затопить. Слава Дундасу, что отличился в Одессе, а то не такие бы меры начали брать. Попов вам расскажет о посещении союзными кораблями и пароходами Керчи и Феодосии, и тут было видно, что они с крайней осторожностью подходят под батареи, да и не может быть иначе, ведь надо же думать о сохранении судов, особенно машин, исправление которых в Константинополе, вероятно, более чем затруднительно.

Плавучая батарея для постановления на правом фланге бона приведет, по моему мнению, оборону Николаева в совершенно удовлетворительное состояние, так что батарея на хуторе Дмитриева будет уже роскошь.

Одно место, которое, мне кажется, следует оградить от ракет, — это Спасское адмиралтейство; предполагаю, что союзники, видя невозможность добраться до Поповой балки, вздумают высадить десант на правый берег, чтобы, заняв Варваровку, сжечь, что можно своими ракетами. Тогда небольшая батарейка у Сухого фонтана будет весьма кстати. К ней можно присоединить и имеемые у вас полевые орудия.

Князь Меншиков поручил передать вам его разрешение отпустить, буде найдутся, орудия с принадлежностью для вооружения батарей в херсонских гирлах. Попову поручено условиться с г. Ильинским где, как и какие батареи поставить.

Насчет ружей, имеемых в херсонском арсенале для вооружения наших рабочих команд, то князь Меншиков признает излишним, полагая, что у вас будет достаточно сухопутных войск. Если потребуется в Херсоне офицер для указания, как обращаться с вооруженными дубами[1], то можно командировать кого-нибудь из рабочих, служивших прежде в артиллерии, или даже флотского, вроде лейтенанта Липского; пожалуй, возьмите из военно-судной комиссии.

«Русская старина», т. XLVIII, кн. XII, Спб., 1885, стр. 691—692.

№ 187

ПИСЬМО В. А. КОРНИЛОВА Ф. Ф. МАТЮШКИНУ О БЛОКАДЕ СЕВАСТОПОЛЯ НЕПРИЯТЕЛЬСКИМ ФЛОТОМ

4 мая 1854 г., Севастополь

До вас конечно дошло чудное сожжение английского пароходо-фрегата «Tiger» у Одесского маяка[2], конно-артиллерийского [с] 4 орудиями. Командир капитан Giffard, мой знакомец по Лондону, с оторванной ногой взят в плен и при нем 25 офицеров и 201 чел[овек] нижних чинов, включая мичманов. Сравнивая это дело с делом «Колхиды», невольно призадумаешься и придет на мысль, следует ли с нашим Черноморским флотом, ныне состоящим из 12 кораблей и 7 фрегатов, готовых бить и на-смерть, смотреть со смирением на блокирующих Севастополь 18 союзных кораблей с причетом пароходов. Конечно, мы не можем пожаловаться, чтобы они нас беспокоили.

---

[1] Дубы — род местных судов. **Примечание редакции журнала «Русская Старина».**

[2] Английский военный пароходо-фрегат «Tiger» («Тайгер»), следуя утром 30 апреля 1854 г. в густом тумане у берегов Одессы, выскочил на камни в 6 километрах от Одесского маяка и был обстрелян прибывшей к месту аварии полевой артиллерийской полубатареей, нанесшей кораблю серьезные повреждения. Убедившись в невозможности сняться с камней, экипаж сдался русским и был перевезен на берег. После тщетных попыток стащить захваченный пароход с мели он в виду приближения двух неприятельских пароходов был зажжен и вскоре взлетел на воздух.

Вот скоро три недели, как блокада продолжается, а один только день они нас потешили своими маневрами в глазах севастопольских зевак, а теперь около двух недель благодаря ли постоянно стоящим в море туманам или особым соображениям Дундаса и Гамелена [1] мы их видим изредка с телеграфов наших на Херсонесском маяке и в Георгиевском монастыре. Союзники до того приучили севастопольскую публику к своему соседству, что один только густой туман был причиной неотправления билетов на флот на 1 мая, которое с небывалым великолепием [от]праздновано было в Голландии [2] — сто чел[овек] гостей, народу было необыкновенно. Несмотря на все это, как-то неловко, когда взглянешь на двойной б... [3], на флот, на позиции, на лес купцов [4], затянутый к Черной речке, и особенно когда подали записку с телеграфа: «Неприятельский флот в числе 30 вымпелов виден на SW от Херсонесского маяка». Что ж делать? Терпи казак — атаманом будешь! Между тем, у нас к исходу этого месяца будет 14 линейных кораблей и 2 т[ысячи] старослуживых вольных охотников. Завтра смотрю 2-ю партию этих молодцов. Что за бравый народ и с какой неподдельной охотой, с каким одушевлением они расходятся по знакомым экипажам, и без того наэлектризованные до-нельзя. Вот тебе наши дела, — сказал о них. Заключу просьбой, возьми на себя труд, любезный Федор Федорович, выслать мне по курьерской почте Journal de St. Petersbourg — по обыкновению он терять не терял, а теперь всякий час дорог [5]. Подпишись за меня на весь год и начиная с настоящего времени. Прежде посылал мне газеты князь, но ныне к нему прицепили такой длинный хвост, что никогда не доходит. Я же, по обыкновению, продолжаю домоседную жизнь и потому иногда остаюсь без газетного чтения, ныне столь интересного. Journal de St. Pet[ersbourg] выбрал потому, что там не помещается лишних для меня известий. Жаль только, что в журнале этом не всегда верно описывают наши же происшествия. Вот, например, события 31 марта у самого Севастопольского рейда, когда наш молодец-фрегат чуть не поймал английский пароход, подкравшийся под австрийским флагом. Пришлю тебе верное описание случая. Помни, что тогда еще объявление войны нам не было известно.

Прощай. Кланяйся брату Александру и перешли это письмо по адресу [5].

В. Корнилов

ЦГВИА, ф. 164, д. 1. Письма В. А. Корнилова к разным лицам. Стр. 122—123. Автограф.

---

[1] Дондас (1785—1862) — английский адмирал. В Крымскую войну он вместе с французским адмиралом Гамеленом командовал союзным флотом и безуспешно бомбардировал Одессу.

[2] Голландия — участок на берегу Северной стороны Севастополя, принадлежавший Морскому ведомству; здесь находилась дача главного командира Черноморского флота и портов Черного моря, и происходили в летнее время приемы и празднества.

[3] Конец слова не поддается прочтению.

[4] Купеческие (торговые) суда.

[5] Так в подлиннике.

[6] Обычно В. А. Корнилов пересылал через Ф. Ф. Матюшкина письма своим петербургским родным и знакомым.

№ 188

ПИСЬМО В. А. КОРНИЛОВА Н. Ф. МЕТЛИНУ О БОЕВОЙ ПОДГОТОВКЕ РЕКРУТСКИХ РОТ В НИКОЛАЕВЕ

5 мая 1854 г., Севастополь

О Мартыне я поручил Попову сказать вам, что присылка его сюда зависит от вас и что, узнав, что здесь нет порядочного подмастерья, я считаю ее весьма полезною. За бомбы Лехнера будем весьма много благодарны, хотя и пробуем петербургского изобретателя. Кроме того, Пестич трудится над разложением французской ударной бомбы и английской ракеты большого калибра, прибывших из Одессы. Первая сложна и затейлива до смеху, вторая также не разрывалась, хотя и предназначалась разливать лаву, и выходит все это: не так страшен чорт, как его малюют.

Касательно дунайского снабжения записка Комовского вам будет служить ответом. Юнкеров отправляйте, как сочтете удобнее, конечно, лучше на долгих; надо только с ними прислать и их офицеров, по назначению Стеценкова.

Снятие 200 пуд. пороха с Кинбурна князя встревожило так, что он посылает отсюда, опасаясь, что вы скоро не отдадите, хотя я представлял ему, что по вашему же письму морской порох ожидается в мае. Он недоволен Поповым за самовольное употребление последним имени князя. Скажите нашему Кокрену, чтобы он этого впредь не делал.

О горькой участи рекрут я предварял при самом распоряжении о соединении их в Николаеве, но меня не хотели слушать, твердя, что на это есть непременная воля государя. Теперь ничего более не остается делать, как до обещанного их поступления в свои экипажи употреблять на земляные николаевские работы и для прислуги у батарей, разумеется, доколе сие возможно, не ослабляя рекрутские классы. По примеру Балтийского флота назначается Алексеев начальником запасных рекрутских рот обеих дивизий, а капитан-лейтенанты Суслов и Бертье Делягарди — его помощниками, по каждой дивизии отдельно; когда они прибудут к месту назначения, надо будет возложить на них их должность, не отстраняя, однако, от наблюдения за правильностью фронтовых учений Юхарина, ибо главная цель сбора рекрут в Николаеве — это присутствие там учебного морского экипажа.

С нетерпением ожидаем сухопутного транспорта; у нас так нуждаются в такелаже, что я начинаю прекращать разные [?] на эскадре ученья; на транспорты же надеяться не смею; страшно лишиться вдруг такого драгоценного груза, ибо крейсерство союзников продолжается. Сегодня, как только туман немного прочистился, подходили на вид Севастополя два больших парохода; весь ли флот нас блокирует, увериться трудно; горизонт весьма редко прочищается, а последние три дня далее маяка ничего не видели, и в море [туман] стоит, как стена. Меня начинает беспокоить Попов, если он вышел. При тумане легко набрести на сильного неприятеля и трудно попасть в свой порт, особенно с компасами «Эльборуса». Конечно, важно пу-

гнуть их в тылу, но не менее важно сохранить суда наши до благоприятного времени в целости.

О включении предлагаемых вами условий при приеме провизии от сухопутного ведомства будет сделано [распоряжение], когда получится представление адмирала Берха.

Мы в бедственном положении насчет корабельных брандспойтов, я сегодня пробовал на корабле «Ягудииле» — решительно не берет. Направляю на это Авдеева, но, кажется, дефект в шлангах; не сделает ли чего Витворт.

Преданный вам *В. Корнилов*

«Русская старина», т. XLVIII, кн. XII, Спб., 1885, стр. 692—693.

№ 189

ПИСЬМО В. А. КОРНИЛОВА Н. Ф. МЕТЛИНУ О ПРИБЫТИИ «ЭЛЬБОРУСА» В СЕВАСТОПОЛЬ

10 мая 1854 г., Севастополь

Отправляю курьера более для того, чтобы вас успокоить насчет «Эльборуса». Он доплыл благополучно; 6-го на рассвете, при густом тумане, взошел на рейд; к Сизополю и Пендераклии не пускали, ибо ход был плохой, не более 8 узлов; вероятно, опять какие-нибудь беды в воздушных насосах или паровых трубах; теперь его осматривают. Накануне прихода «Эльборуса», при прочистившемся тумане, подходили к Севастополю два английских парохода, так что надо благодарить бога за «Эльборус».

8-го я выходил посмотреть, нет ли судов, но кажется, что союзникам наскучило блокировать нас. Туман помешал удалиться от порта, но кажется, что мы более не под караулом. Сегодня задул NW и, наконец, после многих недель чистый горизонт и летнее небо. К вечеру повестили какой-то парусный бриг.

Нового ничего, кроме новой глупости Серебрякова; вздумал отправить 140 балаклавцев и больных из Новороссийска в Керчь на греческих бригах; их и взяли англичане. Отряду Лайонса из 2 винтовых кораблей и 4 пароходов очень понравился Геленджик, нами очищенный; он туда заходил, посетив Феодосию, Керчь и Анапу, и созывал там горцев; того и смотри, что изберут Геленджик пунктом для направления действий своих на Новороссийск и Анапу.

У нас готовится «Гавриил» к выходу из Дона, а за ним последует и «Гавриил» (sic). Ожидаем с нетерпением первого...[1] транспорта и с ним такелажа, в котором сильно нуждаемся; также будет ли у нас уголь-антрацит? Нельзя не выказывать признаков жизни, а всякое разведение пара уменьшает имеемый запас.

Прощайте, желаю вам здоровья, преданный вам *В. Корнилов*

«Русская старина», т. XLVIII, кн. XII, Спб., 1885, стр. 694.

[1] Не разобрано слово. **Примечание журнала «Русская старина».**

№ 190

ПИСЬМО В. А. КОРНИЛОВА Н. Ф. МЕТЛИНУ О СВОЕЙ ПОВСЕДНЕВНОЙ СЛУЖЕБНОЙ РАБОТЕ

12 мая 1854 г., Севастополь

Опять отправляю к вам неугомонного Попова. Он охотится перетащить в Николаев пароход «Андия» с котлами «Еникале» и, кроме того, с помощью механика практической гавани Денисова, осмотреть машину «Тигра», дабы заготовить заранее для нее проект парохода.

Попов расскажет вам, что у нас происходит и что на этой неделе готовим корабль «Гавриил» к выводу из доков, мне же остается только отвечать на ваше [письмо] от 8 мая.

О семействах отправляемых сюда мастеров князю докладывал и будем ждать представлений адмирала Берха.

Брандспойтами, сколько сумеем, займемся; я со своей стороны читаю лекции командирам и пишу приказы, но ведь вы знаете, на белом свете говорят, что у всякого свой царь в голове, а у иных и никакого нет. Отправив юнкеров, вам предстоит другая забота — отправить штурманских учеников; о них хлопочет Монгомери[1], да и нельзя ему по многим причинам отказать. О телеграфах главное имеет в виду скорость и так как самое верное и легкое держаться уже существовавшей системы, то и поручено было генералу Монгомери без промедления приняться за это устройство, не пускаясь в изобретение. Впрочем, если у вас для механизма что-нибудь придумают лучше, то князь разрешил сделать, с тем, однако, чтобы не подать повода г. Монгомери ссылаться при промедлении на адмиралтейство.

Насчет азовских подвозов нашими и кавказскими транспортами буду писать Вульфу; боюсь только, что кавказских Серебряков не даст. Вы ведь знаете этого армянского Соломона. Пять лодок и пароходов я бы полагал начать без ожидания разрешения; я никак не полагал, что на пароход вы найдете материал. Пароход, мне кажется, надо бы строить по плану «Прута»; у Коршикова[2] есть все детали, ведь он его и строил; много значит — не давать нашим молодцам слишком мудрствовать. Не пошлете ли Александрова на короткое время к Мальцову; этот господин желает открыть постройку железных пароходов; весьма желательно способствовать развитию этого полезного для России дела.

Насчет угля для дунайских портов князь полагает не вмешиваться. Пускай себе сами заготовляют, как знают. Доставка леса сухим путем будет последняя крайность; мне кажется, можно будет провести наши транспорты; пускай они будут у вас наготове, так, чтобы по первому от нас известию можно бы было их вашими пароходами вывесть к Очакову, а наши бы подхватили их и повлекли бы сюда.

---

[1] Очевидно имеется в виду Манганари.

[2] Офицер корпуса инженеров. **Примечание редакции журнала «Русская Старина».**

Прошлого года я хлопотал о подколесных клиньях на один борт, и было решено, чтобы заготовить их в Николаеве, но это, кажется, не выполнено; если так, то нельзя ли сделать их здесь?

Преданный вам *В. Корнилов*

«Русская старина», т. XLVIII, кн. XII, Спб., 1885, стр. 695—696.

№ 191

ОТНОШЕНИЕ В. А. КОРНИЛОВА П. С. НАХИМОВУ О ФОРМИРОВАНИИ МОРСКИХ РЕЗЕРВНЫХ СТРЕЛКОВЫХ БАТАЛЬОНОВ

1 июля 1854 г.

На случай усиления десантных стрелковых баталионов полагаю возможным сформировать еще два в виде резервных — из корабельных 1-х взводов 2-й абордажной партии.

Общее начальство над двумя резервными баталионами принять капитану 1 ранга Варницкому, а батальонными командирами назначить: 1-го резервного, составленного из партий кораблей 4-й дивизии, капитан-лейтенанта Гусакова, а 2-го — капитан-лейтенанта Лесли.

Батальоны должны быть рассчитаны: 1-й с кораблей 4-й дивизии — на восемь взводов, а 2-й с кораблей 5-й дивизии — на шесть взводов, по 24 ряда в каждом, и иметь взводных командиров.

Гребные суда по доставлении стрелковых партий должны возвращаться к кораблям своим для забрания резервных батальонов, равно как и по отвозе сих последних для того, чтобы через отделение гребцов корабельная артиллерия не была совершенно обессилена. Принятие же отделенных от судовых партий и перевоз их, куда потребуется затем, возлагается на отряд капитана 2 ранга Перелешина и пароходы «Грозный», «Дунай» и «Турок».

Подвижной батарее, сформированной капитаном 1 ранга Варницким и ныне находящейся под командою лейтенанта Шишкина, состоять при морских батальонах и под главным начальством его же, капитана 1 ранга Варницкого. Батарею свою по отделении двух коронад к госпиталю с особым офицером составить из 12 орудий и разделить на 4 взвода, подчинив каждый взвод особым обер-офицерам из флотских или морской артиллерии.

Подвижную батарею попрежнему содержать на батарее № 8, но иметь всегда в виду в случае востребования и перевозку орудий на Северную сторону.

Присмотр за пристанями, устроенными для перевозки войск и артиллерии, равно как и за баржами, служащими для сообщения между Ушаковой балкой и Панайотовой, поручается командиру парохода «Грозный» капитану 2 ранга Харчевникову.

Желая знать, сколько за отделением ружей на кораблях по корабельному расписанию остается при экипажах, я прошу гг. дивизионных начальников приказать доставить мне эти сведения, дабы я мог иметь в виду излишние ружья для употребления в дело в случае надобности.

Генерал-адъютант *Корнилов*

ЦГВИА, ф. 3, лл. 4209—4210. Копия. Опубл. в кн. Жандр, ук. соч., стр. 166—167

№ 192

ИЗ ИЮЛЬСКОГО ДНЕВНИКА В. А. КОРНИЛОВА[1]

22—24 июля 1854 г., Севастополь

...22 [и ю л я] в 5 часов утра меня разбудил барон Крюднер с известием, что виден с Георгиевского монастыря пароход. Нужны были разные распоряжения, которые кончились тем, что очередной пароход «Крым» пошел на рекогносцировку. Новосильский с передовым отрядом вышел в крейсерство, а «Владимир» развел пары. В 8 часов «Владимир» вышел. Неприятельского парохода только что показался рангоут, направление его было к Одессе. «Владимиру» велено было гнаться, взяв с собою «Крым». Неприятельский пароход, как только что заметил погоню, переменил курс к Варне и вскоре скрылся, в 10 часов скрылся «Владимир», а в исходе 11-го «Крым». Тогда велено было «Громоносцу» развести пары. В 1 час, когда ничего со стороны скрывавшихся пароходов не показывалось, велено было «Громоносцу» итти для их открытия и вместе с тем «Херсонесу» развесть пары. В 3½ часа видел одного «Громоносца» на горизонте и более ничего. Тут «Херсонесу» приказано быть между «Громоносцем» и крейсером. В 5 часов после долгих ожиданий и, признаюсь, беспокойств показался дым «Крыма» и, наконец, в 7 часов рангоуты «Громоносца» и «Крыма» и «Владимира». «Владимир» вел на буксире «Крым», опять догадки, зачем это. В 9 часов приехал Бутаков и все объяснил. Он гнал английский трехмачтовый пароход до второго часу по направлению к Кюстендже. Открыл его корпус и, несмотря на то, что «Крым» был так отставши, что виден был для неприятеля один дым его, англичанин не хотел принять сражение. «Владимир», отойдя 59 миль и делая все, чтобы заманить англичанина в бой, даже прося «Крым» сигналом, чтобы возвратился к Севастополю и оставил «Владимира» одного, на что «Крым» не согласился. Возвратились, наконец, сами, оставив неприятеля катить своей дорогой. Эта погоня продержала меня почти весь день на библиотеке, кроме утра, которое надо было употребить на писание писем. До 5 утра было отослано

[1] См. примечание к документу № 208.

к милому дружку моему с Волоховым, а потом отправлены по курьерской к Метлину, к Вульфу, к Ендогурову и к Федоровичу. Вечер и обед дома. Свое общество. И потом обыкновенные занятия, между коими домашние счеты и заказ обеда. Князь Меншиков болен и все при нем, подобно ему, в простуде. Не дай бог, чтоб это продлилось.

23 [и ю л я]. Сегодня нечего писать. Однако по утру показался пароход, который по примеру вчерашнего следования к Варне, вероятно, с Кавказа и тоже так далеко от Севастополя, что виден был только дым. Мы наших преследовать не посылали, жаль тратить уголь. Жаркий день и потому до 6 вечера почти не выходил; разумеется, был у князя и докладывал; он все хворает. Вечером ездил осматривать постройки Волохова[1], которые начинаются подвигаться. Корабль «Трех иерархов» переделывается в винтовой и употребляется для сего знаменитый крымский дуб. Пароход «Корнилов», который хочется поскорей пустить в дело, и сухарный завод. Постройки все идут медленно. Война мешает и подвозу материалов, и приисканию рабочих. Обед и вечер в компании сослуживцев...

ЦГАДА, ф. Рукописного собрания биб-ки Зимнего дворца, д. 2156, л. 384, Автограф.

№ 193

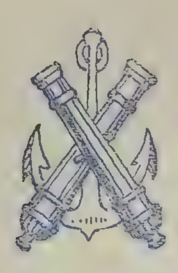
ИЗ ПИСЬМА В. А. КОРНИЛОВА БРАТУ АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ О ПРЕДСТОЯЩИХ РЕШАЮЩИХ СРАЖЕНИЯХ С НЕПРИЯТЕЛЕМ

1 сентября 1854 г., Севастополь

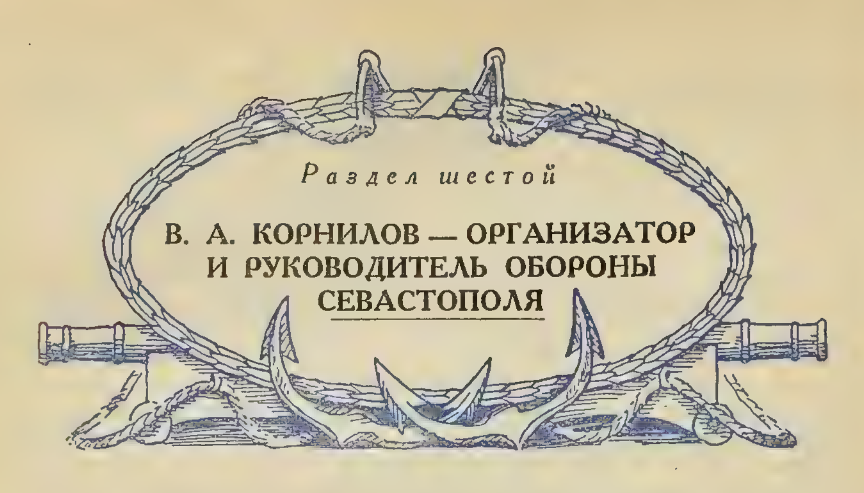
...Затем прощай, устал до смерти, глаза слипаются. Да! На-днях должно решиться: быть или не быть, надеюсь, Черноморскому флоту, а не России. Для м а т у ш к и [России] временная потеря и Крыма и флота ничего. Она не в таких казусах была и выходила славнее и сильнее, а будущее не кончилось, она слишком молода и крепка. Бог да хранит всех вас.

В. Корнилов

«Русская старина», 1901, № 1, стр. 215.

[1] В о л о х о в — подрядчик-строитель, выполнявший оборонительные работы в Севастопольской крепости.

Раздел шестой

В. А. КОРНИЛОВ — ОРГАНИЗАТОР И РУКОВОДИТЕЛЬ ОБОРОНЫ СЕВАСТОПОЛЯ

№ 194

ОТНОШЕНИЕ В. А. КОРНИЛОВА П. С. НАХИМОВУ О ПРИВЕДЕНИИ СУДОВ В ПОЛНУЮ БОЕВУЮ ГОТОВНОСТЬ И ФОРМИРОВАНИИ БАТАЛЬОНОВ ИЗ ЭКИПАЖЕЙ КОРАБЛЕЙ

2 сентября 1854 г.

Объявить по эскадре, чтобы всем судам взять все осторожности от пожара. Крюйт-камеры оградить от бомб, наложив на них паруса.

Купеческие суда, какой бы величины ни были, поставить в глубину Инкермана на мель, оставив только свободное место против плотины, по коей идет почтовая дорога, для обстреливания ее бригадами или малыми пароходами.

Корвету «Калипсо» войти в Южную бухту и стать за линией пароходов. Обязанность брандвахты возлагается на пароход «Грозный», которому и поместиться на месте, занимаемом корветом.

Бригам «Язон» и «Эней» стать за линией кораблей эскадры вашего превосходительства по вашему указанию.

Из команды корабля «Уриил» и фрегата «Флора» составить батальон № 34, оставив на корабле и фрегате необходимых людей для пожарного случая.

Из команды корабля «Ростислав» и фрегата «Сизополь» составить батальон № 36.

Из команды корабля «Гавриил» и фрегата «Кагул» составить батальон № 37.

Из команды корвета «Калипсо» и имеющей сего числа вступить партии рекрут составить батальон 1-й рекрутский. Вооружение рекрутам дать от их экипажей.

Командам бригов «Язон» и «Эней»: первой охранять батареи «Парижскую», а второй — «Двенадцати-апостольскую», и быть всегда готовыми к действиям отдельно по особым моим назначениям.

34-м батальоном командовать капитан-лейтенанту князю Ширинскому-Шихматову 1-му.

36-м баталионом — капитан-лейтенанту Воеводскому.

37-м баталионом — капитан-лейтенанту Стройникову.

1-м рекрутским — капитану 2 ранга Коцебу.

Всеми четырьмя — капитану 2 ранга Скоробогатову, у коего быть помощником капитану 2 ранга Спицину.

Для сбора этих батальонов будет особое назначение.

При сформировании батальонов оставить на кораблях и фрегатах только необходимое число людей для пожарного случая. О чем ваше превосходительство имею честь уведомить для сделания от вас распоряжения по вверенной вам эскадре.

Генерал-адъютант *Корнилов*

ЦГВИА, ф. 3. д. 21, оп. I, л. 4184. Копия. Частично опубл. в кн. Жандр, ук. соч., стр. 187—188.

№ 195

ПРИКАЗ В. А. КОРНИЛОВА О РАЗМЕЩЕНИИ КОРАБЛЕЙ ФЛОТА НА РЕЙДЕ ПО ПЛАНУ ДИСПОЗИЦИИ И О ПОДГОТОВКЕ СТАРЫХ КОРАБЛЕЙ К ЗАТОПЛЕНИЮ

9 сентября 1854 г.

1

По случаю ожидания сюда неприятеля, который, пользуясь своим числительным превосходством, оттеснил наши войска и грозит атакой северному берегу Севастопольской бухты, следствием которой будет невозможность флоту держаться на позиции, ныне занимаемой, выход же в море для сражения с двойным числом неприятельских кораблей, не обещая успеха, лишит только бесполезно город главных своих защитников, я, с позволения его светлости, объявляю следующие распоряжения, которые и прошу привести немедленно в исполнение [1].

---

[1] По свидетельству А. Жандра, утром 9 сентября В. А. Корнилов созвал совет флагманов и капитанов, на котором предложил обсудить вопрос о дальнейших действиях флота. Лично Корнилов считал необходимым выйти в море и атаковать неприятельский флот у мыса Лукулла.

Борьба с превосходящим флотом противника была сопряжена с большим риском и не создавала уверенности в успехе, поэтому большинство присутствующих с мнением Корнилова не согласилось.

Капитан 1 ранга А. А. Зорин высказался за необходимость затопить старые корабли у входа в главную бухту, чтобы преградить доступ вражескому флоту к городу, а личный состав экипажей использовать для возведения оборонительных укреплений Севастополя.

Корнилов отклонил проект Зорина, одобренный большинством совета, и прекратил обсуждение этого вопроса, оставшись при своем мнении.

Распустив совет, Корнилов направился к прибывшему А. С. Меншикову и высказал ему свое намерение выйти в море и дать противнику решительное сражение. Меншиков отверг предложение Корнилова и приказал преградить вход в бухту затоплением части Черноморского флота.

Корнилову, вопреки своему убеждению, пришлось этому распоряжению подчиниться, следствием чего и явился настоящий приказ.

2

Корабли расстановить по назначенной в плане диспозиции, из них же старые: «Три святителя», «Уриил», «Селафаил», «Варна» и «Силистрия» и фрегаты «Флора» и «Сизополь» затопить на фарватере.

3

Фрегатам и мелким судам войти в Южную бухту.

4

Людей, остающихся от затопленных кораблей и от стрелковых и абордажных батальонов, оставить на кораблях для действия артиллерии по балкам северного берега до тех пор, покуда потребуется, а потом составить из них батальоны для усиления уже образованных.

5

Парижскую и Двенадцати-апостольскую батареи уничтожить.

6

По всему северному берегу не иметь никаких людей и вообще перевозных судов, кроме состоящих для перевозки от флота под надзором капитан-лейтенанта Лихачева.

7

Брандеры содержать в готовности.

8

Вице-адмиралу Новосильскому и контр-адмиралу Вукотичу 1-му перенести свои флаги: первому на корабль «Храбрый», а последнему на корабль «Гавриил».

9

Контр-адмиралу Истомину поручается рабочими, посылаемыми для приведения в оборонительное состояние северного укрепления, в случае появления неприятеля на высотах Бельбека привести в исполнение статьи 5 и 6.

10

Контр-адмиралу Вукотичу 1-му привести в исполнение затопление кораблей, когда это потребуется.

11

Все корабли, на позиции стоящие, также должны быть готовы к затоплению, буде придется уступить город.

Генерал-адъютант *Корнилов*

ЦГВМА, ф. ШЧФ, 1854, д. 6491, лл. 48 и 59. Копия. Опубл. в кн. Жандр, ук. соч., стр. 199—200.

№ 196

ИЗ ШХАНЕЧНОГО ЖУРНАЛА КОРАБЛЯ «ТРИ СВЯТИТЕЛЯ»

9—10—11 сентября 1854 г.

Часы	Ветры	Того же сентября 9 дня 1854 года пополудни, случаи:
5	NW	Ветр тихий, чисто. В 5 часов пароход «Громоносец» взял корабль наш на буксир и вывел на выход в море между Константиновскою и Александровскою батареями; на назначенном месте положенного буйка пароход отдал буксир, корабль бросил якорь на глубине 50 фут. и начал становиться на шпринг.
6	NW	
7	D	К 7 часам суда, назначенные к затоплению на фарватере, пароходами приведены были к своим местам положенных буйков и стали на шпринг. Суда, назначенные к затоплению на фарватере, были следующие: корабли «Три святителя», «Варна», «Уриил» «Селафаил», «Силистрия», фрегаты «Флора» и «Сизополь»; постановлены между Константиновскою и Александровскою батареями в следующем порядке по данной диспозиции: StO . . . . NtW Фрегат «Сизополь» Корабль «Уриил» «Три святителя» «Селафаил» «Силистрия» «Варна» Фрегат «Флора»
		Того же сентября 10 дня 1854 года с полудни случаи:
6	D	К 6 часам свезли с корабля на берег имущество гг. офицеров, багаж нижних чинов, амуницию, ружья, принадлежности к орудиям, холодное оружие, комплект новых парусов, канцелярию, денежную сумму, экипажное знамя и по возможности разные мелочи.
7	D	В 7 часов, по приказанию контр-адмирала Вукотича 1-го затопить корабли, приступлено к исполнению, открыли краны.
8	D	На кубрике коронадным выстрелом пробита подводная дыра
9	SO	Маловетрие: мало облачно.
10	D	В 9 часов нижних чинов свезли с корабля на берег.
11	D	
12	D	11 сентября 1854 года, с полуночи случаи:
1	O	Ветр тихий: облачно.
3	Штиль	В 3 часа пароход «Громоносец» перешел к кораблям, назначенным к затоплению на фарватере.
5	SO	Маловетрие: облачно.
6	D	К 6 часам корабли «Силистрия», «Варна», «Уриил», «Селафаил», фрегаты «Флора» и «Сизополь» были затоплены.
9	SW	Ветр тихий: ясно. В начале часа по приказанию контр-адмирала Вукотича пароход «Громоносец» сделал по кораблю 27 выстрелов.

Часы	Ветры	Того же сентября 11 дня 1854 года пополудни случаи:
10	D	
11	D	
12	D	
1	SW	Ветр тихий: ясно. В 1 час корабль «Три святителя» пошел ко дну с орудиями, рангоутом, порохом и морскою провизиею. Тем прекратилось существование корабля и окончилась кампания. По затоплении корабля на фарватере Севастопольского входа гг. штаб- и обер-офицеры, а также и нижние чины вступили в батальоны команды, составленные для защиты города.

Вел корпуса штурманов поручик Максимов 1-й

Капитан 1 ранга *Кутров*

ЦГВМА, Шханечные журналы, 1854, Черноморский флот, корабль «Три святителя», кн. III, лл. 25—27. Подлинник.

№ 197

ПРИКАЗ В. А. КОРНИЛОВА ПО ФЛОТУ О НЕОБХОДИМОСТИ ЗАТОПЛЕНИЯ КОРАБЛЕЙ ДЛЯ ЗАЩИТЫ СЕВАСТОПОЛЯ[1]

№ 1071 — 11 сентября 1854 г.

Товарищи! Войска наши после кровавой битвы с превосходным неприятелем отошли к Севастополю, чтоб грудью защищать его.

Вы пробовали неприятельские пароходы и видели корабли его, не нуждающиеся в парусах. Он привел двойное число таких, чтоб наступить на нас с моря; нам надобно отказаться от любимой мысли — разразить врага на воде. К тому же мы нужны для защиты города, где наши дома и у многих семейства.

Главнокомандующий решил затопить 5 старых кораблей на фарватере: они временно преградят вход на рейд, и вместе с тем свободные команды усилят войска.

Грустно уничтожить свой труд: много было употреблено нами усилий, чтоб держать корабли, обреченные жертве, в завидном свету порядке, но надобно покориться необходимости.

Москва горела, а Русь от этого не погибла, напротив, встала сильней. Бог милостив! Конечно, он и теперь готовит верному ему народу русскому такую же участь.

Итак, помолимся господу и не допустим врага сильного покорить себя. Он целый год набирал союзников и теперь окружил царство русское со всех сторон. Зависть коварна. Но царь шлет уже свежую армию, и если мы не дрогнем, то скоро дерзость будет наказана и враг будет в тисках.

ЦГВМА, Шханечные журналы, 1854, Черноморский флот, корабль «Три святителя», кн. III, лл. 25—26. Копия. Опубл. в кн. Жандр, ук. соч., стр. 204.

---

[1] По свидетельству А. Жандра, публикуемый текст представляет собой речь В. А. Корнилова, сказанную им после потопления кораблей 11 сентября и объявленную в тот же день в приказе командира порта.

№ 198

ПРИКАЗ В. А. КОРНИЛОВА О ФОРМИРОВАНИИ ИЗ КОРАБЕЛЬНЫХ КОМАНД БАТАЛЬОНОВ ДЛЯ ЗАЩИТЫ СЕВАСТОПОЛЯ С СУШИ

11 сентября 1854 г.

№ 93

По случаю изготовления отпора неприятеля морскими командами, прошу:

1) Сформировать из команд кораблей, стоящих на позиции, отделив стрелковые и первую абордажную партии, батальоны под командою корабельных командиров на случай, если придется оставить корабли, действовать на берегу.

2) Батальоны, уже сформированные из стрелковых и абордажных партий, остаются на прежнем основании.

3) Из команд затопленных кораблей и фрегатов «Кулевчи» и «Коварна» сформировать шесть батальонов, присвоив им номера экипажей: 29, 32, 34, 42, 45 и 44; из сих последних батальонов, кроме 44-го, ныне же собрать: 29-й и 45-й — в их казармы, а 32-й, 34-й и 42-й — во вторую трехэтажную. Командовать же ими экипажным командирам.

4) Из команды фрегатов «Флора» и «Сизополь» составить батальон под командою старшего из командиров фрегатов.

5) К командам фрегатов «Флора» и «Сизополь» присоединить и морскую подвижную артиллерию, подчинив последнюю младшему из фрегатских командиров, и все поместить в казарму 43-го экипажа.

Генерал-адъютант *Корнилов*

ЦГВИА, ф. 3, оп. I, л. 4136. Копия. Опубл. в кн. Жандр, ук. соч., стр. 205.

№ 199

ПРИКАЗ В. А. КОРНИЛОВА О ПОСЫЛКЕ МОРСКИХ БАТАЛЬОНОВ ДЛЯ ОБОРОНЫ СЕВЕРНОЙ СТОРОНЫ СЕВАСТОПОЛЯ

11 сентября 1854 г.

№ 94

В Северное укрепление сего же вечера послать 4 батальона, состоящие под командою капитана 1 ранга Варницкого, которому и подчинить находящиеся там в укреплении Северной стороны морские команды.

Рекрутский батальон капитана 2 ранга Коцебу возратить на Южную сторону и присоединить к батальонам, составленным из команд затопленных судов.

К орудиям Северного укрепления назначить из гарнизонов Михайловского и № 4 укреплений, оставив в сих последних необходимое число для действия затыльными орудиями.

Из команд кораблей, на позиции находящихся, полагая из двух не менее 500 человек, составить резерв в 5 батальонов под командою корабельных капитанов: 1-й — Бартенева, 2-й — Микрюкова, 3-й — Перелешина 2-го, 4-й — Юрковского и 5-й — Будищева и подчинить старшему капитану 1 ранга Бартеневу. В случае наступления неприятельской армии на Северное укрепление батальонами этими занять оное, батальонами же г. Варницкого оборонять внешние ретраншементы и всем состоять под командою контр-адмирала Истомина.

Батальонам из команд затопленных судов состоять под начальством вице-адмирала Новосильского и собираться на Театральной площади; к батальонам этим присоединить подвижную морскую артиллерию.

44-му батальону служить подкреплением батареи № 10.

Пароходам состоять, как уже объявлено, под начальством контр-адмирала Истомина, обеспечивая перевоз войск через бухту и в случае нападения для действия бомбами — куда укажет нужда.

Корабли, поставленные на позиции для действия по Северной стороне, в случае невозможности долее держаться, должны быть готовы войти в гавань и там в крайности затопить порох в крюйт-камерах.

Генерал-адъютант *Корнилов*

ЦГВИА, ф. 3 оп. I, л. 4135. Копия. Опубл. в кн. Жандр, ук. соч., стр. 205—206.

№ 200

ПРИКАЗ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО ВОЕННЫМИ СУХОПУТНЫМИ И МОРСКИМИ СИЛАМИ В КРЫМУ АДМИРАЛА А. С. МЕНШИКОВА О НАЗНАЧЕНИИ В. А. КОРНИЛОВА РУКОВОДИТЕЛЕМ ОБОРОНЫ СЕВЕРНОЙ СТОРОНЫ СЕВАСТОПОЛЯ

11 сентября 1854 г.

№ 40

1) Генерал-лейтенанту Павловскому, окончившему возложенное на него поручение по Северному укреплению, сдать начальство над оным генерал-адъютанту Корнилову, на которого возлагается оборона всей Северной части Севастополя, и

2) Заведывание морскими командами, отделенными для защиты Южной части Севастополя, поручается вице-адмиралу Нахимову.

О чем объявляю по Севастопольскому гарнизону и вверенным мне войскам.

Генерал-адъютант князь *Меншиков*

Жандр, ук. соч., стр. 207.

№ 201

ПРИКАЗ В. А. КОРНИЛОВА О ЗАДАЧАХ КОРАБЛЕЙ, ОБОРОНЯЮЩИХ СЕВЕРНУЮ СТОРОНУ СЕВАСТОПОЛЯ, В СЛУЧАЕ ОТСТУПЛЕНИЯ РУССКИХ ВОЙСК

13 сентября 1854 г.

№ 4

В случае отступления войска от левого фланга ретируются к Сухой балке, переменяя фронт таким образом, чтобы, остановившись на высотах, прикрыть Сухую балку. В это время пароходы «Громоносец», «Бессарабия» и «Одесса» открывают огонь по преследующему неприятелю, направляя его без вреда своим и Северному укреплению; в случае отступления правого фланга войска оного переменяют фронт по высотам от батареи капитан-лейтенанта Ильинского, по направлению к батарее № 4. Корабли, по своему усмотрению, обстреливают все пространство правее укреплений Ильинского, стараясь также действовать, не причиняя вреда своим.

Корабли «Храбрый» и «Гавриил» наблюдают с своих салингов движение неприятельских войск по лощине, где стояли лагерем Тарутинский и Бородинский полки, бросая туда навесными выстрелами бомбы и ядра, которые, однако же, должны не делать вреда своим войскам.

Войска, предназначенные на высотах прикрывать ретираду, должны держаться, покуда им не будет приказано отступить и покуда не все свои отступят.

Жандр, ук. соч., стр. 216.

№ 202

ПИСЬМО В. А. КОРНИЛОВА ЖЕНЕ ЕЛИЗАВЕТЕ ВАСИЛЬЕВНЕ ОБ УСИЛЕНИИ УКРЕПЛЕНИЙ СЕВАСТОПОЛЯ И О БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЯХ ПРОТИВ НЕПРИЯТЕЛЯ

18 сентября 1854 г., Севастополь

Сегодня после обеда прибыл князь Меншиков на Северную сторону и с ним николаевский курьер с письмом от тебя, любезный, дорогой дружок мой. И так снова сообщение восстановлено, спешу этим воспользоваться, чтобы послать вам несколько строк. С моего последнего прощанья [произошло] много происшествий. Неприятель передвинулся с Качи через Бельбек и Инкерман в Балаклаву и теперь занял позиции на горах против Севастополя, а князь со своим всем войском разошелся с неприятелем и скрывался от них к [1] Бахчисараю, где получив подкрепление, сегодня явился на высотах Бельбека и сел [2].

---

[1] В кн. Жандра слова «и скрывался от них к» пропущены, что оговорено в подстрочном примечании ссылкой на невозможность разобрать текст. В письме В. А. Корнилова эти слова написаны довольно четко и, вероятно, опущены по цензурным соображениям.

[2] В кн. Жандра слово «сел» пропущено с той же мотивировкой.

Приехав на Северную сторону, мы, моряки, спешились, и теперь в соединении с резервными батальонами армейскими составляем гарнизон Севастополя, укрепления которого день ото дня улучшаются; так много наставлено пушек и такие проведены траншеи, что если враги наши предпримут атаку, то им не поздоровится. Матросы особенно одушевлены и с жаждою помышляют о битве за родину. Наша оборона разделена на три части: одну обороняет армейский генерал Асланович, центр — Новосильский, а Малахов курган — Истомин. Завтра же защитников прибавится. Конечно, князь даст нам еще войска, чтобы наше не несло такой тяжелой службы. Мое здоровье процветает. Я с утра до вечера на коне, а иногда и ночью; ревматизм как будто оставил. Дамы наши в большом были страхе, но теперь вздохнули, особенно когда они увидели, что неприятель бросил свои притоны на Каче и даже в Евпатории и сообщение с Россией открыто. Я думаю, они потянутся в Симферополь. Неприятельский флот действительно переходит к маяку и занял своими пароходами все хорошие бухты; посмотрим, что-то предпримет. И затем прощайте, писать более нет времени, да и нечего. Несмотря на жаркое время, оно не богато происшествиями, особенно замечательными, разве то, что всякий почти день бывает перестрелка между нашими наружными батареями и пароходами; последние, кроме маленькой шкуны, вооруженной нового изобретения бомбами, палят весьма плохо и подходят на самое безнаказанное расстояние; впрочем, иногда все-таки получают повреждение. Затем прощай, дорогой друг; благословляю тебя и детей. Бог милостив, и, конечно, что от него назначено, то непременно хорошо и следует принимать без ропота.

Весь ваш *В. Корнилов*

ЦГАДА, ф. Рукописного собрания биб-ки Зимнего дворца, д. 2156, лл. 278—281. Автограф. Опубл. в кн. Жандр, ук. соч., стр. 388—389.

№ 203

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА В. А. КОРНИЛОВА А. С. МЕНШИКОВУ О НЕОБХОДИМОСТИ УВЕЛИЧЕНИЯ ГАРНИЗОНА СЕВАСТОПОЛЯ В ЦЕЛЯХ УСИЛЕНИЯ ЕГО ОБОРОНОСПОСОБНОСТИ[1]

19 сентября 1854 г., Севастополь

Кажется, важность недопущения неприятеля проникнуть в Севастополь не подлежит суждению. Она ясна из самого стремления врагов наших завладеть городом и массою казенных заведений и кораблей, в нем находящихся. Потеря и того и другого невозвратима для России; даже последующее истребление всей неприятельской армии на

[1] На полях имеется помета, написанная рукой В. А. Корнилова: «Было изготовлено для подачи в совете, который не состоялся. Три полка Кирьякова даны без этой бумаги. 1854 года».

развалинах Севастополя не вознаградит государю конечное разрушение этого важного порта, всего Черноморского флота не только с кораблями, но и с офицерами и матросами, приготовленными такими долговременными, постоянными трудами.

Отстоять Севастополь с настоящими силами невозможно. Оборонительная линия идет на протяжении 7 верст, пересечена глубокими балками и имеет многие подходы, где все препятствие состоит из артиллерийского огня и простых, временных, из земли накиданных завалов. Три колонны, каждая в 15 000, могут легко спуститься тремя путями с высот, занимаемых неприятельским лагерем, и с небольшим пожертвованием раздавит каждая своих противников, как бы они отчаянно ни сопротивлялись, ибо моряков и резервов, ныне составляющих гарнизон, едва насчитывается до 15 000. Увеличение гарнизона таким же числом, т. е. дивизиею, полагаю совершенно необходимым для обеспечения города; тогда только, имея моряков в резерве и употребляя их на саперные работы, как для поддержания укреплений, так и для усиления обороны, к чему матросы особенно способны, можно будет надеяться восторжествовать над натиском и отстоять дело.

Движение армии, хотя и полезно для отклонения неприятеля, но оно может иметь неудачу и тогда откроет путь неприятелю к цели всех его усилий, и к тому же движение это, по малочисленности войск, не может быть грозным. Неприятель, имея лазутчиков, скоро удостоверится в слабости гарнизона и самой армии и, понимая важность для себя времени, под носом у нашей армии вырвет и город и флот.

Затем обеспечение войсками обороны Севастополя и наблюдение остальными Северной стороны, куда могут быть направлены следующие из России подкрепления, считаю единственными средствами обороны и даже полагаю ее не только возможною, но и верною.

Генерал-адъютант *Корнилов*

ЦГАДА, Рукописное собрание биб-ки Зимнего дворца, д. 2232, лл. 1—2. Подлинник. Опубл. в кн. Жандр, ук. соч., стр. 236—237

№ 204

ПРИКАЗ В. А. КОРНИЛОВА О МЕРАХ ДЛЯ ОТРАЖЕНИЯ АТАК ПРОТИВНИКА

26 сентября 1854 г.

Несчастный случай против бастиона № 5 доказывает [1], что частные начальники еще не вникнули в план предположенных действий против неприятеля и не берут надлежащих мер, чтобы согласовать взаимные свои действия; это вынуждает меня повторить к строгому и точному исполнению следующее:

[1] Имеется в виду случай, когда наш отряд, действовавший против неприятеля, при возвращении на свои позиции был принят за вражескую часть и обстрелян, в результате чего имелись жертвы (см. документ № 208, запись за 25 сентября).

1) При дневной атаке батарейным огнем или бомбардировании иметь необходимых людей при орудиях, кои по своему положению могут отвечать неприятелю; остальных же всех стараться расставить так или удалить, чтоб неприятельские ядра и бомбы как можно менее вредили войску; при сем должны быть взяты предосторожности против пожара и выведены заблаговременно партии для потушения оного.

2) При дневной атаке штурмованием: а) артиллеристам должно быть внушено, чтобы палили в толпы или колонны по мере досягания ядрами или бомбами и гранатами, и когда неприятель подойдет на картечный выстрел, то картечью, продолжая действие даже и тогда, когда часть неприятеля ворвется; когда же он отобьет от орудий, то, не оставляя их, обороняться холодным оружием, ибо при могущем случиться отбитии штурма артиллерия должна будет его преследовать; b) по всей стене должны быть густо рассыпаны стрелки, где можно в три ряда, а в местах более важных и удобных для штуцерных — штуцерные. Стрелки обязаны держать беглый огонь, направляя его в подступающие массы, и когда неприятель взойдет в ров и на вал, то отражать его штыками, не покидая мест и не собираясь в кучки, которые тут не будут уже соответствовать своей цели; с) первые же массы, которые должны встретить ворвавшегося неприятеля штыками, должны быть резервы, построенные в ротные колонны, а за ними резерв постоянный и направленный от центрального резерва — колоннами к атаке; d) при отбитии штурма войскам не увлекаться и не выходить из оборонительной линии, дабы не мешать действию артиллерии, которая должна преследовать отступающего неприятеля; е) в случае прорыва неприятеля войска наши должны собираться в улицах и препятствовать распространению неприятеля, ударяя в него по возможности; стрелкам же пользоваться всем, что встретится: домом, хатой и забором, ибо в случае прорыва неприятель будет также расстроен и, следовательно, рукопашный бой должен решить окончательно дело.

3) При ночной атаке надлежит соблюдать те же правила, какие предписаны при дневной, с присовокуплением, что если ожидается общее наступление, то бросать ракеты, отзывать цепь, секреты и казаков, и когда все свои взойдут и неприятельские массы приблизятся, открыть артиллерии огонь, сначала ядрами, а потом, буде неприятель подходит на картечный выстрел, то картечью. При ночных тревогах надлежит быть крайне осмотрительным, ибо часто таковые производятся неприятелем для утомления гарнизона, дабы встретить его к рассвету уставшим; в лунные ночи, подобно нынешним, так легко отличить движущиеся массы, что в самую плохую трубу можно распознать их численность, и стоит только иметь в соображении, что для нападения на Севастополь требуется армия, а не батальоны, чтоб не нарушить бесполезно сон людей.

Жандр, ук. соч., стр. 260—262.

№ 205

ПРИКАЗ В. А. КОРНИЛОВА О СОЗДАНИИ ЗАПАСНЫХ ПАРКОВ ДЛЯ МОРСКИХ БАТАРЕЙ

28 сентября 1854 г.

У каждого из бастионов № 4, 5 и 6 и на Малаховым кургане иметь запасный парк из восьми 36-фунтовых орудий, которые и будут устанавливаться по мере надобности.

К этим орудиям сформировать заранее и прислугу и принять снаряды и принадлежность.

Орудия должны быть взяты с кораблей по назначению вице-адмирала Нахимова и средствами соединения команд, на кораблях находящихся, должны быть доставлены до пристаней, откуда брать обязываются начальники дистанций оборонительной линии своими уже людьми.

Действовать артиллериею против неприятельских работ только тогда, когда сим можно принести действительную пользу: или разрывами снаряда над рабочими, или разрушением амбразур и поставленных в амбразуры орудий, но в других случаях стрелять без видимой пользы воспрещается. Вообще на батареях днем и ночью надлежит иметь на каждом фасе, на коем можно предполагать действие, очередное орудие под управлением очередного офицера, которое бы было всегда готово по требованию выстрелить; остальная затем прислуга может отдыхать.

Во время пальбы с неприятельских батарей оставлять только прислугу у орудий, действующих против стреляющих; остальных стараться укрыть, имея, однако, пожарные партии для потушения пожаров.

Для снабжения артиллериею тех батарей, которые потребуется по обстоятельствам усилить, равно снарядами и принадлежностью как из морского, так и из сухопутного ведомств, назначается капитан-лейтенант Попов и помощниками к нему лейтенант Львов и штабс-капитан Пестич.

Жандр, ук. соч., стр. 266—267.

№ 206

ПРИКАЗ В. А. КОРНИЛОВА О МЕРАХ ПРЕДОХРАНЕНИЯ ВОЙСК ВО ВРЕМЯ БОМБАРДИРОВОК

1 октября 1854 г.

При предстоящей осаде и бомбардировании, как я уже объявлял, главная забота дистанционных и других начальников должна состоять в сбережении людей от разрывных снарядов, сохраняя по возможности позиции. Стрелки, находясь на своих местах под укрытием оборонительной стены, достаточно будут укрыты, кроме тех линий,

которые могут быть анфилированы[1] неприятелем; для резервов же в тех местах, где местность собою не покрывает их, надлежит делать блиндированные навесы из бревен с густо насыпанною землею на крыши. Лес для этого можно будет принимать от морского и инженерного ведомств. Некоторые бараки или строения могут также быть блиндированы. Работа должна быть произведена нижными чинами — каждою командою для себя.

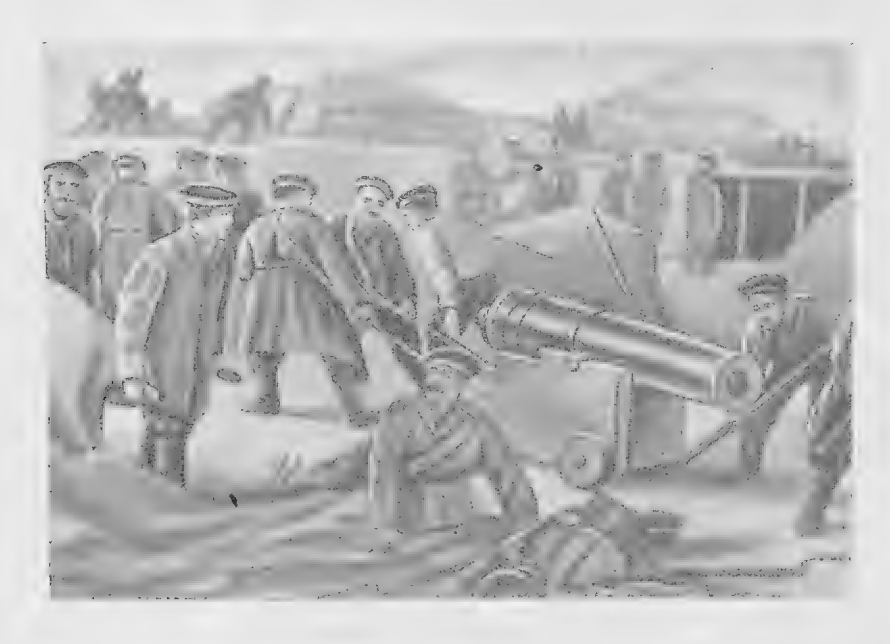
Жандр, ук. соч., стр. 279

№ 207

ПРИКАЗ В. А. КОРНИЛОВА, ОТМЕЧАЮЩИЙ ГЕРОИЗМ ОФИЦЕРОВ, МАТРОСОВ И СОЛДАТ, ЗАЩИТНИКОВ СЕВАСТОПОЛЯ

3 октября 1854 г.

С первого дня обложения Севастополя превосходным в силах неприятелем войска, предназначенные его защищать, выказывали ре-

Восстановление батарей Севастополя после бомбардировки
(С карт. художника И. М. Прянишникова)

шительную готовность умереть, но не отдать города, завещанного нам любимым царем нашим и всею Русью православной.

[1] Обстреляны вдоль фронта.

В продолжение короткого времени неутомимою деятельностью всех и офицеров и нижних чинов выросли из земли сильные укрепления и пушки старых кораблей расставлены на этих грозных твердынях.

Вскоре начались встречи с неприятельскими разъездами и партиями стрелков и вместе с тем удалые подвиги наших.

Боцман 32-го экипажа Халюта заколол штыком пробиравшегося к нашей цепи английского солдата.

Разъезд из 2 казаков 67-го полка, осматривая положение неприятеля за развалинами Херсонеса, взял в плен французского артиллериста у самых аванпостов.

Разъезд гусар, завидя французских кавалеристов, атаковал их. Неприятель рассыпался и бежал; цепь 34-го экипажа схватила заскакавшего к ним офицера и привела его в бастион № 4.

Бутырского пехотного полка унтер-офицер Ланин ранил английского стрелка; несмотря на превосходство сил и близость неприятеля, бросился на него и овладел раненым.

45-го экипажа унтер-офицер Петренко с секретом 10 человек ударил в штыки на неприятельский пикет, много превосходивший его силами, что доказывается числом захваченных им вещей; вслед за этим атаковал английский разъезд, не решившийся сразиться с ним.

Минского пехотного полка унтер-офицер Никифор Петров с 8 человеками вызвался итти вперед к неприятельскому лагерю, смело вскочил на вал, за которым производились работы, и доставил об них сведение.

Таковые ежедневные подвиги, видимо, обескуражили неприятеля, и, вероятно, один стыд удерживает его от бегства.

Вчера был в Севастополе флигель-адъютант государя императора, отправляющийся в С.-Петербург. Царь нетерпеливо желает знать все о приступе врагов к дорогим для него городу и флоту Черноморскому. Я поручил доложить его величеству, что войска рвутся сразиться и на всяком шагу выказывают свою удаль, что они по примеру отцов не хотят и знать о числе неприятелей, а обещают отстоять доверенное им государем сокровище. Да благословит нас русский бог! Ура! Помни каждый, что для успеха надо думать не о себе, а о товарище.

Генерал-адъютант *Корнилов*

ЦГАДА, Рукописное собрание биб-ки Зимнего дворца, д. 2239, лл. 1—2. Копия. Опубл. в кн. Жандр, ук. соч., стр. 284—286.

№ 208

ИЗ ДНЕВНИКА В. А. КОРНИЛОВА ПЕРИОДА ОБОРОНЫ СЕВАСТОПОЛЯ[1]

3 сентября — 4 октября 1854 г., Севастополь

...3 сент[ября]. Вчера отправил письмецо по курьерской, в котором заключил, что все обстоит благополучно. Неприятельский флот установился за Лукуллом и в продолжение суток высадил до 10 тысяч человек; наши тянутся к Лукуллу же, где князь расположился главною квартирою. Ночью был сильный ветр и развело волнение, так что корабликам англо-французским было беспокойно. Сегодня с утра начало стихать. Против Севастополя по утру показался пароход «Terrible» и скоро ушел к флоту. Целый день были занятия по приведению города и гавани в оборонительное положение; кажется, нечего бояться. Сформировали еще от флота, не ослабляя кораблей, три батальона с одним, пришедшим из Николаева, и так теперь разбогатели, что бригские команды под командою Ильинского и 4 орудия — баши-бузуков[2] Попова пошли оберегать Качу. Вечер провел по обыкновению в обществе[3]. Сейчас прибыл из главной квартиры казак с письмами и донес, что в лагере все по-старому и что при его отъезде казаки привели 11 пленных. Завтра узнаем, какой нации и каких войск.

4 [сентября]. Прошло благополучно. Против Севастополя по утру только показался пароход, который вскоре и скрылся к своему флоту[4]. По слухам из лагеря неприятель высадил свежие войска и готовится атаковать наших. Позиция, избранная князем, чрезвычайно сильна, и потому мы совершенно спокойны; впрочем, все зависит от бога. Замечательно, что англо-французы вышли на берег 2 сентября, в день входа Наполеона I в Москву. Наш Севастополь готовится к обороне: многие выезжают, но есть такие, которые приезжают. Мои занятия те же: утром на коне обозревал городовые укрепления и оборону; пошли с большим успехом, не только рабочий, но и мужик с охотой работают. Вечером пробовали пушки и ракеты.

---

[1] Публикуемый дневник составлен из ежедневных записок В. А. Корнилова своей жене Елизавете Васильевне, которые сам он называл «журналом». Письма отправлялись адресату при каждой оказии и нумеровались порядковым номером. Последовательное изучение этих записок дает представление о ежедневных занятиях В. А. Корнилова.

Часть публикуемых «писем-журналов» была ранее напечатана А. Жандром, однако при воспроизведении их Жандр произвольно выпустил целый ряд абзацев, представляющих значительный исторический интерес.

[2] Т. е. силами головорезов; так в шутку окрестил В. А. Корнилов моряков морской полевой батареи, сформированной капитан-лейтенантом А. А. Поповым из легких корабельных пушек и укомплектованной отборными моряками флота.

[3] Т. е. в обществе Нахимова, Истомина и других собиравшихся по вечерам у В. А. Корнилова.

[4] В кн. Жандра эта фраза пропущена (см. ук. соч., стр. 191)

Одна из батарей Корниловского бастиона (Малахов курган), на которой 5 октября 1854 г. был смертельно ранен В. А. Корнилов (крестом из ядер обозначено место, где он был ранен).

(С литографии из «Русского Художественного листка» В. Тимме; 1855, № 14; по рисунку с натуры академика живописи В. Тимма).

5 [сентября]. С утра сгрустнулось, когда вспомнил, что 5 сентября провожу один. Поздравляю тебя, дорогой друг, поздравляю и дочку Лизу, когда-то мне удастся вас всех увидеть. К обеду пригласил Истомина и Ергомышева и распил бутылку шампанского за твое здоровье и за здоровье новорожденной. Из лагеря известия были и утром и вечером: неприятель попрежнему продолжает окапываться, а мы стоим на прежней отличной позиции. Некоторые суда неприятельского флота отплыли к Варне. У нас в Севастополе все благополучно; все спокойно и даже одушевлено. На укреплениях работают без устали, они идут с большим успехом. Надеемся, что князь Меншиков обойдется без них. Вечером у меня сидело большое общество и пришла почта. С особым восторгом я увидел твои строчки, написанные довольно твердою рукою. Бог да хранит тебя. Боясь недостатка фуражу или дороговизны его, я отправляю серых лошадей [1].

6 сент[ября]. Со светом пустился в наш лагерь, расположенный на р[еке] Альме. Нашел там все как нельзя в лучшем духе. Князь спокоен, даже весел. Шатер его раскинут на такой высоте, что кругом видно на 30 верст. Телескоп огромной величины наведен на неприятельский лагерь и флот. Войска много и подходят свежие. Казаки начали гарцовать; жгут запасы сена внутри неприятельской цепи. Целый день провел на биваках и к вечеру выехал. Отдав записку карандашом Звягину [2], я опасался, что ты, мой друг, встревожилась, когда не получила от меня ни слова. Сегодня 7 сентября [3] пропасть дела, а курьера хочется отправить с утра — и затем прощай, будь здорова. Благословляю тебя и детей. Бог не оставит правых, и поэтому ожидай развязки со спокойствием и терпением. В 1812 г[оду] Россия была в худшем расположении [4] и отстояла свое величие, даже умножила его [5]. С особенным удовольствием читал письмо Саши, которое при сем возвращаю. Наш мальчик дает большие надежды. Прилагаю также письмо Варвары Львовны и тетрадь, которую прошу при письме, тоже здесь вложенном, отослать брату Александру.

Твой весь *В. Корнилов*

[P. S.] Надеюсь, что ты бережешь себя, не выходишь и вообще соблюдаешь правила, для твоего положения применимые. Пустыми тревогами не тревожьтесь, а серьезных у вас быть не может. Конечно, неприятель против Николаева при своих настоящих заботах ничего не предпримет. О Севастополе нечего думать, трудно ему сделать серьезный вред. Может быть, выбьет стекла в пользу Инженерной части, бросит бомбы, но и то трудно предполагать при наших сильных наружных укреплениях. Коляску с серыми отправляю.

---

[1] В кн. Жандра эта фраза пропущена (см. ук. соч., стр. 192).
[2] Курьер, направленный в г. Николаев.
[3] Эти и все последующие строки написаны В. А. Корниловым утром 7 сентября, но помещены им под датой 6 сентября.
[4] Очевидно — «положении».
[5] В кн. Жандра все последующие фразы опущены (см. ук. соч., стр. 194).

Дороги будут кормы, а мне, кроме верховой, ничего не надо. Дружка Катю благодарю за письмецо, отвечать некогда, а похвали, как добрую дочь.

№ 17

7 сент[ября]. По утру отправил курьера с 17 номером[1]. Предстоит ли дойти этому, не знаю. С утра началось движение неприятельских судов и армии и кончилось к вечеру тем, что флот их остановился на якоре за мысом Лукулл линией вдоль его и выхода в море, а армия приблизилась к р[еке] Булганах[2]. Главная колонна к берегу у д[еревни] Темрюк, центр растянутый и на левом фланге кавалерия. Пред захождением солнца неприятель произвел усиленную рекогносцировку, при [которой] взяли у него в плен полковника генерального штаба. Мои занятия в продолжение дня состояли в разъездах по инженерным работам, которые идут по мере возможности. Я отрядил им около 5 тысяч рабочих с инструментами, и мы в неделю сделали более, чем прежде сделали в год. Одно, что лежит у меня на совести — это откомандировка морских стрелков, но что же делать, князь не уступил моим доводам. Вечером я опять писал ему о том же, что такое откомандирование лишает флот лучших людей и обречет его бездействию. Итак, завтра, кажется, будет день или великой победы или конечного поражения. Боже, благослови наше дело! Мы по крайнему нашему разумению признаем его правым.

8 сент[ября]. Тяжелый день и по предсказанию Афинского календаря и по всем соображениям, надо было ожидать наступления неприятеля. Утром явился кн. Ухтомский с пленным[3] французским полковником графом Лажанд, состоявшим при лорде Раглане. Этот молодец наткнулся на гусар наших и был ими взят. С Ухтомским мне князь прислал сказать, что дела не ожидать, но во 2-м часу прислал сказать, что слышна пальба, и я, проглотив несколько ложек супу, поскакал в лагерь. Можно себе представить, какое чувство волновало меня: на Лукулле или на Альме разыгрывалась участь Европы. Подъезжал, пальба редела, и я вскоре увидел наших в ретираде, но ретирующимися в порядке. Тяжела была эта картина, но воля божия для нас неисповедима. Неприятель после кровавой сшибки оттеснил нас, обойдя левый фланг при помощи пароходной артиллерии, но по уступлении позиции, не преследовал. Со всем тем надо было ретироваться. Князь решился сначала на Качу, но потом на Бельбек. Потери с обеих сторон были значительны. У нас Сколков потерял руку. Полковой командир Московского полка убит и несколько офицеров ранено. В 10 часов вечера возвра-

---

[1] Т. е. с «письмом-журналом» № 16, куда вошли письма с 3 по 7 сентября; № 17, повидимому, указан ошибочно вместо № 16.

[2] В кн. Жандра вместо названия реки Булганах неправильно указана река Альма (см. ук. соч., стр. 195).

[3] В кн. Жандра от слова «с пленным» до слов «во 2-м часу...» все фразы выпущены (см. ук. соч., стр. 196).

тился на свою квартиру, оставив князя на Каче, и, несмотря на усталость, надо было писать и отправлять Грейга[1] в Петербург.

9 [сентября]. Наши возвратились в Севастополь, где и заняли позиции. Неприятель в продолжение дня не делал никакого движения, вероятно, подобно нам собирал свои войска. Наши возвратились весьма усталыми, и только к вечеру окончилось передвижение обозов и прочее. Князь совершенно изнурился и жаль на него смотреть[2].

10 [сентября]. Целый день был проведен в приведении в известность потерь войск, в сформировании расстроившихся частей, в призрении раненых и в прочих весьма грустных занятиях. Неприятель не трогался с своего места, вероятно, также хоронил убитых, перевязывал раненых. Войско наше потеряло много, но незаметно уныния и, кажется, не задумывается вновь сцепиться. Нельзя не сказать, война ужасное дело. Трудно себе вообразить, что происходит со страною, которую она изберет своим театром, деревья рубят, сады исчезают, здания обращаются в развалины — все вверх дном. Так было с Альмой, так будет, вероятно, с Качей, так будет с Бельбеком.

11 [сентября]. С утра замечено движение в неприятельском флоте и армии, движение это кончилось тем, что и флот и армия перешли на Качу. Наши также потянулись к нему навстречу. Мы, моряки, остаемся, защищать Севастополь. Бог да поможет нам устоять против двадесяти языцев. В городе суета, на рейде — еще большая. К этому еще передвижение войск и их повозок. Кирьяков с своей дивизией вперед, Горчаков с своими войсками обойдет Инкерманом. Князь ночует в Севастополе, но завтра рано отъедет. Что-то вы поделываете в Николаеве? Там, конечно, все спокойно. Как я доволен, что во-время отправил тебя, друг мой драгоценный, отсюда. Сколько теперь семейств желали бы не быть в нашем каменном лагере. Боюсь, что недостаток известий отсюда тебя растревожил, но что же делать, когда на настоящее сообщение полагаться невозможно и это писание, не знаю, доберется ли до тебя. Курьер едет через Ялту. Когда-то я получу от вас и об вас. Упование на волю божию и терпение подаждь мне, господи. Прощай, будь здорова, вас всех благословляю[3].

Весь твой *В. Корнилов*

[P. S.] Сашу благодарю за письма, очень рад, что дошла до тебя записка с Звягиным, написанная карандашом из злосчастного Лукулльского лагеря.

Не знаю, достаточно ли у тебя денег, впрочем, теперь должно мне следовать жалование, арендные и дровяные. Кроме того, вексель на 10 тысяч серебром в штабе, тот, который имеется от Скуратова и Лукина за Краситово.

---

[1] Адъютант адмирала А. С. Меншикова.

[2] В кн. Жандра эта фраза опущена (см. ук. соч., стр. 201).

[3] В кн. Жандра все последующие фразы выпущены (см. ук. соч., стр. 208).

12 сентября. Неприятель двинулся на Бельбек, где и оставался на ночь. Князь с армией тронулся на Мекензиеву дачу. Я начал свои приготовления к защите Северного укрепления. Скопил в нем 4 батальона сводных с кораблей, один флотский стрелковый батальон. 1-й рекрутский флотский, Литовский запасной батальон и ½ роты сапер — в самом укреплении, и потом два эполемента[1] прикрыл 2 стрелковым флотским и 2 абордажным. В лощинах же приготовил по 3 флотских батальона тоже с кораблей. Укрепления приводились между тем в самое удовлетворительное состояние. Новые форты на море воздвигались, потому что неприятельские пароходы в числе 10 начали завязывать перестрелку с башнею Волохова. Ретраншементы рылись и улучшались. Вечером был приведен пленный французский солдат.

13 сентября. Неприятель потянулся густыми колоннами на Инкерман и к вечеру передовой отряд его перешел Черную речку чрез Каменный мост и расположился там на ночлег. О князе самые сбивчивые слухи. Казалось, он на Мекензиевой даче имел дело с неприятелем. Обозы его все здесь. Обоз Веймарнского полка попался неприятелю. Говорят также, что князь ретируется к Бахчисараю. В устье Чоргуны была перестрелка и взят английский драгун. Я перебрался в город, полагая, что там будет дело, а что Северное укрепление будет оставлено в покое. Что будет, то будет, а надо брать меры, если князь отрезан и к нам опоздает. Была перестрелка с пароходами.

14 сент[ября]. Неприятельские передовые колонны двинулись к Балаклаве и заняли город. Пароходы в большом числе ходили по всем Херсонесским бухтам[2] и кругом в Балаклаву. Целый день занимался укреплением города и распределением моряков, за исключением 4 батальонов, переведенных на городскую сторону. Итого у нас набирается 5 тысяч резервов Аслановича и 10 тысяч морских разного оружия, даже с пиками. Хорош гарнизон для защиты каменного лагеря, разбросанного по протяжению многих верст и перерезанного балками так, что сообщения прямого нет. Но что будет, то будет. Положили стоять. Слава будет, если устоим, если же нет[3], то князя Меншикова можно назвать изменником и подлецом; впрочем, я все не верю, чтобы он продал. По укреплениям работа кипит, даже арестанты усердствуют. Войско кипит отвагой, но все это может только увеличить резню, но не воспрепятствовать входу неприятеля. О князе ни слуху, ни духу. Вечером собирались все для распределения ролей и решения позиций.

15 сент[ября.] О князе ни слуху ни духу. 2-я неприятельская колонна ночевала на месте ночлега 1-й и в 10 [часов] утра обе тронулись к Севастополю. В 2-м часу неприятельские аванпосты на

[1] Эполемент — земляное закрытие, предназначавшееся для обеспечения орудий батарей с фланга.

[2] Под «Херсонесскими» бухтами надо понимать ближайшие к Херсонесскому мысу бухты, т. е. Круглая, Камышевая и Казачья.

[3] В кн. Жандра конец этой фразы опущен (см. ук. соч., стр. 228).

дорогах — Старой и Новой. К вечеру утвердились на плоской горе над хутором Сарандинаки. Армия, вероятно, позади. Неприятельские пароходы хозяйничают в Херсонесских бухтах, прилегающих к маяку, и в Балаклаве. Конечно, завтра узнаем более. Наши дела улучшаются, инженерные работы идут успешно. Укрепляем, сколько можем. Но что ожидать, кроме позору, с таким клочком войска, разбитого по огромной местности, при укреплениях, созданных в двухнедельное время [1]. Князь должен дать отчет России в отдаче города. Если бы он не ушел бог весть куда, то мы бы отстояли. Если бы я знал, что он способен на такой изменнический поступок, то, конечно, никогда бы не согласился затопить корабли, а лучше вышел дать сражение двойному числом врагу [2]. С раннего утра осматривал войско на позиции: 6 резервных батальонов и 15 морских [3] из матросов; из последних 4 приобучены порядочно, а остальные и плохо вооружены, и плохо приобучены, но что будет, то будет, других нет. Чтоб усилиться формируем еще команду из обоза. Может, завтра разыграется история. Хотим биться до-нельзя, вряд ли поможет это делу. Корабли и все суда готовы к затоплению. Пускай достанутся развалины. Вечер в черных мечтах о будущем России [4]. Неужели все ее войска похожи на армию князя Меншикова? А Меншиков состоит в числе лучших генералов!

16 сент[ября]. По утру явился Стеценко из лагеря князя Меншикова. Стеценко прошел пешком с татарином. Князь расположен был под Бахчисараем и, соединясь с войском, приведенным Хомутовым, и кавалерией из Николаева, должен был занять позиции на высотах Бельбекских между Ортакиой и Шули [5]. Между тем неприятель подступает к Севастополю и расположился на Старой дороге. Аванпосты и передовые отряды из англичан на высотах, а лагерь — за высотами. Пароходы английские завладели Тройною [6] бухтою. На этот день свежий NO мешал, кажется, действиям неприятельского флота. Мы здесь не унываем, укрепляемся, как умеем и как средства позволяют. Непрерывная цепь редутов и бастионов и разного рода батарей и батарей представляет непрерывную линию пушечного огня, но эта линия на 7 верстах. Есть высоты, на которых легко воздвигнуть батареи против нас и кроме — три или четыре пути, прорваться коими легко, ибо защитников немного: моряков (матросов) 10 тысяч, да 5 тысяч резервных солдат. Бог да благословит и да подкрепит нас [7] и если бы князь Меншиков вместо

---

[1] В кн. Жандра две последующие фразы пропущены (см. соч., стр. 231).

[2] В кн. Жандра эта фраза передана извращенно: «Если бы я знал, что это случится, то конечно никогда бы...» и т. д. (см. ук. соч., стр. 231).

[3] В. А. Корнилов не включает в это число 3-й Тарутинский батальон, прибывший в Севастополь накануне, т. е. 14 сентября, и 2-й морской батальон, который был переведен позднее с Северной стороны на Южную.

[4] В кн. Жандра две последующие фразы пропущены (см. ук. соч., стр. 231).

[5] Название татарских деревень.

[6] Тройной (или трехрукавной бухтой) иногда назывались соединенные Камышевая и Казачья бухты, имевшие общее устье.

[7] В кн. Жандра последующие фразы письма пропущены (см. ук соч., стр. 233).

того, чтобы потеряться после несчастной Альминской битвы, оправился бы[1] на Северной стороне и решился бы, вместо разных стратегических маршей, защищать до-нельзя порт и город и оставил бы наш флот целым, с его командой и в его сфере, то, я уверен, мы не были бы накануне разрушений. Постыдно!

17 сент[ября]. Неприятель остановился на позициях в двух лагерях: один на лесистой высоте над хутором Хомутова, другой на высоте против старой Балаклавской дороги. После полдня отряд его прошел к маяку на соединение с пароходами. Мы для пробы стреляли из батарей, вновь воздвигнутых, и с корабля «Ягудиил», поставленного в глубине Южной бухты. Ядра последнего и с бастиона № 4 так далеко легли, что неприятель перенес лагерь несколько назад. Наши укрепления улучшаются по возможности: прибавляем батареи из морских орудий, соединяем их траншеями, в амбразурах делаем щиты от штуцеров, кругом обставляем и батареи, и траншеи мешками и кулями с землей. О князе ни слуху, ни духу до вечера, но вечером явился гусарский офицер с запиской Виллебранта о приближении авангарда Жабокритского[2] в 10 тысяч к Северному укреплению и о движении армии сюда же, т. е. к Северной стороне. Пароходы опять перестреливались с нашими укреплениями. Вообще не попадают, кроме шкуны винтовой, которая бросает конические ядра и бомбы необыкновенно далеко. Одну таковую бомбу разорвало в стенке № 10 батареи, разбило станок и ранило двух. Ночью, по обыкновению, были тревоги, наши патрули приняли друг друга за неприятеля, но скоро это обстоятельство объяснилось, однако пришлось прокатиться на бульвар, где ставка Новосильского[3].

18 сентября. Неприятель все на старых позициях, только посылал отряд против Малаховой башни, вероятно, для рекогносцировки и наблюдений за нашими войсками, показавшимися на высотах Бельбекских, более движения никакого не предпринималось. Наши дела по-старому. Укрепления улучшаются[4], все осматривается и готовим в случае атаки русский отпор. Появление наших войск на высотах Бельбека всех порадовало. С пароходами была перестрелка самая незначительная, но весь флот неприятельский двигается с Качи к Херсонесу, где завладел всеми бухтами. Корабли становятся на якорь снаружи. Их уменьшилось: вместо 32 уже 18. Зато пароходов очень много. По слухам они Северную сторону совершен-

---

[1] Т. е. привел войска в порядок.

[2] Жабокритский О. П. (1793—1866 гг.) — начальник авангарда, генерал-майор.

[3] Новосильский Ф. М. (1808—1892 гг.) — младшим флагманом под командой Нахимова участвовал в уничтожении турецкого флота в Синопском бою. Видный участник обороны Севастополя. В 1854 г. при защите Севастополя, будучи вице-адмиралом, командовал вторым отделением оборонительной линии и находился на 4-м бастионе. В 1863 г. был произведен в адмиралы.

[4] В кн. Жандра неточно «умножаются» (см. ук. соч., стр. 235).

но очистили, даже Козлов[1], так что наши сообщения с вами открыты, чем я и пользуюсь. К вечеру князь приехал на Северную сторону, куда приближаются войска. С ним прибыли и курьер Николаевский. Князь очень жалуется на слабость войск своих и считает неприятеля очень сильным. Собирается опять сделать движение, предоставив Севастополь своим средствам. Если это будет, то прощай, Севастополь! Если только союзники решатся на что-нибудь смелое, то нас задавят. Это мною было представлено князю. Он обещал военный совет, которого мы и ожидаем. Держаться с войсками в Севастополе весьма можно и держаться долго, но без войск — дело другое.

19 сент[ября]. Князь совета не собирал, но войска дал. К нам перевезли три полка 17-й дивизии: Тарутинский, Бородинский и Московский. Теперь войска много, надеюсь, что будем стоять и тогда отстоим. Укрепления улучшаются. Неприятель двигается по высотам, кажется, высматривает наши позиции, также наблюдает движение войск наших: они стоят к Инкерману. Открытие сообщения с Симферополем дало средства эмигрировать из города и большая часть семейств выезжают. Перепалка крепостей с пароходами, кажется, надоела и тем и другим; сегодня ее не было. Корабли и пароходы продолжают ходить к трем бухтам и там сдают грузы разные. Надо полагать, что между прочим есть и осадные орудия. Заметно, что они в лагере что-то работают и таскают к себе фашины. Воду от города отвели, так что должны довольствоваться колодцами.

20 сент[ября]. Ночь была покойная. По утру начал осмотром оборонительной линии, но вскоре тревога на Малаховом кургане и извещение, что неприятель наступает на пункт этот, заставили скакать туда[2]; вышло, что он сделал движение влево, куда и перенес лагерь, вероятно, для наблюдений за войском князя. Признаться Малахова башня меня беспокоит; тут нам и придется отстаивать штыком. День также прошел спокойно; других движений со стороны неприятеля не было. Пароходы также не подходили, но все происходят сгрузы с судов. На Херсонесском пригорке казаки поймали французского артиллериста, только что прибывшего из Марселя в числе 140, вероятно, в пополнение[3], а по захождении солнца в цепи Новосильского гусары и матросы схватили французского капитана из легиона d'Appierra. По всему надо полагать, что неприятель готовится нас бомбардировать. Он расположился 5 лагерями кругом Севастополя, начиная от высот против Килен-балки и до высот, с которых спускается старая дорога из Балаклавы, имея разъезды к Херсонесским бухтам. Князь выехал к войску на Бельбекских высотах[4] и оставил нас отдуваться. Все покуда есть, кроме корма для лошадей.

---

[1] Старое название Евпатории (от татарского Кёзлов).
[2] В кн. Жандра конец фразы пропущен (см. ук. соч., стр. 242).
[3] В кн. Жандра конец фразы пропущен (см. ук. соч., стр. 242).
[4] В кн. Жандра последующие фразы пропущены (см. ук. соч., стр. 242).

21 сент[ября]. Князь у войска. Неприятель продолжает пребывать в спокойствии. Говорят, устраивает батареи, но и мы не теряем даром времени. Наши укрепления принимают более и более грозный вид, на некоторые затащили бомбические 68-фунтовые пушки. Войска еще прибыло: присланы 2 батальона черноморцев, так что мы теперь в таком положении, что как бы силы врагов наших ни были велики, но мы должны устоять, разве войска не будут драться, чего предполагать нельзя. Впрочем, я не ожидаю от неприятеля решительного наступления, а думаю, что он ограничиться бомбардированием. Успех же бомбардирования всегда сомнителен. Занятия идут тем же порядком; целый день верхом переезжаю с позиции на позицию, а вечером собираются все за приказаниями. Отправляю этот журнал к тебе, любезный дружок, с тем, чтобы он до времени был тайной. Из него ты увидишь, что обстоятельства были критические, но теперь прошли и мы можем надеяться отстоять сокровище [1], которого [2] русская беспечность чуть было не утратила. Вчера прибыл Соковнин и привез от вас весть, что все здоровы; бог да благословит вас.

Весь ваш *В. Корнилов*

[P. S.] Письмо это посылаю с Швейковским [3].

№ 19.

24 сент[ября.] Третьего дня поздно вечером с Швейковским отправил тебе журнал мой, из него ты узнаешь, что мы подкреплены войсками, в сообщении с главной квартирой и, несмотря на скопище неприятеля, обложившего Севастополь кругом с Южной стороны бухты, нисколько не отчаиваемся отстоять его, разве бог нас оставит; тогда его святая воля, дело смертного ей покоряться со смирением— она всегда праведна.

Вчерашний день, т. е. 23 сентября, прошел совершенно спокойно. Неприятель продолжал занимать свои позиции. Партии его, в малом числе, являлись по высотам. У нас работали над укреплениями, и я на Малаховом кургане, где Истомин делал репетицию сражения; потом толковал с солдатами и матросами. Все оживлены самым лучшим духом, особенно матросы, приняли с «ура». Со всем тем раскинутая местность на большое протяжение указала недостаток войск; я писал об этом к[нязю] М[еншикову] и сегодня же вечером он дал для защиты еще Бутырский полк, который и перевезли ночью на позицию. На правом фланге, т. е. там, [где] в начале нашей жизни в Севастополе жил полковник Фохт. Посылал батальон матросов с саперами, горстью казаков и 2 пушками разорить хутор, надоедавший нам своим приютом неприятелю, пользовавшемуся длинной стенкой, протянутой параллельно линии нашей. Молодцы наши отогнали 2 батальона французов и эскадрон их конницы и сделали свое

---

[1] В кн. Жандра последующие фразы пропущены (см. ук. соч., стр. 245).
[2] Так в подлиннике.
[3] Состоял в должности старшего адъютанта штаба Черноморского флота.

дело в глазах неприятеля, т. е. срыли стенки и сожгли дом. Это чрезвычайно развеселило гарнизон, прибавлений же тут быть не могло, потому что произошло в виду нашем. Севастополь опустел, лавки заперты, кроме некоторых исключений, женщины редки, но продовольствие есть, кроме сена для скота, в котором затруднение. Скоро надеемся восстановить подвоз через Северную сторону, потому что там сообщение совершенно в наших руках. Флот неприятельский часто двигается; так как мы преобразились в сухопутных, то движение его мало нас интересует, разве перестрелка пароходов с нашими наружными фортами, которая почти ежедневно бывает, но всегда без вреда друг другу, по крайней мере, нашим. Одобряю, что ты не спешишь с Сашей, все он тебе утешение. Письмо мое или журнал с Швейковским держи в секрете до времени (прочитай только его Н. Ф. Метлину). Может быть, в минуту испытания я был слишком откровенен и, может [быть], и несправедлив в некоторых суждениях, там изложенных. У нас был Шеншин, которого я почти не видал. Прощай, милый, дорогой друг, благословляю вас всех. Надейся на бога и молись, чтобы он не допустил только твоему мужу оставить детям позорное имя и дурной пример. Что за красавица Лиза, все об ней толкуют. Когда-то я ее и всех вас увижу. Пишешь ли Алеше? Александру-брату — пиши обо мне.

Твой весь *В. Корнилов*

№ 20

24 сентября. Волохов взял мой № 19, служивший продолжением отправляемому с Швейковским.

24-е число прошло благополучно. Неприятель не делал никаких движений, кроме французских стрелков, показывающихся против правого фланга нашего, т. е. на протяжении от Балаклавской дороги к морю, где кладбище. Стрелки эти было отогнали казаков, но когда мы выслали своих, то исчезли. На флоте заметно беспрерывное движение; корабли и суда и прибывают и уходят. На Каче продолжают стоять большой массой, и потом французские корабли и пароходы против Херсонесского маяка, и последние в Трехрукавной бухте[1], где, кажется, устроены пристани. Слух носится, что флот для армии доставляет воду с р[еки] Качи. Наши войска продолжают занимать высоты Бельбека и Мекензиеву дачу, а мы усиливать нашу оборонительную линию. Я ездил довольно далеко за город и по Килен-балке и по дороге к шоссейному домику, против бастиона № 3, и видел английский лагерь: небольшой, должно быть наблюдательный отряд, прямо против Малаховой башни, а от него к западу большой лагерь, вероятно, главный английский и потом французский. Ибо известно, что французы расположились по Балаклавской дороге и к маяку. Вечером было получено от князя Меншикова письмецо, коим он извещал о преднамерении рекогносцировки всей его кавалерией в чис-

[1] См. примечание на стр. 274. Здесь в дальнейшем базировались неприятельские корабли, блокировавшие Севастополь.

ле до 6 тысяч и о сделании от нас диверсии, почему и хлопотал об исполнении этой диверсии.

25 [сентября]. Со светом надо было катить на Малахов курган, откуда должна быть диверсия. Она состояла в выходе дивизии пехоты с г[енерал]-л[ейтенантом] Кирьяковым и с 2 батареями артиллерии на полупушечный выстрел от батареи на время перестрелки наших рекогносциров, что продолжалось недолго, всего выпалено было с дюжину выстрелов [1] и потом притихло. Молчание было нам сигналом возвратить наши войска. Кроме этих занятий, было еще одно: французский пароход-бриг, подбитый нашими батареями, вбежал [2] в Стрелецкую бухту. Желалось его выжить или сжечь. Ильинский [3] с казаками подскакал к бухте, взял в приз книжку, брошенную на пикет, и, возвращаясь, чуть не был настигнут французскими всадниками. Экспедицию не умели придумать с шансом удачи и потому отложили. Между тем французы, ожидая покушения ночью, послали отряд к пароходу, что произвело две тревоги по нашей линии, и, следовательно, нам до полночи не дали покоя ради умных [4] распоряжений начальника правого фланга генерала Аслановича. Последняя тревога была, кажется, от своего же секрета, им, Аслановичем, посланного. Этот секрет был встречен нашей цепью, как неприятель, и, кроме того, с бастиона и редута по нему выпалили. Жертвою этого замешательства были офицер и 4 рядовых матрос, двое ранены смертельно, а офицер и другие двое опасно [5]. Недостаток размышлений наших генералов губит нашу армию. Надо видеть, в какой степени люди одушевлены, а им за то платят картечью. По сведениям от князя рекогносцировка кончилась взятием в плен двух английских гвардейских драгун, которые показали, что английского войска от 17 до 18 т[ысяч], а французов вдвое и что при Альме англичане и французы много потеряли. Тоже замечены два редута и два ложемента по линии от Балаклавы к Севастополю, вероятно, чтобы обеспечить отступление и амбаркацию [6] в случае неудачи.

26 [сентября]. Прошло без приключений. Неприятель сохраняет старые позиции. Против № 5 бастиона штуцерные являются в развалинах хутора и теснят наших казаков. Движение на неприятельском флоте продолжается: 9 кораблей стоят против Тройной бухты и маяка, 18 — против Качи. Ночью к пароходу, вбежавшему в Стрелецкую бухту, пытался пробежать другой и стал на мель при входе. Ночью около него хлопотал третий и стащил. Взошел также 4-мачтовый пароход винтовой, полный людей, от NW и потом видно было, что протащили до 4 тысяч туров к восточной части лагеря,

---

[1] В кн. Жандра от слова «выстрелов» до слов «Кроме этих занятий...» фразы пропущены (см. ук. соч., стр. 259).

[2] Так в подлиннике.

[3] Ильинский Д. В. — капитан-лейтенант, флаг-офицер В. А. Корнилова. Участник обороны Севастополя.

[4] В кн. Жандра это слово пропущено (см. ук. соч., стр. 260).

[5] В кн. Жандра последующая фраза пропущена (см. ук. соч., стр. 160).

[6] Амбаркация — посадка войск на суда.

где что-то строится, и наши бомбы с «Владимира» [им] мешают. Войска осваиваются с своими местами. Здоровье людей как нельзя лучше. Укрепления растут и совершенствуются.

27 [сентября]. Наконец, свежий NO ветер. Неприятельский флот на своих местах, но без всякого движения, даже сообщение прекратилось, впрочем, волнение небольшое. Войска неприятельские продолжают занимать те же места, их 6 или 7 лагерей: 1-й самый большой у Дергачева хутора, 2-й между двумя почтовыми дорогами в балке, 3-й немного правее 2-го — на возвышенности, 4-й у [хутора] Сарандинаки, 5-й у Панютина [хутора], 6-й у Балаклавы и 7-й на высотах между бухтой и Георгиевским монастырем. Первые три, полагаю, английские, а последние, кроме Балаклавского, французские. Говорят, что у Балаклавы — турецкий. Ночью было заметно [движение] от первого лагеря к Килен-балке, но бомбы «Владимира» его остановили. Наши укрепления все усиливаются, гарнизон устраивается. Здоровье солдат как нельзя лучше, несмотря, что все это живет на воздухе и многие без крыш и несут самую тяжелую беспрерывную службу. Войско князя Меншикова расположено на Бельбекских высотах и Мекензиевой даче и растет подкреплениями. Сообщение с Россией восстановлено совершенно, даже начинают подвозы на Северную сторону, так что прекращаем вынужденную крайностью фуражировку. Если бы союзники дали нам в таком положении дождаться дивизии Липранди [1] и других подкреплений, а сами бы дождались осенних погод [2], то надо надеяться, что с милостию божиею мы бы отстояли это сокровище России — Севастополь. После обеда нам вздумалось выбить французских штуцерных из разоренного хутора против бастиона № 5. Они отгоняли наших казаков, и под их прикрытием, кажется, затевается батарея. Была снаряжена экспедиция из двух батальонов, резервного Виленского и Морского абордажного с 4 орудиями и штуцерными Московского полка. Только что наши, отправленные в обход, появились на высоте, как высыпала на высотах стая стрелков и весь лагерь на Панютином хуторе пришел в движение. Наши, дав несколько картечных выстрелов по засевшим в развалинах стрелкам, отретировались в порядке под крепостные выстрелы и пошла перестрелка. Стрелки неприятельские снабжены такими штуцерами, что могут безнаказанно действовать по крепостной прислуге вне картечных выстрелов из орудий, а ядром что им сделаешь, когда они рассыпаны и укрыты пригорками и каменьями. Пули французские долетали в бастион и одна ранила Тироля, одного из лучших офицеров флота, в живот и двух из прислуги у орудий. Тут мы увидели, что Севастополь кругом обложен и на Панютином хуторе есть много пехоты и есть кавалерия. По захождении солнца все успокоилось. Против штуцерных неприятельских мы выставили своих за стенкой, и это было действительнее артиллерии. Стрелки французские скоро ушли. Ночь зато прошла покойно, толь-

---

[1] Липранди П. П. — генерал-лейтенант, начальник 12-й пехотной дивизии.
[2] Так в подлиннике.

20

ко ветер выл сильно, но, кажется, неприятель отстоялся[1]. Погода совершенно изменилась, начинает быть холодно.

28 [с е н т я б р я]. Хоть я и сказал, что с 27 на 28 прошло покойно, но на рассвете оказалось, что французы насыпали траншею против бастионов № 4 и 5 по всему протяжению и заложили батарею. Это заставило целый день палить по их работам и мешать движению войск. Англичане также что-то сооружают против Малахова кургана, но очень далеко так, что насыпь эта была более похожа на укрепление против наступления князя. К вечеру явился на наши аванпосты французский артиллерист, кажется, бежал [от] голода, потому что пище обрадовался, как ребенок. Он сказал, что St. Arnaud умер и что неладно между Canrobert'ом и Рагланом и что эти нелады причина их медленности. Должно быть бог не оставил еще России. Конечно, если бы неприятель прямо после Альминской битвы пошел на Севастополь, то легко бы завладел им. Вечером получил от князя записку. Он придвинул к нам на Северную сторону еще полк, Минский пехотный, так что у нас до 5 тысяч войска, кроме артиллеристов, и 270, если не более, орудий. Если бог благословит нас твердостию, то враги вряд ли одолеют. Мой день проходит совершенно однообразно, если не считать ночных тревог, которые не всякие сутки случаются. С раннего утра мы все, а нас более дюжины[2], садимся на коней. Я объезжаю линию, начиная с [батарей] № 10 и кончая Малаховым курганом, так что прямо возвращаемся обедать. После обеда, после краткого отдыха, новые кони — и вновь на них по тем из укреплений, которые требуют или нового осмотра, или новых наставлений, или каких-либо распоряжений на ночь. Возвращаемся к 7 вечера. Тут я застаю и Моллера[3] — нашего главнокомандующего, моего нового Морица Борисовича по обороне Севастополя, и героя Синопского Нахимова, и Кирьякова, и разных

---

[1] Т. е. неприятельские суда на якорях.

[2] В состав штаба вице-адмирала В. А. Корнилова входили:

О ф и ц е р ы д л я п о р у ч е н и й:

капитан-лейтенант И. Ф. Лихачев
капитан-лейтенант А. А. Попов
капитан-лейтенант В. И. Барятинский
штабс-капитан корпуса морской артиллерии Ф. В. Пестич.

Ф л а г-о ф и ц е р ы:

лейтенант А. П. Львов
лейтенант А. П. Жандр
лейтенант П. П. Крюднер
лейтенант Н. Д. Скарятин
лейтенант П. А. Шестаков

С и г н а л ь н ы е о ф и ц е р ы:

мичман А. Д. Скарятин
мичман Я. П. Сербин
мичман кн. Э. А. Ухтомский

[3] В кн. Жандра эта фраза воспроизводится неправильно: «Тут я занимаюсь Моллером — нашим главнокомандующим... и Нахимовым, и Кирьяковым, и разными лицами с отчетами и за приказаниями». Кроме того, в фразе от слова «главнокомандующего» до слова «Нахимова» восемь слов пропущено (см. ук. соч., стр. 268).

лиц с отчетами и за приказаниями[1]. По отправлении последних мы принимаемся за чай, и тем кончается день, буде не нарушит спокойствие наше ракета. Вот третий день, что я оставил дом Истомина и перебрался к Волохову, на горе возле телеграфа, чтобы быть в центре действий и наблюдений. Тут поместился и весь штаб мой, а он не мал, как я уже сказал (15 человек). Итак, до следующего письма, добрый друг мой. Последние твои строчки были от 25-го. Ты окрестила Лизу? Бог да благословит ее будущее. Перекрести ее за меня. Когда-то я увижу вас всех? Господь милосерден. Прощай, будь здорова, не допускай расстраивать себя мрачным думам о предстоящем. Не забывай, что у тебя на руках длинная вереница детей. Твой весь. Благословляю вас всех. Алеше напиши за меня несколько слов.

В. Корнилов

№ 21

29 сент[ября]. С утра было открыто, что англичане в ночь провели длинную траншею по направлению к высоте, командующей Южной бухтой, оставив то, что насыпали против Малаховой башни в начале Килен-балки. Французы продолжают утолщивать свою насыпь. Мы палили в тех и других изредка и ночью, и днем. Наши инженерные работы также идут. Теперь те места, против которых делает насыпь неприятель, усиливаем артиллерией. Князь Меншиков приезжал в город, был на правом фланге, посмотрел на французские работы, но на левый фланг для английских не ездил, а взглянул их от казарм 43-го экипажа. Наши штуцерные во все время на дистанциях Новосильского и Истомина были снаружи. Новосильского — в моих глазах убили французского, а потом говорили, будто убили еще двух и лошадь. Французский штуцер, взятый вчера, не показал, чтоб был лучшего устройства, чем наш. Бутырского полка штуцерный, у Истомина, подстрелил и привез английского 77-го полка. Штуцер английской похож на французский. Кроме того, были посланы две экспедиции; батальон тарутинцев разрушил и разрыл строение против бастиона № 4 из опасения, чтоб оно не могло служить неприятельским стрелкам, а два морских батальона (Лесли и Рачинский) с охотниками из штуцерных бородинцев и бутырцев, при взводе сапер, ходили в ночную — к английским траншеям и разрыли дом, к которому англичане подбирались. Экспедиция возвратилась ранее полуночи, успешно окончив свое дело. К вечеру перевезли с северного берега Минский полк, который поставлен для защиты редута и бастиона на № 5. Нас теперь до 35 т[ысяч].

---

[1] Инженер-полковник Э. И. Тотлебен.
Саперный полковник Евреинов
Младший врач Андреев.
Сведения эти взяты из списка, собственноручно составленного В. А. Корниловым на рапорте поручика Кутитонского о результатах наблюдения за неприятельскими войсками и приложенного к публикуемому письму.

30 сент[ября]. Продолжение того же. Неприятель продолжает насыпать батареи. Англичане, кажется, в трех местах: в 5 или 6 амбразур при Килен-балке, против Малаховой башни; другая, более обширная, может действовать и против башни и против № 3 бастиона и третья анфилирует № 3 и действует против батареи у казарм артиллеристов. Французских — как будто две[1]. Французы работают успешнее. Мы стреляем, стараемся мешать их работам и ядрами, и бомбами, экономничаем, однако, в снарядах; прибавляем, где указывает надобность, орудия; подводим под систему ход отражения — остальное все в руцех божьих. Будем брать меры также для укрытия войск, которых у нас довольно много. Так прошел день, и мы вступили в 1 октября; ровно месяц нашествия двадесяти языков. Происшествий никаких 30 сентября не было. Погода стоит на заказ, как будто в июле месяце, только не так жарко.

1 октября. Продолжение тех же событий. Неприятель роется, а мы ему стараемся мешать своей артиллерией и вместе с тем усиливаем свою оборону и числом, и калибром орудий, и утолщением брустверов, и насыпью траверзов и т. д. Теперь не подлежит сомнению, что англичане взяли на себя восточную сторону, а французы — западную, т. е. город. Удаль наших штуцерных продолжает нас тешить и надоедать неприятелю. После полдня 8 минцев пробрались под самые насыпи французов, против бастиона № 5, и двое вскочили на ров, где рассмотрели до 8 мортир, еще не установленных, вырытые канавы и что вбивают сваи, орудий не заметили. На левом фланге две партии охотников подходили к самым укреплениям, сооруженным англичанами, и тревожили их все послеобеденное время. Перестреливались более часу с их цепью. Бутырские охотники бросились в штыки, заставили англичан отступить и взяли в приз белое одеяло. Горько подумать, что с таким войском потеряли Альму.

2 октября. Неприятель продолжает те же работы. Французы распространили свои батареи и возвели амбразуры, обложив турами. Англичане продолжают насыпи. У англичан обозначились, кроме отдаленной батареи, ими брошенной, две батареи: одна на возвышенности, в конце которой стоит бастион № 3, другая на возвышенности, выдающейся крутым мысом к Пересыпи, где была бойня. Наши укрепления тоже усиливаются: открыли новую батарею из 7 орудий на правом фланге, между бастионом № 6 и батареей № 10. Новая батарея обстреливает длинную и широкую лощину против оборонительной стены и кладбища; в других же укреплениях наставили пушки большого калибра и готовим мортиры. Во 2-м часу открыли огонь против французских работ со всех орудий, которые по ним могли действовать, и продолжали с час. Пальба эта была сколько для разрушения работ, столько для приучения артиллеристов, она имела полный успех: из работ сделалась каша. Минские

[1] В кн. Жандра эта фраза воспроизведена неправильно: «Французы как будто двигаются» (см. ук. соч., стр. 275).

охотники с присоединением моряков и флотских офицеров ходили опять почти под самый вал французов и потому только возвратились, что были отозваны. На левом фланге бутырцы и несколько матрос делали экспедицию во время обеда англичан, схватив у них ранцы и другие вещи, в том числе собачку с именем Morison, а те бежали; только потом высыпали в больших силах, причем произошла перестрелка; один из наших убит и 4 ранены легко. Наши отретировались с ранцами и даже с собачкой, положив многих неприятелей на месте. Вообще неприятельские стрелки перестали приближаться к ним и если показываются, то с большею осторожностью.

3 октября. Французы всю ночь усиленно работали и несколько исправили вчерашнее разрушение. Наши охотники не могли проникнуть, — цепь была густая и сильный отряд прикрывал рабочих. Англичане также увеличивают свои работы и поднимают насыпи, употребляя фашины и мешки. Теперь, кроме отдельной батарейки при Килен-балке, у них в трех местах похоже на батареи, третья против бастиона № 4, вдоль его правого фланга. У нас поставлены 4 трехпудовые пушки на бастионе № 6. Две при бастионе № 5 и ставят мортиры в 5-м и 4-м. Перестрелка. Никаких происшествий не было, кроме того, что палили очередные орудия в работы, этот огонь замедляет работы неприятеля, но ему не мешает рыться. Приезжал свиты государя князь Радзивилл и флигель-адъютант князь Васильчиков; первый с лестными для меня словами царя.

4 окт[ября]. День прошел спокойно, кроме учебной пальбы по французским и английским батареям, но это не мешает и их и нашей работе, все укрепляем и укрепляем. Погода стоит чудесная, как нарочно, пора бы, чтоб хоть NW пощипал их. К князю присоединилась дивизия Липранди. Прощайте, дорогие друзья. Бог да хранит вас. Благословляю вас.

Весь ваш *В. Корнилов*

[P. S.] Благодарю тебя и Сашу за письмо, равно как присылку Лукина и Елизаветы Сергеевны. Возвращаю их и посылаю с курьером этим часы батюшки [1].

ЦГАДА, ф. Рукописного собрания биб-ки Зимнего дворца, д. 2156, лл. 330—363. Автограф.

№ 209

ДОНЕСЕНИЕ В. А. КОРНИЛОВА А. С. МЕНШИКОВУ О ХОДЕ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ [2]

5 октября 1854 г., 9 час. утра

Со светом открылась взаимная канонада, 4 и 5 № [3] более всех терпят; 4-й анфилируется англичанами и французами. Покуда наши:

---

[1] На этом письме дневник В. А. Корнилова обрывается, так как 5 октября 1854 г. он был смертельно ранен.

[2] Донесение написано В. А. Корниловым в день его смерти.

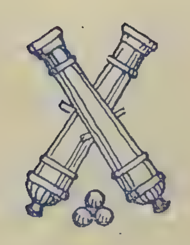
[3] Т. е. бастионы.

артиллеристы стоят хорошо, но разрушено порядочно. Войска укрыты. К несчастию, штиль и дым стоит кругом. Боюсь штурма. Впрочем, меры все взяты, остальное в руцех божиих. Приехал домой посмотреть с высоты и ничего не видать. Насчет сикурсировки[1] одной стороны Южной бухты не вижу возможности. Полагал бы полезным иметь по полку лишнему и на этой и на другой стороне.

В. Корнилов

[P S.] Неприятельский огонь направлен, как я сказал, на батареи, но много бомб падает и в город[2].

ЦГАДА, ф. Рукописного собрания биб-ки Зимнего дворца, д. 2156, лл. 364—365. Автограф. Текст написан чернилами, помета — карандашом.

---

[1] Речь идет о помощи (сикурсе) тем участкам укреплений Севастополя, за которые В. А. Корнилов опасался, что после бомбардировки и разрушения батарей противник предпримет против них штурм.

[2] На обратной стороне донесения имеется помета Корнилова, написанная карандашом: «Не было отослано Меншикову, который сам приехал».

№ 210

ЗАВЕЩАНИЕ В. А. КОРНИЛОВА

7 сентября 1854 г., Севастополь

Моя последняя воля.

Полагал бы семейству нашему, пока дочери малы и лучшее для них воспитание есть домашнее под наблюдением и в правилах и в примере такой редкой и заботливой матери, жить в сельце Ивановском. Там могли бы несколько устроиться дела и отклониться недостаток предстоящий при всякой городской жизни.

Все мое движимое и недвижимое должно поступить в полное распоряжение моей супруги, с которой мы в продолжение 17 лет жили в любви, дружбе и, могу сказать, в примерном согласии.

Детям завещаю: мальчикам — избрав один раз службу государю, не менять ее, а приложить все усилия сделать ее полезною обществу, не ограничиваясь уставом, а занимаясь с любовию, изучая всеми своими способностями то, что для полезнейших действий пригодно. Лучший пример для них в отношении последнего их дед, и дядя, и, могу смело сказать, — отец. Дочкам следовать во всем матери.

Мои бумаги все собраны, равно как бумаги и все то, что относится к благодетелю моему Михаилу Петровичу Лазареву, к семейству которого желал бы, чтобы дети мои сохранили особую дружбу и старались быть ему при всяком случае полезными. Извлечение из бумаг этих, особенно последних, может быть полезным.

Затем, благословляя жену и детей, я со спокойствием готов кончить, как жил для блага моей родины, которую бог не оставит и которая, конечно, по окончании неправедно начатой с нею войны станет еще выше в судьбах наций.

В. Корнилов

Жандр., ук. соч., стр. 386—387.

№ 211

ИЗ ДОНЕСЕНИЯ А. С. МЕНШИКОВА НИКОЛАЮ I О ХОДЕ ВОЕННЫХ ОПЕРАЦИЙ ПО ЗАЩИТЕ СЕВАСТОПОЛЯ, А ТАКЖЕ О РАНЕНИИ И СМЕРТИ В. А. КОРНИЛОВА

5 октября 1854 г., на бивуаке между Инкерманом и Бельбеком

В течение ночи с 4-го на сие 5-е число неприятель прорезал амбразуры в устроенных им траншеях и с 6 часов утра открыл сильный и непрерывающийся огонь против наших бастионов и батарей, которые отвечали усиленно и довольно успешно.

Орудия на башне Малахова кургана к полудню были сбиты, батареи же, устроенные в той части, и все бастионы не переставали действовать и столь удачно, что под вечер у англичан осталось только два орудия для продолжения огня, французские же батареи замолкли гораздо прежде, вслед за взорвавшимся у них пороховым складом.

Потеря с нашей стороны, сколько я полагаю, до получения еще подробных с каждого бастиона и батарей сведений, едва ли значительна, но к истинному сожалению велика тем, что генерал-адъютант Корнилов, раненный ядром в ногу, вскоре умер...

ЦГВМА, ф. АМ, карт. 67, д. 25, 1854, лл. 20—21. Опубл. в кн. «Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя, под ред. Н. Дубровина», вып. III, Спб., 1872, стр. 271.

№ 212

ИЗ СПИСКА РАНЕНЫХ, КОНТУЖЕННЫХ И УБИТЫХ ГЕНЕРАЛОВ, ШТАБ- И ОБЕР-ОФИЦЕРОВ ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА

За 1854 г.

Каких экипажей	Кто именно	Когда ранен, контужен или убит	Имеют ли семейства
Начальник штаба Черноморского флота	Генерал-адъютант Владимир Корнилов	Ранен смертельно на Малахова бастионе (ныне Корнилова) 5 октября, от чего тогда же умер	Жена и 5 детей находятся в Николаеве

ЦГВМА, ф. ШЧФ, 1854, д. 6509, л. 43. Подлинник.

№ 213

ИЗ ШХАНЕЧНОГО ЖУРНАЛА КОРАБЛЯ «ВЕЛ. КН. КОНСТАНТИН»

6 октября 1854 г., 5 час. пополуночи

По словесному приказанию его превосходительства г. вице-адмирала Нахимова на корабле «Вел. кн. Константин» спущен флаг г. ге-

нерал-адъютанта вице-адмирала Корнилова, который волею божьей умер от полученных ран вчерашнего числа на бастионах оборонительной линии.

ЦГВМА, шханечный журнал, 1894, Черноморский флот, корабль «Вел. кн. Константин», кн. 6, л. 69. Подлинник.

№ 214

ИЗ ШХАНЕЧНОГО ЖУРНАЛА КОРАБЛЯ «ВЕЛ. КН. КОНСТАНТИН»

6 октября 1854 г., 6 часов пополудни

Следуя движению флагманского корабля для церемонии погребения тела умершего от ран г. начальника штаба Черноморского флота и портов вице-адмирала генерал-адъютанта Корнилова, мы и весь флот отопили[1] реи на разные галсы, спустили до половины гафель, флаг, гюйс и вымпел, а в 6 часов, обсервуя того же флагмана, спустили совсем флаг и гюйс, поставили прямо реи на топенанты и подняли на место вымпел.

Шханечные журналы, 1854, Черноморский флот, корабль «Вел. кн. Константин», кн. 6, л. 71. Подлинник.

№ 215

ПОДРОБНОСТИ О СМЕРТИ ВИЦЕ-АДМИРАЛА В. А. КОРНИЛОВА, ОПИСАННЫЕ ОЧЕВИДЦЕМ ЛЕЙТЕНАНТОМ А. П. ЖАНДРОМ

1854 г.

В шесть с половиною часов утра 5 октября 1854 г., когда началось бомбардирование Севастополя, генерал-адъютант Корнилов поскакал на бастион № 4, где под сильным огнем подходил к каждому орудию, толковал комендорам, куда целить, одушевлял каждого человека. Потом он поехал по линии с 4-го на 5-й бастион, и я слышал, как солдаты батальона Тарутинского полка, бывшего в этот день по очереди в траншее между 4-м и 5-м бастионами, называли *«истинным молодцом»* нашего адмирала. На 5-м бастионе Владимир Алексеевич осматривал действие каждого орудия, и когда командир бастиона капитан-лейтенант Ильинский, боявшийся за жизнь адмирала, решился сказать ему: «Ваше превосходительство, зачем вы ездите по бастионам. Вы нас обижаете, вы доказываете тем, что вы не уверены в нас, я вас прошу отсюда уехать, я вам ручаюсь исполнить свой долг», — он отвечал: *«А зачем же вы хотите мешать мне исполнить свой долг: мой долг видеть*

---

[1] Отопить рей — поставить рей наклонно, чтобы один нок был выше другого; в данном случае такое положение реев делалось в знак траура.

всех». И вслед за тем он взошел на площадку над казематом бастиона, куда сосредоточен был огонь противоположных французских батарей.

Заметив, что на бастионах остается немного воды, адмирал отделил двух офицеров своего штаба для наблюдения, чтобы в воде не было недостатка; трое других заранее были предназначены для снабжения батарей снарядами; последнее особенно заботило Владимира Алексеевича, и он сам входил во все подробности доставления оных.

В 10-м часу генерал-адъютант Корнилов еще раз был на 4-м бастионе, чтобы взглянуть на общий ход дела, так как этот бастион находился в центре нашей позиции. В это время французский пороховой погреб уже был взорван и огонь французских батарей сделался заметно слабее.

С 4-го бастиона Владимир Алексеевич поехал к бомбической батарее, устроенной на бульваре, и потом через бульвар и Театральную площадь, вокруг Южной бухты на бастион № 3, а оттуда по линии на Малахов курган. На 3-й бастион преимущественно были направлены в этот день усилия неприятеля: ядра и бомбы английских батарей, действовавших перекрестным огнем, изрыли выдавшуюся над ущельем Южной бухты площадку, на которой поставлен 3-й бастион; но адмирал тихо и спокойно говорил с каждым, улыбаясь, когда ему напоминали об опасности, которой он подвергался так решительно.

Малаховым курганом называется возвышенность между Ушаковой балкой и оврагом, идущим от доковых ворот к юго-востоку. С западной и южной стороны она крутая, к востоку оканчивается отлогой покатостью, идущею до Килен-балки, а к северу также отлого спускается до Ушаковой балки. На вершине этого холма, командующего окрестной местностью и даже городом, воздвигнута в нынешнем году башня, служащая опорной точкою оборонительной линии между 2-м и 3-м бастионами. Перед началом бомбардирования башня обнесена от запада к югу до северо-востока траншеями, а к северо-западу, шагах в пятидесяти от нее, поставлена батарея в 8 орудий большого калибра для обстреливания фаса 3-го бастиона. Далее, к северо-западу, по отлогости Малахова кургана и у подошвы его, между Ушаковой балкою и доками, расположена Корабельная слободка.

Подымаясь от места докового оврага к Малахову кургану, адмирал был встречен громкими «ура» 44-го флотского экипажа. «Будем кричать «ура» тогда, — сказал Владимир Алексеевич, обращаясь к стоящему во фронте экипажу, — *когда собьем английские батареи, а теперь покамест только эти замолчали»*. При этом адмирал указал на французские батареи, которые уже прекратили огонь.

На Малаховом кургане адмирал сошел с лошади, за бруствером батареи в 8 орудий, о которой я говорил выше, и пошел к башне. Войдя в первый этаж, он нашел удобным перевязывать там ране-

ных и приказал послать за доктором на ближайший перевязочный пункт в Корабельную слободку; он хотел итти и на верх башни, но контр-адмирал Истомин доложил, что по его приказанию прислуга верхних орудий сошла вниз.

В это время ядра и бомбы с 3 английских кораблей летели на Малахов курган одно за другим. Английский пленный потом рассказывал нам: «Мы видели, как убили вашего генерала около башни». Эти слова подают повод думать, что враги умышленно усиливали огонь на ту батарею, куда приезжал Владимир Алексеевич, которого они не могли не узнать по его генерал-адъютантской шинели, фуражке и его гнедой, с белой гривою лошади, на которой ежедневно посещал он батареи и несколько раз выезжал далеко вперед наших аванпостов с большою свитою.

В половине двенадцатого часа адмирал пошел от башни к брустверу, за которым стояла его лошадь, с тем, чтобы ехать к Бутырскому полку, расположенному около Ушаковой балки, но не успел он дойти трех шагов до бруствера, как ядро раздробило ему левую ногу у самого живота. Несколько офицеров бросились к нему и подняли его на руки... «Отстаивайте же Севастополь!» сказал он нам. Мы положили его за бруствером между орудиями, и скоро он обеспамятел: ни крика, ни стона его никто не слышал. Когда пришли два медика с перевязочного пункта и принялись за перевязку, я поскакал в госпиталь за носилками, а оттуда к вице-адмиралу Нахимову и к генерал-лейтенанту Моллеру сообщить им печальную весть. Более я не видел в живых нашего адмирала.

Морской сборник, 1854, № 12, часть учено-литерат., стр. 440—443.

№ 216

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ КАПИТАН-ЛЕЙТЕНАНТА А. А. ПОПОВА[1] О СМЕРТИ В. А. КОРНИЛОВА

1854 г.

Накануне знаменитого в военных летописях дня 5 октября я поздно вечером был с докладом у вице-адмирала Корнилова. Озабочиваясь снабжением бесчисленной артиллерии, раскинутой по бастионам и батареям Севастополя, адмирал дал мне несколько наставлений относительно возложенной им на меня обязанности: удовлетворения всех нужд по артиллерийской части; между прочим он приказал мне на случай недостатка поддонов к гранатам и бомбам, заменять их двумя кранцевыми пыжами, стянутыми голландскою ниткою, предварительно испробовав этот способ. Ожидая канонады на другой день, он, прощаясь со мною, сказал: «Завтра будет жаркий день; англичане употребят все

---

[1] Попов А. А. — капитан-лейтенант, впоследствии известный адмирал, конструктор ряда броненосных кораблей 60—70-х гг.

средства, чтобы произвести полный эффект; я опасаюсь за большую потерю от непривычки, впрочем, наши молодцы скоро устроятся; без урока же сделать ничего нельзя, а жаль, многие из нас завтра слягут». Когда я напомнил ему приказание государя, чтобы он берегся, он отвечал: «Не время теперь думать о безопасности; если завтра меня где-нибудь не увидят, то что обо мне подумают».

Опасаясь опоздать к адмиралу в случае его раннего выезда, я до рассвета отправился на 4-й бастион с штабс-капитаном Пестичем, чтобы попробовать гранаты с кранцами. Окончив опыт уже по открытии канонады, я спешил к адмиралу, чтобы застать его дома, но, приехав к нему, уже не нашел его: с первым выстрелом он поскакал по бастионам. Отправясь опять на 4-й бастион, я долго не мог отыскать его за дымом и встретился с ним по возвращении его с 5-го бастиона, около барок, расположенных за 4-м. Он с улыбкою встретил мое поздравление с началом канонады. Садясь на лошадь, чтобы провожать его, я ему сказал, что уже более часа, как его отыскиваю, и что, вероятно, многие ожидают его распоряжений, а потому и надобно ему возвратиться домой; он согласился на этот довод, внушенный мне естественным беспокойством за его жизнь.

Входя в свой кабинет, он послал за офицером, назначенным курьером к отправлению в Николаев, и, торопливо дописав несколько строк своего письма, которое он обыкновенно писал, в роде журнала, к своей супруге, запечатал его и отдал курьеру; потом сняв с себя золотые часы, доставшиеся ему от его отца, он вручил их этому офицеру с словами: «Передайте, пожалуйста, жене, они должны принадлежать старшему сыну; боюсь, чтобы здесь их не разбить». Наскоро напившись чаю, он хотел ехать на левый фланг, но я опять уговорил его повременить, предложив посмотреть канонаду с террасы дома. Взойдя наверх, он приказал мне спешить всеми мерами к снабжению батарей зарядами и снарядами, прибавив: «Я боюсь, что никаких средств не достанет для такой канонады...».

В двенадцатом часу мичман Скарятин прискакал на Екатерининскую пристань, главное артиллерийское депо, где я тогда находился, и передал мне ужасную весть о ране адмирала, прибавив, что он требует меня к себе. Тотчас же бросившись на катер, я поехал к доковым воротам, откуда, поднявшись к мосту, узнал, что адмирала перенесли в госпиталь. Мгновенно явившись к носилкам, которые были поставлены в одной из комнат госпиталя, я с рыданиями бросился к нему. Узнав меня, он повторял: «Не плачьте, Попов», и старался меня утешить, говоря: «Рана моя не так опасна. Бог милостив, я еще переживу поражение англичан». Несмотря на усилия перенести боль хладнокровно, страшные мучения от раны заставляли его часто вскрикивать. Подозвав доктора Павловского, он просил его облегчить боль желудка; несколько ложек горячего чая успокоили его; взяв меня обеими руками за голову, он произнес: «Скажите всем, как приятно умирать, когда совесть спокойна». Потом, повременив, он продолжал: «Благослови, господи, Россию и государя, спаси Севастополь и флот». Через несколько

минут вбежал в комнату контр-адмирал Истомин, за которым он также посылал. Успокоив Владимира Алексеевича относительно хода дел на бастионе, Истомин выразил надежду, что рана не смертельна. «Нет, туда, туда, к Михаилу Петровичу» — был его ответ. Попросив благословения Владимира Алексеевича и получив его, Истомин бросился ему на шею и, расплаканный, побежал на бастион. Услышав от докторов приговор немедленной смерти, я спешил предложить Владимиру Алексеевичу причаститься святых тайн, но он отвечал, что уже исполнил долг христианина на перевязочном пункте. Желая напомнить ему перед смертью о его супруге и опасаясь, чтобы вопрос не обнаружил ему последних минут жизни, я спросил его, не хочет ли он, чтобы послать в Николаев курьера к ней, чтобы она приехала. Тотчас поняв настоящую цель моего вопроса, он пожал мне руку и сказал: «Неужели вы меня не знаете, смерть для меня не страшна; я не из тех людей, от которых надо скрывать ее. Передайте мое благословение жене и детям. Кланяйтесь князю и скажите генерал-адмиралу, что у меня остаются дети». Доктор Павловский, не решаясь прямо дать ему капли для успокоения желудка, предложил выпить еще несколько ложек чаю с тем, чтобы с чаем дать ему капли; догадавшись об этом извинительном обмане, он сказал: «Напрасно вы это делаете, доктор; я не ребенок и не боюсь смерти. Говорите прямо, что надо делать, чтобы провести несколько спокойных минут». Приняв лекарство, он успокоился, благословил меня и как будто задремал; в это время пришел лейтенант Львов с известием, что английские батареи сбиты, остались только два орудия: я не хотел беспокоить Владимира Алексеевича, но, он, услышав шум за дверью, спросил меня: «Что там такое?» Я рассказал ему; в ответ на это, собрав последние силы, он произнес *«Ура! Ура!»*, потом забылся, чтобы не пробуждаться более. Через несколько минут его не стало...

Общее отчаяние, общие слезы сопровождали его в могилу; узнав о его кончине, раненые, презирая собственные страдания, плакали, потеряв любимого начальника. Смотритель госпиталя майор Комаровский, все время почти от него не отходивший, старший доктор г. Павловский, человек двое гребцов его гички и я — вот свидетели последних минут адмирала.

Носилки, на которых покоился отошедший в вечность, были тихо подняты мною и гребцами; мы понесли его в Михайловскую церковь.

По выходе из госпиталя нас окружили несколько юнкеров нашей школы; они вместе со мною донесли прах адмирала до церкви, не уступая никому этой чести.

Вместо единодушного неумолкаемого *«ура»*, которым постоянно везде встречали Владимира Алексеевича в последнее время в Севастополе, теперь попадавшиеся нам узнавали о его смерти со слезами и рыданиями. На том месте, где был убит генерал-адъютант Владимир Алексеевич Корнилов, сложен крест из неприятельских бомб и ядер...

Морской сборник, 1854, № 12, часть учебно-литерат., стр. 443—447.

№ 217

ИЗ ЗАПИСОК УНТЕР-ОФИЦЕРА ЕГЕРЯ О СМЕРТИ И ПОХОРОНАХ В. А. КОРНИЛОВА[1]

... Крепко любили его солдаты за привет и доброе слово. Речь его была впечатлительна, всякое слово было близко солдатскому уму и сердцу. При всякой встрече и прощанье с ним солдаты говорили между собой: «Вот так енерал; отец, а не енерал...».

Вечером, когда разнесся слух «адмирал убит», никто не поверил. Но когда получены были достоверные сведения, то все были поражены этим несчастием. Отчаяние же матросов убедило нас в потере благородного вождя.

Вечерело. Огоньки на трубках летающих бомб казались свечками. Французские батареи поутихли еще до вечера, английские же и в сумерки неутомимо работали. Малахова башня отвечала вяло, потому что с начала бомбардировки много на ней было подбито, как говорили, орудий.

Утром нам, новичкам, была страшна бомбардировка. Снаряды производили неприятное впечатление, но к вечеру мы уже любовались летавшими огоньками и оборотом их под прямым углом. Англичане бросали конические бомбы. Солдаты при этом делали свои предположения, где должен упасть снаряд, и всякое неудачное падение приводило нас в восторг.

Вечером 6 октября были похороны адмирала Корнилова. Мало мне приходилось видеть подобных похорон. Плакали не только офицеры, к нему приближенные: плакали чужие, плакали угрюмые матросы, плакали и те, которым слеза была незнакома с пеленок...

Военный сборник, 1863, № 6, отд. неоф., стр. 523—524.

№ 218

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ МОРСКОГО ОФИЦЕРА Д. В. ИЛЬИНСКОГО О СМЕРТИ В. А. КОРНИЛОВА

...Весть о смерти доблестного адмирала поразила скорбью мужественных защитников Севастополя, глубоко веривших в счастье и необыкновенное дарование Корнилова, но больше всех она поразила и опечалила его сотоварища по обороне адм[ирала] Нахимова. Сознавая необходимость скрыть от гарнизона нравственную потерю начальника обороны, он весь день неутомимо посещал наиболее угрожаемые и пострадавшие бастионы, сдал с согласия Меншикова свою 1-ю дистанцию под начальство опытного, даровитого, храброго и распорядительного артиллерийского ген[ерала] Тимофеева, а за собой оставил заботу по охранению и снабжению бастионов и батарей вообще всей оборонительной линии, где всюду при орудиях были морские команды...

ЦГВИА, ф. 3, д. 26, оп. I, л. 6342. Копия.

---

[1] Записки с подписью: «Унтер-офицер егерь». Время написания записок в «Военном сборнике» не указано.

№ 219

ИЗ ЗАПИСОК П. В. АЛАБИНА[1] О ПОСЛЕДНИХ ДНЯХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В. А. КОРНИЛОВА И ЕГО СМЕРТИ

23 сентября — 8 октября [1854 г.,] Тирасполь—[Одесса]

...9 сентября наши войска перешли с Качи на Южную сторону Севастополя; если бы союзники решились следовать за ними, они мгновенно овладели бы Северною стороною, заняв Инкерманские высоты и не допустив таким образом князя Меншикова на помощь атакованному пункту. Но момент был упущен. Князь Меншиков умел воспользоваться ошибкою союзников: приказал преградить вход в бухту потоплением нескольких кораблей (с полным морским вооружением, свезя орудия с командами в город для защиты), ввел в город 8 резервных батальонов и несколько морских команд и 12 сентября занял позицию на р. Бельбеке, чтобы сохранить сообщение с внутренностью края и в случае атаки союзников на Севастополь иметь возможность действовать им в тыл, а если бы союзники начали борьбу с одною половиною Севастополя, всегда иметь возможность во-время подкрепить другую, ибо, судя по их силам, они не могли одновременно атаковать обе половины [2].

Повозки, отхваченные союзниками на Мекензии, были последними повозками обоза нашего отряда, производившего фланговое движение на Бельбек.

Говорят, гарнизон Севастополя, не зная тайных планов князя Меншикова, сведав о его отступлении, был в ужасном положении. Большинство обрекло себя на смерть, но не на сдачу. Гений Корнилова и Нахимова берег судьбу города. Эти два героя более других бодрствовали, одушевляя жителей и гарнизон словом и примером. Созвали военный совет: что делать? Корнилов предложил выйти с остальным флотом в море и с огнем и мечом достигнуть Константинополя или броситься на неприятельский флот и погибнуть, увлекая с собою на гибель сонмы врагов.

Многие воспротивились принятию этого геройского предложения.

Смертию своею, говорили герои, мы все-таки не только не спасем флота, но погубим флот и город; если уже суждено погибнуть нашему флоту, то по крайней мере спасем город, умирая на его стенах.

Предложение было принято с восторгом. Говорят, Корнилов согласился с ним и воскликнул: «Итак, товарищи, на нас лежит честь защиты Севастополя, — защиты родного нам флота. Будем драться до последнего. Отступать нам некуда: сзади нас — море. Всем начальникам я за-

---

[1] Писатель, участник Крымской кампании.

[2] Известное фланговое движение, о котором здесь говорится, многими военными историками ставится князю Меншикову в особую заслугу. Утверждают, что только благодаря этому движению Севастополь не был взят союзниками одним ударом, тотчас после Альминского дела. Французские военные писатели доказывают, что Базену не следовало запираться в Меце, а сделать из оного такое же фланговое движение, какое сделал Меншиков из Севастополя, тогда, они полагают, могло и не последовать Седана. **Примечание П. В. Алабина.**

Памятник вице-адмиралу В. А. Корнилову, поставленный в 1894 г. на Малаховом кургане в Севастополе (Проект ген.-лейт. Бильдерлинга)
(Модель хранится в Центральном Военно-Морском Музее)

прещаю бить отбой, барабанщики должны забыть этот бой. Если кто из начальников прикажет бить отбой, заколите такого начальника, заколите барабанщика, который осмелится ударить позорный бой. Товарищи! Если б я приказал ударить отбой, не слушайте, и тот подлец будет из нас, кто не убьет меня...»[1].

Понятно, какое впечатление должна была произвесть на севастопольских офицеров такая геройская речь, возвышавшаяся до пафоса. С таким человеком, как Корнилов, в таком обществе, какое образовали севастопольские моряки, какое предприятие могло показаться невозможным? Какая смерть ужасною? Воскресли древние времена России, и как на нижегородскую площадь и женщины, и старики добровольно приносили некогда все свои ценные вещи и все, у кого были только силы, шли на освобождение попранной отчизны, так и теперь все севастопольцы были готовы по капле источать свою кровь, готовы были все, без исключения, отдать свою жизнь на спасение заветного города, все решились из своих тел создать твердыню, через которую не пробиться дерзновенному врагу...

Гений одного пробудил гений другого: Тотлебен взялся искусством помочь мужеству и несокрушимой отваге севастопольцев. Закипела сверхъестественная деятельность. Кто имел только силы — работал словом и делом. Все жители, не говоря про войско, даже женщины принялись за работу; перо Тотлебена едва успевало чертить укрепления, а севастопольцы не уставали осуществлять его идеи. Орудия с флота сотнями переходили на вновь создаваемые батареи. Материалы морского арсенала послужили для создания укреплений, лес — для защиты гарнизона устройством прочных блиндажей. Морские офицеры с своими командами взялись за оборону батарей, для них заменивших корабли: та же прислуга, что и на кораблях, те же командиры, тот же порядок, почти тот же способ командования и управления, та же несокрушимая решимость, что и на море, та же ловкость, что и на реях, та же отвага, что и в борьбе с разъяренною стихиею.

И вот внезапно предстал врагам на суше, будто по манию волшебного жезла, окаменелый флот. Бортами повернутые к врагу, неподвижно стоят стопушечные земляные корабли, люки открыты, фитили горят, все готово... Идите, дорогие гости!.. Но они, видно, проведали, какой им приготовлен прием, и не решились итти прямо, а пошли траншеями, начали правильную осаду...

...Участь наша определяется. Ночью получили приказание: сего дня выступаем и идем в Крым форсированным маршем, на подводах, как сказано в предписании, об изготовлении которых, в возможно большом количестве на станциях, сделано распоряжение. Из Крыма получены известия. Все громко говорят, что там совершились чрезвычайные события. Союзники атаковали Севастополь. Борьба была ужасная. Мы вполне восторжествовали, но пожатые нами лавры облиты кровью...

Генерал-адъютант Корнилов, бывший гением-хранителем Севастополя, убит ядром на улице, объезжая бастионы.

---

[1] См. подстрочное примечание к документу № 225.

Известно достоверно, что Тотлебен успел построить батареи и вооружил их 350 орудиями, снятыми с потопленных кораблей. Хомутов [1] подослал в помощь князю Меншикову еще несколько черноморских батальонов, и Севастополь получил некоторую самостоятельность.

Кончив свои приготовительные работы, союзники открыли ужасное бомбардирование с моря и суши, чтоб облегчить себе предстоявшую разделку с Севастополем на предположенном уже штурме. Весь день длилась борьба, говорят, у союзников произошла большая потеря. У нас убито 800 человек, подбито много орудий, но у них взорван линейный корабль и подбито 8 пароходов; обломки корабля, говорят, прибило в тот же день к берегу, так равно и трупы многих, с ним взорванных.

Неприятель вышел из-под огня, не имев над нами успеха. Штурмовые колонны возвратились в лагерь, не решась атаковать нас.

Вся Одесса кипит восторгом. Только и речи, что о победе. Все встречают друг друга словами: «Слышали?» — «Как же, как же, слава тебе, господи!» — «Эх, Корнилова только жаль, на него все надеялись, как на лучшую твердыню; он бы, наверно, составил себе славу в эту войну». — «Да, быть может, его ждала великая судьба...»

Государь особенно благоволил к нему. Говорят, накануне смерти Корнилову одним из прибывших из Петербурга лиц были переданы следующие милостивые слова его величества: «Скажи Корнилову, что как ни больно и ни тяжко мне свыкаться с мыслью, но я уже стараюсь готовить себя к получению известия о взятии Севастополя и гибели флота. За сим мне остается молить бога сохранить мне Корнилова для постройки нового флота»...

Алабин П. Четыре войны. Походные записки в 1849, 1853, 1854—1856 и 1877—1878 гг., М., 1892 г. Часть III, Защита Севастополя (1854—1856), стр. 28—30, 40—41.

№ 220

ЗАПИСКА НИКОЛАЯ I ОБ ОБЕСПЕЧЕНИИ СЕМЬИ В. А. КОРНИЛОВА И УВЕКОВЕЧЕНИИ ЕГО ПАМЯТИ

12 октября 1854 г.

Вдове покойного генерал-адъютанта Корнилова, падшего при обороне Севастополя, производить из государственного казначейства вместе с детьми по 5 т[ысяч] руб[лей] серебром, независимо пенсиона, следующего ей из Инвалидного комитета. Сыновей — в пажи.

Бастион, где он убит, назвать по нем. Витали [2] заказать памятник ему, который воздвигнуть на месте, где он погиб.

ЦГВМА, ф. ИДММ, 1854, д. 491, л. 9. Копия.

---

[1] П. Ф. Хомутов — генерал, атаман Донского войска, командовавший корпусом, предназначенным для обороны северной и восточной частей Крыма.

[2] И. П. Витали — известный скульптор.

№ 221

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА СКУЛЬПТОРА ПРОФЕССОРА Н. С. ПИМЕНОВА УПРАВЛЯЮЩЕМУ МОРСКИМ МИНИСТЕРСТВОМ С ОПИСАНИЕМ ПРОЕКТА ПАМЯТНИКА В. А. КОРНИЛОВУ

10 декабря 1854 г.

Имею счастие представить на рассмотрение вашего императорского высочества рисунок [1], изображающий проект памятника вице-адмиралу Корнилову.

На сем проекте нарисована его статуя в положении, взятом из описания о нем: «И действительно в последние дни Владимир Алексеевич явился в таком геройском виде, что стяжал справедливую славу великого человека». «Корнилов с сверкающим взглядом подходил к каждому орудию, вдохновлял каждого человека».

На верхнем пьедестале памятника я предполагаю сделать надпись: «Вице-адмиралу, генерал-адъютанту Владимиру Алексеевичу Корнилову», год и число сооружения памятника; на других двух боковых сторонах пьедестала: год и число его морского подвига в последнюю кампанию и год и число его славной смерти.

На большом или нижнем пьедестале нарисован проект барельефа, изображающего молитву раненого и умирающего вице-адмирала; молитву за царя и Россию и сохранение Севастополя и Черноморского флота. Надпись над сим барельефом состоит из собственных слов вице-адмирала, произнесенных им во время его болезни.

На другой стороне пьедестала предполагаю сочинить барельеф, изображающий вице-адмирала, отдающего приказ своим подчиненным; надпись над сим барельефом состоит также из слов, им произнесенных: «Царь надеется, что мы отстоим Севастополь. Не верьте отступлению, тот изменник, кто протрубит отступление, и если я сам прикажу отступить, коли меня».

На третьей стороне пьедестала предполагаю сочинить барельеф, изображающий ту минуту, когда офицеры подняли раненого вице-адмирала, чтобы положить его за бруствер между орудиями: «Отстаивайте же Севастополь!» сказал он тогда. Эти слова должны также служить надписью над барельефом.

На четвертой стороне пьедестала предполагаю изобразить ту минуту, когда Львов пришел сказать вице-адмиралу, что англичане действуют только двумя орудиями, он закричал: «Ура!» и вскоре умер.

Собрав еще дальнейшие сведения о подробностях означенных фактов и сочинив барельефы, я буду иметь счастье просить позволения вашего императорского высочества представить оные на ваше рассмотрение.

Основание монумента нарисовано составленным из груды камней, покрытых неприятельскими ядрами и бомбами для воспоминания отчаянного бомбардирования Севастополя неприятелем. Я предположил

[1] Рисунок при документе отсутствует.

изобразить это, сообразуясь с описанием: «Ядры и бомбы летели на 4-й бастион одна за другою. На 3-м бастионе ядры и бомбы сыпались как град, но адмирал тихо и спокойно говорил с каждым».

На основании камня на угловых четырех камнях я предполагал бы еще поставить связанные и опрокинутые неприятельские пушки с преклоненными неприятельскими знаменами.

Мера фигур на барельефах большого пьедестала предположена мною в настоящую величину человеческого роста. Статуя покойного вице-адмирала Корнилова будет иметь вышину шести аршин и десяти вершков.

Профессор *Пименов*

ЦГВМА, СДММ, 1854, д. 5201, лл. 2—3.
Подлинник.

№ 222

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ КАПИТАН-ЛЕЙТЕНАНТА И. Ф. ЛИХАЧЕВА О РОЛИ В. А. КОРНИЛОВА В ПОДГОТОВКЕ ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА, В ОБОРОНЕ СЕВАСТОПОЛЯ И О ЕГО СМЕРТИ НА БОЕВОМ ПОСТУ

Январь 1855 г.

...Трудно начать говорить о человеке, не сказав ничего о том, каким образом он сделался тем, каким привыкли его знать.

Во всеоружии, как вышла Минерва из головы Юпитера, никто не родится. Родители, наставники, начальники — все эти лица имеют большее или меньшее влияние на развитие человека. В. А. Корнилов принадлежал к той счастливой и, увы, уже не многочисленной семье моряков наших, которым досталось начать службу в школе М. П. Лазарева, и, говоря о Корнилове, трудно не обратиться мысленно к его наставнику, преемником коего он сделался впоследствии.

Из незабвенных заслуг отечеству Михаила Петровича самая великая и поистине бессмертная заслуга состояла, конечно, в том, что он умел передать дух, живший в нем, людям, избранным им, что он образовал целую семью людей, составляющих честь и славу нашего флота, и между ними несколько человек, равных которым по высокому развитию трудно бы было указать как у себя, так и у других. Но отдавая должное памяти М. П. Лазарева, будем справедливы и к тому, кому он передал свой Черноморский флот.

Если Михаилу Петровичу принадлежит неоспоримо заслуга поставить этот флот в уровень с лучшими флотами современными, то только при преемнике его флот достиг последней степени совершенства, далее которой итти было уже трудно.

Прежде у нас были суда, которые были бы образцами во всех флотах: назовем из них только «Двенадцать апостолов» и «Силистрию».

В 1854 г. образцовых судов не было: все были одинаковы, все были превосходны. Надо было внимательно всматриваться, долго следить опытным глазом за всеми действиями, чтобы заметить, кто был сла-

бее других. Вот великий результат мудрой системы в руках неутомимого и гениального исполнителя; это почти предел того, что человеку дано достигнуть.

Теперь, кажется, без ложной скромности (и в особенности тому, кто сам не принимал участия в этом преуспевании Черноморского флота)— высказать мнение, что вообще, наши корабли были лучше неприятельских в отношении внутреннего порядка, дисциплины и самого искусства управления, т. е. всех предметов, которыми привыкли гордиться моряки. Что были в состоянии сделать эти корабли, трудно решить; не мудрено, что были люди, у которых закружилась голова и которым показалось, что для этого малочисленного флота не было ничего невозможного.

Артиллерия достигла высокого совершенства только при Владимире Алексеевиче. Та же удивительная система тревоги, которая первоначально введена была на «Двенадцати апостолах», принята была и усвоена на всех судах флота со всеми улучшениями и усовершенствованиями, указанными двенадцатилетним опытом и наблюдением. Задача дать человеку, «взятому от сохи», тройственное образование — солдата, артиллериста и моряка — была, кажется, разрешена так хорошо, как только можно. Каковы были эти моряки в двух первых отношениях, свидетельствует вся осада Севастополя; что касается до последнего, мы уверены, что все беспристрастные судьи давно отдали им справедливое... Флот, содержимый более года в ежеминутной готовности выйти в море и принять бой, уделял в то же время все, что мог, и для сухопутной обороны.

Деятельность Корнилова успевала всюду. Так, после Синопского сражения и в то время, как денно и нощно шли исправления поврежденных кораблей, матросами выстроены батареи, усилившие и без того страшную оборону рейда и носившие названия Двенадцати-апостольской, Парижской и Святославской.

Из десантных партий с кораблей и фрегатов составлена для содействия сухопутным войскам бригада в 4 батальона, при коих состояли 2 легкие батареи, сформированные из десантных орудий, в 8 орудий каждая, с прислугой из матросов [1]. Тому же влиянию обязана существованием «Волохова» башня, — плод усердия частного человека которую англичане прозвали осою (wasp). Другая оборонительная башня (на Малаховом кургане), не вполне оконченная, была выстроена городом. Наконец, третью (на высоте около Голландии) должен был подарить городу флот и уже работа кипела под личным надзором контр-адмирала В. И. Истомина, когда последовала высадка неприятеля, Альминское сражение и пр.

В этот последний год жизни, не переставая с обычною и ему одному свойственною деятельностью заниматься всеми отраслями мно-

---

[1] Один из этих батальонов (капитан-лейтенанта графа Рачинского) при 4 орудиях участвовал в сражении на Альме, где часть его, рассыпанная в цепь, вместе с 6 стрелковым батальоном занимала деревню Бурлюк, впереди центра нашей позиции. Остальные батальоны занимали в это время охранительные посты по берегу в окрестностях Севастополя. Примечание И. Ф. Лихачева.

гостороннего управления, среди беспрерывных смотров, коими поддерживался и беспрестанно совершенствовался боевой порядок на судах флота [1], среди частых выходов в море наших пароходов, которые все были им направляемы, Владимир Алексеевич находил еще время заниматься и сухопутною частью военного искусства. Справочные книги военных наук не сходили со стола его и постоянным его чтением в свободные минуты была военная история: одною из последних книг, которые читал он, были и Депеши и приказы Веллингтона Gurwood'a [2].

Ум, одинаково поразительный как обширностью общих взглядов, так способностью углубляться в подробности, необыкновенная проницательность и быстрота соображения, отличное знание всех отраслей службы, практическое умение обходиться с людьми и управлять ими, деятельность, всегда приводившая всех в удивление, наконец, смелость и решительность — вот качества, в которых не отдать ему справедливости не могут и самые его противники, качества, которые в нем все находились в степени, не доступной для человека обыкновенного разряда. Присоедините к этому энергию, не знавшую преград, с юношескою бодростью духа и высокою преданностью благу отечества, и вы увидите, что для такого человека едва ли было много недоступного на свете.

Главнокомандующий лучше, чем кто-нибудь, знал и понимал цену покойного, и потому, когда обстоятельства потребовали вывести из Севастополя всю небольшую нашу армию с тем, чтобы сохранить сообщения с Россией, а вместе с тем и возможность предпринять что-либо к спасению Севастополя, когда главнокомандующий, сознавая необходимость [3] своего присутствия при армии, т. е. там, где были все наши силы и все наши надежды, сознавая необходимость устроить эту маленькую армию после Альминской неудачи, решился отправиться к войскам, он не покинул Севастополя без защиты: он оставил там Корнилова. Не кому-либо из старших его в чине, не сухопутному генералу, а ему предоставлено было командование войсками на Северной стороне, откуда первоначально ожидали неприятеля.

И главнокомандующий не ошибся в выборе... Если кто-нибудь был в состоянии заменить собою отсутствие главнокомандующего и спасти

---

[1] Эти образцовые в своем роде смотры В. А. Корнилова, поддерживая в недремлющем состоянии дух порядка и совершенствования на флоте, были так полезны, что не раз случалось самому Павлу Степановичу Нахимову (который был старший флагман на рейде и имел флаг на «Двенадцати апостолах», Корнилов — на корабле «Вел. кн. Константин»), когда он замечал, что какой-нибудь корабль отставал от других, просить Владимира Алексеевича съездить туда и сделать смотр. Мы рады случаю привести это неважное само по себе обстоятельство в доказательство того, как неосновательны были слухи, распускавшиеся на счет взаимных отношений обоих адмиралов. Эти два необыкновенные человека знали цену друг другу и до конца жизни сохранили короткость отношений, порождаемую взаимным уважением. **Примечание И. Ф. Лихачева.**

[2] Gurwood. Selections from the dispatches and general orders of fieldmarshal the duke of Wellington. London. 1841.

[3] В кн. «Материалы...» под ред. Дубровина в статье того же автора последующие слова фразы пропущены (см. ук. соч., вып. I, приложение, стр. 133).

тогда Севастополь, то один Корнилов. Присутствие его в городе внушало жителям спокойствие и доверенность. Самое удаление армии и отъезд главнокомандующего не произвели смятения и страха, столь естественных в подобных обстоятельствах, и большая (бесполезная) часть жителей оставила город не тогда, а только когда вновь открылось сообщение с армией, т. е. не прежде 19 или 20 сентября, и то по приказанию самого Корнилова.

Горячо принялся Корнилов за дело: день и ночь свозились орудия и снаряды с кораблей, заготовлялись склады и депо, устраивались средства сообщения и доставки; запасы, из мест, еще не занятых неприятелем, забирались в город; формировались вновь и вооружались команды; устраивались управления. В несколько дней воздвигалась громадная защита города: несколько тысяч человек были заняты день и ночь земляными работами, батареи росли и покрывались сотнями орудий; число вооруженных защитников Севастополя прибывало ежедневно, и удивился неприятель, когда, обойдя Севастополь с востока, он собрал свои силы к югу от города, на возвышенной плоскости Херсонеса Таврического. Там, где он рассчитывал найти, где в своих рекогносцировках с моря сам видел только несколько довольно слабых полевых укреплений, он встретил почти сплошной ряд земляных работ, покрытых орудиями самого большого калибра, и все это росло и продолжало усиливаться в глазах его. Только тот, кто видел действия Корнилова в это время, может вполне понимать великость потери нашей в день 5 октября. И все эти страшные средства, открытые и двинутые его волею, обдуманно и безошибочно были направлены к цели.

Корнилов нашел человека, деятельность и энергия которого были в состоянии выполнить задачу, который не затруднился краткостью времени, не запутался в обширности средств, но сразу понял все, что можно было извлечь из них, и всю особенность положения, который пришелся по плечу великому начальнику: в Севастополе случился инженер, имя которого должно было приобресть громкую известность в Европе и сделаться предметом национальной гордости для России.

Можно, не боясь обвинения в пристрастии, сказать, что вся беспримерная оборона Севастополя была создана Корниловым. До последнего дня система, порядок сохранились так, как они были им заведены, и хотя нередко случалось слышать впоследствии справедливые жалобы на неудобства некоторых частностей, но к ним как будто боялись прикоснуться: так глубоко было во всех сознание совершенства системы, направления, оставленного Корниловым...

Всегда необыкновенная физическая деятельность Корнилова в это время поражала всех удивлением. Слабый и больной телом, он предавался таким трудам, которые часто бывали не под силу окружавшим его, людям в цвете лет и здоровья, и у коих также не было недостатка в усердии. Адмирал вставал часу в 6-м утра и через полчаса уже начинал принимать лиц, в продолжение дня спешивших с разных сторон за приказаниями. В 8-м часу, напившись чаю, он садился на коня и отправлялся осматривать оборонительные работы. Эти поездки

продолжались обыкновенно часу до первого, иногда и более; возвратясь домой, он занимался еще час или полтора бумагами и потом садился обедать с своим «военным семейством», как он делал честь иногда называть состоявших при нем. Часа в 4 адмирал был уже опять на коне и спешил куда-нибудь на укрепления и возвращался домой не ранее, как по наступлении уже совершенно темноты, т. е. в 7-м или 8-м часу вечера[1]. Здесь опять целая толпа разных лиц ожидала его. Кто знает, с каким вниманием Владимир Алексеевич всегда выслушивал всех, как он входил во все подробности и никогда не отпускал от себя никого без полного наставления, не убедившись, что тот будет действовать именно так, как нужно, — тот поймет, что это занятие поглощало не мало времени.

Многих, переговорив, он отпускал; других же, с которыми хотел еще говорить, оставлял пить чай. В это же время обыкновенно и большая часть начальников собиралась в маленький домик, в котором жил он. Истомленный, измученный, садился адмирал пить чай и оставался за столом часа два, занятый в это время обыкновенно разговором с Павлом Степановичем Нахимовым и другими лицами, не переставая и тут делать распоряжения и отдавать приказания. Наконец, наступала очередь получать приказания и для тех, которые имели счастье состоять при нем. Потом, отпустив всех, адмирал садился еще за бумаги и писал, обыкновенно за полночь, часто и гораздо позже. Так проходил день, но и короткий промежуток ночи, остававшийся для отдыха и сна, был часто нарушаем фальшивыми тревогами, случавшимися очень нередко по ночам, частью от действительного понимания опасности, в которой находился город, от нечаянного нападения, частью, конечно, и от неопытности войска. По два и по три раза в ночь случалось адмиралу вставать, и он спешил верхом к тому пункту, откуда начиналась тревога. И каково бы ни было физическое истомление сил, каковы бы ни были страдания душевные, никто не может похвастать, что видел их. Всегда сохранявший наружное достоинство, адмирал и тут не изменял себе: когда другие сму[ща]лись и падали духом, Корнилов думал или распоряжался.

Жертвовать собою, умереть готовы были все, но поднять на свои плечи начальство, распоряжения, ответственность решился один Корнилов. Римский сенат благодарил Варрона за то, что в критическую минуту он не отчаялся в спасении отечества. В незабвенные дни сентября 1854 года, когда перед грозою обстоятельств самые мужественные сердца поколебались и не нашлось у них ничего, кроме личной храбрости, кроме готовности умереть, Корнилов один с своею несокрушимою энергиею взял на себя борьбу с обстоятельствами.

Только в таких случаях резко выходит вперед личность великого человека. Быстротою соображения и деятельностью заменить недостаток времени, изобретательностью ума — недостаточность средств, увлекательным примером и красноречивым словом вселяя во всех

---

[1] В кн. «Материалы...» под ред. Дубровина в статье того же автора последующая фраза пропущена (см. ук. соч., вып. I, приложение, стр. 137).

геройские чувства, одушевлением восполнить малочисленность войска — все эти качества и способности полководца и великого человека с блеском явил тогда Корнилов, и если он говорил войскам «отступления не будет» и войска ему верили и готовились умирать, то тем не менее в тылу все средства, какие можно было принять в случае неудачи, были обдуманы и подготовлены, лица, которые должны бы были действовать, преуведомлены и им даны были наставления.

Между тем быстро летело время, и настал, наконец, кровавый день 5 октября, день крещения Севастополя огнем и железом. Рано утром, едва открылась канонада, адмирал поскакал на 4-й бастион, ближайший пункт от его квартиры. Не успев выехать вместе с ним, я уже на бастионе присоединился к его свите. Не смею говорить о своих личных чувствах в статье, посвященной памяти героя, но не могу умолчать о впечатлении, которое он произвел на меня в эти минуты. Утро было прекрасное, и мгла, обыкновенная в этот час дня, соединившись с дымом выстрелов, не разносимым ветром, совершенно заволокла все пространство, отделявшее нас от неприятеля. С визгом летели снаряды с трех сторон и перекрещивались внутри бастиона; потеря в людях была уже очень значительная: тела убитых и раненых, которых не успевали уносить, валялись везде. Люди, несколько оторопевшие с непривычки, в первые минуты отстреливались горячо и быстро. Когда я отыскал адмирала, он стоял на банкете и смотрел за бруствер; покойно и строго было выражение его лица; легкая улыбка едва заметно играла на устах; глаза, эти удивительные, умные и проницательные глаза, светились ярче обыкновенного; щеки пылали. Высоко держал он голову; сухощавый и несколько согнутый стан его выпрямился: он весь как будто сделался выше ростом... Я никогда не видал человека, прекраснее его в эти минуты. Два раза прошел адмирал быстрыми шагами по всему фронту бастиона до грибка, останавливаясь у орудий, заглядывая везде в амбразуры и разговаривая с командорами. Возвратясь на правый фланг бастиона, в исходящем углу которого стоял начальник второго отделения оборонительной линии, вице-адм[ирал] Новосильский, и переговорив с ним, Владимир Алексеевич пошел к лошадям, оставленным нами за бараками позади бастиона. Лошади пугались снарядов и не стояли на месте и, отыскивая несколько минут свою, я отстал от адмирала, но зная, что он намерен был ехать на 5-й бастион, я отправился прямо туда. Здесь было почти то же самое, что на 4-м бастионе, только внутреннее пространство теснее и потеря в людях, хотя тоже значительная, была, кажется, менее, чем там. Пав[ел] Степ[анович] Нахимов был тут и как всегда деятельно и горячо распоряжался всеми действиями, входя во все подробности и одушевляя людей всегда удачно сказанным словом привета или одобрения. Вскоре приехал и Владимир Алексеевич, который, кажется, заезжал в это время на промежуточные батареи между 4-м и 5-м бастионами. Оба адмирала довольно долго разговаривали, стоя рядом на банкете. В это время ядро, пролетевшее около них, сорвало голову одному из матросов прислуги и обдало мозгом и кровью некоторых из свиты, стоявших у ног их. Пав[ел] Ст[епанович] Нахимов

остался на 5-м бастионе, а Владимир Алексеевич поехал дальше к правому флангу на 6-й и оттуда домой...

Здесь, в то время, как мы пили чай, я напомнил адмиралу о некоторых распоряжениях, которые нужно было сделать на рейде, и о перемещении некоторых судов, которое направление неприятельских снарядов делало необходимым. Адмиралу угодно было согласиться с моими предположениями и приказать привести их в исполнение. Через несколько минут, выходя из дому, я встретил его на галлерее, которая вела на крышу дома; адмирал остановился со мною и, сказав еще несколько слов в дополнение уже полученных мною приказаний, приказал ехать на рейд, чтобы поспешить исполнением их...

После этого я уже не видал его...

Морской сборник, 1856, № 7, часть неоф., стр 274—286.

№ 223

ИЗ СТАТЬИ КАПИТАН-ЛЕЙТЕНАНТА АФАНАСЬЕВА «ОТВЕТ МОРЯКА «РУССКОМУ АРХИВУ»

«...Вице-адмирал В. А. Корнилов был человек... живой, пылкий, горячий, с блестящими талантами, он, с увлечением принимаясь за всякую деятельность, работал до истощения и был разностороннее Нахимова; зато не был так глубок в морском деле. При своих замечательных административных способностях он был хороший, опытный моряк и достойный адмирал, но далеко был от той типичности, которая выработалась в Нахимове при исключительном морском направлении последнего. Нахимов охотно подчинялся первенству Корнилова в последнее время в ежедневной деятельности по устройству флота и защиты Севастополя, подчинялся столько же по своей прямодушной скромности, как и по сознанию высоких достоинств и полезных действий Корнилова. С своей стороны, Корнилов умел понимать эту уступчивость Нахимова и, ценя в нем по справедливости редкие морские дарования, сознавал неподражаемость Нахимова во всем, что касается моря и боевой жизни на нем, и уступал ему на этом поле. Вот причина редкого согласия и честного единодушия, ознаменовавшего совокупную деятельность соперничествовавших в славе адмиралов и доставившего нашей истории блестящие страницы Синопа и Севастополя».

Морской сборник, 1868, № 2, библ., стр. 23.

№ 224

КАПИТАН-ЛЕЙТЕНАНТ Ф. НАРБУТ ПО ПОВОДУ СТАТЬИ «ИЗ ЗАПИСОК СЕВАСТОПОЛЬЦА», ПОМЕЩЕННОЙ В «РУССКОМ АРХИВЕ», № 12, 1867 г.

«...Корнилов был не только уважаем своими подчиненными за свои глубокие познания по всем отраслям морского и военного дела

и за редкую справедливость в оценке ему подчиненных людей, но мы *утвердительно* говорим, что он был искренно любим всеми теми, кто сам честно служил, *а их был легион*. Кто не помнит его величавую особу на бастионах Севастополя! Кто из нас душевно не кричал *ура* ему вслед, при его объезде этих бастионов? Правда, не любили его (но все-таки уважали) все те *весьма немногие*, у которых было рыльце в пушку, не любили его и те бездарные отцы, обремененные многочисленным семейством, которые, единственно опираясь на эти свои достоинства, не могли разжалобить его для получения лучших назначений. Корнилов смотрел так: сначала службе, потом себе; взгляд этот унаследовал Владимир Алексеевич от общего учителя нашего Михаила Петровича Лазарева, да и не он один так смотрел на службу, смотрел так и Павел Степанович Нахимов, смотрел так и Истомин, и многие уцелевшие деятели Севастопольской обороны...»

Морской сборник, 1868, № 4, библ., стр. 28—29.

№ 225

ИЗ ПИСЬМА О ПОСЛЕДНИХ ДНЯХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В. А. КОРНИЛОВА И ЕГО СМЕРТИ[1]

25 января 1855 г.

Скажу вам несколько слов о Севастополе. Теперь Севастополь в моде. Целый свет говорит о нем; одни с завистью, другие из боязни, третьи с удивлением; есть и такие, которые толкуют об нем от нечего делать или по привычке много говорить; словом, все пять частей света изобилуют различными суждениями о Севастополе; мы же русские по привычке говорим о себе меньше всех. Севастополь всегда был известен своей превосходной гаванью и флотом, о котором французы и англичане, а за ними и другие умники не могли вспоминать хладнокровно, — уж такая у них несчастная привычка... Впрочем, надо отдать справедливость нашим *приятелям*: действительно, нельзя было говорить о Черноморском флоте, как о предмете обыкновенном, — ведь он, наш голубчик, как русский богатырь в народных сказках, рос и мужал не по дням, а по часам. Помню, как незабвенный наш начальник Владимир Алексеевич Корнилов незадолго до появления у наших берегов неприятельской армады говорил, что если нам придется дать сильнейшим врагам сражение на море, то останется пожалеть о том только, что некому будет донести о ходе дела: мертвые не воскресают. Все мы хорошо знали Корнилова, знали, что он никогда не любил говорить много и даром, и, признаюсь, мы гордились собою, с гордостью готовы были ежеминутно умереть за честь нашего флота... Но провидение решило иначе. Когда неприятель после Альминского дела перешел на Южную сторону Севастополя, знамени-

---

[1] Письмо, подписанное «В. Кдт» было направлено к неустановленному адресату Д. Н. К. из г. Севастополя в г. Полтаву.

тый покойник в приказе по флоту между прочим говорил: «Товарищи! Нам нужно отказаться от любимой мысли разразить врага на море, — защита города требует нашего присутствия в нем». И в эти минуты сильной опасности для Севастополя Корнилов сохранил свое обычное хладнокровие и необыкновенную деятельность. Нужно сказать, что адмирал пользовался плохим здоровьем, часто лечился, не оставляя своих обширных занятий, среди которых всегда можно было видеть его. Накануне открытия бомбардировки, объезжая оборонительные линии, Владимир Алексеевич говорил матросам, постоянно встречавшим его громким единодушным «ура»: «Смотри, молодцы, палить хорошенько, не торопиться, без суеты; ведь это дело вам хорошо знакомо; государь надеется, что мы покажем себя на суше такими же молодцами, какими были всегда на море. Никому не оставлять своей пушки, покуда можно стоять на ногах: за это Бог помилует и государь наградит; отступления не будет: если горнист затрубит отступление, не верь ему; если я прикажу отступить, коли меня штыками» [1]. Надо было видеть в это время наших матросов: их загорелые обветренные лица и бойкие блестящие глаза выражали необыкновенную отвагу, решимость защищаться до последнего, живыми не отдаваться врагу. Энергический, восторженный крик «ура!» заключил драгоценные слова любимого начальника. Потом, обратясь к офицерам, Корнилов сказал: «Господа, нам придется жарко, но считаю лишним говорить, что каждый из нас исполнит священный долг свой так, как этого ждет госу-

Крейсер «Вице-адмирал Корнилов»
(Рис. худ. П. Я. Павлинова)

[1] Описываемое событие относится по свидетельству А. Жандра к 15 сентября 1854 г. Объезжая в этот день войска, расположенные на боевых позициях, В. А. Корнилов обращался к ним с устным призывом оказывать упорное сопротивление врагу. Повторяя этот приказ каждому батальону, Корнилов видоизменял его применительно к тому личному составу, к которому он обращался.

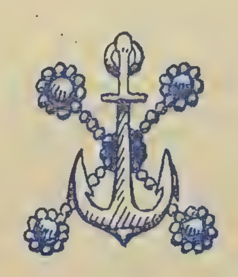
По свидетельству П. Алабина (см. документ № 219) этот приказ в рукописном виде ходил по рукам среди матросов.

Очевидно, этим и объясняется наличие различных вариантов приказа, имеющихся в ранее опубликованных источниках (см. Зайончковский, Оборона Севастополя, подвиги защитников, изд. 2-е, Спб., 1904, стр. 31; Н. Дубровин, Трехсотсорокадевятидневная защита Севастополя, Спб., 1872, стр. 67, Жандр. ук. соч., стр. 228—229). Письменного приказа в государственных архивах обнаружить не удалось.

дарь император, Россия и наш родной Севастополь». Помолчав несколько секунд, он прибавил: «Я надеюсь, господа, что мы скоро будем праздновать победу в клубе...» Но дни его уже были сочтены. На другой день, 5-го октября, поутру, во время самой сильной канонады, Корнилов объезжал все батареи, давал наставления частным начальникам, ободрял прислугу у орудий, узнавал обо всем, что было нужно на бастионы, и тут же распоряжался о немедленном доставлении; как бы предчувствуя близкую кончину свою, он хотел видеть всех и распорядиться обо всем. На просьбу подчиненных не ездить в более опасные места он отвечал: «Вы исполняете свой долг, оставьте же и меня исполнять мои обязанности». На Малаховом кургане (ныне Корнилова бастион) роковое ядро оторвало ему ногу и он упал, вынул из кармана платок и приложил его к ране; ни крика, ни малейшего стона... В этот же день он умер, умер так же славно, как и жил, сохранив до последней минуты память и присутствие духа. Последние слова его были: «Я счастлив, что умираю за отечество». Печальная весть дошла к нам на бастион вечером... Я не берусь описать впечатления, произведенного на нас смертью Владимира Алексеевича: все мы были полны того невыносимо тяжелого чувства общей потери, которое трудно высказать словами. На другой день вечером хоронили его. При свете факелов, при зареве канонады, вынесли гроб из церкви: могильная тишина в городе нарушалась только треском разрывавшихся бомб; дрожащие длинные тени печальной процессии подвигались тихо, тихо; лица провожавших гроб, полуосвещаемые факелами, были как-то необыкновенно угрюмы, неподвижны; голоса певчих и грустные до глубины души звуки похоронного марша от густоты воздуха, казалось, раздавались из-под земли; когда гроб опускали в могилу, нельзя было не плакать... Господи! Услыши молитвы наши за душу человека, которого все мы любили и уважали...

В. Кдт

Опубл. в кн. «Материалы...» под ред. Дубровина, вып. I, приложение, стр. 153—155.

УКАЗАТЕЛЬ

Б

В

Г

Д

Е

Ж

З

И

Н

О

П

Р

Т

У

Ф

Х

Ц

Ч

Ш

Э

Ю

Я

БИБЛИОГРАФИЯ

Афанасьев Д., кап.-лейт. Ответ моряка «Русскому архиву». «Морской сборник», № 2, 1868, отд. библиограф., стр. 18—24; перепечатано в сборнике «Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя» под редакцией Н. Дубровина[1]. Спб., 1871, вып. 1, приложение, стр. 175—183.

Барятинский В. И. Воспоминания (Полвека назад. Оборона Севастополя). М., 1905.

Барятинский В. И. Из воспоминаний. «Русский архив», 1904, вып. 9, стр. 87—105; вып. 10, стр. 270—274, 1905, вып. 1, стр. 92—104.

Берг Н. Записки об осаде Севастополя. Изд. К. Солдатенкова и Н. Щепкина, т. I—II. М., 1858.

Богданович Е. 18 ноября 1898 г. Синоп—Севастополь. Изд. 2-е. Спб., 1898 г. (Биографический очерк В. А. Корнилова, стр. 141—150).

Богданович М. И. Восточная война 1853—1856 гг., т. I—IV. Спб., 1877.

Бумаги, найденные после смерти адмирала Корнилова, хранившиеся у его дочери Г. Волоховой и переданные его высочеству генерал-адмиралу. Спб., 1894.

Васильчиков В. И. Севастополь. Записки начальника штаба Севастопольского гарнизона. «Русский архив», 1891, кн. II, вып. 6, стр. 167—256.

В. Кдт. Отрывок письма из Севастополя к Д. Н. К. в Полтаву от 25 января 1855 года (о В. А. Корнилове). Сборник Дубровина, вып. 1, приложение, стр. 153—155.

Гершельман С. К. Нравственный элемент под Севастополем. Спб., 1877, стр. 467.

Грейг С. Письмо к капитану 2 ранга Шестакову по поводу его статьи о В. А. Корнилове. «Морской сборник», 1856; № 2, отд. смесь, стр. 141—144; перепечатано в Сборнике Дубровина, вып. 1, приложение, стр. 124—127.

Гунаропуло С. А. Воспоминания старого моряка. «Исторический вестник», 1899, № 10, стр. 82—91.

Дубровин Н. Восточная война 1853—1856. Обзор событий по поводу сочинения М. И. Богдановича. Спб., 1878.

Дубровин Н. Ф. История Крымской войны и обороны Севастополя, т. I—III. Спб., 1900.

Дубровин Н. Ф. Трехсотсорокадевятидневная защита Севастополя. Спб., 1870.

Жандр А. П. Материалы для истории обороны Севастополя и для биографии В. А. Корнилова. Спб., 1859.

Жандр А. Некоторые подробности о смерти генерал-адъютанта Корнилова. «Морской сборник», 1854, № 12, отд. учено-лит., стр. 440—443; перепечатано в Сборнике Дубровина, вып. 1, приложение, стр. 141—144.

Зайончковский А. М. Восточная война 1853—1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой, т. I—II, Спб., 1908—1913.

Зайончковский А. М. Оборона Севастополя. Подвиги защитников. Краткий исторический очерк с иллюстрациями. Спб., 1904.

Зеленой А. А. Речь, произнесенная на Севастопольском обеде 11 февраля

[1] В дальнейшем будет именоваться Сборником Дубровина.

1868 г. «Морской сборник», 1868, № 3, отд. библиограф., стр. 50—54; перепечатано в Сборнике Дубровина, вып. 1, приложение, стр. 225—227.
Зубов П. Незабвенной памяти В. А. Корнилова. Спб. 1854.
Ильинский Д. В. Из воспоминаний и заметок севастопольца. Черноморские адмиралы. В. А. Корнилов. «Русский архив», 1893, кн. I, стр. 59—62, 82—83, кн. III, стр. 274—278.
Козлов Н., Корнилов Владимир Алексеевич (краткий биографический очерк). В кн.: Военный энциклопедический лексикон, издаваемый обществом военных и литераторов, изд. 2-е, т. XIV. Спб., 1858, стр. 612—617.
Корнилов В. А. (библиография). В кн.: Коробков Н. М. Героический Севастополь. 1854—1855 гг. 1941—1942 гг. Указатель литературы. Всесоюзная книжная палата. М., 1942, стр. 22.
Корнилов В. А. (библиография). В кн.: Коробков Н. М. Русские полководцы. Указатель литературы. Всесоюзная книжная палата. М., 1943, стр. 116—117.
Корнилов В. А. (Важнейшие даты его службы). В кн.: Общий морской список, т. VII. Спб., 1893, стр. 298—304.
Корнилов В. А. В кн.: Большая советская энциклопедия, т. XXXIV, стр. 324.
Корнилов В. А. В кн.: Военная энциклопедия, изд. Сытина, т. XIII, 1913, стр. 192—195.
Корнилов В. А. В кн.: Русский биографический словарь, т. IX (Кнаппе—Кюхельбеккер). Спб., 1903, стр. 261—265.
Корнилов В. А. В кн.: Энциклопедический словарь, изд. Брокгауз-Эфрон, т. XXXI, стр. 34.
Корнилов В. А. В кн.: Энциклопедический словарь, изд. Гранат, т. XXV, стр. 229.
Корнилов В. А. Некролог. В кн.: Месяцеслов на 1856 г., стр. 246.
Корнилов В. А. Выписка из письма российского флотского офицера с корабля «Азова», 30 июня 1828 г., лейтенанта Корнилова. «Русский инвалид», 1828, № 203.
Корнилов В. А. Переписка его с Ф. П. и А. А. Корниловыми. Сообщ. Ив. Петр. Корнилов. «Русская старина», 1901, кн. I (т. 105), стр. 209—216.
Корнилов В. А. Письма к адмиралу Н. Ф. Метлину (1854 г.). «Русская старина», 1885, № 11, стр. 364—374; № 12, стр. 687—696.
Корнилов В. А. Неопубликованные письма адмирала В. А. Корнилова. Газета «Красный Флот» от 23 мая 1941 г.
Корнилов В. А. Гласкок. «Морская служба в Англии или руководство для морских офицеров...» Перевод с англ. В. Корнилова, ч. I—II. Спб., 1839.
Корнилов В. А. Его приказы и инструкции за 1842—1846 гг. В кн.: Скрягин С. А. Сборник приказов и инструкций адмиралов. Спб., 1898, стр. 59—63.
Корнилов В. А. Его приказы и инструкции. В кн.: Собрание приказов и инструкций, составл. по приказанию... генерал-адмирала. Спб., 1860, стр. 109—156.
Коробков Н. М. Вице-адмирал Корнилов. М.—Л. Военмориздат, 1944.
Крашенинников С. Замечания на статью «Из записок Севастопольца», помещенную в № 12 «Русского архива», 1867 г. «Морской сборник», 1868, № 2, отд. библиограф., стр. 1—17; перепечатано в Сборнике Дубровина, вып. 1, приложение, стр. 155—175.
Кротков А. Повседневная запись замечательных событий в русском флоте. Спб., 1893, стр. 46, 57, 97, 118, 232, 380—381, 428, 476, 487—488.
Лаговский А. Н. Оборона Севастополя. Крымская война 1854—1855 гг. Воениздат, 1939.
Лихачев И. Ф. В Севастополе — 50 лет тому назад. «Морской сборник», 1913, № 11, отд. неоф., стр. 13—16.
Лихачев И. Несколько слов о В. А. Корнилове (по поводу биографического очерка капитана 2 ранга Шестакова). «Морской сборник», 1856, № 7, отд. неоф., стр. 272—286; перепечатано в сборнике Дубровина, вып. 1, приложение, стр. 128—140.
Лукашевич Кл. Вице-адмирал Корнилов. Краткая биография. М., 1915.
Лялина М. А. Подвиги русских адмиралов. Спб., 1900, стр. 217—305.
Медведев Ф. Памяти адмиралов Нахимова и Корнилова. Севастополь, 1913.

Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Сборник, издаваемый комитетом по устройству Севастопольского музея. Вып. I—V, Спб., 1871—1874.

Милошевич Н. С. Из записок севастопольца. Спб., 1904.

Мнения князя Л. С. Меншикова, генерал-адъютанта Корнилова и капитан-лейтенанта князя Голицына об употреблении Балтийского флота в войну 1854 года. «Морской сборник», 1865, № 6, отд. неоф., стр. 9.

Нарбут Ф. По поводу статьи «Из записок Севастопольца», помещенной в «Русском архиве», № 12, 1867 г. «Морской сборник», 1868, № 4, отд. библиограф., стр. 27—33; частью перепечатано в Сборнике Дубровина, приложение, вып. 1, стр. 217—222.

Обезьянинов А. П. Синопский бой и осада Севастополя. Из воспоминаний черноморского моряка. Рязань, 1899.

Открытие памятника вице-адмиралу Корнилову и Музея Севастопольской обороны. «Исторический вестник», 1895, № 12, стр. 989—994.

Павлов В. П. Корнилов Владимир Алексеевич. В кн.: Энциклопедия военных и морских наук под редакцией ген.-лейт. Леера, т. IV, Спб., 1889, стр. 365—366.

Парский Д. Севастополь и памятники его обороны. Одесса, 1903.

Переписка генерал-адъютанта кн. Меншикова с генерал-адъютантом Корниловым, касающаяся военных действий в Крыму, 1854—1855 гг. Сообщил Н. Абрамов. «Военный сборник», 1907, № 10, стр. 238—244.

Петров П. П. Кончина адмирала В. А. Корнилова. «Русский архив», 1867, № 12, стр. 1639—1643.

Плакат «Вице-адмирал В. А. Корнилов». Из серии «Русские флотоводцы». Военмориздат, 1944.

Плохово А. Падшие защитники Севастополя Корнилов, Истомин, Нахимов или краткие очерки смерти первых двух и биография последнего. М., 1856.

Попов А. А., кап.-лейт. Еще подробности о смерти генерал-адъютанта Корнилова, доставленные капитан-лейтенантом Поповым. «Морской сборник», 1854, № 12, отд. учено-лит., стр. 443—447; перепечатано в Сборнике Дубровина, вып. 1, приложение, стр. 144—147.

Последние минуты вице-адмирала Корнилова. «Москвитянин», 1854, т. VI, № 23, стр. 163—170.

Радич В. А. Черноморские богатыри. Картины Севастопольской обороны. Спб., 1904.

Рерберг П. Ф. Севастопольцы. Участники 11-месячной обороны Севастополя в 1854—1855 гг. Спб., 1903.

Сборник известий, относящихся до настоящей войны, изд. ...Н. Путиловым. Спб., 1855—1856.

Сборник рукописей, представленных... наследнику цесаревичу о Севастопольской обороне севастопольцами, тт. I—III. Спб., 1872—1873.

Тарле Е. В. Крымская война, тт. I—II. Военмориздат, 1941, 1943.

Тотлебен Э. И. Описание обороны города Севастополя, ч. I, Спб., 1871.

Тотлебен Э. И. Речь, произнесенная на севастопольском обеде 11 февраля 1868 г. «Морской сборник», 1868, № 3, отд. библиограф., стр. 47—50; перепечатано в Сборнике Дубровина, вып. 1, приложение, стр. 222—225.

Филипсон Г. И. Воспоминания. «Русский архив», 1883, вып. 6, стр. 261—267.

Шестаков И. А. Владимир Алексеевич Корнилов (биографический очерк). «Морской сборник», 1855, № 12, отд. учетно-лит., стр. 201—229; перепечатано в Сборнике Дубровина, вып. 1, приложение, стр. 99—124.

Шестаков И. А. Обзор действий на море в течение настоящей войны. «Морской сборник», 1855, № 2, отд. учено-лит., стр. 207—238.

ПЕРЕЧЕНЬ ДОКУМЕНТОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В СБОРНИКЕ

Стр.

Раздел I

Начало военно-морской службы В. А. Корнилова (1821—1833 гг.)

Раздел II

Служба в Черноморском флоте (1833—1846 гг.)

Раздел III

Командировка В. А. Корнилова в Англию (1846—1848 гг.)

Раздел IV

В. А. Корнилов — начальник штаба Черноморского флота и портов (1849—1853 гг).

Раздел V

Деятельность В. А. Корнилова накануне и в начале Крымской войны (февраль 1853 г. — сентябрь 1854 г.)

Стр.

Раздел VI

В. А. Корнилов — организатор и руководитель обороны Севастополя

Раздел VII

Смерть В. А. Корнилова на боевом посту

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета Академии Наук СССР и научного совета Главного Архивного Управления МВД СССР

Художественное оформление книги *В. И. Бродского*

Редактор майор В. А. Дивин
Отпечатано с матриц
под наблюдением майора Юркова Г. Д.
Технический редактор Коновалова Е. К.
Корректор Васильев Б. К.

Г 001514б. Подписано к печати 11. 4. 47 Изд. № 1386/Л.
Объем 21 1/4 п. л. + 2 вкл. 1/2 п. л. Зак. № 18.

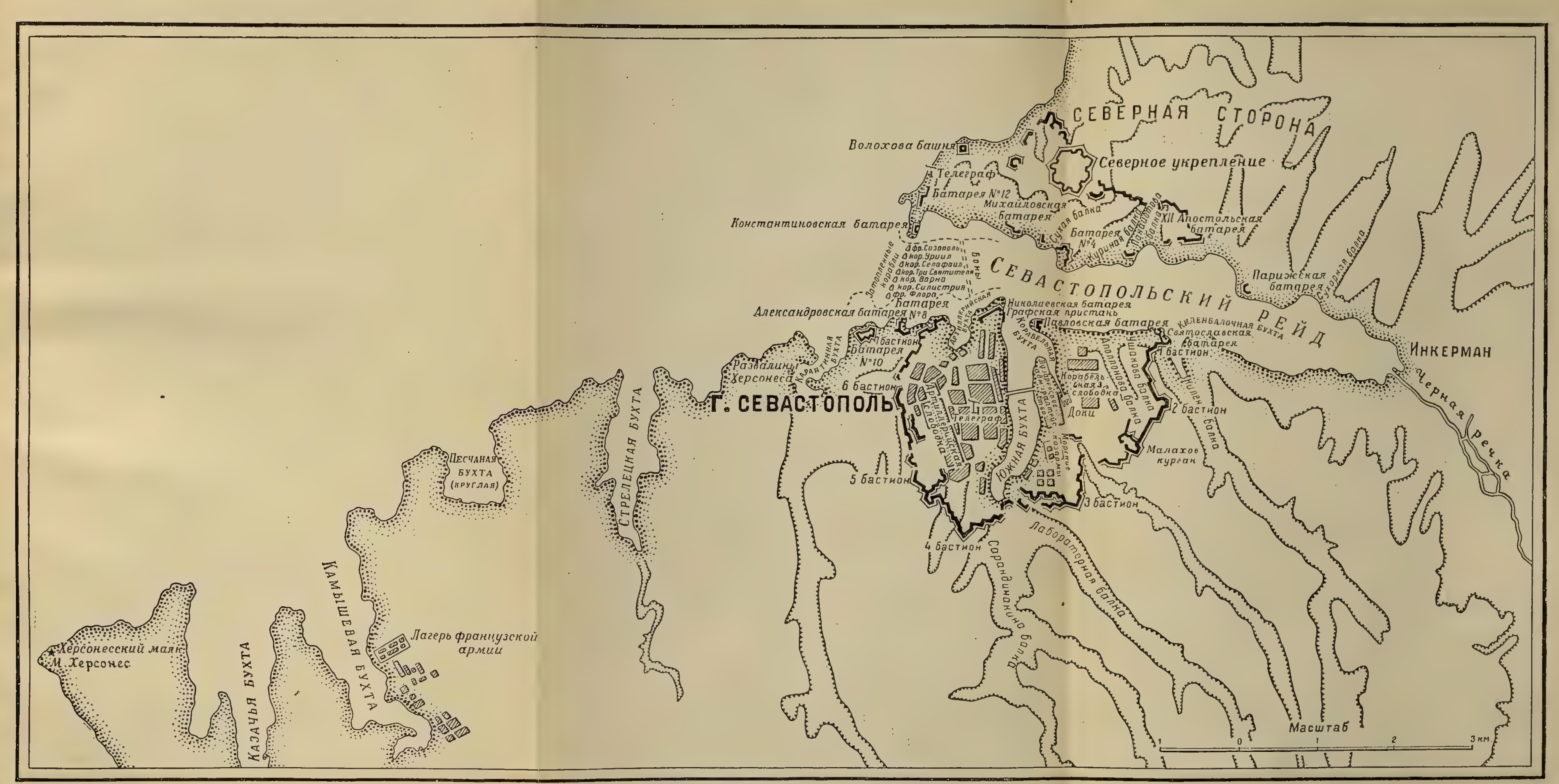

Схема обороны Севастополя к 1 октября 1854 г.

7

256 перевозки осаждённого Севастополя

281 Состав штаба флота

299

3-9

